

Научный центр «LJournal»

Рецензируемый научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№104, Декабрь 2023
(Часть 4)



Самара, 2023

T33

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» №104, Декабрь 2023 (Часть 4) - Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2023 - 220 с.

doi: 10.18411/trnio-12-2023-p4

Тенденции развития науки и образования - это рецензируемый научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» - <https://ljournal.org>

© Научный центр «LJournal»
© Университет дополнительного
профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черноятов Александр Михайлович

Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович

Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич

Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна

Кандидат исторических наук

Ильященко Дмитрий Павлович

Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич

Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна

Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна

Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна

Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы

Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна

Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич

Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна

Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна

Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна

Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна

Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна

Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич

Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич

Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна

Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна

Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич

Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович

Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна

Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович

Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна

Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы

Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Аирапов Баходурджон Пулотович

Кандидат филологических наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденев Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|----|
| РАЗДЕЛ VIII. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ | 8 |
| Абдумаликзода М., Азимов Э.А. Теоретические взгляды на развитие и становление современной китайской фантастики и ее влияние на восточную литературу | 8 |
| Арсаханова М. А.-Х., Зекиева П.М. Концепт "freundschaft" в немецкой и русской лингвокультурах..... | 11 |
| Бородин С.А. Особенности перевода публичных выступлений политических лидеров США на примере выступления президента США Дж. Байдена перед 78-ой сессией Генеральной Ассамблеи ООН | 14 |
| Галиченко Д.А. Инновационные подходы к обучению английскому языку в школьной программе | 16 |
| Галиченко Д.А. Влияние технологий на изучение иностранного языка | 19 |
| Гареева Г.Н., Абзалилова Г.Р. Некоторые аспекты образного строя художественных произведений..... | 21 |
| Гареева Г.Н., Бикметова Н.И. Художественные средства раскрытия литературных характеров (на материале произведений башкирских писателей)..... | 24 |
| Гареева Г.Н., Шайдуллина А.М. Художественные особенности творчества Зайнаб Бишевой | 27 |
| Гареева Г.Н., Шарафутдинова Г.А. Творческие искания в башкирской прозе 1930-х годов | 30 |
| Гареева Г.Н., Шарафутдинова Г.А. Художественное отражение актуальных проблем времени в современной башкирской прозе | 32 |
| Демчук А.О. Национальная особенность корейских фразеологических единиц с компонентом-фитонимом «сосна» | 35 |
| Демчук А.О. Общее понятие и значение фразеологической единицы в якутском и корейском языках..... | 38 |
| Зязина А.С., Тарарина Л.И. Лексические особенности перевода корейских СМИ: на материале веб-изданий газет Donga, OhMyNews, The Hankyoreh, The Chosunilbo, Korea Economic Daily..... | 41 |
| Иванова Т.В., Лебедева В.В. Лингвокультурный анализ корейских ФЕ с компонентом-колоронимом «красный» | 49 |
| Лязгин П.Д. Диалектные наименования, характеризующие элементы одежды в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» | 52 |
| Лязгин П.Д. Образ Петербурга в лирике О.Э.Мандельштама | 55 |
| Лязгин П.Д. Специфика футбольных жаргонизмов, идиоматических оборотов и футбольных речовок | 57 |
| Нератова Н.В. Лексико-семантические замены при переводе художественных кинофильмов с китайского языка на русский (на материале кинофильма «Дом летающих кинжалов»)..... | 61 |
| Орел И.В. Развитие познавательного интереса к изучению иностранного языка на основе неологизмов гендерной тематики в английском и немецком языках..... | 63 |
| Охлопкова Е.И., Лебедева В.В. Художественные средства выразительности в романе Хан Ган «Вегетарианка» | 66 |

| | |
|--|------------|
| Потапова А.А., Лебедева В.В. Понятие и определение «этикетки» как рекламного текста.. | 70 |
| Садовникова И.И. Синонимия зоонимов в эвенском языке..... | 73 |
| Слепцова С.Г., Лебедева В.В. Концепт «Любовь» в текстах песен группы BTS (контекстуально-интерпретационный анализ)..... | 75 |
| Тлисова С.М., Аргунова Г.А., Братова С.М. Ситуационные задачи на уроках иностранного языка..... | 79 |
| Ульмасова З.Х. Особенности письменной прозы | 81 |
| Хабибуллина А.А. Оценка уровня языковой компетенции юристов: особенности в использовании точек над ё в устной речи | 85 |
| Юнусова Д.Т. Государственные символы и их художественное осмысление..... | 88 |
| Agzamova E.I. Models of speech influence in modern social networks | 91 |
| Deng K. Exploring the difference in social etiquette in China and Russia | 94 |
| Gainutdinova K.R. Manipulative abilities of English euphemisms..... | 96 |
| Glushko (Ubushaeva) V.V., Ubushaeva I.V. New Trends in English Punctuation in the second part of the XX th century | 98 |
| Hasanova M.I. Theoretical views on specifics of ceremonial lexicons Khujand dialect | 101 |
| Kurbonova S.Z. Brief Essay on the History of Arabic Lexicography Development..... | 103 |
| Leshchenko T.A., Semenova S.N., Statsenko V.I. Systematization of terms in the text of Edgar Allan Poe’s work “Silence – a Fable” in two languages..... | 106 |
| Liu Y. On the Cultural Reflection of the Chinese Taboo Language | 109 |
| Lukmanova A.R. Language Features of Social Advertising..... | 112 |
| Nazarova K.A. English Euphemisms as a Source of Manipulation on the Internet..... | 114 |
| Shaykhatarov B.M. The Significance of Semiotics in English Internet Memes | 117 |
| Wang J. Translation of Culture-loaded Words from the Perspective of Domestication and Foreignization | 119 |
| Wang Y. Contrast between English and Chinese in Language Learning | 123 |
| Wang Y. The change of color of female wedding dress in Chinese ancient times | 126 |
| Xieqing X. Comparison and Translation of Semantic Differences between English and Chinese from a Cross-Cultural Perspective | 129 |
| Zhao L.J. Brief strategies for Ancient Chinese Poems from the Cross-Culture Perspective | 132 |
| Zou Y. Comparison of railway development between China and Russia | 136 |
| РАЗДЕЛ IX. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ | 139 |
| Андреев И.В. Генерал И.А. Заборовский на Средиземном море (1788 – 1789 гг.)..... | 139 |
| Галимова Е.Ю. Создание первых российских ледокольных судов в XIX веке..... | 150 |
| Гинятуллин И.Д. Взгляд российской печати на подписание Портсмутского мирного договора 1905 года..... | 152 |
| Григорькин В.А., Мещеряков С.В. Линкорная гонка вооружений периода «интербеллума» | 155 |
| Данилов М.В. Межконфессиональные отношения на Северном Кавказе в царский период: к постановке актуальности проблемы | 160 |

| | |
|--|-----|
| Дворянкин О.А. Тысяцкий – роль данной должности в истории Великого Новгорода | 163 |
| Демидов А.В. Юзеф Пилсудский – «Прометей» или диверсант | 172 |
| Ерина И.А, Овсянникова С.А. Научная экспедиция профессора И.Н.Переводчикова (1933 г)..... | 182 |
| Ливанова А.Г., Лаврентьева М.А. Жизненный путь советского учителя – Варенцовой Лидии Дмитриевны..... | 185 |
| Полякова О.О. Дополнительные археоастрономические исследования сосуда андроновской культуры из фондов Эрмитажа..... | 188 |
| Полякова О.О., Гетманов А.П., Гетманова Н.А. Дополнительные археоастрономические исследования Нижнеархызской солнечно-звёздной средневековой обсерватории | 194 |
| Рагимханов А.В. Батыево нашествие: почему победили монголы | 196 |
| Солович О.А. Участие башкир в восстании Е. Пугачева (1773-1775 гг.)..... | 199 |
| Фокина О.С. Религиозная жизнь Московского государства в XVI в. | 203 |
| Штейнфельд К.В. Оценка историков о феномене «щегловитовской юстиции» и ее влиянии на развитие судопроизводства и всей судебной системы | 206 |
| РАЗДЕЛ X. ТУРИЗМ | 209 |
| Завьялова Д.Д. Гастрономические бренды Европейского Севера | 209 |
| Красильникова Н.В., Кемешева М.В. Инновационные технологии в современных музеях | 212 |

РАЗДЕЛ VIII. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Абдумаликзода М., Азимов Э.А.

Теоретические взгляды на развитие и становление современной китайской фантастики и ее влияние на восточную литературу

*Худжандский государственный университет им. акад. Б.Гафуров
(Таджикистан, Худжанд)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-179

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы изучения теоретических взглядов на развитие и становление современной китайской научной фантастики и ее влияние на восточную литературу. Подчеркивается, что жанры китайского фантазии переносят элементы восточного фантазии с его традиционной культурой и ценят массовую привлекательность как в Китае, так и за рубежом.

Ключевые слова: современные жанры, традиционная культура, китайское фантазии, восточное фантазии, восточная литература.

Abstract

The article dwells on issues beset with the study of Theoretical views on the development and formation of modern Chinese science fiction and its impact on Eastern literature. It is underscored that Chinese fantasy genres passion elements of Eastern fantasy ones with its traditional culture and appreciate mass attractiveness both in China and abroad.

Keywords: contemporary genres, traditional culture, Chinese fantasy literature, Eastern fantasy, Oriental literature.

Перевод материала о том, как зародилась и развивалась фантастика Поднебесной и как она влияет на современный Китай. В 2007 году прославленный писатель Нил Гейман побывал на фестивале фантастики в Китае — первом подобном мероприятии, одобренном коммунистической партией. Прежде подобную литературу не одобряло правительство Поднебесной, так что Гейман поинтересовался, почему теперь ситуация изменилась. Как оказалось, Китай провёл исследование, почему он производит множество высокотехнологичных вещей, но придумываются они в других странах. И оказалось, что большинство ведущих сотрудников инновационных компаний вроде Google или Apple выросли на фантастике. После этого отношение к жанру в Китае начало меняться. Мы публикуем перевод статьи с сайта Newstatesman о становлении китайской фантастики и о том, как она завоёвывает Запад [1]. Одним июньским днём 1999 года более трёх миллионов школьников Китая готовились к сдаче Гаокао, национального вступительного экзамена в вузы. Темы эссе прошлых лет были патриотичными — «Самое трогательное событие “Большого скачка”» (1958 год). Или прозаическими — «Пробуем новое» (1994 год), но вопрос последнего эссе тысячелетия был о видении будущего: «Что, если бы воспоминания можно было пересадить?».

Чэнь Цюфан (Chen Quifan), писатель, известный на Западе как Стэнли Чэнь (Stanley Chen), уверен, что именно в этот момент родилась современная научная фантастика Китая. Ранее в этом году в самом большом фантастическом журнале Китая, «Мире научной фантастики», вышла статья на ту же тему. Это было совпадение, но всё же многие родители тогда подумали: «Окей, чтение научной фантастики может помочь моим детям поступить в хороший колледж».

И аналогичным образом серьезные изменения в Китае, произошедшие в пределах последнего поколения, послужили основной для создания новых миров, которые исследуют авторы научной фантастики. Китайская научная фантастика привлекает западных читателей

тем, что берёт то, что мы знаем (или думаем, что знаем) о современном Китае, и многократно это приумножает. Например, удивительную комбинацию древней истории и стремительного развития технологий; города, что вырастают за месяцы; сам масштаб страны и её населения [4; 5].

В «Блуждающей Земле» Лю Цысиня двигатели, огромные как горы, останавливают вращение Земли, чтобы планета смогла сбежать от гравитации погибающего Солнца. Западная научная фантастика в сравнении с такими грандиозными идеями кажется почти местечковой.

Фильм “The Wandering Earth” по одноимённому рассказу Лю Цысиня побил все кассовые рекорды Китая и за его пределами на Netflix

Китайская фантастика играет и на наших страхах: чувстве паранойи и опасности, которые определяют скорость и направление технологического прогресса. Когда я учился в старших классах, компьютеры были всего у нескольких человек. Доступ к интернету был у единиц. Но теперь Китай — общество, где не нужны наличные, что угодно можно заказать через смартфон, и всё переходит в виртуальный мир.

Действие «Задачи о трёх телах» начинается в 1967 году с политической демонстрации, в котором выдающегося учёного, чьи методы преподавания расходятся с точкой зрения Партии на Вселенную, забивают до смерти четверо «красных охранников» — хунвэйбинов. Дочь профессора, удерживаемая другими студентами, из толпы наблюдает за смертью отца. Девушку (она физик, как и отец) вскоре переводят на удалённую военную базу, где она совершает открытие, с помощью которого отомстит человечеству самым страшным образом. Трилогия Лю даёт ответ на одну из известнейших проблем астрофизики, парадокс Ферми. Он задаёт вопрос: почему в галактике, где миллиарды планет предположительно, пригодны для жизни, мы не слышали сигнала ни с одной обитаемой планеты? Ответ Лю — потому что всё живое затаилось. Тёмный океан ночного неба полон монстров, и цивилизации, которые привлекают к себе внимание, быстро погибнут [2].

В результате в трилогии Цысиня, возможно, самый большой счёт смертей за всю историю художественной литературы: в третьем томе под названием «Вечная жизнь Смерти» Лю уничтожает не только цивилизации, но целые измерения, в которых они существуют. Однако первая книга, особенно те части, действие которых происходит в настоящее время, лучше всего передаёт страхи именно современного Китая. В «Задаче трёх тел» угроза существованию человечества — это что-то отдалённое, грозящее следующим поколениям. Современные люди в романе или предполагают, что всё само собой рассосётся, или вовсе сомневаются, что катастрофа случится.

Первый роман Чэня «Мусорный прилив» (The Waste Tide), вышедший в 2013 году в Китае, (перевод на английский выходит этой весной) был вдохновлён огромной зоной обработки технического мусора, которую Чэнь обнаружил неподалёку от мест, где прошло его детство в Гуандуне. Чэнь рассказывает, что увидел «огромное поле мусора», на котором работники-мигранты «собственными руками разбирают обломки электронных устройств, плавя металл в огне или растворяя детали в кислоте». По словам Чэня, там царит атмосфера абсолютной катастрофы [3].

Чэнь и Хао рискуют, вплетая социальную проблематику в свои произведения, однако Чэнь считает, что его поле деятельности даёт определённую степень свободы. Он рассказывает, что самый популярный фильм о проблеме загрязнения Пекина, документальная лента «Под куполом», был запрещён к показу в Китае спустя четыре дня после релиза в начале 2015 года. «Но если я напишу что-то подобное в научной фантастике, — говорит Чэнь, — это лишь фантастика. Выдуманная история» [4].

Однако, говорит он, риск есть всегда. Он волнуется, что «Складной Пекин» может попасть под цензуру. Правительство Пекина высылает из города так называемых работников низшего звена, которые живут на очень низкую зарплату в стесненных условиях. Так что, когда история получила «Хьюго», многие СМИ отозвались о ней как об отражении политики города. Властям это не понравится. История теперь в списке нежелательной литературы. Вместе со «Складным Пекином» в сборник 2017 года «Невидимые планеты» (Invisible Planets) вошёл рассказ «Город молчания» (The City Of Silence) Ма Бойонга. По словам переводчика Кена Лю, новеллу сильно отредактировали китайские цензоры [1; 2; 3; 4].

Удивительно, как её вообще опубликовали: произведение описывает жестокий режим, при котором за всем, что граждане пишут и даже говорят, ведётся слежка. Главный герой — одинокий программист, наблюдающий, как одно за другим слова исчезают из списка разрешённых. Но если для Оруэлла подобный технологический тоталитаризм был возможным сценарием развития будущего, для Ма Бойонга это повседневность.

Фантастические истории, которые пишут в Китае, невероятно значимы, потому что они документируют реальную дистопию, которая с каждым днём становится все более странной и футуристичной. Проект «Голубка», например, использует дронов, которые выглядят и летают как птицы, для разведки. Но «Голубка» — не выдумка, а настоящий проект правительства.

Роботы настолько убедительны, что живые голуби сбиваются в стаи с ними. Другой пример. Работники фабрик, водители поездов и солдаты носят на головах устройства, которые сканируют их мозговые волны и ищут следы злости, депрессии или потери концентрации. Устройствами управляет искусственный интеллект, который может порекомендовать отправить сотрудника на тренинг или перевести на другую работу, если его эмоции не совпадают с требуемыми показателями продуктивности. Эти устройства получили широкое распространение в Китае за последние пять лет. Но Кен Лю, китайско-американский актёр, который перевел на английский «Мусорный прилив», «Задачу трёх тел» и рассказы из «Невидимых планет», считает упрощенчеством точку зрения на китайских авторов научной фантастики как на диссидентов воображения. «Мы недооцениваем их работы, — пишет Лю, — когда фокусируемся исключительно на геополитике». Чэнь Цюфань согласен: «В научной фантастике есть универсальные мысли, которые стоят вне различий культурного багажа». Чэнь получает письма от читателей с разных континентов, которые подтверждают, что его истории о тревоге, социальном расслоении и загрязнении планеты также близки жителям американского Среднего Запада, как и Гуандуна.

1. Chao, Sheila. (2013) *Desire and Fantasy On-line: a Sociological and Psychoanalytical Approach to the Prosumption of Chinese Internet Fiction* [Thesis]. Manchester, UK: The University of Manchester.
2. Hockx, Michel. (2004) *Links with the past: mainland China's online literary communities and their antecedents*, *Journal of Contemporary China*, 13:38, 105-127.
3. Lu, J. (2016). "Chinese Historical Fan Fiction": Internet Writers and Internet Literature. *Pacific Coast Philology*, 51(2), 159-176.
4. Shao, Yanjun 邵燕君. (2016) *Wangluo wenxue jingdian jiedu 网络文学经典解读*. Beijing: Peking University Press, 2016.
5. Ашрапов Б.П., Азимов Э.А. Сравнительный анализ морфологических особенностей сложных наречий в китайском и английском языках // *Актуальные исследования*. – 2022. – № 11(90). – С. 27-29.
6. Ghiyosov N.I., Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Weights of Arabic Broken Plural Forms in "Tarjumai Ta'Rikhi Yamini" by Jurfodiqoni // *Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences*. – 2023. – No. 2(95). – P. 87-96. – DOI 10.24412/2413-2004-2023-2-87-96.
7. Ashrapov B.P. Some considerations beset with English word-building rules // *Образование от "А" до "Я"*. – 2021. – No. 4. – P. 5-6.

8. Ashrapov B.P., Dodokhojaeva P.I. On the issue concerned with communicative competence of students of foreign languages faculties // Образование от "А" до "Я". – 2021. – No. 3. – P. 5-6.

Арсаханова М. А.-Х.1, Зекиева П.М.2
Концепт "freundschaft" в немецкой и русской лингвокультурах

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А.Кадырова»
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-180

Аннотация

В статье проводится сопоставительный анализ концептаю.

Freundschaft в немецком и русском лингвокультурах на примере пословиц, поскольку именно они наиболее ярко представляют менталитет этноса, его морально-нравственные нормы и ценностные ориентиры. Установлено, что понятийная составляющая концепта в обоих языках довольно схожа, поскольку дружеские отношения основываются на взаимной симпатии.

Ключевые слова: пословица, значение, контекст, анализ, концепт.

Abstract

The article provides a comparative analysis of the concept of Freundschaft in German and Russian linguistic cultures using the example of proverbs, since they most clearly represent the mentality of an ethnic group, its moral standards and value guidelines. It has been established that the conceptual component of the concept in both languages is quite similar, since friendly relations are based on mutual sympathy.

Keywords: proverb, meaning, context, analysis, concept.

Когнитивный подход, связанный с познанием, репрезентацией и преобразованием информации, в последние годы становится все более популярным при изучении текста. Рассмотрение языковых явлений в широком когнитивном контексте привело к необходимости создания новой информации, представляющей структуры.

Исследование важно, поскольку лингвисты все больше интересуются вопросом концептуализации мира и изучением концептов с позиции когнитивистики, которая рассматривает психические процессы как выражение мыслительных актов и как средство обмена информацией между индивидами.

Несмотря на разногласия в определении термина «концепт», большинство лингвистических студий определяют следующие признаки концептов:

- ментальная природа (концепт рассматривается как ментальная единица сознания);
- комплексность (концепт направлен на всестороннее изучение языка с учетом когнитивных, ассоциативных, культурологических, этнических особенностей и т.п.);
- условность и нечеткость, что объясняется разным уровнем индивидуального и коллективного познания;
- изменчивость, связанная с изменчивостью окружающего мира человека (концепт не может быть статическим, поскольку его структура постоянно насыщается новыми элементами).

Следовательно, заявленные в современном языкознании подходы к определению концепта позволяют квалифицировать его как ментальное образование, синтез языковых и неречевых средств выражения, закрепленных в познании индивидуума и общества и хранящихся в национальной памяти носителей языка. Большинство ученых разделяют мнение, что лингвокультурологический концепт отражает национально-культурную специфику народов. Это позволяет сделать вывод о том, что концепты существуют как в индивидуальном сознании отдельной личности, так и в коллективном сознании

определенной языковой группы, представляют собой единицы познания и информационной структуры, отражающей человеческий опыт.

В когнитивной семантике важное место занимает описание и определение структуры концепта, сложность которого обусловлена невозможностью проконтролировать процесс ментальной деятельности. Для детального описания структуры концепта необходимо комплексное системное исследование всего речевого корпуса, в котором представляется тот или иной концепт.

Рассмотрим понятийный, образный и ценностный компоненты концепта «дружба» в немецкой и русской лингвокультурах и сравним их. Обратимся к толковым словарям обоих языков, так как они являются первоисточником не только лингвистической, но и культурной информации. В лексикографических источниках современного немецкого языка дается следующее определение *Freundschaft*: «1. auf gegenseitiger Zuneigung beruhendes Verhältnis von Menschen zueinander; 2. Gruß der Freien Deutschen Jugend (DDR)». Академический толковый словарь русского языка определяет дружбу как «1. Отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п.; 2. Взаимная расположенность, привязанность, характерная для таких отношений».

Компонентный анализ вышеприведенных дефиниций свидетельствует, что понятийный состав концепта «дружба» в обоих языках похож тем, что это взаимоотношения, которые основываются на взаимной привязанности, однако для русской культуры важны также преданность, привязанность и духовная близость. Второе значение лексемы как в немецком, так и в русском языках будет культурно маркированным, связанным с историей страны, в Германии при ГДР эта лексема использовалась для приветствия членов организации Свободной немецкой молодежи.

Образная составляющая концепта накапливает знания, образы и ассоциации, возникающие в сознании человека. Для обогащения концепта человеку следует оперировать представлениями, чувствами, интуицией, чтобы создать этот образ и оставить его в памяти. Часто для обеспечения образности концепта необходим целый комплекс ассоциаций, так как образная составляющая связана с индивидуальным и коллективным опытом этноса. Анализируя образный фактор в составе концепта *Freundschaft*, можно выделить 9 образов, с которыми ассоциируется эта лексема в сознании германского этноса. Для него дружба – это жизненная составляющая, вражда, расчет, близость, общение, поддержка, сходство, любовь, братские отношения [4, с. 149]. Для представителей русской лингвокультуры дружба ассоциируется прежде всего с поддержкой, уважением, доверием, взаимопониманием, честностью, помощью, взаимопомощью, преданностью, верностью, искренностью, общими интересами. Образная составляющая концепта часто вербализируется с помощью метафор, метонимии и сравнения. В немецкой лингвокультуре дружбу сравнивают с наилучшим капиталовложением: *Die Freundschaft ist ein Kapital, von dem die Zinsen niemals verlorengelien* (дословно: Дружба – это капитал, проценты от которого никогда не пропадут); с солнцем: *Diese Freundschaft ist aber klar und rein wie die Sonne* (дословно: Эта дружба ясна и чиста, как солнце); *Ein Leben ohne Freund ist eine Welt ohne Sonne* - Жизнь без друга, что свет без солнца; со стаканом: *Freundschaft ist ein Glas, das man nicht auf den heißen Herd setzen soll* - Дружба – это стакан, который не стоит ставить на горячую печь. В русской лингвокультуре дружба сравнивается с птицей: *Птица сильна крыльями, а человек дружбой*, а человек, имеющий много друзей, ассоциируется в русской культуре с деревом: *Не бывает дерева без ветвей, славы — без соратников друзей*; со стеклом: *Дружба как стекло, разобьешь – не сложишь*; с сокровищем: *Дружба людей гору сокровищ создает*. Общим для обоих языков будет сравнение человека, не имеющего друзей, с деревом без корней: *Ein Mensch ohne Freund ist wie ein Baum ohne Wurzeln*. – Человек без друзей как дерево без

корней; а старых друзей – со старым вином: *Freunde sind wie Wein in Fässern: die älteren sind auch stets die bessern*. - Друзья как вино в бочке: чем старше, тем лучше.

Как в русской, так и в немецкой лингвокультуре дружба занимает высокое место в иерархии ценностей, будь то духовные или материальные, о чем свидетельствуют лексемы Gold/золото и Silber/серебро, Geld/деньги: *Freunde sind über Gold und Silber – Друзья дороже серебра и золота*. Для русских дружба – самое большое сокровище в жизни, которое нужно оберегать: *Сокровище – не друг, а друг – сокровище*.

Как в русских, так и в немецких паремиях разграничивается понятие "друг", "приятель", "знакомый". Может быть много знакомых, но не может быть много друзей: *Viel Bekannte, wenig Freunde - Приятелей тьма, а верного друга нет*; а тот, кто дружит со всеми, тот не дружит ни с кем: *Allerwelts Freund, niemand's Freund - Кто друг каждому, тот не друг ни одному*.

Настоящая верная дружба чрезвычайно ценна для русского народа: Верному другу нет цены. Без верного друга великая тоска. Настоящего друга за деньги не купишь. Чтобы стать кому-то другом в немецкой лингвокультуре, нужно съесть с ним мерку соли: *Man muss erst einen Scheffel Salz einem essen, ehe man ihn zum Freunde nimmt*, а в русской лингвокультуре нужно *съесть пуд соли, чтобы узнать человека*.

Паремии немецкого и русского языков подтверждают, что настоящим испытанием и проверкой дружеских отношений может быть несчастье и беда: *In der Not erkennt man den Freund – Друг познается в беде; Glück macht Freunde, Unglück prüft sie – Счастье приносит друзей, несчастье их проверяет*.

Немецкие и русские пословицы учат уважать и ценить старых, преданных друзей:

Ein alter Freund ist besser als zwei neue – Старый друг лучше новых двух.

Иногда друзья по жизни становятся ближе родни, что находит подтверждение в паремиях как немецкой этнокультуры: *Ein guter Freund ist mehr wert, als ein Bruder in der Ferne - Хороший друг ценнее брата на расстоянии*), так и русской: *Хороший друг лучше умного брата*.

Настоящих друзей часто объединяют общие ценности, общие настроения, чувства и переживания, со временем друзья становятся похожими друг на друга, что свидетельствуют паремии как немецкого языка: *Ein Freund ist des andern Spiegel - Друг – это зеркало другого*, так и русского языка: *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты*.

Дружба очень ценилась во все времена, ведь, по мнению философа Цицерона, исключить из жизни дружбу – все равно, что лишиться мир солнечного света. Дружба имеет первостепенное значение в жизни общества и каждого отдельного человека, несмотря на растущую динамику жизни, его демократизацию и изменение моделей межличностных взаимоотношений. Сравнив понятийный, образный и ценностный компоненты концепта FREUNDSCHAFT/ДРУЖБА в немецких и русских паремиях, мы пришли к выводу, что понятийная составляющая в целом похожа в обоих языках, поскольку дружеские отношения основываются на взаимной симпатии в обеих культурах, однако, доверие, солидарность, духовная близость и общность интересов в дружеских отношениях. Проведенный анализ показал, что наибольшие отличия прослеживаются в образной составляющей концепта, поскольку дружба связана с чувствами и эмоциями человека, с индивидуальным и коллективным опытом этноса.

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 104 с.

2. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер. лит. и яз. — 1998. — Т. 58. — № 5—6.
3. Синявская О.Е. Концепт ДРУГ/FREUND в русской и немецкой лингвокультурах. Концепты и контрасты: монография / под ред. Н.В. Петлюченко. Одесса: Издательский дом «Гельветика», 2017. С. 188–196.
4. Хаметова М.Ф. Лингвокультурологические особенности концепта «дружба» в немецкоязычной картине мира. Вестник Челябинского университета. 2009. С. 148–151.
5. Ashurova D. U., Galieva M. R. Text Linguistics. Tashkent, 2016.

Бородин С.А.

Особенности перевода публичных выступлений политических лидеров США на примере выступления президента США Дж. Байдена перед 78-ой сессией Генеральной Ассамблеи ООН

*Российский государственный социальный университет
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-181

Аннотация

Статья посвящена особенностям перевода публичных выступлений политических лидеров США, возросшему влиянию политического дискурса на жизнь. Рассматривается роль перевода, как неотъемлемой части межкультурной коммуникации, а также его особенности. На материале выступления президента США Джозефа Байдена перед 78-ой сессией Генеральной Ассамблеи ООН рассмотрены лингвистические трансформации и стратегии перевода, примененные при переводе выступления.

Ключевые слова: особенности перевода, лингвистические трансформации, политический текст, стратегии перевода, политический дискурс, политическое выступление.

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of translating public speeches of US political leaders, the increased influence of political discourse on life. The role of translation as an integral part of intercultural communication, as well as its features, is considered. Based on the material of the speech by US President Joseph Biden before the 78th session of the UN General Assembly, the linguistic transformations and translation strategies used in the translation of the speech are considered.

Keywords: translation features, linguistic transformations, political text, translation strategies, political discourse, political speech.

Реалии современного мира, продиктованные глобализацией, демонстрируют нарастающее влияние политической сферы деятельности, в особенности её результатов, на жизнь простых людей по всему миру. Сегодня мировые события являются неотъемлемой частью жизни почти каждого.

Сегодня мир устроен таким образом, что практически любое политическое действие может отозваться эхом в разных уголках планеты, будь то повышение цен на топливо, или падение акций, как следствие неудачного высказывания руководителя компании. Сегодня практически каждый при прочтении новостей стремится дать свою оценку происходящего и даже спрогнозировать последствия.

В данных условиях значительно возрастает роль перевода, как неотъемлемой части межъязыковой коммуникации и проводника информации, производимой политическим дискурсом. В настоящее время переводчики и лингвисты сталкиваются с вызовами, которые связаны с важнейшей задачей передать политический контекст и особенности языка говорящего, сохранив при этом точность перевода.

В своей работе отечественные исследователи Э.В. Будаев и А.П. Чудинов утверждают, что «каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой „перестройке“, создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий

также концептуальные метафоры и символы» [1], чем демонстрируют важность и актуальность переводческой деятельности, которая идет рука об руку с политикой.

Язык и политика видятся нам неделимой частью одного целого. В трудах британского когнитивного лингвиста П.Чилтона, посвященных изучению политического дискурса, отмечается тесная взаимосвязь политики и языка на фундаментальном уровне [5].

Одна из основных целей перевода политического дискурса сводится к тому, чтобы вызвать реакцию целевого получателя перевода, в чем-то похожую на реакцию получателя оригинала [3]. Для достижения этой цели, переводчик должен руководствоваться набором стратегий.

Профессор переводоведения Мона Бейкер, к примеру, выделяет следующие стратегии перевода, используемые профессиональными переводчиками для передачи лингвистических и прагматических значений с исходного языка на язык перевода:

- перевод более общим словом (генерализация);
- перевод нейтральным/менее выразительным словом;
- перевод путем культурной замены (адаптация на язык перевода);
- перевод с заимствованием иноязычного слова/словосочетания с пояснением;
- перефразирование с помощью родственного слова; [4]

В качестве примера мы рассмотрели выступление президента США Дж. Байдена перед 78-ой сессией Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 2023 года [6]. и постарались выявить основные переводческие трансформации, примененные переводчиком [7].

Переводя речь американского лидера, переводчик использовал множество трансформаций и стратегий перевода. Например, грамматическая замена: *I watched the exchange of personal artifacts from that war, identification cards and a diary* (Я встречался с небольшой группой ветеранов, американцев и вьетнамцев, и смотрел, как они обмениваются частичками воспоминаний о той войне — удостоверениями и дневником). Данный пример содержит замену слова на словосочетание, а именно «artifacts» при переводе стало «частичками воспоминаний». Это также может отражать стратегию перевода путём культурной замены, ведь словосочетание личные артефакты времен той войны будет являться неточным переводом, не раскрывающим для представителей языка перевода сути сказанного.

- *We need more voices and more perspectives at the table* (Нам нужно больше голосов и больше точек зрения) – еще одно применение грамматической замены слова на словосочетание.

Далее мы наблюдаем изменение структуры предложения с помощью объединения предложений. При этом точность перевода была сохранена, так как объединенные предложения относились к одной структуре информации: *With the concerted leadership and careful effort, adversaries can become partners. Overwhelming challenges can be resolved and deep wounds can heal, so let us never forget that.* (Благодаря согласованному руководству и целенаправленным усилиям противники могут стать партнерами, решить непреодолимые проблемы и залечить глубокие раны).

В следующем примере переводчик применил генерализацию, причем дважды: *When we choose to stand together and recognize the common hopes that bind all humanity, we hold our hands and that power to bend that arc of history.* (Когда мы решаем объединиться и понимаем, что у нас есть общие надежды, которые связывают все человечество, мы становимся сильнее — настолько сильнее, что можем изменить ход истории.) Вместо дословного перевода «*we hold our hands*» как «*мы держимся за руки*», семантика фразы была передана обобщенным «*мы становимся сильнее*». «*To bend*» в переводе означает *повернуть/согнуть*, но в данном случае было принято справедливое решение перевода с использованием более общего слова в купе со стратегией адаптации на язык перевода, так как вариант «*изменить ход истории*» более узнаваемо для русскоговорящих слушателей.

Далее мы видим пример добавления: *We avoided the renewal of global conflict, while lifting more than 1 billion people, 1 billion people out of extreme poverty* (Мы избежали

возобновления глобального конфликта и одновременно освободили более миллиарда человек – 1 миллиард человек – от бремени крайней нищеты). Добавление слова «бремени» к словосочетанию «крайней нищеты» удваивает семантическую окраску, не уменьшая точность перевода.

Так же можно привести пример конкретизации, вызванный отсутствием соответствующего слова с широкой семантикой при переводе : *We're also working with the Congress to quadruple our climate financing, to help developing countries reach their climate goals and adapt climate impact* (Мы также работаем с Конгрессом, чтобы в четыре раза увеличить объем финансирования, предназначенного для оказания поддержки развивающимся странам в достижении целей в сфере борьбы с изменением климата и адаптации к его последствиям)

Также, хотелось бы выделить *They're about a positive vision for our shared future*. (Они отражают определенную концепцию нашего общего будущего.) При переводе использовалась стратегия с помощью менее выразительных слов. Автор взял на себя смелость отойти от данной стратегии в этом случае и предлагает следующий вариант перевода: «*Они отражают позитивное видение нашего общего будущего*». Предложенный вариант видится более удачным, так как передает смысл слов выступающего более точно.

В выступлении Дж. Байдена лингвистические трансформации и стратегии перевода обуславливаются несколькими факторами: отсутствие в языке перевода семантических эквивалентов, особенности языковых единиц в языке оригинала, политические и культурные реалии. Преобладающим фактором на наш взгляд выступают именно культурные особенности, в связи с чем при переводе наиболее частыми трансформациями выступали генерализация и стратегия перевода с помощью культурной замены. Перевод публичных выступлений политических деятелей на русский язык — это сложная задача, требующая учета культурных, политических, грамматических и лингвистических особенностей. Правильный перевод позволяет сохранить эффективность и эффект оригинального выступления, а также передать идеи и ценности политического лидера адекватно целевой аудитории. Понимание и учет всех этих особенностей являются необходимыми для успешного перевода публичных выступлений.

1. Будаев, Э. В. Методология политической лингвистики / Э. В. Будаев. // Политическая лингвистика. — 2010.
2. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. : Екатеринбург, 2006;
3. Злобина О. Н. Стратегии перевода политического дискурса (на материале анализа перевода инаугурационной речи Д. Байдена на русский язык) // Политическая лингвистика. 2022. №2 (92).
4. Baker, M. In Other Words: A Coursebook on Translation / M. Baker. — 3rd ed. — London ; New York : Routledge Taylor and Francis Group, 2018.
6. Chilton, P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. — London ; New York : Routledge Taylor and Francis Group, 2004;
6. President Biden Delivers Remarks Before the 78th Session of the United Nations General Assembly Transcript [Электронный ресурс] URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/president-biden-delivers-remarks-before-the-78th-session-of-the-united-nations-general-assembly-transcript>
7. Выступление президента США Джозефа Байдена перед 78-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] URL: <https://www.state.gov/translations/russian/выступление-президента-сша-джозефа-б-5/>

Галиченко Д.А.

Инновационные подходы к обучению английскому языку в школьной программе

*ФГБОУ ВО «Казанский Государственный Энергетический Университет»
(Россия, Казань)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-182

Научный руководитель: Гилязиева Г.З.

Аннотация

Данная статья рассматривает важность и эффективность использования инновационных подходов в школьной программе обучения английскому языку. Она представляет собой обзор

различных методик, включая использование технологий, коммуникативный подход, дифференцированный подход и интеграцию культурного контекста. Каждый из этих подходов обсуждается в контексте улучшения результатов обучения и мотивации учащихся, подчеркивая их важность для развития уверенности учащихся в использовании английского языка для реального общения.

Ключевые слова: английский язык, обучение, инновационные подходы, школа, технологии.

Abstract

This article examines the importance and effectiveness of using innovative approaches in the school English language teaching program. It provides an overview of various methodologies, including the use of technology, the communicative approach, the differentiated approach and the integration of cultural context. Each of these approaches is discussed in the context of improving student learning outcomes and motivation, highlighting their importance in developing students' confidence in using English for real-life communication.

Keywords: English language, learning, innovative approaches, school, technology.

Обучение английскому языку играет ключевую роль в современном мировом образовании, поскольку является языком международного общения. Использование инновационных подходов в школьной программе по изучению английского языка может значительно улучшить результаты обучения учащихся. В данной статье рассматриваются различные инновационные методики и подходы, которые могут применяться в школьной программе для улучшения обучения английскому языку.

Использование технологий в контексте школьной программы по изучению английского языка представляет собой целый спектр стимулирующих методов. Например, интеграция интерактивных учебных программ, таких как приложения для планшетов или компьютерные игры, оказывает привлекательное воздействие на внимание учащихся. Эти программы, разработанные в формате игр, задач и тренировок, способствуют увлекательному процессу обучения. Кроме того, мультимедийные ресурсы, такие как видеуроки, аудио материалы или интерактивные презентации, внедряемые в образовательный процесс, обогащают опыт обучения. Например, использование видеоматериалов с участием носителей языка или аутентичных материалов способствует погружению учащихся в англоязычную среду и улучшению навыков восприятия речи и аудирования.

Онлайн-ресурсы и приложения также играют ключевую роль в современном обучении английскому языку. Здесь могут использоваться специализированные языковые платформы, электронные учебники, онлайн словари и грамматические справочники, которые предоставляют учащимся возможность изучать язык внутри и вне учебного класса [1]. Примером таких технологий может служить использование платформы Duolingo, предлагающей интерактивные уроки, игры и задания для улучшения навыков английского языка. Кроме того, приложения для изучения иностранных языков, вроде Skyeng или Skillbox, предлагают персонализированные курсы, аудиоматериалы и возможность общения с носителями языка через онлайн-сервисы.

Таким образом, использование технологий в обучении английскому языку в школьной программе открывает новые возможности для разнообразных и увлекательных форм обучения, которые способствуют более эффективному усвоению материала учащимися различных возрастов.

Коммуникативный подход в обучении английскому языку в рамках школьной программы представляет собой инновационный метод, сфокусированный на развитии коммуникативной компетенции – способности использовать английский язык для реального общения и взаимодействия с другими людьми. В данном подходе одной из форм коммуникативных заданий является проведение парных или групповых диалогов или общение на заданные темы [2].

Игровые методики также являются важной частью коммуникативного подхода. Игры могут быть разнообразными, начиная от классических настольных игр, таких как «Монополия» или «Скрабл», до специально разработанных языковых игр. Например, в игре «Taboo» учащимся предлагается объяснить слово без использования определенных «запретных слов». Это помогает развить их умение описывать и объяснять вещи на английском языке.

Ролевые игры также находят свое применение в коммуникативном подходе. Учащимся предлагается играть определенные роли, например, бизнес-партнеров, туристов или пациентов и врачей, и вести диалоги на заданные темы. В процессе выполнения ролевых игр, студенты изучают новую лексику и грамматику, а также развивают свои навыки слушания и высказывания мнения на английском языке. Например, студенты могут проводить ролевые игры, в которых они выступают в качестве путешественников, задают вопросы и получают информацию у других «местных жителей» на английском языке.

Таким образом, коммуникативный подход обогащает учебный процесс разнообразными формами заданий, игр и ролевых игр, способствуя развитию учащихся, их уверенности в использовании английского языка для реального общения. Этот подход стимулирует студентов к активному применению знаний на практике, что в конечном итоге способствует более эффективному и непосредственному обучению.

Дифференцированный подход в обучении английскому языку в рамках школьной программы представляет собой стратегию, направленную на индивидуализацию учебного процесса с учетом уникальных потребностей каждого ученика. Этот подход позволяет педагогам персонализировать учебные материалы и методику обучения с целью обеспечить максимально эффективное усвоение учебного материала в соответствии с индивидуальными способностями и темпом учащихся.

Индивидуальные задания играют ключевую роль в дифференцированном подходе. Например, преподаватель может предложить различные уровни сложности заданий или различные аспекты языка для выполнения в зависимости от уровня знаний каждого ученика, что позволяет каждому ученику работать с материалом, наиболее подходящим именно для него [3]. Также важным компонентом являются групповые задания, спланированные с учетом индивидуальных потребностей. Например, формирование групп учащихся с разным уровнем владения английским языком способствует эффективному коммуникативному взаимодействию и взаимопомощи.

Работа с дополнительными материалами также является важной составляющей дифференцированного подхода. Это может включать в себя предложение дополнительных текстов, аудио- и видеоматериалов, упражнений на углубленное изучение грамматики или произношения, а также предоставление возможности для самостоятельного изучения языка путем использования различных ресурсов.

Применение различных методик обогащает образовательный процесс путем предоставления разнообразных подходов к изучению материала. Например, использование игровых методик, творческих проектов, обсуждение аутентичных текстов и аудиоматериалов, а также проведение дискуссий с использованием методики круглого стола способствует более глубокому усвоению материала каждым учеником в соответствии со своими предпочтениями и стилем обучения.

Таким образом, дифференцированный подход в обучении английскому языку позволяет учителям адаптировать учебный процесс к индивидуальным потребностям учащихся, обеспечивая оптимальное усвоение материала каждым учеником и создавая благоприятную образовательную среду для успешного изучения английского языка.

Интеграция культурного контекста в обучении английскому языку в школьной программе представляет собой неотъемлемую составляющую формирования у учащихся глубокого понимания и интереса к изучаемому языку. Включение аутентичных материалов, таких как культурные тексты, музыка, фильмы, аутентичные материалы, и тексты различных жанров, позволяет детям не только осваивать язык, но и погружаться в культуру англоговорящих стран.

Примеры аутентичных материалов могут включать в себя просмотр фильмов и видеороликов, изучение художественной литературы на английском языке, а также погружение в культурную историю англоговорящих стран и их традиций. Например, в рамках урока по теме «Праздники и традиции» ученики могут изучать и обсуждать различные праздники, обычаи и традиции англоговорящих стран, что позволит им не только усвоить новую лексику и фразеологию, но и получить представление о культуре страны.

Также музыкальные композиции и песни на английском языке могут быть использованы для изучения языка и обогащения культурного опыта учащихся. Применение таких методов обучения способствует не только формированию навыков восприятия и понимания английской речи, но и погружению в разнообразие культурного контекста англоговорящих стран.

Таким образом, интеграция культурного контекста в учебный процесс позволяет детям не только учить язык, но и погружаться в культуру англоговорящих стран, что способствует формированию более глубокого понимания и интереса к изучаемому языку.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что использование инновационных подходов в обучении английскому языку в рамках школьной программы содействует повышению мотивации учащихся и улучшению результатов обучения, а также развитию более глубокого понимания языка. Внедрение современных методик и подходов может способствовать повышению качества образования и эффективной подготовке учащихся к успешной коммуникации в глобальном обществе.

1. Джолдасова Г.Б., Халмуратова Р.П. Инновационные технологии обучения английскому языку в высших учебных заведениях и в общеобразовательных школах // Теория и практика современной науки, 2020. – №10 (64). – С. 28-30.
2. Новикова, В. С. Инновационные методы преподавания английского языка // Молодой ученый, 2022. – № 42 (437). – С. 237-238.
3. Горлова Я.В. Инновационные и креативные технологии обучения на занятиях по «Иностранному языку» // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал, 2023. – № 03 (80).

Галиченко Д.А.

Влияние технологий на изучение иностранного языка

ФГБОУ ВО «Казанский Государственный Энергетический Университет»

(Россия, Казань)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-183

Научный руководитель: Марзоева И.В.

Аннотация

В статье рассматривается современное влияние технологий на образование и изучение языка. Описывается роль онлайн-курсов, мобильных приложений и виртуального общения с носителями языка в трансформации процесса обучения. Рассматривается использование адаптивных программ обучения и интерактивных ресурсов в контексте улучшения эффективности изучения языка. Статья также подчеркивает удобство и доступность изучения языков благодаря развитию мобильных технологий.

Ключевые слова: английский язык, обучение, технологии, мобильные приложения, интернет-платформы.

Abstract

The article examines the contemporary influence of technology on education and language learning. The role of online courses, mobile applications and virtual communication with native speakers in transforming the learning process is described. The use of adaptive learning programs and interactive resources is considered in the context of improving the effectiveness of language learning.

The article also emphasizes the convenience and accessibility of language learning thanks to the development of mobile technologies.

Keywords: English language, training, technology, mobile applications, Internet platforms.

В настоящем информационном обществе технологии играют ключевую роль в различных аспектах жизни, в том числе в сфере образования и изучения языка. С развитием технологий процесс изучения языков претерпел значительные изменения, предоставив новые возможности для учащихся. В данной статье рассматривается влияние технологий на образование и изучение языков, а также обсуждаются новые перспективы, которые они открывают для учащихся.

Одним из наиболее заметных влияний технологий на изучение языка является появление широкого спектра онлайн-курсов и мобильных приложений. Структурированные уроки, интерактивные упражнения, аудио- и видеоматериалы позволяют учащимся углубить свои знания и умения в изучаемом языке. Кроме того, многие из этих ресурсов предлагают возможность общения с носителями языка, что дополняет традиционные методы обучения и создает идеальное окружение для языковой практики. В основе технологий в образовании и изучении языков лежит новое поколение онлайн-ресурсов, включая платформы электронного обучения, приложения для смартфонов и веб-сайты. Например, платформы, такие как Duolingo, Rosetta Stone, Babbel и Memrise, предлагают обширные библиотеки учебных материалов, включая игры, задания на понимание на слух и чтение, а также тесты на грамматику. Эти приложения также предоставляют возможности для общения с носителями языка через чаты, что дополняет традиционные методы обучения и создает идеальное окружение для языковой практики.

Виртуальные ресурсы для общения также оказывают существенное влияние на изучение языка. Благодаря технологиям, люди могут общаться с носителями языка через видеозвонки, чаты и социальные медиа, что дает возможность для практики устной речи, письма и понимания на слух в реальном времени, даже находясь на разных континентах. К примеру, студенты и преподаватели могут устраивать онлайн вебинары и учебные групповые чаты, что позволяет им общаться и обмениваться знаниями в удобное для всех время, независимо от географического местоположения. Более того, такие виды виртуального общения дополняют учебные процессы и позволяют учащимся погрузиться в языковую среду, не выходя из дома, что является ценным фактором в их языковом развитии.

Новейшие технологии также способствуют созданию адаптивных программ обучения, которые автоматически настраиваются под уровень знаний и потребности конкретного учащегося. Это позволяет обеспечить более эффективное и персонализированное обучение, учитывающее индивидуальные потребности каждого учащегося. Например, платформа Lingvist использует технологию искусственного интеллекта, чтобы подстраивать материалы под уровень знаний пользователя, обеспечивая максимально эффективное обучение. Это позволяет учащимся более эффективно осваивать новый язык, уделяя больше внимания сложным темам и минимизируя изучение уже известных. Такой подход способствует повышению мотивации и результативности обучения, делая процесс освоения иностранного языка более увлекательным и продуктивным для обучающихся.

Интерактивные ресурсы, такие как языковые игры, викторины, видеоуроки и аудиоматериалы, делают процесс изучения языка более увлекательным и мотивирующим. Они помогают учащимся не только усвоить языковой материал, но и научиться применять его на практике, что является важной составляющей усвоения любого языка. Интерактивные ресурсы, такие как приложения с языковыми играми и викторинами, становятся все более популярными среди учащихся. Например, приложение FluentU предлагает обучающие видеоматериалы с интерактивными субтитрами, заданиями и упражнениями на понимание на слух, что помогает учащимся развивать языковые навыки в реальных контекстах и повышает их мотивацию к изучению языка.

Наконец, благодаря технологиям изучение языка стало более доступным и удобным. Люди могут обучаться в любом месте и в любое время с помощью своих смартфонов, планшетов или компьютеров, что дает им свободу выбора и усиливает мотивацию к изучению языка. Технологии не только преобразуют процесс изучения языка, но и делают его более доступным и удобным.

Одним из ключевых примеров новейших технологий в образовании и изучении языков, как было сказано выше, является использование искусственного интеллекта. Эти технологии предоставляют уникальные возможности для улучшения образовательных процессов путем персонализации обучения. Например, искусственный интеллект может анализировать данные обучающих материалов и оценивать способности учащихся, чтобы предложить индивидуальные образовательные планы, соответствующие их потребностям, уровню знаний и учебным целям. Более того, системы автоматической оценки, основанные на искусственном интеллекте, способны оценивать правильность произношения, грамматику, лексику и другие аспекты языка, предоставляя мгновенную обратную связь и рекомендации. Такое использование искусственного интеллекта создает возможности для более персонализированного обучения, практики и получения обратной связи, что в итоге способствует более эффективному освоению языка.

Таким образом, технологии значительно изменили подход к изучению языков, открывая новые возможности для учащихся и преподавателей. Онлайн-обучение, виртуальное общение, адаптивные программы обучения и интерактивные ресурсы делают процесс изучения языка более увлекательным, доступным и эффективным. Важно уметь использовать эти технологии в образовании с мудростью, чтобы приобретенные знания были максимально ценными и полезными для всех учащихся.

1. Ботавина Е. Б., Кайдалова Т. А., Пигасова И. В. Влияние цифровых технологий на изучение иностранных языков // Современное педагогическое образование, 2020. – №2. – С. 8-11.
2. Ильина О. Н., Еремина С. П. Влияние технологического прогресса на обучение английскому языку в основной школе // Социально-гуманитарные проблемы и вызовы в глобализирующемся мире: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2022г.: Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2022. – С. 6-9.
3. Буланов Д. С. Роль инновационных технологий в обучении иностранному языку в высшей школе // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2017. – Т. 19. – С. 7-10.

Гареева Г.Н., Абзалилова Г.Р.

Некоторые аспекты образного строя художественных произведений

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-184

Аннотация

Изучение образного строя и языка литературно-художественных произведений в литературоведении было и остается одной из актуальных проблем. Языковые характеристики являются одним из самых выразительных, ярких средств экспрессивного выражения душевного состояния героя. Пейзаж, окружающая среда в художественных произведениях выполняют также активную экспрессивно-психологическую функцию.

Ключевые слова: языковая характеристика, пейзажные картины, внешняя речь, внутренняя речь, окружающая среда.

Abstract

The study of the figurative structure and language of literary and artistic works in literary studies has been and remains one of the urgent problems. Language characteristics are one of the most

expressive, vivid means of expressive expression of the mental state of the hero. Landscape, environment in works of art also perform an active expressive and psychological function.

Keywords: language characteristics, landscape paintings, external speech, internal speech, environment.

Язык персонажей является одним из средств непосредственной передачи душевных движений, экспрессивного выражения их индивидуальности. Через диалоги выражаются определенное психологическое состояние ведущих разговор, их жизненные взгляды, нравственные установки, накопленный опыт.

В романе Х.Гиляжева «Солдаты без погон» часто приводятся диалоги, фразы, реплики. Короткие, емкие предложения выражают текучесть, быструю смену настроения, чувств, мыслей. Речи Байгильдина, Хабилова выражают такие их душевные качества, как чрезмерная склонность приказывать, подчинять себе всех, нетерпимость к критике.

Речи Хабибуллина характерны перебои, отрывистость. Покорное выслушивание обвинений Хабилова, беспрекословное подчинение волюнтаристским методам руководства секретаря райкома выражают растерянность, боязнь, несамостоятельность, заботность этого героя.

Но натуральное изображение речи с неправильностями, переборами может передавать и совершенно противоположные душевные качества. Так, Сахибьямал, услышав обвинения Хабилова в адрес Амира, говорит: «Не выйдет, секретарь! Ишь, что удумали... Да я...да я народ окликну! Не позволим!» [1, с. 97]. Ее возмущение до глубины души, волнение передаются через отрывистую речь, полную восклицаний.

В зависимости от специфических обстоятельств речь персонажа может передавать совершенно противоположное тому, что творится внутри человека.

В повести Р.Султангареева «Белый подснежник» (1980) героиня повести Рая заинтересовалась незнакомым парнем, ей очень хочется узнать, кто он, откуда приехал, что делает здесь. Но в то же время она старается сохранить внешнее безразличие, равнодушие при разговоре о нем с мастером Кулуевым, старается не выразить вслух свои чувства [2, с. 12].

При такой ситуации происходит разрыв между произнесенными словами и течением внутренней жизни. Во время разговора с самим парнем она также скрывает свое внутреннее влечение под покровом внешнего безразличия. Поэтому речевой поток течения чувств, который создается непосредственно в прямой речи героини, неправдоподобен.

Для выявления подлинного состояния девушки подключается авторская психологическая интроспекция, комментарии к репликам Раи. Модуляция голоса, дополняемая различными оттенками, авторскими комментариями способствует раскрытию скрытых переживаний

Кадрия из повести «Свадьба» А.Хакимова (1981) предстает перед читателями неунывающей, простодушной, насмешливой, острой на язык девушкой. Даже самая близкая подруга Алтынсес порою не знает, что скрывается за ее веселыми прибаутками, частушками. Девушка скрывает от людей душевные муки, переживания, хочет казаться людям беспечной, бойкой, радостной.

Авторский комментарий, следовавший за ее веселыми разговорами: «Только видимая эта беспечность, словно поплавок, держала ее на холодной глади тоски, только неунывающий нрав не давал упасть духом; и не было у Кадрии иных средств тягаться от ударов, которые один за другим наносила ей судьба» [3, с.34] – раскрывает истинное ее душевное состояние.

В повести «Мост» А.Хакимова (1979) подросток Ахтям, возвращаясь из школы в родную деревню, встречается с Санией, которая ждет его на полпути, отстав от товарищей. Увидев ее, Ахтям внутренне радуется. Но язык говорит совсем о другом: «Готовая подвода была – и не села? Так я тебе и поверил». Гордая девушка тоже скрывает свои чувства: «А ты что думал, тебя дожидалась? Очень надо! У меня, когда метель, в санях голова кружится, вот и не села». [4, с. 27]. Подлинные чувства подростков из-за их стеснения друг перед другом

остаются скрытыми, произнесенные вслух слова не совпадают, и даже контрастируют с их душевным состоянием.

Внешняя речь может скрывать подлинную сущность персонажа, исходя из определенных тайных целей, обстоятельств. В таком случае персонаж специально следит за своими выступлениями, репликами, подбирает нужные слова. Внешняя речь полностью контрастирует с внутренним состоянием. Такая особенность речи чаще всего применяется при раскрытии характеров отрицательных героев. В творчестве С.Агиша мастерски использовалась прямая речь персонажа как средство сатирической психологической характеристики.

Саяф из повести «Честь по чести» (1933) вынужден скрывать свою сущность, подлинные мысли и чувства от окружающих. Внешняя речь персонажа, произнесенные вслух слова резко противоречат его мыслям и намерениям. Поэтому главную функцию при раскрытии подлинной сути этого человека выполняют внутренние монологи. Если внешняя речь Саяфа, его демагогические выступления расплывчаты, туманны, несвязны, то внутренние монологи его конкретны, четки, точны [5].

Внешне красивые, правильные речи отрицательных персонажей Суяргулова, Сарышева из «Голубого шатра» Ш.Янбаева также скрывают их грязные намерения, служат для показа их мнимой интеллигентности [6].

Итак, изображение внешнего проявления психики служит для эстетически действенного, наглядного показа психологических процессов. Но возможности косвенного психологического анализа ограничены, они нуждаются в дополнительных авторских комментариях, анализе, психологической интерпретации.

Эстетически действенному воспроизведению духовных явлений способствует и изображение импрессионистки окрашенной окружающей среды, использование тропов, через которые устанавливается образная художественная связь между духовным миром и внешними предметами объективной действительности.

Пейзаж, окружающая среда в художественных произведениях выполняют активную экспрессивно-психологическую функцию, описание различных состояний природы дается в тесной связи с душевным состоянием персонажа в данный момент, помогает раскрыть оттенки его настроения. Чаще всего пейзаж гармонирует с внутренним состоянием персонажа, выступает своеобразной параллелью переживаниям, становится отзывчивой к чувствам героя. При этом нужно сразу оговориться, что, если между внутренней жизнью героя и внешними ее проявлениями, содержится реальная, непосредственная связь, то между явлениями духовного мира и окружающей среды связь опосредованная, только художественная, образная, не существующая в действительности.

Контраст между объективным состоянием пейзажа, красивой ночной природой и искаженным восприятием ее Ильгизом в «Горе» выявляет испорченное из-за аварии настроение героя: «Кругом все тихо, только звезды издевательски мерцают» [7, с.28].

И в «Белом подснежнике» Р.Султангареева картины природы, окружающая среда, данные в восприятии Раи, носят психологическую нагрузку, раскрывают разнообразные оттенки настроения девушки. Скрытое душевное движение путем сопоставления с картинами получает более яркое выражение, конкретизируется. В повести преобладает общий светлый фон, гармонирующий с переживаниями героини: весна, пробуждение всего живого и зарождение большого чувства в душе Раи, ожидание праздника и праздник в душе девушки, белые подснежники, ставшие толчком к внутреннему движению и чистый душевный порыв героини; «Лучи весеннего солнца подобны стрелам, готовым устремиться в разные стороны, словно прикреплены к краям небесного купола» [2, с. 19]. В этой пейзажной картине вместе с ее эстетической ценностью содержится и психологический подтекст, намек на душевное состояние Раи. Чувства и переживания девушки, готовые просочиться наружу, до поры до времени сдерживаются.

В анализируемый нами период писателями широко используются такие психологические подтексты. В них, кроме эстетической нагрузки, таится и более глубокая смысловая нагрузка. Читатель должен активизировать свое внимание, чтобы определить, что

же таится между этими строками: “Нешадно печет полуденное солнце... Жаркий воздух мешает свободно дышать. Он до того сух, что кажется, чиркни спичкой – и вспыхнет все мироздание” [8, с. 25]. На этом фоне идут боевые действия в романе Д.Исламова “Дорога Москвы”. Окружающий фон созвучен с картиной нещадного наступления фашистских войск, с их стремлением задушить дивизию Богданова, с напряженным до предела внутренним состоянием советских солдат.

“Только что зелёный мир превратился в белый. Деревья покрыты толстым слоем мокрого снега. Ветки молодой берёзы сгибались, словно говоря, что пока терпим, но если еще немного добавите, то не выдержим, сломаемся” [7, с. 31]. Образный смысл этой пейзажной картины в повести «Гора» намекает на тяжесть обиды в душе Ильгиза.

Картины природы в “Байге” выступают своеобразной параллелью душевному состоянию героя. Знойный летний день, наполненное ожиданием дождя земля, вся окружающая природа – и напряженное состояние героя с окружающей средой [9, с. 23]. Читатель сам должен выявить эстетическую и смысловую нагрузку, возложенную на описание картины природы. То же самое и в романе “Дорога Москвы”. Картиной окружающей природы, чистоты, свежести, красоты летней зари писатель стремится ярче оттенить всю трагичность, жестокость внезапно ворвавшейся войны [8, с.7].

1. Гиляжев Х. Солдаты без погон: Роман. М.: Сов. Россия, 1969. – 240 с.
2. Султангареев Р, Белый подснежник: Повести. Уфа: Башкнигоиздат. 1980. – 250 с.
3. Хакимов А. Свадьба: Повесть. Уфа: Башкнигоиздат, 1981. – 285 с.
4. Хакимов А. Мост: Повести. Уфа: Башкнигоиздат, 1979. – 320 с.
5. Агиш С. Избранные произведения. Уфа: Башкнигоиздат, 1965. – 398 с.
6. Янбаев Ш. Голубой шатер: Роман. – М.: Современник, 1977. –320 с.
7. Султангареев Р. Гора: Повесть, рассказы. Уфа: Башкнигоиздат. 1981. – 260 с.
8. Исламов Д. Дорога Москвы: Роман. Уфа: Башкнигоиздат, 1968. – 418 с.
9. Хакимов А. Байга: Повесть. М.: Сов. писатель, 1981. – 367 с.

Гареева Г.Н., Бикметова Н.И.

Художественные средства раскрытия литературных характеров (на материале произведений башкирских писателей)

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-185

Аннотация

Портретная характеристика в башкирской прозе претерпевала длительную эволюцию. Еще в фольклорных произведениях портрет играл определенную роль в раскрытии характерных черт персонажей. В произведениях М.Гафури, написанных в начале XX века, портрет приобретал и социальный характер.

В современный период на портрет возлагается большая идейно-эстетическая нагрузка. Генерализация портрета в творчестве Н.Мусина, Х.Гиляжева, Д.Исламова, А.Хакимова, Ш.Янбаева служит емкому выражению комплекса чувств.

Ключевые слова: башкирская литература, проза, литературный характер, портретная характеристика, герой, художественные средства.

Abstract

Portrait characterization in Bashkir prose has undergone a long evolution. Even in folklore works, the portrait played a certain role in revealing the characteristic features of the characters. In the works of M. Gafuri, written at the beginning of the twentieth century, the portrait acquired a social character. In the modern period, a great ideological and aesthetic burden is placed on the portrait.

Generalization of the portrait in the works of N.Musin, H.Gilyazhev, Sh.Bikkul, A.Khakimov, Sh.Yanbaev serves as a succinct expression of the complex of feelings.

Keywords: Bashkir literature, prose, literary character, portrait characteristics, hero, artistic means.

Портретная характеристика, насыщенная психологическим содержанием, в башкирской прозе претерпевала довольно длительную эволюцию. Портрет в фольклоре служил для подчеркивания силы, могущества батыра и красоты, нежности его возлюбленной, косвенно отражая их душевные качества.

Портретные характеристики в произведениях М.Гафури, написанных еще до революции, выступают не только выразителем душевных качеств, но приобретают и важный социальный характер, превращаются в оценочное явление. Например, в повести «Бедняки» (1907) портрет Джамилы после ее смерти: «Теперь глаза Джамилы сомкнулись навек. Теперь она не просит у богатых ни помощи, ни пожертвований, ни сострадания» [15, с.28], ее слезы при жизни выражают протест против капиталистического строя.

Портретные характеристики Шарифа и Бадри, Ямили из "Бедняков", Галимы и Закира из «Черноликих» (1927), простых тружеников, рабочих из повести «На золотых приисках поэта» (1931) [17] М.Гафури подчеркивают духовную красоту бедных людей, контрастируют внешне красивым, но уродливым душою, черствым, безучастным людям имущих слоев.

В 20-30-е годы XX века писатели очень часто через портреты своих персонажей передавали их духовное раскрепощение, рост самосознания, изменения во внутреннем мире, во взглядах на жизнь. В повестях Х.Давлетшиной «Айбика» (1931), «Волны колос» (1936), Г.Хайри «Кооператоры» (1925), «Женщина» (1930), Б.Бикбая «Солнечный день» (1934), А.Карная «Огни в степи» (1932) много места отводилось портретным характеристикам Айбики, Насимы, Зухры, Фатимы, Галии. Их портреты ярко, выпукло отражали процесс формирования героинь как личность, этапы превращения ранее забытых, бессловесных, безропотных, бесправных женщин в активных строителей нового общества.

В современный период на портрет возлагается большая идейная, эстетическая нагрузка. Генерализация портрета в творчестве Н.Мусина, Х.Гиляжева, Ш.Биккула, А.Хакимова, Ш.Янбаева служит емкому выражению комплекса чувств.

Писатели обычно не дают законченных портретов, подчеркивают наиболее существенные черты внешнего облика, которые на протяжении всего повествования дополняются новыми штрихами в зависимости от определенных ситуаций, отражают динамику, текучесть, изменчивость внутренней жизни, показывают движение, развитие образа.

Портреты могут отражать психологические и социальные аспекты характера, даются и через объективное авторское повествование, и через восприятие других персонажей, и через восприятие самого субъекта.

В повести Р.Султангареева «Теплый дождь» (1976) портрет Амантаева, выступающий в собственном восприятии героя, значителен в выражении его упадочного душевного состояния: «Булат взял зеркало, глянул на себя. Облик его был очень жалок, лицо заросло щетиной, глаза, как у пленного, смотрят безнадежно. Даже плечи опустились, и сам он стал вроде меньше ростом. Только волосы по-прежнему торчат» [1, с. 28]. Внешний вид, отраженный в зеркале, возбуждает в герое поток переживаний, подталкивает к активным действиям.

Через портретные характеристики могут передаваться сложные психологические процессы, смена переживаний, мыслей в душе персонажа. В романе Н.Мусина «Белый олень – на Сине-горе» (1980) противоречивые чувства, буря негодования в душе Ирнарара, несправедливо обвиненного и арестованного, нигде, ни разу подробно не описываются. В портретной характеристике: «Ирнарар равнодушно смотрел на секретаря райкома. Похудел, лицо покрыто густой бородой, морщины на лбу глубокие, словно изреженные ножом» [2, с. 134] – емко и точно передано тягостное душевное состояние героя. Можно догадаться и о чувствах Тагира Назарова, в чьем восприятии дается данный портрет.

Х.Гиляжев обычно дает портреты персонажей в наиболее значительные, критические моменты их жизни, во время острых ситуаций.

В романе «Солдаты без погон» (1965) микроанализ душевного состояния Кутлубаева опускается, гамма чувств и переживаний в его душе, вызванные обвинениями Хабирова в анархизме, саботаже и укрывательстве, передается пунктирно, через портретную характеристику: «Лицо Амира сделалось серым, как оберточная бумага», «только бледность да вспухшие бугры желваков выдавали его волнение», через восприятие Хабибуллиным: «Хабибуллин взял из рук секретаря тетрадь, быстро, словно украдкой, покосился на Амир. Тот сидел неподвижно, с каменным лицом. О бушевавшей в его душе буре можно было догадаться лишь по тому, как побелели пальцы, сжимавшие край стола» [3, с. 176].

Если в портретной характеристике Кутлубаева подчеркивается огромная воля, душевная выдержка сильного характера, то в портрете Байгильдина: «Во время этой речи выражение его лица не менялось, оно застыло» [3, с. 177] – выражается жесткость, самоуверенность, нетерпимость к возражениям других.

В литературной практике удачно используются выразительные жесты, ярко раскрывающие душевные переживания персонажей. Они часто встречаются в романе Х.Гиляжева: «Амир поднялся, волнуясь, запустил обе пятерни в шевелюру...» [3, с. 112], «Фатих уронил голову на ладонь» [3, с. 105], «Амир, будто отбросив слова уполномоченного, резко махнул рукой» [3, с. 98], «Закричал Байгильдин, потрясая перед лицом кулаками» [3, с. 76], «Разгоряченный Хуснулла наотмашь махнул рукой, будто отбрасывая возможные возражения» [3, с. 25] и т.д. экспрессивно передают душевные движения.

Генерализация портрета служит наиболее полному и емкому выражению целого комплекса чувств, огромных переживаний персонажа. Таков, например, в романе портрет солдата Ямги в эпизоде напряженного, нелицеприятного разговора с Амиром: «Ямги точно подменили. Глаза стали острыми и злыми, губы плотно сжались. Казалось, человек ошетинился, как еж, почуявший опасность... Ямги рванул на груди гимнастерку, зазвенели медали. Кровь отлила от лица. Он замолчал. Вверх-вниз судорожно ходил кадык» [3, с. 47]. В этой портретной характеристике передаются гнев, злость, ярость, обида, отчаяние отважного фронтовика, потерявшего семью во время войны, переживающего тяжелую депрессию.

Принцип пластически наглядного изображения чувств персонажей, получаемый через сумму портретных характеристик, жестов, мимики, движений, сопровождается авторскими комментариями, где значение портретных деталей дополняется, проясняется. Все это способствует созданию определенного впечатления о внутреннем облике персонажа, об основных нравственно-психологических чертах характера.

Внешняя портретная характеристика не всегда гармонирует с душевными качествами персонажа. Писатели часто обращаются к приему диссонанса, являющемуся одним из основных композиционных принципов портрета. Таковы портреты Байназарова и Суяргулова из романа Ш.Янбаева «Голубой шатер» (1976). Городской щеголь Мансур одевается очень модно, стильно, со вкусом. Он красив, солиден, элегантен, у него всегда хороший костюм, ухоженный внешний вид [4, с. 22]. А начальник геофизической экспедиции СынTIMER не то что не обращает внимания на свой внешний вид, а скорее не находит времени одеваться модно. Он целиком поглощен, увлечен своей работой. Да и в поле, в горах, где ведутся научно-производственные изыскания, не до модной одежды [4, с. 18].

Итак, портреты Мансура и СынTIMERа резко отличаются друг от друга. У Мансура внешняя красота и душевная убогость, у СынTIMERа - внешняя неказистость и огромная внутренняя сила. В начале романа внешнее противопоставление портретов этих двух действующих лиц с течением событий выражает внутреннее противопоставление.

Таким образом, портретные характеристики тесно сливаются с социально-психологической характеристикой персонажей, являются ее продолжением. В описании портретных характеристик героев улавливается и определенное авторское отношение к ним.

Портрет может передавать общее психологическое состояние многих одновременно. В романе Д.Исламова «Дорога Москвы» (1968) описывается отступление советских войск,

оставляющее тяжелое впечатление в душе каждого. "Бойцы, играя желваками, пряча глаза от стыда и бессильной злости, молча проходили мимо безрадостной толпы" [5, с.56] – эта психологическая картина крупным планом передает душевное состояние и отступавших бойцов, и оставшихся беззащитных жителей села. В портретной характеристике может отражаться сложное, противоречивое состояние многих персонажей.

В повести А.Хакимова «Байга» (1977) народ празднует первую послевоенную годовщину Октября. «Собравшийся в клубе народ, словно сговорившись, все разом встали. Люди, со слезами на глазах, с улыбкой, осветившей их лица, дружно хлопали» [6, с. 34] – в душах людей радость оттого, что выстояли, победили врага, что вернулись мирные дни, и слезы от потери близких, родных, погибших на войне.

1. Султангареев Р. Теплый дождь: Повесть и рассказы. М.: Сов. писатель, 1976. – 252 с.
2. Мусин Н. Белый олень – на Синь-горе: Роман. Уфа: Башкнигоиздат, 1980. – 288 с.
3. Гиляжев Х. Солдаты без погон: Роман. М.: Сов. Россия, 1969. – 240 с.
4. Янбаев Ш. Голубой шатер: Роман. – М.: Современник, 1977. – 320 с.
5. Исламов Д. Дорога Москвы: Роман. Уфа: Башкнигоиздат, 1968. – 418 с.
6. Хакимов А. Байга: Повесть. М.: Сов. писатель, 1981. – 367 с.

Гареева Г.Н., Шайдуллина А.М.

Художественные особенности творчества Зайнаб Бишевой

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-186

Аннотация

Народный писатель Башкортостана, прозаик, поэт, драматург, журналист, переводчик Зайнаб Абдулловна Бишева в литературу пришла в 1930-е годы. Работала в жанрах поэзии, прозы, драматургии. В творчестве З.Бишевой органически сочетаются документальность и художественный вымысел, реалистическое воспроизведение жизни с романтической устремленностью в будущее, верой в неиссякаемые творческие силы народа.

Ключевые слова: башкирская литература, Зайнаб Бишева, поэзия, стихи, поэмы, повесть, герой.

Abstract

People's writer of Bashkortostan, novelist, poet, playwright, journalist, translator Zainab Abdullovna Biisheva came to literature in the 1930s. She worked in the genres of poetry, prose, drama. In the works of Z. Biisheva organically combines documentary and fiction, realistic reproduction of life with a romantic aspiration to the future, faith in the inexhaustible creative forces of the people.

Keywords: Bashkir literature, Zainab Biisheva, poetry, poems, poems, the story, the hero.

Большое место в поэзии З.Бишевой занимают стихи философского содержания о смысле жизни, об ответственности человека перед настоящим, прошлым и будущим, о связи и преемственности поколений, о любви, дружбе, товариществе.

В стихотворениях «Салават», «Аксакал», «Жизнь – труд», «Люблю батыров» З.Бишева передает свое преклонение народными героями, восхищается героическими подвигами своих предков, слагает гимн труду, который, по мнению поэтессы, составляет основу всей человеческой жизни.

В стихотворении «Стою на вершине» лирическая героиня с высоты Урал-тау имеет возможность оглянуться на пройденный путь и на тот, который еще предстоит пройти. Она благодарна за то, что на горьком, тяжком жизненном пути песня была опорой и поддержкой. В стихотворениях «Заветы отца», «Песни мои», «Отчего я грустна?», поэтесса утверждает мысль

о том, что человек должен жить во имя любви к Родине, во имя труда, который должен оставить след и после его жизни. В стихотворении «Совет делового человека» автор сатирически обличает тех, кто привычку трудиться заменяет стремлением меньше работать и быстрее обогатиться за счет других. Уродливым взглядам «делового человека» поэтесса противопоставляет отношение к труду как к творчеству, к созиданию.

В стихотворениях «Жизнь», «Пожила бы еще», «Хотела бы я знать» находят отражение размышления о прошедшей молодости, об ушедшей любви, озарившей душу, о золотых искрах сияющих глаз. Сравнивая жизнь с несущимся резвым конем, поэтесса утверждает, что, когда в крови «веселый хмель погонь», тогда легко перешагнуть все жизненные рубежи. В этих стихах выражены и жажда жизни, и горечь о том, что так много еще неосуществленных творческих замыслов и планов. Пейзажная лирика З.Биишевой включает большие обобщения и раздумья о жизни, о времени, над которым никто не властен.

В лирических стихах «Следы на снегу», «Богатырь-мороз», «Береза», «Дождь», «Песнь о двух березах», «Ручей» наполненных философскими размышлениями, отчетливо выражена любовь ко всему живому, ко всем временам года. В стихотворении «Белый тополь» образ тополя, окутанного пухом, волнующегося в ожидании грозы и ливня, передает волнение души, печаль сердца, потерявшего своего возлюбленного. Состояние смятенного духа передается и в стихотворении «Волнуйся, море». Природа, ее бессмертная жизнь, красота белого света наполняют и интимную лирику поэтессы яркими красками.

В стихах из любовной лирики «Рябина», «Золотой замок», «Друг, не горюй», «Тоска по соловьям» также заключены философские мысли о вечной жизни, о неугасающем чувстве любви, тоска «по соловьиным заливистым песням».

Наряду с героической, философской, интимной лирикой, поэтесса создавала и басни «Один скворец весну не приносит», «Конь и овод», в которых выражена идея единства сил природы при смене времен года.

В поэме «Зульхиза», содержание которой близка содержанию романтической повести «Любовь и ненависть», разрабатывая дальше тему любви и ненависти, З.Биишева утверждает, что любовью покорены все, а ненависть направлена на тех, кто предает любовь, кто трус и малодушен. В поэме «Последнее слово Салавата» запечатлен подвиг народного героя, прославляется его мужество, негибимость в последние дни жизни, когда он был обречен на гибель, сосланный на каторгу, находящуюся на Балтике, в Эстонии.

Поэма – это воспоминание батыра о пройденным им пути. Герой вспоминает о неравных сражениях за «отчий Урал», о тех, кто пал в этих битвах, о родном крае. В его памяти живут Уральские горы, светлая река Юрюзань. Узник Салават не примирился со своей участью, не раскаялся в том, что боролся со своими угнетателями. Он исполнен желания рассказать о тяжелой участи борцов за народные идеалы.

В поэме «Дуб» З.Биишевой отражена трагедия дуба, роняющего свои желуди на бесплодный асфальт городской улицы. Через образную аллгорию автор олицетворяет каменные колодки застоя, душившие в 1970-1980-е годы творческую энергию народа. Но поэма, в целом, проникнута оптимизмом, в ней слышна вера в могучие силы гордого духа, в победу жизни, в мощь непреклонного духа народа:

И старость не возьмет его за глотку,
Не устршит ветвей его седых.

В своем творчестве З.Биишева много внимания уделяет изображению современности и созданию образов современников. Параллельно с работой над трилогией «К свету!» писательница обращается к созданию произведений о жизни народа в годы войны и послевоенный период.

В повести З.Биишевой «Кюнхылу» (1947) освещается самоотверженный труд народа в тылу, единство фронта и тыла, воссоздается реалистически достоверный образ простой башкирской женщины Кюнхылу, ставшей вместо мужа председателем колхоза. Ее характер раскрывается в процессе преодоления объективных трудностей военной поры.

Повесть «Странный человек» написана в исповедальной форме. Главные герои произведения Гадельша и Гульбика рассказывают о своей жизни, о переживаниях, радостях и горестях, повествуют о своей любви. Строитель Гадельша и учительница Гульбика – это люди высокой нравственности, для которых труд является нормой жизни, нормой поведения. Основным морально-нравственным конфликтом в повести основан на столкновении различных взглядов на жизнь, на труд, на семью, на материальные блага, на окружающих. В повести мастерство З.Биишевой проявляется в раскрытии внутреннего мира героев, много места отводится внутренним монологам, самохарактеристике, рассказу о себе и своей жизни.

Рассказы Гульбики о Нажипыче и истории их семейных отношений, также повествование Гадельши о своих взаимоотношениях с Галиакбером имеют самостоятельное значение. В то же время повесть представляет собой единое целое, скрепленное и самим названием. Само определение «странный человек» для Нажипыча – это символ черствости, жадности, эгоизма, бессердечия. В устах Галиакбара выражение «странный человек», обращенное к Гадельше, определяет его как человека, не умеющего устроить свою жизнь, упускающего возможности быть счастливым в мещанском понимании.

В повести ярко выражена и авторская позиция – она с большой симпатией относится к своим героям-труженикам, честным, самоотверженным, способным к настоящему большому чувству, таким как Гадельша и Гульбика. К людям же корыстным, жадным, духовно убогим автор не скрывает своего презрения и заставляет их получать от жизни то, что они заслужили. Так, одиночеством и пустотой наказывает жизнь Нажипыча, а Галиакбара лишением всех его почетных должностей, и он вынужден коротать свой век с женщиной, значительно старше себя, без детей и внуков.

Воспитанию нового человека, становлению личности, роли и значению коллективного труда, общественности, реальной действительности в формировании человека посвящена повесть-исповедь З.Биишевой «Думы, думы» (1961), характеризующейся теплым лиризмом и глубоким психологизмом. Главная героиня повести Суфия, молодая девушка, оказывается не подготовленной встать на путь самостоятельной жизни из-за неправильного семейного воспитания. У Суфии мать – обывательница, своим примером укрепляет в девушке стремление к легкой жизни, к удачному замужеству. Спустя определенное время, под влиянием многих событий, пройдя ряд горьких испытаний, героиня с высоты выработанных нравственных принципов анализирует пройденный ею путь, начинает критически оценивать свое прошлое, пересматривает свои потребительские взгляды на жизнь, труд, общественные явления, духовно-нравственно растет и закаляется.

В повести «Будем друзьями», рассказывающей о школьной жизни, увлечениях, исканиях, способностях и недостатках двух подростков Юлдаша и Кыдраса, писательница утверждает, что дружба – это не только требовательность по отношению друг к другу, но и способность помочь своему другу стать лучше, чище душой, трудолюбивее, и в этом есть продолжение нравственно-этических традиций народа.

В повести «Мастер и Подмастерье» автор сказочно-фантастический сюжет наполнила глубоким философским содержанием. После смерти Мастера Подмастерье все его кувшины, которые он тщательно копил, продавая лишь незначительную часть из них, объявил своими произведениями, подделав подпись Мастера, поставив свое имя. Эти кувшины принесли ему неслыханную славу и сам падишах, считая его великим мастером, пригласил его во дворец. Когда же он умер в славе и почете, то на его надгробии был поставлен кувшин с его надписью.

Основная идея повести заключается в том, что мастера не умирают. Вместо чужой надписи на кувшине засияло имя Мастера, так незаслуженно забытое. Подмастерье был проклят народом за присвоение чужого труда. В основе легенды о Мастере и Подмастерье лежит глубокая философская мысль о том, что правду нельзя подменить ложью. Правда торжествует, утверждая величие Мастера-художника, посвятившего всю свою жизнь труду, творчеству во имя народа и для его блага. Писательница слагает гимн труду, который человек

сознательно превращает в творчество и не устает его совершенствовать, подыскивая подлинные средства создания прекрасного.

1. Биешева З. Избранные произведения в двух томах. М.: Художественная литература, 1988.
2. Биешева З. Мастер и Подмастерье: Рассказы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1979. 120 с.
3. Биешева З. Думы, думы...: Повести / Зайнаб Биешева; Пер. с башк. Е. Корнеевой. – М.: Сов. писатель, 1980. - 238 с.

Гареева Г.Н., Шарафутдинова Г.А.
Творческие искания в башкирской прозе 1930-х годов

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-187

Аннотация

Башкирская литература тридцатых годов XX века, в связи с общественно-политическими и социально-экономическими преобразованиями в стране, с усилением межнациональных литературных взаимосвязей, обогатилась новыми жанрами, новыми темами, новыми образами. В освещающих новейшие общественные явления времени очерках А.Карная «В лунную ночь» и «Гудят тракторы», «Ишимбай», А.Тагирова «За нефть», С.Кудаша «Знатные люди» и «Баймакские письма», в повестях Г.Гумера «Секретарь ячейки», Б.Бикбая «Солнечный день», А.Карная «Огни в степи», Х. Давлетшиной «Айбикэ» и др. психологически убедительно прослеживается эволюция формирования героя как человека нового типа.

Ключевые слова: башкирская литература, проза, очерк, повесть, герой, образ.

Abstract

Bashkir literature of the thirties of the twentieth century, in connection with the socio-political and socio-economic transformations in the country, with the strengthening of interethnic literary relationships, was enriched with new genres, new themes, new images. In the essays by A.Karnaya "On a moonlit night" and "Tractors are humming", "Ishimbai", A.Tagirov "For Oil", S.Kudasha "Noble People" and "Baymak letters", in the novels of G.Gumer "Secretary of the cell", B.Bikbai "Sunny Day", A.Karnaya's "Lights in the Steppe", H. Davletshina's "Aibike", etc. Psychologically, the evolution of the formation of the hero as a new type of person is convincingly traced.

Keywords: Bashkir literature, prose, essay, novel, hero, image.

Коренные общественно-политические и социально-экономические преобразования в стране в целом и в Башкортостане в частности в тридцатые годы XX века способствовали усилению межнациональных литературных взаимосвязей. Башкирские писатели творчески осваивали опыт реалистической повести и романа русской и других национальных литератур, стремились отобразить советскую действительность с высот всесоюзных художественных достижений, воссоздать образ человека новой эпохи - эпохи строительства социализма. Это обусловило обогащение башкирской литературы новыми жанрами, новыми темами, новыми образами.

Очерки, как правило, приобретают особое значение в бурные, поворотные периоды жизни, когда значительно возрастает общественная потребность в живом писательском слове. В башкирской литературе новейшие общественные явления времени освещались в первую очередь в очерках А. Тагирова, Д.Юлтыя, С.Кудаша, М.Тажи, А.Вали, Г.Амири, Б.Дима. В них нашли место развернутые сообщения о повседневных событиях, но им недоставало конкретности и многосторонности в изображении человека – героя дня. В очерках «Фатих Галин» Б.Ишемгулова и «Негромкие слова о больших делах» Б.Дима, посвященных теме

борьбы за социализм в деревне, много говорится о борьбе бедноты, однако внутренний мир героев остается нераскрытым.

В очерках «Современный Баймак» И.Насыри и «Там, где будут рождены гиганты» Г.Саяма также воспроизводилась лишь внешняя панорама промышленных центров, зарождавшихся в начале 30-х годов в Башкортостане, а образы реальных рабочих, создававших эти гиганты, еще детально не разрабатывались. Главный герой очерка М.Тажи «Инзер» (1935) секретарь парткома Манаф Хажин объединяет различные эпизоды, связанные с трудовой деятельностью и бытом лесников и плотогольщиков Башкортостана, однако внутренний мир его остался почти не раскрытым.

Впервые в очерках А.Карная «В лунную ночь» и «Гудят тракторы» появляются образы конкретных, живых, духовно богатых сельских тружеников. В очерке «За нефть» (1932) А.Тагировым была сделана первая попытка создания образов башкирских нефтяников. Автор сумел осветить основные этапы открытия и освоения башкирской нефти, органически увязать их с отдельными моментами биографии героя - знатного нефтяника Бахтияра Ишимбаева.

В другом удачном в художественном отношении очерке «Шеф-паровоз» Д.Юлтыя, воспроизводящем типические образы своего времени, запечатлены картины классовый борьбы в деревне. Герои очерка – рабочие паровозоремонтного завода оказывают помощь деревенской бедноте. Автором воссозданы живые образы активистов колхозного движения, наделенные цельными характерами. Они показаны и в общественных деяниях, и в душевных переживаниях. В отличие от героев большинства очерков тех лет, рассказчик, направленный областной партийной организацией на село для проведения идеологической работы, выступает не просто наблюдателем событий, а их активным участником. Стройный сюжет, яркие изобразительные средства очерка «Шеф-паровоз» приближают его к жанру рассказа. В целом, данное произведение Д.Юлтыя свидетельствовало о появлении в башкирской литературе подлинно художественного очерка.

В отдельных очерках Г.Амири из сборника «Новые думы» (1933) были живо нарисованы портреты женщин, которые в процессе коллективного труда поднялись на ступень инициативных руководителей, обрели широкий жизненный кругозор. Характеры своих героев автор сумел раскрыть в острых ситуациях и типических обстоятельствах действительности тех лет. В цикле очерков «Знатные люди» и «Баймакские письма» (1935) С.Кудаш также сумел раскрыть поступки многих героев новой социалистической жизни психологически мотивированно. Таким образом, в большинстве очерков, посвященных жизни деревни, были изображены образы людей, приобретающих новые духовные качества в процессе колхозного строительства.

А.Карнай в очерке «Ишимбай» (1935) стремился к широкому обобщению жизненных явлений, с документальной точностью воспроизвел борьбу за большую нефть, показал конкретных участников этой борьбы. Автор сконцентрировал все события вокруг обобщенного не реального, выдуманного образа Ахметгарея Ямбулатова, вобравшего типические черты формирующегося рабочего класса Башкортостана. Очерк не исчерпывается лишь документальным фактографическим воспроизведением действительности, а типизирует ее, дает художественно обобщенную картину. А.Карнай формирование нового человека показывает в неразрывной связи с его трудовой деятельностью. Крестьянин Ахметгарей Ямбулатов, получив квалификацию нефтяника, становится коммунистом, который по-государственному подходит к общему делу, к производству, ко всей жизни коллектива. Жизнь вымышленного героя Ямбулатова тесно переплетается с другими героями - реальными борцами за башкирскую нефть: мастером Лебедевым, геологами Прицем и Носаль, молодым рабочим Бадретдиновым и др. Преломляя реальные факты сквозь призму художественного воображения, показывая конкретных людей в различных жизненных ситуациях, связанных с текущим днем, А.Карнай сумел вместе с тем заглянуть в будущее, показать жизнедеятельность героев в перспективе.

Первые рассказы и повести тридцатых годов, посвященные современному образу жизни, связанной с коллективизацией сельского хозяйства и индустриализацией страны, опирались на конкретные факты действительности, хронологически повествовали о многочисленных

событиях из биографии героев, но при этом широко использовали элементы публицистики, регистрировали внешние признаки явлений современной жизни, чем воплощали новые черты характера человека. Близки к очерку были почти документальный рассказ Д.Юлтыя «Гюльбика» (1931) и рассказ А.Карная «Обновление» (1930) о переходе деревни на коллективную форму хозяйствования. В этих рассказах также были показаны лишь внешние приметы новой жизни крестьянина.

Необходимо подчеркнуть, что прямое указание конкретного адреса фактов, освещаемых в произведении, нередко считалось в те годы проявлением связи с жизнью. Процессы обновления и изменения действительности отображались в литературе с документальной точностью. Свидетельством непосредственного перенесения жизненных фактов в ткань литературных произведений служит также издание произведений с подзаголовками типа «Рассказ об ударниках совхоза имени ВЦИКа» А.Тагирова, «Из разговора в канцелярии колхоза «Урняк» Миякинского района» Г. Гумера и др.

В повестях «Фабрика зерна» (1930) и «Штурвальный» (1931) А. Тагиров большое внимание уделял к внешнему описанию событий, а персонажи исполняли вспомогательную, иллюстративную роль. Положительные герои были лишены индивидуальности, эволюция их характеров не прослеживалась. Для описания отрицательных персонажей использовались в основном только черные краски. На первый план выступала публицистика, авторская идея выражалась декларативно, а не художественно.

1. Амири Гайнан. Новые мысли. Очерки. Уфа: Башкнигоиздат, 1933. 78 с.
2. Галимов Саям. Избранные произведения. Уфа: Башкнигоиздат, 1953. 190 с.
3. История башкирской литературы в 7 томах. Т.3. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991. – 543 с.
4. Карнай Али. Ишимбай. Уфа: Башгиз, 1935. 104 с.
5. Кудаш Сайфи. Избранные произведения. Уфа: Башкнигоиздат, 1940. 248 с.
6. Насыри Имам. Сочинения. Т.3. Уфа: Башкнигоиздат, 1968. 328 с.
7. Тагиров Афзал. Избранные произведения. В3 т. Т.1., 1958. 474 с.
8. Юлтый Даут. Шеф-паровоз. Очерки. Уфа: Башгиз, 1934. 89 с.

Гареева Г.Н., Шарафутдинова Г.А.
Художественное отражение актуальных проблем
времени в современной башкирской прозе

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-188

Аннотация

Башкирская литература воспринимает основные элементы общей эстетики отечественной и мировой литературы, тяготеет к новым художественным тенденциям, в ней наблюдаются различного уровня и качества изменения в идейно-тематических, жанрово-стилевых, композиционно-структурных, художественно-эстетических областях, в освещении концепции героя.

Ключевые слова: башкирская литература, проза, творческий метод, жанр, концепция героя, роман, повесть.

Abstract

Bashkir literature perceives the main elements of the general aesthetics of Russian and world literature, tends to new artistic trends, it shows various levels and qualities of changes in ideological-thematic, genre-style, compositional-structural, artistic-aesthetic areas, in the illumination of the concept of the hero.

Keywords: bashkir literature, prose, creative method, hero concept, genre, novel, novella.

В конце 80-х г.г. XX века метод соцреализма уступил место новому реализму – «неореализму», критично относящемуся к обществу и государству, смело поднимающему основные социальные и нравственно-этические проблемы действительности, вопросы смысла жизни, добра и зла, стремящемуся выработать у граждан представления о нормах социального и нравственного поведения, соответствующих новой реальности. Возник новый синтез стилей, стали проявляться черты постмодернистской литературы, проводились различные творческие эксперименты со структурой произведений, произошли резкие перемены в освещении концепции героя. Изменения, начавшиеся в обществе в 1990-е годы, поставили перед башкирским литературоведением задачу пересмотра и корректировки с новых позиций и проблемы «национальная литература в советскую эпоху» [1, с.7].

В современный период развития литературы повествовательным жанрам принадлежит особое место, потому что проза занимала ведущее место и в своих крупных произведениях – повестях и романах запечатлевала ее вершинные достижения, имела тесную связь с действительностью, более глубоко и полно отображала ее проблемы. Решение злободневной проблемы «Человек и природа» в современный период стало более емким, весомым в социально-психологическом, нравственно-содержательном аспектах.

Хищническое отношение к богатствам родной земли, духовной деформации современников приводит к возникновению острого конфликта в романах Н.Мусина «Вечный лес» (2-я книга), «Последняя борть» (1995), Р.Султангареева «Земля, на которой мы живем» (1988). В них многопланово показывается взаимосвязь природного и человеческого мира, раскрываются драматические коллизии в этих взаимоотношениях, показывается разрушение природного мира как следствие издержек цивилизации. [2, с. 148].

Различные средства художественного анализа: психологические детали, внутренние монологи, приемы, пластически передающие размышления, переживания героев во всей полноте, эмоциональные тонкости, сопровождающиеся авторскими комментариями – служат аналитическому освещению динамики духовной жизни, характера, жизнедеятельности Тулькусурина, Ахметшина, Яубасарова, Бикбаева, Карамыша, Султангужи, Расуля. Таким образом, в этих произведениях наблюдается процесс обогащения нравственно-философским содержанием художественного отображения конфликта между человеком и природой.

Данное идейно-художественное направление в башкирской прозе, связанное с актуальными проблемами времени, с изображением положительной или пагубной для окружающего мира деятельности современников, в 1990-е г.г. наполнялось освещением громких политических событий, получивших широкий общественно-социальный резонанс, с явно выраженным критическим пафосом, в принципах сурового реализма.

Если в предыдущие периоды частичный отказ от соцреализма и от его главных принципов отражения действительности проявлялся лишь в отдельных произведениях и в творчестве отдельных писателей, то в последние десятилетия XX века в башкирской прозе наблюдается полный отказ от приукрашивания жизни, идеализации героев, в романах Д.Булякова «Жизнь одна», «Взорванный ад», в повести Х.Тапакова «Выборы» ведется интенсивный поиск смысла жизни, критериев добра и зла, поднимаются вопросы норм социального и нравственного поведения, духовных ценностей, тем самым проявляются черты неореализма, поднимающего назревшие острые социальные и этические проблемы. В них вопросы отношения человека к земле, природе поднимаются до уровня общечеловеческих проблем.

Граждански активным героям Аргынбаеву, Курмантаеву, Рахимьяну свойственны интенсивная работа сознания, обостренное чувство справедливости, нравственно-философский поиск путей выхода из кризисного состояния общества.

В 1980–1990-х г.г. в литературе произошли довольно большие изменения в изображении образа руководителя. В романе Ф.Исангулова «Пригожие дни» (1983), Б.Рафикова «Седой ковыль» (1981) смысл всей своей деятельности связывающие только с получением материальной выгоды «экономист до корней волос» Загитов, Абдуллин и другие подобные им руководители представлены как прагматичные, духовно бедные. Председатель колхоза

Нуриханов из романа Д.Булякова «Пришелец» (1987) изображен карьеристом, готовым ради выполнения ошибочных государственных планов нанести губительный вред природе, родной земле, народу. В романах Н.Мусина «Вечный лес» (2-ая книга), «Выходи на дорогу с рассветом» (1988) показана мафиозная группа чиновников, руководствующаяся принципами кумовства, взяточничества, использующая богатства леса ради личного обогащения. В повестях Р.Камала «Беда», З.Ахметьяновой «Заморозки» (1989), Т.Гиниятуллина «Непогодь», в романах Д.Булякова «Жизнь дается однажды» (1993), «Взорванный ад» (1995) обличаются руководители, ставящие личные интересы, амбиции выше общественных.

В противовес отрицательным героям-руководителям воссозданы образы Ахметшина (Н.Мусин, «Выходи с рассветом на дорогу»), Бикбаева (Р.Султангареев, «Земля, на которой живем»), Яубасарова, Аргынбаева, Курмантаева (Д.Буляков, «Пришелец», «Жизнь дается однажды», «Взорванный ад»), Булата (Н.Гаитбаев, «Буран»), Гульсины (З.Ахметьянова, «Заморозки»). Они изображены личностями с твердыми жизненными позициями, с ярко выраженным национальным менталитетом. Совежливые, принципиальные, духовно сильные герои воплощены в образах Хамита и Гали из повести Н.Игизьяновой «Командировка» (2001), Сагитьяна из рассказа Н.Мусина «Не улетай, соловей» (2006). Эти герои предстают активными личностями, способными правильно оценить сущность общественно-социальных явлений, философски подходить к делам государственной важности. Они в себе отражают духовные, нравственные, эстетические нормы общества, определяют уровень башкирской прозы в освещении концепции современника-борца. [3, с.123].

Роман-хроника 90-х гг. прошлого столетия «Новый башкир» Ф. Галимова в публицистическом стиле повествует о жизни народа, о социальном расслоении общества на бедных и богатых в период господства «дикого капитализма», так называемой эпохи «шоковой терапии». Автор одним из первых вносит в современную литературу образ нового героя - молодого предпринимателя, бизнесмена, от лица которого ведется повествование. Этот летописец эпохи свою позицию объясняет во введении: «Сам не заметил, как нырнул в море беспощадного бизнеса. В океан дикого российского бизнеса. Лишь спустя двенадцать лет удалось вынырнуть. ...пребывание в бизнесе дало мне необыкновенно большой, даже уникальный жизненный опыт. Честно говоря, в эти годы я кипел в гуще жизни».

Для героя «делать деньги» становится смыслом жизни. Каждый рассказ - путь от мелкого «челнока» до крупного предпринимателя - очередной шаг к богатству. В обрисовке обобщенного образа идеального башкирского бизнесмена, мецената, относящегося к каждому с уважением, помогающего нуждающимся человека, автор не смог достичь цельности характера. Главный герой романа неоднозначен в своих поступках и помыслах. Например, Азим Абдуллаев в характеристиках своих коллег предстает человеком, знающим толк в торговле, но жадным, алчным, завистливым, часто пьющим.

Эпиграфы оттеняют проблематику романа, в котором подчеркнута емко раскрывается символ данной эпохи - деньги, гонка за легкими деньгами, преклонение перед большими деньгами.

Роман состоит из отдельных глав, рассказов, носящих содержательные, поучительные смысловые, а иногда и символические названия - «Первые сто тысяч», «Первые миллион рублей», «Первые миллион долларов». В главах «Сезон и дефолт», «Перипетии сезона» обличаются такие явления, характерные для дикой рыночной экономики, как нечестная конкуренция, чувство зависти и мести, в «Путешествии в Москву» наглядно показывается нищета деревень из глубинки, бывшие урожайные поля, ныне покрытые сорняком, вводится образ старушки, плачущей на останках сгоревшей церкви, в которой заживо сожгли батюшку со всей семьей.

В современной башкирской прозе в связи с усилением негативных явлений во всех областях жизни освещение концепции борца-современника претерпевает различные изменения, много места отводится мучительному внутреннему поиску героями смысла жизни. Усиливается направление экзистенциализма, углубляется психологизм. Переход к изображению

усложненного типа характера личности, борца – это результат усложнения самой сегодняшней действительности.

Роман Р. Камала «Таня-Танхылыу» посвящен показу судьбы всего башкирского народа через показ трагической судьбы одной башкирской девушки, попытавшейся подстроиться под условия суровой действительности, найти свое место в русско-латышском обществе, но постоянно ощущавшей отчуждение со стороны окружающих, со стороны безгранично любимого ею мужа Петрика, его родных.

Глубокий психологизм в раскрытии духовного мира героини, эпистолярный стиль, воспоминания Танхылу и оценка событий с позиции ее подруги Фанисы, емкие и содержательные эпиграфы, метафорический образ осеннего листка, оторванного от дерева, способствуют более полному, эстетически действенному, философски насыщенному раскрытию основной идеи романа.

1. Баимов Р.Н. Советская литература и критерии ее оценок // Родной язык и литература. Вопросы изучения и преподавания. Тезисы научно-практической конференции. – Уфа: БГУ, 1994. – С.7.
2. Гареева Г.Н. Башкирские прозаики: монография. – Уфа: Китап, 2012. – С.148.
3. Гареева Г.Н. Структура современной башкирской прозы: Монография. – Уфа: Китап, 2009. – С.123.

Демчук А.О.

Национальная особенность корейских фразеологических единиц с компонентом- фитонимом «сосна»

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова»
(Россия, Якутск)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-189

Аннотация

В данной работе исследуется национальная специфика корейских фразеологических единиц с фитонимом «сосна». В ходе исследования было выяснено, что природа является неотъемлемой частью мировоззрения корейского народа.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фитоним, сосна, корейский язык.

Abstract

This paper considers the national specifics of Korean phraseological units with the phytonym «pine». The study found that nature is an integral part of the worldview of the Korean people.

Keywords: phraseological units, phytonym, pine, Korean language.

На протяжении многих веков, растения выступали прообразами, с помощью которых можно было описать внешность, эмоции и поведение человека. Одним из старейших прообразов в культуре многих народов считалось *дерево*. Дерево служило строительным материалом, из которого мастерили посуду, орудия труда; дерево кормило человека, а также защищало от непогоды и опасностей; а некоторые породы деревьев являлись даже священными, им поклонялись и молились.

В качестве примера можно привести одно из самых древних, загадочных и священных деревьев дальнего Востока – *дерево Гинкго*. Гинкго выращивали возле храмов и гробниц, считая его одним из священных деревьев, а его семена ценились как дорогое лечебное средство. К тому же, помимо своей научной ценности, гинкго вызывает огромный интерес у художников, как очень привлекательное и живописное дерево с необычными веерообразными листьями.

Наблюдая и изучая явления окружающей среды, человек делает выводы о том, что различные свойства природных вещей и явлений могут быть перенесены на состояние самого человека или охарактеризовать его поведение.

В корейской культуре *сосна*, являясь вечнозелёным растением, символизирует вечную и преданную дружбу, а также стойкость и преданность. Сам Конфуций говорил: «после одной холодной зимы вы сможете узнать вечную преданность сосны и ели» [3]. Иными словами, истинная ценность человека может быть раскрыта только после какой-либо стрессовой, критической ситуации.

Известно, что сосны в естественной среде стойко выдерживают холодную зиму и жаркое лето, являются неприхотливым растением, а также стоически удерживают все удары стихии, при этом не теряя своей формы. Благодаря этому корейцы интерпретировали образ сосны как верность, преданность и стойкость. Помимо всего перечисленного, её образу приписывают также такое качество, как верность своим принципам, которые не подвержены изменениям вне зависимости от ситуации. Это понятие исходит из метафорического выражения конфуцианской этики, где говорится, что человека сложно узнать в хороших условиях, и лучше всего человек познаётся только после какой-нибудь критической ситуации [3], как говорится, «друг познаётся в беде».

Рассмотрим следующие фразеологические единицы с образами: *сосна обыкновенная* (소나무/솔), *старая сосна* (노성나무), *высокая и пышная сосна* (낙락장송). Фразеологические единицы с данными компонентами можно классифицировать по критерию соотношения качеств сосны с качествами человека следующим образом:

Явления окружающей среды:

Главную роль фитонимичных образов в корейских фразеологизмах играет опора на собственный опыт, наблюдается реакция, связанная с непосредственными ситуациями, вызванными влиянием природных явлений [2].

Рассмотрим фразеологизмы с фитонимичными компонентами, на происхождение которых повлияли природные явления. Известно, что хвойные деревья, во-первых, благодаря своим иголкам поглощают меньше солнечного света по сравнению с лиственными деревьями, и при этом в них также проходит процесс фотосинтеза, позволяя хвойным деревьям оставаться вечнозелеными.

Во-вторых, хвойные деревья вырабатывают специальную густую смолу, которая помогает им пережить сильные холода. Благодаря этим двум свойствам такие деревья, как сосна и кедр, могут спокойно перенести холодную зиму и всегда сохранять свой зелёный цвет. Скорее всего, эта природная особенность и послужила причиной того, что данные деревья стали олицетворять человека стойкого, верного своим принципам и не меняющего своего мнения ни при каких обстоятельствах.

나무들 중에서 오직 소나무와 잣나무가 사철 푸르다. (букв. *среди деревьев только сосна да кедр зелены во все времена года*).

겨울이 돼야 송백의 절개를 알게된다. (букв. *только когда наступает зима, узнаешь постоянство сосны и кедра*).

겨울이 다 되어야 솔 푸를 줄 안다. (букв. *только в разгар зимы замечают, что сосна зелена*).

Значение: *верный, преданный друг; человек верный своим принципам*. В данных фразеологизмах сосна, которая стойко переносит суровую зиму, является прообразом человека преданного, верного, стойко переносящего все трудности в жизни. Как мы упоминали выше, сосна – это дерево, которое круглый год остается зелёным и стойко переносит холодную зиму. К тому же, в данном фразеологизме образы сосны и кедра олицетворяют двух верных друзей.

Русским аналогом могут являться: *коня в рати узнаешь, друга в беде; друг познаётся в беде*.

Личностные качества:

Ещё одним из важных и значимых качеств для корейцев в образе сосны является преданность и верность. У корейцев сосна также ассоциируется с верным другом, который вместе с тобой сможет пережить не только холодные и суровые зимы, но также разделит и все радости, и печали. На этих основаниях и появились следующие фразеологизмы:

소나무가 무성하면 잣나무도 기뻐한다. (букв. когда сосна становится гуще, то кедр тоже радуется).

소나무가 말라 죽으면 잣나무가도 슬퍼한다. (букв. когда умирает сосна, кедр тоже грустит).

Значение: *верный друг, который будет рядом и в печали, и в радости.* Данный фразеологизм можно применить, когда ваш близкий коллега, друг или же партнёр вместе с вами разделяет какую-либо вашу радость или ваш успех, а также является опорой и поддержкой вам в трудные времена.

Русским аналогом может являться: *знал дружка в радости, не оставляй в горести.*

Также стоит отметить, что во фразеологизмах одним из спутников сосны является кедр. Филимонова Е. Н. писала, что корейцы считали, что кедр обладает живительной силой и магической энергией. Наряду с дубом, вязом, сосной, ивой и каштаном его относили к священным деревьям. Кедр в паре с сосной символизирует стойкость и непреклонность перед жизненными невзгодами [5]. Тем самым, образы кедр и сосны во фразеологических единицах придают широкий ассоциативный ряд и имеют более глубокую смысловую нагрузку.

Временной показатель:

Для всего есть своё время – это понятие всем давно уже известно; у каждой вещи есть свой определенный жизненный этап, этап, который нужно пройти для достижения какого-либо желаемого результата. И достигнув этого результата однажды, не стоит забывать, какими усилиями он был получен.

솔 심어 정자라. (букв. посадив сосну, построй возле неё беседку).

Значение: *потратить много сил для достижения желаемого.* Для того, чтобы достичь поставленной цели, человеку приходится проходить несколько этапов: начало, ожидание, результат. В качестве главного образа, олицетворяющего упорство, в данном выражении применяется образ сосны. Этап развития сосны от маленького, хрупкого саженца до могучего, пышного и стойкого ко всем природным явлениям дерева занимает много времени. В начале высаживают семечко сосны, после этого проклёвывается росток и только потом из этого маленького ростка сосна становится высоким, пышным и могучим деревом, которое поможет спрятаться от ярко палящего солнца или же пригодиться в строительстве.

Русским аналогом являются: *без труда не выловить рыбку из пруда; всё приходит вовремя для того, кто умеет ждать.*

낙락장송도 근본은 종자. (букв. высокая и пышная сосна тоже когда-то была семечком).

Значение: *скромный человек.* Каким бы не был человек успешным в данное время, он когда-то ничем не отличался от обычного человека и нужно помнить тот момент, когда ты тоже был семечком и не забывать свои истоки.

В вышеперечисленных фразеологических единицах с компонентом-фитонимом *сосна* мы видим, что данное дерево действительно несёт те положительные качества, которые причислил ему корейский народ, а именно сосна олицетворяет такие характерные качества, как упорство, стойкость, преданность и верная дружба.

На основании проведенного исследования мы выяснили, что природа является неотъемлемой частью мировоззрения корейского народа. Корейцы, сопоставляя себя с природой. Через образ «сосны» корейский народ пытался осмыслить себя и своё место в мире. Они считали, что человек не может поставить себя выше природы. Для корейцев главное не столько покорение природы, сколько стремление жить в гармонии с ней.

Таким образом, изучение фразеологических единиц с компонентом-фитонимом «сосна» дает богатую, обширную информацию для изучения культуры, менталитета народа, а также структуры языка с точки зрения кодирования объективного мира.

Таким образом, этимология фразеологизмов с фитонимичным компонентом связана как с общечеловеческими ассоциативно-образными представлениями о национальных образах, так и с реалиями мира, в которых отражается некоторая специфичная особенность мышления народа, носителя данного языка. Однако, не все фразеологизмы, возникшие на основе таких наблюдений, имеют какие-либо национальные, специфичные черты, присущих именно корейцам.

1. Когай Ю.П. Фразеологизмы корейского языка / Ю. П. Когай. – Астана. – 2014. – 85 с.
2. Ли Гюбин «Национальные государственные символы местного правительства (акцент на животных и растительных символах)», ун-ет Джунганг. – 2014. – 156с.
4. Пак Намми «Изучение способа преподавания традиционному искусству через чтение символики животных и растений», корейский национальный университет. – 2009. – 132 с.)
4. Трофимова Е.Б., Языковые и когнитивные стратегии, используемые носителями русского языка при опозновании корейских фразеологизмов // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №6. – С. 386-388.
5. Филимонова Е.Н. Символика растений в переводных произведениях. «Благородные» растения (на материале переводов с корейского и китайского языков), [Электронный ресурс], http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_25_03filimonova.pdf – (дата обращения: 05.03.2020).
6. Naver dictionary [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <https://dict.naver.com/> (дата обращения: 04.05.2020).

Демчук А.О.

**Общее понятие и значение фразеологической единицы
в якутском и корейском языках**

*ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова»
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-190

Аннотация

В данной работе рассматриваются разнообразные определения понятий и значений фразеологической единицы в якутском и корейском языках, предложенные различными учеными. В ходе исследования было выявлено, что изучение фразеологических единиц и его вопрос о классификации хоть и начался в XX веках, но до сегодняшнего пока нет единого, универсального правила классификации фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологические единицы, классификация фразеологических единиц, якутский язык, корейский язык.

Abstract

This paper considers various definitions of the concepts and meanings of phraseology in the Yakut and Korean languages, proposed by various scientists. The study revealed that the study of phraseological units and its question of classification began in the twentieth century, but until today there is still no single, universal rule for the classification of phraseological units.

Keywords: phraseological units, classification of phraseological units, Yakut language, Korean language.

Представление о фразеологической единице, как особой единице языка в науке формировалось постепенно и на протяжении достаточно длительного времени. Этот процесс (незавершенный до наших дней) можно определить, как процесс познания категориальной сущности фразеологической единицы, как единицы языка и ее функционального назначения в речи. Уровнем познания фразеологической единицы измеряется и уровень «зрелости»

самой фразеологической науки, масштабность решаемых ею задач и значимость полученных результатов. Соответственно, и историю фразеологической науки можно представить, как определенную совокупность последовательно высказанных идей, каждая из которых явилась очередным шагом, ступенькой на пути к достижению современного уровня наших знаний о фразеологии языка [6].

«Лингвокультурологический (лингвострановедческий) подход к изучению фразеологизмов начинает развиваться как самостоятельное научное направление в 70-е гг. XX века на фоне теоретических и практических потребностей описания и преподавания русского языка как иностранного (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров и др.). Фразеологизмам принадлежат первые позиции в системе языковых единиц с точки зрения способности отражать национальное сознание, мировидение и мировосприятие, систему ценностей народа – носителя языка. В особой степени это справедливо для пословиц и поговорок. В связи с этим последние десятилетия интерес к описанию фразеологических единиц с позиций лингвокультурологии растёт» [2].

Фразеология – это как зеркало, которое отражает все исторические и культурные явления, которые увидел человек, и благодаря этому привнёс в речь носителя языка выражения, которые повлияли на создание определенного представления о мире. На протяжении многовековой истории у каждого народа в их фразеологический состав вошло огромное количество метафоричных, образных выражений, в которых мы можем заметить различные обычаи и традиции, культуру и мировосприятие народов.

В 40-х годах прошлого столетия в нескольких статьях была опубликована классификация фразеологических единиц Виноградова В.В., которая по сей день считается классической классификацией. Ученый в своих статьях развивал идеи швейцарского лингвиста Шарля Балли и предложил общепринятую классификацию фразеологических единиц. Слепакова В.Н. в своей работе пишет, что «Виноградов В.В. предложил семантический принцип классификации фразеологизмов русского языка. Это закономерно, поскольку семантические характеристики очень важны при рассмотрении фразеологических единиц любого языка.

Ученый предложил различать *фразеологические сращения* (неразложимые словосочетания, значение которых независимо от значения компонентов), фразеологические единства (значение целого мотивированно переносным значением компонентов), *фразеологическое сочетание* (состоящее из компонентов со связанным и свободным значением)» [5].

В своей работе Омер Бичер отметил, что «на основе первой классификацией фразеологических оборотов Виноградова В.В., Шанский Н.М. разработал классификацию, в которой с точки зрения семантической слитности, по замечанию ученого можно выделить четыре группы фразеологических оборотов, тем самым добавив такую классификацию, как *фразеологическое выражение*. Современные исследователи отмечают, что в составе фразеологических выражений «отчётливо выделяются составные наименования, глагольно-именные сочетания, пословицы, поговорки»» [2].

Исследователь Омер Бичер поддерживая мнения многих лингвистов писал, «что пословицы и поговорки могут являться особым типом фразеологических выражений. Если изначально пословицы и поговорки традиционно изучались фольклористикой, как небольшие художественные тексты, то начиная с 60–70-х годов XX века, активно начали разрабатываться в рамках подраздела фразеологии – паремиологии, языковой природы пословиц и поговорок».

В якутском языке история изучения паремий начинается тогда, когда устойчивые сочетания слов стали фиксироваться в публикациях И.А. Худякова (1890, 1918), В.Л. Серошевского (1896), С.В. Ястремского (1900), словаре Э.К. Пекарского (1907–1930), А.А. Попова (1936).

Якутские ученые также понимают термин «фразеология» как в узком, так и в «широком» смысле. Борисова Л.П. писала, что «одни ученые понимают термин «фразеология» в узком смысле, в таком случае относят к фразеологии только фразеологические единицы со структурой словосочетания и номинативной функцией. Сторонники широкого понимания фразеологии включают в состав фразеологии не только номинативные фразеологические обороты со структурой словосочетания, но и фразеологические обороты коммуникативного характера, имеющие структуру предложения, то есть пословицы, поговорки и крылатые выражения» [3].

Так, например, Н.В. Емельянов в монографии «Якутские пословицы и поговорки» придерживался мнения академика В.В. Виноградов о том, что «фразеологические единицы являются «единицами более сложного порядка, равнозначными слову», и не относил пословицы к фразеологизмам, считая, что это расширяет понятие об устойчивых фразеологических сочетаниях. Он считал, что поговорки по своему содержанию и функции близки к фразеологизмам» [4].

А вот учёный-лингвист Антонов Н.К. рассматривает фразеологию в «широком смысле» и включает в её разряд пословицы и поговорки [1]. В начале 90-х гг. XX в. характеризуется новый подход к исследованию якутских пословиц и поговорок.

Рассматривая вопрос фразеологических единиц в корейском языке, обратимся к определению Шанского Н.М., который писал, что «фразеологическая единица – это воспроизведенная в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [7].

В корейском языке к фразеологическим единицам можно отнести: *идиомы* (кор. 관용어), *пословицы* (кор. 속담), *косасоно* – ханмунные фразеологизмы (кор. 고사성어), если дословно «устойчивые выражения о древних делах», частный случай китайских заимствований в корейском языке.

Рассмотрим ещё несколько определений пословиц зарубежных исследователей. В толковом словаре корейского языка, разработанным в центре исследования национальной культуры при университете Корё, дают следующее определение термину «пословицы». «Пословица – в своей краткой и образной форме, выражает и передает накопленный опыт, извлеченные уроки или мнения об определенной ценности в жизни на протяжении длительного периода времени» [1].

Ли Гимун охарактеризовал определение, как пословицы, появившиеся из устного изречения народа ещё с давних времён. Пословица похожа на бусину, которая эффективно используется в нашей повседневной речи, и ясно отражает многолетний опыт и мудрость, накопленный народом и тем самым, придает нашей речи эмоциональной-экспрессивный окрас [1].

Исходя из выше сказанного, можно сказать, что изучение фразеологических единиц и его вопрос о классификации хоть и начался в XX века, но до сегодняшнего пока нет единого, универсального правила классификации фразеологических единиц, к тому же данная проблема прослеживается во многих языках. Другими словами, существуют исследователи, которые относят фразеологизмы к узкому пониманию в состав фразеологизмов включают только идиомы, а есть сторонники широкого понимания, которые в составе фразеологии рассматривают все виды устойчивых сочетаний.

Однако во всех языках, фразеологические единицы имеют одно общее определение, и это то, что фразеологические единицы являются национальным наследием, в которой накоплена мудрость наших предков и передается из поколения в поколение. В них

отражается вся многогранная жизнь народа, быт, нравы, обычаи и традиции и всё то, как жил и с чем сталкивался народ на протяжении веков.

1. Антонов Н.К. Саха билинни тылын лексиката. // Якутское кн. изд-во. – Якутск. – 1967. – 102 с.
2. Бичер Омар Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. – 2015.– С. 11.
3. Борисова Л.П. Лингвокогнитивный аспект исследования паремиологических единиц (на материале пословиц и поговорок якутского языка и их эквивалентов): Дисс., к.ф.н., М., – 1999. – 208 с.
4. Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1962. – 96 с.
5. Слепакова В.Н., Фразеологические единицы в английском языке. Классификация фразеологических единиц // Вопросы педагогики, –2018. – №9. –С. 108 - 111.
6. Хуснутдинов А.А. Фразеологическая единица как особая единица языка и параметры её научного описания //Русская фразеология и фразеология, изд. Ивановский государственный уни-т, 2016. – С. 44 - 96.
7. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 230 с.

Зязина А.С.¹, Тарарина Л.И.^{1,2}

Лексические особенности перевода корейских СМИ: на материале веб-изданий газет Donga, OhMyNews, The Hankyoreh, The Chosunilbo, Korea Economic Daily

¹Российский государственный социальный университет

²Московский физико-технический институт

(Россия, Москва)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-191

Аннотация

В данной статье рассматриваются лексические особенности корейских СМИ и способы перевода новых корейских неологизмов в социально-политическом дискурсе веб-изданий газет, также выявляются особенности корейских неологизмов и их классификация. В ходе исследования решаются такие задачи, как анализ корейских неологизмов, выявление особенностей каждого вида «новых корейских слов». Материалом для исследования послужили статьи на общественно-политические темы интернет-газет Donga, OhmyNews, The Hankyoreh, The Chosunilbo, Korea Economic Daily. В ходе данного исследования были проанализированы 80 статей на социально-политические темы и отобраны наиболее яркие примеры использования новейших неологизмов в корейском языке. В результате авторами выведена диаграмма наиболее актуальных способов перевода неологизмов, как лексических особенностей корейских СМИ.

Ключевые слова: неологизм, новые слова, корейский язык, СМИ, газеты, блендинг, гибрид, заимствования, влияние английского языка, конглиш.

Abstract

This paper examines the lexical features of the Korean media and the ways of translating new Korean neologisms in the socio-political discourse of the newspapers, it also reveals the features of Korean neologisms and their classification. The objectives of the study were the analysis of Korean neologisms, identification of the characteristics of each type of "new Korean words". Articles on socio-political topics by the online newspaper Donga, OhMyNews, The Hankyoreh, The Chosunilbo, Korea Economic Daily served as the material for the study. In the course of this study, 80 articles on socio-political topics were analysed. As a result, the authors have diagrammed the most relevant ways of translating neologisms as lexical features of Korean social media.

Keywords: neologism, new words, Korean, mass media, newspapers, blending, hybrid, borrowings, influence of English, Konglish.

В условиях современного мира СМИ играют колоссальную роль в обществе, а также влияют на его различные сферы. СМИ распространены по всему миру, поэтому следует

учитывать, что перевод средств массовой информации занимает особое место. Более того, в последние годы данный перевод получил широкое распространение.

Перевод текстов средств массовой информации имеет множество сложностей, в числе которых можно отметить тот факт, что у каждого источника могут быть свои особенности подачи материала, поэтому такие тексты крайне редко бывают полностью стилистически нейтральными. Зачастую изложение информации сопровождается прямым или завуалированным выражением оценки, языковыми средствами и речевыми приемами, которые пробуждают аудиторию к определенной реакции.

В связи с этим, актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время средства массовой информации оказывают огромное влияние на жизнь социума, а потому важной остается проблема перевода текстов СМИ в условиях, когда возрастает потребность адекватной передачи информации.

Цель нашего исследования – выявить лексические особенности, а именно использование иноязычных заимствований и слов-гибридов в текстах корейских веб-изданий.

Объект исследования – процесс перевода и выявление лексических особенностей в рамках текстов СМИ.

Предмет исследования – лингвистические факторы перевода веб-изданий корейских СМИ.

Материалом для исследования послужили статьи на общественно-политические темы интернет-газет Donga, OhmyNews, The Hankyoreh, The Chosunilbo, Korea Economic Daily.

При переводе статьи стоит помнить, что у любого источника есть свой стиль, идеология. Стоит также учитывать необходимость передачи подтекста статьи посредством эквивалентных метафор и фразеологизмов, так как буквальный перевод может исказить смысл написанного. Адекватный перевод текстов корейских СМИ поможет наиболее детально рассмотреть жизнь общества Южной Кореи.

Одной из особенностей корейских СМИ является использование большого количества неологизмов, иноязычных заимствований и слов-гибридов, такие лексемы в последнее время встречаются все чаще не только в блогах платформы Naver, но и в веб-изданиях газет.

Что касается характеристики газетного стиля корейских веб-изданий, в лексике данного стиля отмечается большой процент имён собственных, числительных, дат, обилие ханмунной лексики, заимствований из английского языка. Тексты корейских СМИ выделяются использованием иероглифики, особенно часто иероглифы встречаются в заголовках для обозначения какой-либо страны или же имени политика [Зязина, 2023, 264].

Особенность корейского языка в том, что его лексика состоит как из исконно-корейских слов, так и из иноязычных заимствований, совмещая в себе исконную корейскую и «корейзированную» иностранную культуру. Проблема заимствований в корейских текстах СМИ является на данный момент достаточно актуальной, так как по наличию иноязычных заимствований и гибридных словосочетаний можно оценить, чем сейчас живет корейское общество и какую лексику активно использует.

Лексический состав всего корейского языка можно разделить на три группы:

- 1) исконно-корейские слова;
- 2) ханмунная лексика (китаизмы, ханча);
- 3) иноязычные заимствования (преимущественно англоязычные заимствования, гибриды, аббревиация).

В данной статье мы рассмотрим последние 2 группы лексического состава корейского языка в рамках веб-изданий.

Примерно 60% процентов всего корейского языка составляют заимствованные из китайского языка сино-корейские слова. Основу данных заимствований составляют иероглифы (*ханча*). Ханча – это китайские иероглифы, которые используются в корейской письменности. В настоящее время у *ханча* ограниченное использование, чаще всего данные иероглифы можно встретить с сфере науки и публицистики. В статье мы будем

рассматривать использование ханмунной лексики как особое лексическое явление в корейском языке, в частности в корейских веб-изданиях.

В качестве примера можно привести заголовок новостной статьи из веб-издания газеты Donga (동아일보):

美 «매일 출근» 37%뿐... 재택근무로 빈 건물 늘자 아파트로 리모델링 [6].

В США только 37% сотрудников компаний ходят на работу в офис. По мере увеличения опции «работа из дома» увеличивается и количество пустующих офисов, которые подлежат переоборудованию под квартиры.

獨 철도, 임금협상 끝에 20시간 파업 예고... «주 38시간은 너무 길어» [13].

Служащие на немецких железных дорогах объявляют 20-часовую забастовку после нового указа о заработной плате... «38 рабочих часов в неделю – это слишком много».

(перевод наш Зязина А.С.)

Анализ материала исследования показал, что ханмунная лексика чаще всего присутствует в заголовках, но не в тексте статьи. Сама ханча (китайская иероглифика в корейском языке) служит для привлечения внимания читателя веб-издания, так как выделяется на фоне остального текста на корейском. Помимо этого, использование ханча также помогает сократить объем заголовка. Чаще всего в СМИ ханча используется для «маркировки» той или иной страны, как мы видим из примеров: 獨 – Германия, 美 – США. В данном случае, при переводе на русский язык новостных статей с использованием ханмунной лексики, мы опускаем экспрессивное и акцентное значение иероглифа, так как меняется тема-рема.

Что касается иноязычных заимствований, больший процент всех заимствований пришел из английского языка [Кукина, Зязина, 2022, 335].

Данная группа включает в себя:

- 1) заимствования с новым значением и культурными реалиями,
- 2) слова-гибриды,
- 3) блендинг.

В большинстве случаев, в данной статье будет использоваться классификация перевода реалий и неологизмов болгарских лингвистов С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 2012, 89]. Мы будем опираться на приблизительный и контекстуальный перевод неологизмов для передачи предметного смысла. При контекстуальном переводе переводимое слово отсутствует, а его содержание передается при помощи измененного контекста. Так же, как и в случае приблизительного перевода, при контекстуальном переводе реалия исчезает, и на ее месте оказывается нейтральный заместитель. По нашему мнению, для разгрузки читателя в текстах СМИ с повышенным содержанием реалий эти приемы могут оказаться весьма удачными.

Первый тип влияет лишь на оттенок неологизма, конкретизируя само новообразование в рамках культурных реалий Республики Корея. Иногда значения расходятся и, с точки зрения английского языка, данные новообразования считаются ошибками. Но с точки зрения корейских реалий, заимствования выражают уникальные понятия, которые можно встретить только в Корее. Иногда данные новообразования именуют «конглишем» (korean+english = konglish) или же «корейским английским».

В качестве примера рассмотрим отрывок из статьи веб-издания 한국경제 (Korea Economic Daily):

40대 B씨는 패션과 교육, 건강, 미용 등 스스로를 위한 지출을 아끼지 않는다. 스마트폰을 활용한 자산관리에 익숙하고 저축과 부동산을 벗어나 새로운 재테크에도 주저없이 도전하는 편이다. 소셜미디어 밈이나 유행어에도 환해 MZ세대(밀레니얼+Z세대)와 대화할

때도 전혀 동떨어지지 않는다. 90년대 신인류라 불리며 유행을 주도했던 X세대(1965~1980년생)가 '영포타'라는 이름으로 돌아왔다[9].

Новое веяние в поколении «кому за 40» все чаще обращают внимание на модные тенденции, самообразование, здоровье и красоту. Также им не составляет труда разобратсья в новом смартфоне и управлять активами через него. Они без промедления пробуют новые способы инвестиций, выходящие за рамки приобретения недвижимости и накопления сбережений.

Данное поколение также хорошо осведомлено о мемах и сленге в социальных сетях, поэтому, можно считать, что они наравне с поколением MZ (поколение Y+поколение Z).

Поколение X, возглавлявшее моду в 90-е годы под названием, вернулось под названием «Юные в 40».

(перевод наш Зязина А.С.)

В данном случае можно отметить, что в России только недавно начала развиваться тема названия поколений, тогда как корейское общество придает этому достаточно большое значение и укрепляет данное понятие в своей культуре общения. Соответственно, в данном переводе заимствований нашей целью был перевод предметного значения, понятный для русской культуры. Можно было бы перевести и как «молодые сорокалетние», но эмоциональный подтекст слова «сорокалетние» носит скорее негативную окраску, поэтому был предложен вариант перевода «юные в 40». Также в данном примере можно видеть достаточно большое количество англоязычных заимствований: 패션 (fashion), 스마트폰 (smartphone), 소셜미디어 (social media). Помимо заимствований также можем наблюдать и «конглиш», когда в словосочетании есть один англоязычный элемент и один корейский элемент: MZ세대, Z세대, где «세대» – это поколение (с кор.).

Также в данной статье стоит упомянуть подробнее второй тип заимствований – гибридные образования. Слова-гибриды несут в себе особую социокультурную нагрузку, совмещая один элемент иноязычного заимствования и один элемент исконно-корейского слова, также можно заметить, что данный тип новообразований схож с блендингом.

Также к гибридам в данной статье мы можем отнести и корейскую аббревиацию, так как она, чаще всего, сочетает в себе элементы иноязычные и исконно-корейские вместе. Такие аббревиации образуются с помощью словосложения и являются наиболее распространенными в корейском языке.

Гибридные образования

킬러 규제 – данный гибрид состоит из двух частей: заимствованного слова и исконно-корейского.

«킬러» транскрипция английского слова killer (убийца) и корейское слово 규제 (порядок, урегулирование, режим). Без контекста это может быть переведено, как «режим убийцы» или «правила убийцы», но, на самом деле, данный гибрид широко используется в экономическом дискурсе и имеет другой смысл.

Так как в наши дни в Корее появляется достаточно много неологизмов разного вида, корейские «нетизены» (пользователи интернета) все чаще создают личные блоги, где объясняют значение того или иного гибрида.

킬러규제란 어느 한쪽의 입장에서 국가 경쟁력을 저해하는 규제 중 가장 치명적인 것을 의미하며, 이러한 규제들은 비효율적이고 낡은 방식이거나 혁신을 저해하여 경제성장에 대한 걸림돌로 작용합니다[5].

킬러 규제 – это неэффективные меры, которые препятствуют инновациям и развитию экономики.

(перевод наш Зязина А.С.)

Например, в веб-издании газеты Donga (동아일보) есть статья:

尹 «킬러 규제 팍팍 걷어내라»... 중대재해법-화평법 개정 나설듯 [10].

«Эти меры совершенно неэффективны» - утверждает в своем заявлении Юн Сокёль. Вероятнее всего, законы о несчастных случаях и закон о безопасности будут пересмотрены и изменены.

(перевод наш Зязина А.С.)

Данный термин-гибрид является относительно новым неологизмом. Тем не менее, он широко используется в корейском экономическом и политическом дискурсах в последний год, указывая на бесполезность, неэффективность и недостаточность предпринятых ранее мер, препятствуя экономическому росту страны. Таким образом, для корректного перевода корейских слов-гибридов в текстах веб-изданий прежде всего стоит учитывать контекст и сферу новостной статьи.

Также здесь мы рассмотрим и пример аббревиации как лексической особенности текстов СМИ. Так как корейский язык принадлежит к агглютинативному языковому строю, то аффиксация и словосложение являются самыми эффективными словообразовательными процессами в корейском языке. Соответственно, аббревиации в корейском языке могут подвергаться любые словосочетания для сокращения названия заголовка статьи или для введения новых слов в речь корейского социума. Аббревиация может состоять как из исконно-корейских слов, так и может включать в себя и иноязычные заимствования.

В данной статье мы рассмотрим вариант аббревиации без иноязычных заимствований для демонстрации того, как легко в корейском языке любое словосочетание можно усечь лишь по первым слогам каждого слова.

Аббревиация

영끌 – это аббревиация от словосочетания 영혼까지 끌어모으다, что можно перевести как «собирая средства отовсюду, даже из души».

Перевод относительно понятен, но в некоторых сферах жизни корейского общества он стал носить терминологическое значение, соответственно, здесь нам для верного контекстного перевода стоит посмотреть трактовку данного неологизма в образовательных блогах платформы Naver.

영혼까지 끌어모았다는 뜻은 동일하지만 그 대상이 연봉이나 가슴이 아닌 부동산 매수를 위한 대출을 의미합니다. 대출 규제로 주택담보대출로 빌릴 수 있는 돈이 얼마 되지 않기 때문에 지인에게 사금융으로 대출받거나, 제2금융권, 신용대출, 보험대출 등 대출받을 수 있는 모든 수단을 동원한 것을 의미합니다 [14].

Смысл с душой такой же, вот только теперь значение не имеет ничего общего ни с годовой зарплатой, ни с делами сердечными. Скорее, теперь смысл приобрел практическое значение – кредит на покупку недвижимости.

В соответствии с регулированием ипотечных кредитов, сумму на них одобряют не столь большую, что означает попытки получить помимо данного кредита еще и денежные средства в долг от знакомых, одобрение второго кредита финансового сектора, несколько небольших кредитов, включая страховку и заём.

(перевод наш Зязина А.С.)

В веб-издании 조선일보 (The Chosunilbo) есть статья, в которой используется данная аббревиация. Рассмотрим подробнее ту часть, где используется данный неологизм и определим его смысл:

이른바 «**영끌 매수**»의 주역이었던 20~30대의 서울 아파트 매수 비중이 5개월 연속 줄어든 것으로 나타났다. 대출 규제 강화로 구매력이 축소된데다, 올해 들어 연초부터 집값 하락 심리가 확산하며 매수세가 위축됐다는 분석이다 [12].

Выяснилось, что доля покупок квартир в Сеуле людьми в возрасте от 20 до 30 лет снижается в течение пяти месяце. Данную потребительскую аудиторию чаще всего называют «**понемногу отовсюду**». Анализ показывает, что покупательная способность снизилась из-за ужесточения правил кредитования. С начала этого года было замечено, что цены на жилье начали падать, что в данный момент привело к снижению покупательной способности.

(перевод наш Зязина А.С.)

В данном случае, воспользовавшись контекстом статьи, мы понимаем, что речь идет про молодую потребительскую аудиторию, которая ищет способы получить как можно больше денежных средств откуда только возможно. Соответственно, в данной статье мы, в первую очередь, учитываем контекст, затем общее определение неологизма и далее стараемся перевести описательно, либо же можно использовать фразеологизм, если позволяет формат веб-издания.

어대명 – данная аббревиация набирает популярность в последние несколько лет в сфере политического дискурса. Данный неологизм означает **어차피 대표는 이재명** – «в любом случае, лидер партии – Ли Чжэмён». По сути, данная аббревиация носит характер некоего титула, статуса. Прозвище председатель либеральной «Демократической партии» получил за счет своей истории и целеустремленности к успеху: он рос в бедной семье, с детства работал на фабрике. Несмотря на то, что он бросил школу, он смог получить бесплатные уроки, сдать выпускные экзамены и поступить в университет, а далее пробиться в политики.

Рассмотрим подробнее особенности перевода данной аббревиации из статьи веб-издания газеты 한겨레 (The Hankyoreh):

이재명 더불어민주당 의원이 8·28 전당대회 최대 승부처로 꼽힌 호남에서도 70% 후반대 득표율을 기록하며 «**어대명**» (어차피 대표는 이재명) 기조를 굳혀가고 있다 [11].

Ли Джэ Мён, председатель Демократической партии Кореи, укрепляет свою лидирующую позицию, а также был зафиксирован результат голосования свыше 70% в Хонаме, регионе, который считался крупнейшим «полем битвы» на Национальном съезде 28 августа.

(перевод наш Зязина А.С.)

В данном случае, мы опускаем неологизм, так как пользуемся контекстуальным переводом. Данное опущение может быть объяснено тем, что не каждое русское веб-издание газеты пропускает в свою информационную повестку политические прозвища. Поэтому в данном переводе мы опускаем неологизм и выбираем нейтральный заместитель.

Что же касается блендинга, то данное явление рассматривали многие ученые лингвисты. В данной статье мы придерживаемся точки зрения Н.А. Лавровой, которая считает блендинг обособленной моделью словообразования, не обобщая её с иными моделями, которые сводятся к усечению слов [Лаврова, 2013, 30]. Исходя из этого, в данной статье мы будем рассматривать блендинг, как особую модель словообразования в корейском языке.

При переводе блендов с корейского на русский язык будут использованы следующие приемы: описательный перевод, подбор функционального аналога, транскрибирование.

Описательный перевод – способ передачи лексики с помощью добавления пояснений, представляет собой более развёрнутую речевую конструкцию.

В статье веб-издания Ohmynews мы нашли интересный пример корейского слова с переносным значением, которое в русском языке требует описательного перевода:

법꾸라지 (법 «закон» + 미꾸라지 «голец, вьюн») – ловкий, склизкий юрист, подобно рыбе вьюну.

이어 «이재명 대표는 민주당 의원들을 병풍처럼 두르고 검찰 포토라인에 서서 민주투사 행세를 했다»면서 «정작 검찰 조사실에 들어가서는 법망을 빠져나가기 위한 «법꾸라지»로 행동했다»고 꼬집었다[7].

*Затем Чон Чжинсок отметил: «Председатель Ли Чжэмён окружил членов Демократической партии, как занавесой, и встал у фотолинии, притворяясь истинным борцом за демократию. Однако, когда он действительно вошел в кабинет для дачи показаний, он действовал как **настоящий юрист-обманщик**, чтобы избежать наказания по закону».*

(перевод наш Зязина А.С.)

Подбор функционального аналога – несовпадение объемов понятий в разных языках требует от переводчика подбора наиболее близкого по значению аналога. Для подбора такого аналога можно опираться на схожесть предметной области в ИЯ и ПЯ, а также на тождество функций слова в ИЯ и ПЯ.

Для примера данного приема послужит статья веб-издания 조선일보 (The Chosunilbo):

원룸텔 (one room + hotel) – «ванрум», апартамент-отель, отель с очень небольшой площадью проживания на одного человека, состоящий из одной комнаты.

수면텔 (수면 «сон» + hotel) – буквально «отель для сна», в реалиях русского языка есть аналог «капсульный отель», небольшой отель, где есть только «ячейки-номера» для сна.

대학가나 지하철 역세권 위주로 «고시텔», «원룸텔», «수면텔» 등 정체불명의 이름을 단 부동산 상품이 쏟아져 나오고 있다[8].

Отели и гостиницы без привычных названий: «кощитхель», «апартамент-отель» и «капсульный отель» сдают номера в основном в университетских районах и районах возле станций метро.

(перевод наш Зязина А.С.)

Транскрибирование – прием перевода, стремящийся наиболее точно воспроизвести слово ИЯ при помощи алфавита ПЯ. Чаще всего данный способ используется для тех реалий и неологизмов, аналога которым нет в переводящем языке. Воспользуемся тем же примером из веб-издания 조선일보 (The Chosunilbo). В статье есть наименование вида временного съемного жилья «кощитхель».

고시텔 – кощитхель (отель с маленькими комнатками, особенностью является доступная цена, чаще всего снимают студенты).

Таким образом, мы рассмотрели наиболее часто встречающиеся лексические особенности корейских СМИ на примерах популярных в Корее веб-изданий газет. Многие лексические новообразования в СМИ и веб-изданиях газет несут в себе культурный отпечаток, отражая особенности корейской культуры и реалий.

Нами были проанализированы 80 статей веб-изданий корейских газет на социально-политические темы, а также отобраны наиболее яркие примеры для демонстрации разнообразных вариантов перевода на русский язык. Так как большинство реалий и неологизмов существует только в ИЯ, для перевода были предложены следующие способы и приемы (рис.1):



Рисунок 1. Приемы перевода лексических особенностей корейских СМИ.

Из диаграммы можно увидеть, что наиболее актуальными способами для перевода корейских неологизмов стали контекстуальный перевод и подбор функционального аналога.

СМИ и веб-издания газет занимают важное место в социально культурном аспекте жизни корейского общества.

В заключение можно сделать вывод, что в Корее с каждым годом все больше и больше новых неологизмов, которые проникают в СМИ, создаются специальные блоги со «словарями неологизмов и заимствований». При переводе на русский язык многие из новых слов в корейском языке могут вызвать сложности при поиске наиболее правильного приема перевода, иногда приходится также опускать неологизм, теряя при этом экспрессивность и акцентное значение лексемы. Наиболее актуальным способом перевода на данный момент лексических особенностей СМИ является смысловой и контекстуальный перевод, так как в многообразии «новых слов» существует и вариативность трактовок данных неологизмов в зависимости от сферы и области использования.

1. Vlahov S., Florin S. Untranslatable in translation [Text] / Sergey Vlahov, Sider Florin. - Ed. 5th. - Moscow: R. Valent, 2012. - 406 p.
2. Zyazina A.S. Specifics of the translation of headlines of news articles and the use of Chinese characters in Korean media: on the material of the Yonhap News agency // Naukosphere, March, 2023. №3(2)
4. Kukina U.A., Zyazina A.S. The specifics of neologisms in the modern Korean language: based on the material of the Naver platform blogs // Naukosphere, November. 2022. №11(2)
4. Lavrova N.A. Contamination as a word creative model: structure, semantics, stylistics, pragmatics: based on the material of the modern English language: abstract of the Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2013. 47 p.
5. Master 이지묵. 킬러규제란? 킬러규제똥, 내용 제거 그리고, 15대 핵심 킬러항목 선정. 19.07.2023. URL: 킬러규제란? 킬러규제똥, 내용 제거 그리고, 15대 핵심 킬러항목 선정 : 네이버 블로그 (naver.com) (accessed: 15 Nov. 2023)
6. 문병기. 美 «매일 출근» 37%뿐... 재택근무로 빈 건물 늘자 아파트로 리모델링[글로벌 현장을 가다]. 09.11.2023 URL: 美 «매일 출근» 37%뿐... 재택근무로 빈 건물 늘자 아파트로 리모델링[글로벌 현장을 가다] | 동아일보 (donga.com) (accessed: 10 Nov. 2023)
7. 박현광. «싸우겠다»는 이재명 향해 정진석 ««법꾸라지», 민주당사 행세». 12.01.2023. URL: «싸우겠다»는 이재명 향해 정진석 «법꾸라지», 민주당사 행세 - 오마이뉴스 (ohmynews.com) (accessed: 05 Nov. 2023)
8. 박성우. [알쏭달쏭 부동산] 고시텔·수면텔·레지던스텔... 쏟아지는 «~텔»들의 정체는? 04.06.2010. URL: [알쏭달쏭 부동산] 고시텔·수면텔·레지던스텔... 쏟아지는 «~텔»들의 정체는? - 조선비즈 (chosun.com) (accessed: 05 Nov. 2023)

9. 신민경. 비상장 주식 시장, «영포티»들이 주목하는 이유. 29.10.2021. URL: 비상장 주식 시장, 영포티들이 주목하는 이유 | 한국경제 (hankyung.com) (accessed: 05 Nov. 2023)
10. 전주영, 김도형. 尹 «킬러 규제 팍팍 걷어내라»... 중대재해법·화평법 개정 나설듯. 05.07.2023. URL: 尹 «킬러 규제 팍팍 걷어내라»... 중대재해법·화평법 개정 나설듯 | 동아일보 (donga.com) (accessed: 05 Nov. 2023)
11. 조윤영, 심우삼 . «어대명», 당선뒤 마냥 기쁠까...저조한 호남 투표율 «냉담한 민심». 22.08.2022. URL: «어대명», 당선뒤 마냥 기쁠까...저조한 호남 투표율 «냉담한 민심» : 정치일반 : 정치 : 뉴스 : 한겨레 (hani.co.kr) (accessed: 05 Nov. 2023)
12. 최상현. 2030 «영끌» 확 줄었다... 대출 규제 완화해도 «재점화» 없을 듯. 06.04.2022. URL: 2030 «영끌» 확 줄었다... 대출 규제 완화해도 «재점화» 없을 듯 - 조선비즈 (chosun.com) (accessed: 05 Nov. 2023)
13. 獨 철도, 임금협상 끝에 20시간 파업 예고...»주 38시간은 너무 길어». 15.11.2023. URL: 獨 철도, 임금협상 끝에 20시간 파업 예고...»주 38시간은 너무 길어» | 동아일보 (donga.com) (accessed: 15 Nov. 2023)
14. 에린 Erin. 영끌 뜻, 이자, 기준, 부동산 영끌족 의미는? 19.01.2023. URL: 영끌 뜻, 이자, 기준, 부동산 영끌족 의미는? : 네이버 블로그 (naver.com) (accessed: 15 Nov. 2023)

Иванова Т.В.¹, Лебедева В.В.²

Лингвокультурный анализ корейских ФЕ с компонентом-колоронимом «красный»

¹Нюрбинская многопрофильная гимназия им. С. Васильева
(Россия, Нюрба)

²Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-192

Аннотация

В данной статье приводятся результаты анализа ФЕ с компонентом-колоронимом «красный», в ходе которого были выявлены специфические особенности значения красного цвета в корейской лингвокультуре.

Ключевые слова: ФЕ, колороним, лингвокультурный анализ, красный цвет, корейский язык, символика, коннотация.

Abstract

This article presents the results of an analysis of phraseological units with the coloronym component “red,” during which specific features of the meaning of the color red in Korean linguistic culture were identified.

Keywords: phraseological units, coloronym, linguocultural analysis, red color, Korean language, symbolism, connotation.

Цвет — одно из свойств материального мира, воспринимаемое как осознанное зрительное ощущение. Тот или иной цвет присваивается человеком объектам в процессе его восприятия [1]. Колоронимы, как и фразеологизмы, являются высокоинформативными элементами культуры, которые передают культурно-исторические, этнографические, психолингвистические, лингвокультурологические и другие информации о народе. Существует огромное количество ФЕ с компонентом-колоронимом, которые вызывают большой интерес у филологов и лингвистов. Цветовая картина мира ярко отражается во фразеологии. Цвета выполняют коммуникативные, символические и выразительные функции [2; 156].

Данная статья посвящена лингвокультурному анализу корейских ФЕ с компонентом-колоронимом «красный». Всего было проанализировано 48 ФЕ с компонентом-колоронимом

«красный» [3, 4, 5], в результате которого были выявлены следующие специфические особенности значения символики красного цвета в корейской лингвокультуре:

1. Красный цвет может обозначать пустые руки, наготу. Возможно, красный цвет такое значение обрел из-за красных оттенков ладоней и красноты новорожденного ребенка:
 - **적수공권 (赤手空拳)** — красные руки, пустой кулак. В значении: не иметь ничего при себе.
 - **적나라 (赤裸裸)** — красное голое тело. В значении: голое, обнаженное тело.
 - **적수성가 (赤手成家)** — строить дом красными руками. В значении: добиться всего самостоятельно, не имея ничего в руках, несмотря на то что родился в бедной семье.
2. В составе некоторых фразеологизмов красный цвет обозначает красноречие, остроумие, пустословие, лживые слова и болтливость. Может иметь как положительную, так и отрицательную коннотации:
 - **적구독설 (赤口毒舌)** — красный рот, ядовитый язык. Означает слова, жестоко проклинающие других людей.
 - **적설소성 (赤舌燒城)** — красный язык способен сжечь замок. В значении: злословие способно причинить ущерб, подобно пожару.
 - **새빨간 거짓말** — красная ложь. В значении: наглая ложь.
3. В ряде фразеологических выражений корейского языка красный цвет используется для описания красоты и молодости человека:
 - **백발홍안 (白髮紅顏)** — седые волосы, красное лицо. Так говорят о человеке, который выглядит молодо на свой возраст.
 - **칠보홍안 (七寶紅顏)** — семь украшений, красное лицо. Обозначает молодую женщину с красивым лицом и множеством украшений.
4. В корейской фразеологии если ханбок (традиционный национальный костюм) фигурирует в составе пословичных изречений с компонентом цвета «красный», обозначает красивую одежду. Чем больше власти у человека, тем больше красного у него в одежде было, поскольку раньше одежду ярких цветов носила только знать. Например:
 - **동가홍상 (同價紅裳)/같은 값이면 다홍치마** (досл.) — при одинаковой цене лучше выбирать красную юбку. Так, красная юбка (**다홍치마**) олицетворяет образ красивой девушки.
 - **녹의홍상 (綠衣紅裳)** — зеленый верх, красная юбка. Так говорят о красиво одетых молодых девушках.
5. Символизирует доброе искреннее сердце, преданность:
 - **적자지심 (赤子之心)** — красное сердце сына(ребенка). В значении: безгрешное, чистое и искреннее сердце.
 - **적심보국 (赤心報國)** — быть преданным своей стране красным сердцем.
6. Красный цвет у корейцев ассоциируется с природой, в основном с осенним пейзажем:

- **한자수홍 (恨紫愁紅)** — наслаждайтесь красными цветами. В значении: наслаждайтесь осенней природой, поскольку в это время года листья становятся разноцветными, и природные краски вызывают различные чувства, эмоции и мысли.
 - **화홍유록 (花紅柳錄)** — цветы — красные, ива — зеленая. Обозначает то, что природа — неизменна.
7. Символизирует внешнюю красоту и противопоставляется с внутренним миром, характером человека:
- **홍안박명 (顔薄命)** — красное лицо — короткая жизнь. Означает, что красивые женщины обычно имеют скверный характер.
 - **홍불감장 (紅不甘醬)** — хоть цвет соевого соуса и красный, он имеет соленый вкус. В значении: внешность обманчива.
8. В корейском языке, когда китайский иероглиф **赤(적)**, обозначающий красный цвет, фигурирует вместе с иероглифом **貧(빈)**, обозначающим бедность, выражение **赤貧(적빈)** приобретает значение «крайняя бедность»:
- **적빈무의 (赤貧無依)** — надеяться, что крайняя бедность не наступит. В значении: быть очень бедным и не иметь возможности на кого-либо положиться.
 - **적빈여세 (赤貧如洗)** — словно вымытая крайняя бедность. В значении: быть бедным; не иметь ничего, будто все смыло водой.
9. Символизирует труд, усердие:
- **드는 돌에 닦 붉는다** — от поднятого камня лицо краснеет. В значении: труд требует усилий.
10. Символизирует особенность, отличие от других:
- **만록총중홍일점 (萬綠叢中紅一點)** — одно красное пятно среди 10 000 зеленых скоплений. В значении: особенный, не такой как все.
 - **홍일점 (紅一點)** — «одинокый красный цветок, распустившийся среди зеленых листьев.» Про что-то уникальное, различное среди многих. Обычно говорят про женщину среди мужчин.
11. Означает зрелость, спелость:
- **화무십일홍 (花無十日紅)** — через десять дней не будет красных цветов. В значении: то, что когда-то цвело, через некоторое время обязательно завянет(исчезнет).
 - **속홍관후 (粟紅貫朽)** — зерно краснеет, а деньги гниют. Эта метафора означает, что в беззаботном мире есть избыток.
12. Корейцы ассоциируют солнце, жару, засуху с красным цветом:
- **홍경 (紅鏡)** — красное зеркало. Метафорически так называют восходящее солнце.
 - **적지천리 (赤地千里)** — тысячи деревень на красной земле. Согласно поверью корейцев, если в первый день после праздника Ипчхун пойдет дождь, то наступит засуха, и из-за этого урожая не будет.
13. Может также символизировать сватовство, счастливый брак:

- **홍엽양매** (紅葉良媒) — красные осенние листья — хорошее сватовство. Красный кленовый лист означает хорошее сватовство, а писать стихотворение на кленовом листе означает стать брачной свахой.
- **홍옥혼식** (紅玉婚式) — красная(бусинка) свадьба. 45 годовщина свадьбы.
- **적승계족** (赤繩繫足) — связать ноги красной веревкой. В значении: связать узами брак. Данное выражение произошло от китайской легенды о связи двух людей, на щиколотках которых связывающая их вместе невидимая красная нить. Старик Юэлао, с помощью красной нити управляет брачными узами людей. Эта нить выдерживает разные жизненные обстоятельства, время или расстояния.

Таким образом, анализ показал, что символика красного цвета в корейском языке весьма многообразна, колоритом «красный» несет разную смысловую нагрузку и в основном имеет положительную коннотацию.

1. Артюшин Л. Ф. Цвет [Электронный ресурс]. URL: http://rosdesign.com/design_materials/kolor_2.htm (дата обращения: 25.01.2023)
2. Кошеренкова О. В. Символика цвета в культуре // Аналитика культурологии. 2015. №2. – С. 156-162.
3. 속담/한국 (сайт) [Электронный ресурс]: 나무위키. URL: [속담/한국 - 나무위키](http://www.namuwiki.com) (Дата обращения: 25.02.2023)
4. 색깔과 관련된 속담 // Naver URL: [색깔과 관련된 속담 : 네이버 블로그](http://naver.com) (дата обращения: 23.12.2022).
5. 紅 한자 풀이 // Wordrow URL: [紅\(붉을 홍,길쌈할 공,검붉을 강,상복 공\)에 관한 한자/한자성어/사자성어 38개/](http://wordrow.com) (дата обращения: 13.02.2023).

Лязгин П.Д.

Диалектные наименования, характеризующие элементы одежды в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный»

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского»
(Россия, Новозыбков)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-193

Аннотация

В данной статье рассмотрены особенности использования А. К. Толстым диалектных наименований для описания элементов одежды в романе «Князь Серебряный», помогающих раскрыть картину эпохи Ивана Грозного. Используемые диалектизмы описывают различные виды верхней одежды – женской, мужской, военной.

Ключевые слова: диалектные наименования, диалектные слова; роман «Князь Серебряный».

Abstract

This article discusses the features of A. K. Tolstoy's use of dialect names to describe the elements of clothing in the novel "Prince Serebryany", which help to reveal the picture of the era of Ivan the Terrible. The dialectisms used describe various different types of outerwear – women's, men's, military.

Keywords: dialect names, dialect words; the novel "Prince Serebryany".

В романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» встречается множество диалектных наименований, которые касаются описания элементов женской, мужской и военной одежды.

Нами был проведен анализ, с использованием Словаря Русских Народных Говоров, текста произведения и выделены примеры, отражающие использование писателем диалектных слов. Во многих других словарях некоторые из приведенных слов имеют пометы «просторечные» или «устаревшие» слова.

Элементы женской одежды:

Лётник – женская легкая летняя одежда [2, т. 17, с. 18], *аксамит* – бархат [2, т. 1, с. 227]. («На ней был голубой **аксамитный летник** с яхонтовыми пуговицами» [1, гл. 5, с. 206]; «Когда Серебряный пришел в себя, пение еще продолжалось, но он уже не стоял, а полусидел, полулежал на персидских подушках, Басманов старался, с помощью стремянного, напялить на него женский летник» [1, гл. 27, с. 384]).

Кокóшник – женский головной убор в виде полукруглого щита [2, т. 14, с. 101]. («Такие же серьги висели по самые плечи; голову покрывал **кокошник** с жемчужными наклонами, а сафьянные сапожки блестели золотой нашивкой» [1, гл. 5, с. 206]; «Тут только Никита Романович заметил на голове Елены жемчужный **кокошник** и побледнел» [1, гл. 5, с. 209]).

В романе Толстого данный вид одежды представлен немногочисленными понятиями в связи с тем, что описываемые элементы относятся только к форме одежды женщин высокого социального положения.

Элементы мужской одежды:

Однорядка – долгополый однобортный кафтан без воротника [2, т. 23, с. 50]. («Месяц играл на запонках его **однорядки**») [1, гл. 3, с. 189]).

Мурмóлка – меховая или бархатная шапка с плоской тульей [2, т. 18, с. 357]. («Золотые кисти **мурмолки** болтались по плечам») [1, гл. 3, с. 189];

«Голову князя покрывала белая парчовая **мурмолка** с гибким алмазным пером, которое качалось от каждого движения, играя солнечными лучами» [1, гл. 15, с. 252]).

Кармази́нный кафтан – кафтан из сукна малинового цвета [2, т. 13, с. 94]. («Их двое: с ней русский молодец в **кармазином кафтане**, только лица его не видно») [1, гл. 3, с. 193]).

Тёрлик – одежда, похожая на узкий кафтан с короткими петлями и короткими рукавами [2, т. 44, с. 77]. («В церкви народу не было; но когда встала Елена и оглянулась, за нею стоял боярин Морозов в бархатном зеленом кафтане, в парчовом **терлике** нараспашку») [1, гл. 4, с. 198]; «Подай мне **терлик**» [1, гл. 10, с. 230]).

Долома́н – короткая одежда с накидкой [2, т. 8, с. 114]. («Слуги, бывшие в бархатной одежде, явились теперь все в парчовых **доломанах**») [1, гл. 8, с. 215]).

Кунту́ш – верхний кафтан польского образца [2, т. 16, с. 94]. («Они заменили парчовые доломаны летними **кунтушами** из белого аксамита с серебряным шитьем и собольею опушкой») [1, гл. 8, с. 217]).

Шлы́к – шапка, колпак [2, т. 52, с. 214]. («Услышав звон, они вскочили и надели черные рясы поверх богатых кафтанов, а головы накрыли высокими **шлыками**») [1, гл. 11, с. 251]).

Сермя́га – кафтан из грубого некрашеного сукна [2, т. 37, с. 215]. («**Сермяги, ферязи и зипуны**, иные в лохмотьях, другие блестящие золотом, виднелись сквозь ветви дерев») [1, гл. 13, с. 272]).

Феря́зь – одежда с длинными рукавами, без воротника [2, т. 49, с. 34]. («**Сермяги, ферязи и зипуны**, иные в лохмотьях, другие блестящие золотом, виднелись сквозь ветви дерев») [1, гл. 13, с. 272]; «Подходя к ограде, он увидел белую **ферязь**» [1, гл. 15, с. 301]).

Зипу́н – кафтан из сермяжного (грубого) сукна [2, т. 11, с. 284]. («**Сермяги, ферязи и зипуны**, иные в лохмотьях, другие блестящие золотом, виднелись сквозь ветви дерев») [1, гл. 13, с. 272]; «Скажи-ка наперед, какого ты боярского рода, что золоченый **зипун** носишь?» [1, гл. 14, с. 284]; «**Зипун** его был изодран» [1, гл. 24, с. 374]).

Ону́чи – обмотка под лапоть, портянка [2, т. 23, с. 227]. («*Ня назовешь! – отвечал Митька и стал обертывать ноги онучами*») [1, гл. 19, с. 342]; «*Оделся нищим, почитай как теперь, повесил на шею торбу, всунул засапожник за онучу, да и побрел себе по дороге к посадку, не проедет ли кто?*» [1, гл. 20, с. 349]).

Стиха́рь – род парчовой одежды с длинными рукавами, которую носят дьяконы и церковные служители [2, т. 41, с. 165]. («*Царь вздел кольчугу, надел поверх нее черный стихарь, лег на постель и положил возле себя тот самый посох, или осён, которым незадолго перед тем пронзил ногу гонцу князя Курбского*») [1, гл. 21, с. 353]).

Опа́шень – долгополый кафтан с короткими широкими рукавами [2, т. 23, с. 245]. («*Поверх кафтана надет был внакидку шелковый легкий опашень золотистого цвета, застегнутый на груди двойною алмазною запоной*») [1, гл. 15, с. 304]; «*В глазах Серебряного еще рябило, мысли его еще не совсем прояснились, и он готов был вздеть летник, принимая его за опашень, как среди наставшей тишины послышалось протяжное завыванье*» [1, гл. 27, с. 389]).

Сми́рная одежда – траурная одежда, выражающая печаль [2, т. 39, с. 19]. («*Вопреки обычаю двора, одежда его была смирная*») [1, гл. 29, с. 414]).

В произведении слова, характеризующие мужскую одежду (верхнюю, среднюю), представлены шире, чем те, которые относятся к женской. Данные диалектные наименования описывают одежду представителей всех сословий.

Элементы военной одежды:

Ба́хтерцы – доспехи из металлических пластинок, соединенных кольцами [2, т. 2, с. 158]. («*С радостью выехал Серебряный из Вильно, сменил бархатную одежду на блестящие бахтерцы и давай бить литовцев, где только бог посылал*») [1, гл. 1, с. 181]; «*На Морозове был дощатый доспех, то есть стальные бахтерцы из наборных блях, наведенных через ряд серебром*») [1, гл. 31, с. 431]).

Мисю́рка – воинская шапка с железной маской и сеткой [2, т. 18, с. 176]. («*Голову его покрывала мисюрка, или железная круглая шапка, вроде тафьи, называвшаяся также и наплешником*») [1, гл. 13, с. 268]; «*На стене висела мисюрка с богатою золотою насечкой*») [1, гл. 19, с. 339]).

Шиша́к – шлем с высоким навершьем, который имел вид длинной трубки и оканчивался яблоком или украшался репьем [2, т. 52, с. 179]. («*Навстречу Максиму попался отряд монастырских служек в шишаках и кольчугах*») [1, гл. 22, с. 357]; «*Голову покрывал высокий шишак с серебром и чернью, и из-под венца его падала на плечи боярина кольчатая бармица, скрещенная на груди и укрепленная круглыми серебряными бляхами*») [1,

гл. 31, с. 434]; «*Вместо шишака на князе была ерихонка, то есть низкий, изящно выгнутый шлем, имевший на венце и ушах золотую насечку, а на тулье высокий сноп из дрожащих золотых проволок, густо усыпанных во всю длину их яхонтовыми искрами*») [1, гл. 31, с. 436]).

Кольчу́га – тип брони, состоящий из небольших колец, соединенных вместе в виде сетки [2, т. 14, с. 216]. («*Иоанн в черном стихаре, из-под которого сверкала кольчуга, стоял с дрожащим посохом в руке, вперив грозные очи в раненого разбойника. Испуганные слуги держали зажженные свечи*») [1, гл. 21, с. 354]; «*Кольчуга была скована на славу и возбудила во всех одобрительный шепот*») [1, гл. 40, с. 489]).

Ба́рмица – кольчужная железная сетка, прикрепляемая у шлема для прикрытия не только затылка, ушей и щек, но и плеч [2, т. 2, с. 119]. («*К шапке приделана была бармица, или стальная кольчатая сеть, защищавшая от сабельных ударов затылок, шею и уши*») [1, гл. 13, с. 281]; «*Голову покрывал высокий шишак с серебром и чернью, и из-под венца его падала на плечи боярина кольчатая бармица, скрещенная на груди и укрепленная круглыми серебряными бляхами*») [1, гл. 31, с. 439]).

Зерца́ло – воинские доспехи, род лат [2, т. 11, с. 269]. («*Еще страдая от недавних ран, он не захотел надеть ни зерцала, ни бахтерцов, хотя они и считались самою надежною броней, но предпочел им легкую кольчугу*») [1, гл. 31, с. 429]).

Как и элементы мужской одежды, диалектных слов, характеризующих военную одежду в произведении тоже много. Это связано с эпохой, описываемой в романе, и с событиями, сопутствующими периоду правления Ивана Грозного.

Итак, А. К. Толстой в романе «Князь Серебряный» использует большое количество диалектных наименований, описывая мужской и женский внешний вид. Это помогает в воссоздании картины эпохи Ивана Грозного.

1. Толстой, А. К. Собрание сочинений: В 4-х т. / Под ред. И. Ямпольского. – Т. 2. – Москва: Правда, 1969. – С. 177–498 (Библиотека отечественной классики).
2. Словарь русских народных говоров: В 52-х т. / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Москва: Наука; Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1965-.

Лязгин П.Д.

Образ Петербурга в лирике О.Э.Мандельштама

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского»
(Россия, Новозыбков)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-194

Аннотация

В данной научной публикации рассматривается специфика «Петербургского текста», как монументального явления русской литературы, которая получила свое отражение начала XX века в лирике поэта-акмеиста О. Э. Мандельштама.

Ключевые слова: лирика О.Э. Мандельштама, сборник «Камень»; петербургский текст.

Abstract

This scientific publication examines the specifics of the "Petersburg text" as a monumental phenomenon of Russian literature, which was reflected at the beginning of the XX century in the lyrics of the poet-acmeist O. E. Mandelstam.

Keywords: lyrics by O. E. Mandelstam, collection "Stone"; Petersburg text.

Изучению «Петербургского текста», как явления русской литературы посвящено множество теоретических трудов, в том числе работы В. М. Топорова [1, с. 4] и Ю. М. Лотмана [1, с. 30].

Ведущие литературоведы определяли «Петербургский текст», как текст, отражающий в себе сам город, так и делает его главным местом, где происходят все события. Он может раскрывать, как внутреннюю жизнь петербуржцев, так и стать центром и отражением всего государства.

Данное направление в литературе коснулось множество поэтов и писателей разных эпох. Не стал исключением и О. Э. Мандельштам, в творчестве которого данная тема получила отражение.

В 1913 году выходит первая книга Мандельштама «Камень». Этой книгой Мандельштам заявил себя зрелым поэтом.

Петербургская тема в русской поэзии неотделима от имени Пушкина, и здесь необходимо сказать о пушкинском влиянии на Мандельштама. Ахматова пишет, что «к Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение». Как русский поэт, тем более, как поэт петербургский, Мандельштам не мог не испытывать сильного влияния пушкинской поэзии. В стихах и прозе Мандельштама встречается множество свидетельств глубокого постижения поэзии Пушкина и его судьбы. Лишь учитывая все это, можно представить, что значила для него петербургская тема.

Необходимо также принять во внимание, что искусство десятых годов XX века заново открывало Петербург. Достаточно вспомнить графику Добужинского и Бенуа, стихи Блока, роман Белого.

Эти писатели, каждый по-своему, творили миф о Петербурге. И вот, рядом со «страшным миром» Блока, «Петербургом» Белого, с трагическими видениями Добужинского, и возникает своеобразное творчество Мандельштама [2, с. 48]:

*Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.
Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна – как броненосец в доке –
Россия отдыхает тяжело.
А над Невой – посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крепкая порфира,
Как власяница грубая, бедна.
Тяжка обуза северного сноба –
Онегина старинная тоска;
На площади Сената – вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...
Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.
Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход –
Чудак Евгений – бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!*

Стих «Петербургских строф» будто порожден самой архитектурой классицизма. В спокойных строках предстает простор невской дельты, протяженность парадных ансамблей. Современный язык, насыщенность деталями создают ощущение свежести классического стиха.

Здесь изображен реальный пейзаж: Сенатская площадь, Дворцовая набережная, Пеньковый буян. Однако это не просто рисунок с натуры. Пейзаж заряжен историей. Связывая прошлое с настоящим, он несет ясное ощущение конца эпохи.

Тема дряхлеющего государства, доживающего век на покое, возникает в «Петербургских строфах» не впервые.

Но в «Петербургских строфах» покой неустойчив; «площадь Сената» и «броненосец в доке» несут предчувствие социальных потрясений и мировой войны. Это небольшое стихотворение несет поразительную смысловую емкость. Здесь и историческая роль Петербурга – окна в Европу («Над Невой посольства полумира»), и запоздалое промышленное развитие: единственной примете нового времени, «моторам», противостоят сани, склад пеньки, мужики, торгующие сайками и сбитнем, и сонный покой правительственных зданий в снежной мути. Здесь и отзвук восстания на Сенатской площади, неудача которого откликается в тоске Онегина, и драма маленького человека («чудак Евгений»). Перед читателем открывается сцена, медленно вращающаяся вокруг неназванного Медного всадника.

Причем, как отмечает Л. Гинзбург, поэтическая речь Мандельштама не стилизация, а является речью современного человека, свободно совмещающей разные культурные стили и пласты, например высокую и обыденную лексику: «бензин вдыхает и судьбу клянет». Стихотворения Мандельштама это прежде всего структура, конструкция, такое единство, элементы которого взаимодействуют и борются между собой [3, с. 122].

В том же 1913 году Мандельштам пишет еще одно стихотворение о Петербурге – «Адмиралтейство» [2, с. 54]:

*В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали — воде и небу брат.
Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою приемникам Петра,
Он учит: красота — не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.
Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек:
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?
Сердито лепятся капризные Медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря —
И вот разорваны трех измерений узы
И открываются всемирные моря.*

Прославляя ремесло строителя, Мандельштам дает здесь ставшую хрестоматийной формулу красоты. Афористический стих воссоздает воздушные пропорции классической постройки, подобной кораблю, и ее особое положение в планировке левобережной части города, разбегающейся тремя лучами от «мачты-недотроги». В последней строфе явственен запах моря.

В декабре 1915 года Мандельштам выпускает второе издание «Камня», по объему почти втрое больше первого. Во второй «Камень» вошли такие шедевры, как «Вполоборота, о, печаль» («Ахматова»), «Бессоница. Гомер. Тугие паруса», «Я не увижу знаменитой Федры». Сборник включал и новые стихи о Петербурге: «Адмиралтейство», «На площадь выбежав, свободен» (Казанский собор) с подзаголовком «Памяти Воронихина», «Дев полуночных отвага», «В спокойных пригородах снег». Второй «Камень» получил значительно больше откликов, чем первый.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тема «Петербургского текста» получила свое отражение в творчестве многих писателей и поэтов Петербурга, в том числе и О. Э. Мандельштама.

1. Ученые записки Тартуского Государственного университета. Выпуск 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII / под ред. Ю. М. Лотман. – Тарту: 1984. – 139 с. – Текст (визуальный): непосредственный.
2. Мандельштам, О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1: Стихотворения / О. Э. Мандельштам. – Издание 3-е испр. И доп. – Санкт-Петербург: Интернет-издание, 2020. – 700 с. - Текст (визуальный): непосредственный.
3. Барковская, Н. В. Поэзия «серебряного века». Учебное пособие / Н. В. Барковская. – Издание 3-е, доп. – Екатеринбург, 2010. – 194 с. – ISBN 5-7186-0071-6. - Текст (визуальный): непосредственный.

Лязгин П.Д.

Специфика футбольных жаргонизмов, идиоматических оборотов и футбольных речовок

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского»
(Россия, Новозыбков)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-195

Аннотация

Исследование, рассматривающее специфическое использование жаргонных выражений, идиоматических оборотов и речовок фанатами футбольных команд.

Ключевые слова: футбольные жаргонизмы, идиоматические обороты, футбольные речовки.

Abstract

A study examining the specific use of slang expressions, idiomatic phrases and speeches by fans of football teams.

Keywords: football jargon, idiomatic phrases, football chants.

В наше время лексикон футбольных фанатов изобилует различными жаргонизмами выражениями, включая и те, которые содержат нецензурную лексику. В данной работе мы рассмотрели различные примеры футбольных жаргонизмов, речовок и идиоматических выражений.

Актуальность работы обусловлена широким многообразием жаргонных слов и идиоматических выражений.

Изучению футбольного фанатского жаргона посвящен «Словарь футбольного болельщика. Оле-оле-оле-оле!!!» Никитиной Т. Г., Рогалевой Е. И. [1], специальные учебные футбольные пособия, например, «Мини-футбол. Обучение технике игры» [2], «Футбольная энциклопедия» [3].

На основе имеющихся материалов нами был произведен комплексный анализ фанатской лексики.

1. Футбольные жаргонизмы.

1. Названия футбольных клубов и их болельщиков.

- «Канониры» - Арсенал Лондон
- «Лисы» - Лестер Сити
- «Молотобойцы» - Вест Хэм Лондон
- «Сороки» - Норвич Сити
- «Матрасники» – Атлетико Мадрид
- «Королевский клуб» – Реал Мадрид
- «Летучие мыши» - Валенсия
- «Желтая субмарина» - Вильярреал Валенсия
- «Старая синьора» - Ювентус Турин
- «Нерадзури» - Интер Милан
- «Шмели» – Боруссия Дортмунд
- «Фармацевты» – Байер 04 Леверкузен
- «Быки» - клубы системы Рэд Булл Лейпциг
- «Свины» – болельщики ФК «Спартак» Москва
- «Бомжи» – болельщики ФК «Зенит» СПб
- «Кони» – болельщики ПФК «ЦСКА» Москва
- «Железнодорожники» – болельщики ФК «Локомотив» Москва

2. Слова, обозначающие футбольные явления и процессы.

- *Аут* - выход мяча за боковую линию. [1, с. 14]
- *Аутсайдер* - команда, находящаяся в конце турнирной таблицы. [1, с. 17]
- *Банка*:
 - 1) скамейка запасных;
 - 2) гол. [1, с. 19]
 - *Второй этаж* — игра головой. [1, с. 21]
 - *Горчичник* — жёлтая карточка. [1, с. 24]
 - *Заряжать* (реже – *исполнять*) – скандировать кричалки и песни. [1, с. 29]
 - *Корнер* - угловой удар. [1, с. 35]

- *Мундиаль* - чемпионат мира. [1, с. 42]
- *Навес* - пас по воздуху. [1, с. 54]
- *«Собака»* – электропоезд, на котором большинство фанатов добираются в города. [1, с. 87]
- *Фанат* (реже – фан, фэн, фанатик) – активный спортивный болельщик, участвующий в акциях. [1, с. 93]
- *Фэйрплэй* – честная игра. Драка по взаимной договоренности, с одинаковым количеством человек с обеих сторон, без использования аргументов. [1, с. 114]
- *Финт* - обманное движение, обманный приём, исполненный футболистом. [1, с. 124]
- *Шедвел* – проникновение группы фанатов на трибуну с другими фанатами с целью захвата сектора или драки. [1, с. 168]

Существует множество жаргонных названий футбольных клубов и их болельщиков в чемпионатах каждой страны мира. Помимо общепринятых, существуют и футбольные жаргонизмы с нецензурной лексикой.

II. Идиоматические обороты.

«Тяжелое поле» – это футбольное поле, находящееся в плохом состоянии (поля с неровной поверхностью, жестким грунтом, при большом количестве вытоптанной травы). Кроме того, «тяжелым» может быть поле хорошего качества, но в плохую погоду (дождь или снег). На таком поле футболистам труднее управляться с мячом: он имеет непривычный отскок и становится на редкость непокорным. [2, с. 51]

«Тянуть время». Под этим подразумевается преднамеренный отказ от активной наступательной игры, а также ее всяческое искусственное замедление с целью не дать сопернику вести атакующие действия и поскорее дожидаться окончания матча (например, ведение в счете с разницей в один мяч). [2, с. 52]

«Игровая дисциплина». Под этим понятием подразумевается не только соблюдение правил игры в футбол, но и строгое соблюдение предыгровой установки, данной тренером накануне матча. Во время предыгровой установки каждый футболист получает индивидуальное задание: за кем-то закрепляются игроки соперника, которых нужно «держат», кому-то дается строгое указание «играть зону» (то есть защищаться) и т. д. Если футболист не выполняет тренерскую установку, принято говорить, что он нарушил игровую дисциплину. [2, с. 28]

«Мертвый мяч». Иногда удары по воротам игроки наносят настолько точно и сильно, что мяч чуть ли не разрывает сетку ворот. Такие почти не берущиеся мячи и принято называть «мертвыми мячами». Отсюда и выражения: забил «мертвый мяч» (когда забивается неберущийся мяч) или взял «мертвый мяч» (когда вратарь все же ухитряется поймать мяч в безнадежной ситуации). [2, с. 34]

«Двенадцатый игрок» - болельщики, рьяно поддерживающие свою команду. В Испании болельщики более активно поддерживают свою команду, чем в России. Они пытаются попасть на каждый матч с участием их любимой команды. [2, с. 17]

«Открытый футбол» - игра обеих команд проходит в атакующем стиле, с большим количеством забитых голов. Как правило, в такой футбол играют команды примерно равные по силе. [2, с. 39]

«Фол последней надежды» - нарушение правил, влекущее за собой лишение соперника очевидной возможности забить гол. Наказывается удалением с поля с показом красной карточки. [2, с. 62]

«Получить горчичник» - нарушение правил, за которое следует санкция от судьи в виде желтой карточки. [2, с. 41]

«Сесть на банку» - момент в карьере игрока, когда он теряет физические кондиции, который влечет за собой потерю места в стартовом составе команды, и «отправляется» на скамейку запасных. [2, с. 44]

«Устроить перфоманс» - когда болельщики перед началом матча устраивают на трибунах представление в поддержку своей команды. [2, с. 57]

«Ударить выше заводских» - данная идиома появилась в советское время, когда для детей заводские ворота служили воротами в дворовой игре. И если били сильно по мечу, то он перелетал через них. Со временем это выражение перешло в большой футбол и закрепилось в нем. [2, с. 56]

В обиходе футбольных фанатов присутствует множество идиоматических оборотов. Некоторые из них устарели и стали использоваться реже, либо не использоваться вовсе. Также как и жаргонизмы, футбольные идиомы периодически пополняются новыми выражениями.

III. Футбольные речовки.

1. Почему режут трибуны?
Почему народ шумит?
Это с лёгкостью голландцев
Громит питерский «Зенит».
Счет 5:0. Победный гол!
И да здравствует футбол! [3, с. 35]
2. На любом футбольном поле
И в любое время года
Знаем, что у «Спартака»
На замке ворота. [3, с. 42]
3. ЦСКА. Москва. Футбол.
Кто забьёт сегодня гол?
Это он, это он
Всех созвал на стадион.
Поддержим клуб, фанаты.
Давай, вперед, ребята! [3, с. 47]

Существует большое множество футбольных речовок, относящихся к разным футбольным клубам. Также, как и идиоматические выражения некоторые из них устаревают, или появляются новые.

Рассмотрение и анализ лексических единиц, относящихся к каждой из представленных групп, позволил сделать вывод, что каждая из групп достаточно обширна и постоянно пополняется новыми единицами. Использование футбольными фанатами специальных жаргонизмов и идиоматических оборотов повсеместно, и имеет, как схожие черты, так и явные отличия.

1. Никитина, Т. Г. Словарь футбольного болельщика. Оле-оле-оле!!! / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева. – Москва: Издательство «Просвещение» - «ОЛМА», 2014. - 288 с. - ISBN 978-5-373-03556-9. – Текст (визуальный): непосредственный.
2. Мини-футбол. Обучение технике игры: учебное пособие / С. Е. Банников, Р. И. Минязев, А. Г. Босоногов, В. И. Самойлов. - Екатеринбург: УРО РАМФ, 2015. - 105 с. - ISBN 978-5-91128-079-6. - Текст (визуальный): непосредственный.
3. Футбольная энциклопедия: История футбола. Чемпионаты мира и Европы. Олимп. футбол. Турниры. Футбол. Кубки. Звезды мирового футбола. Суперклубы. Футбол в России. Забавные футбольные истории. Правила, терминология / Автор-сост. А. Смирнов. - Москва: Вече: АСТ, 2000. – 189 с. - ISBN 5-7838-0275-1. - Текст (визуальный): непосредственный.

Нератова Н.В.

Лексико-семантические замены при переводе художественных кинофильмов с китайского языка на русский (на материале кинофильма «Дом летающих кинжалов»)

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-196

Аннотация

В статье проводится метод сопоставительного анализа исходного кинотекста и его официального перевода на русский язык, с целью выявить виды лексико-семантических трансформаций, а также количественный анализ, результаты которого демонстрируют наиболее и наименее распространенные виды таковых.

Ключевые слова: перевод художественных кинофильмов, переводческие трансформации, лексико-семантические замены, конкретизация, генерализация, модуляция.

Abstract

The article presents a method of comparative analysis of the original film text and its official translation into Russian to identify the types of lexical-semantic transformations, as well as a quantitative analysis, the results of which demonstrate the most and least common types of such.

Keywords: translation of feature films, transformations, lexical-semantic substitution, specification, generalization, modulation.

Благодаря сотрудничеству между Китаем и Россией, экономика между двумя странами развивается, это отражается и на культуру, в которой одно из главных мест занимает кинематограф. В Москве и Санкт-Петербурге ежегодно проводится «Фестиваль китайского кино в России». В программу фестиваля входят лидеры китайского кинопроката и лауреаты национальных кинофестивалей, в числе которых всегда стоят произведения Чжан Имоу. Принимая во внимание необходимость в проведении наиболее грамотной и эффективной межкультурной коммуникации двух стран, очевидно, что вопрос перевода кинофильмов обретает значимость.

Перевод кинофильмов с китайского на русский язык – это сложный, трудоемкий процесс, требующий не только владения обоими языками в совершенстве, но и умения применять языковые преобразования так, чтобы достигался коммуникативно-прагматический эффект, и оказывалось художественно-эстетическое воздействие, вопреки расхождениям грамматических структур китайского и русского языков и ограниченности во времени, связанной с необходимостью в синхронности речи оригинала и перевода.

Для определения понятия «перевод кинофильмов» обратимся к определению Л. Л. Нелюбина: «перевод кино/видео материалов сочетает черты синхронного, последовательного и письменного перевода в зависимости от цели и характера работы (перевод на аудиторию, для дубляжа, озвучивание и пр.)» [4]. Профессор В. Е. Горшкова [1] в своей монографии «Перевод в кино» определила перевод кинофильмов как письменный вид перевода, поскольку в большинстве случаев он готовится письменно с опорой на скрипт, и на предварительном этапе должен рассматриваться, как письменный перевод.

Термин «переводческая трансформация» широко используется многими переводоведами, такими как В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов, Р. К. Миньяр-Белоручев и другие. Для дальнейшего анализа обратимся к определению В. Н. Комиссарова. В его подходе «переводческие трансформации» – преобразования, с помощью которых осуществляется переход от языковых единиц оригинала к единицам перевода. В зависимости от характера преобразований В. Н. Комиссаров выделял лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации. В данной статье нами будут рассмотрены лексические трансформации, а именно лексико-семантические замены.

Лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция) – это способ перевода лексических единиц оригинала путем использования единиц переводящего языка, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований.

Несмотря на то, что при переводе художественных текстов с китайского на русский язык, прием конкретизации, как правило, встречается чаще, в данном кинофильме нами было найдено лишь 10 случаев с использованием данной трансформации. Рассмотрим один из примеров применения данной замены.

Оригинал: 新帮主现在何处? 说! (xīn bāngzhǔ xiànzài hé chù? shuō!)

Дубляж: Где он сейчас находится? Отвечай!

Дословный перевод: Новый глава тайного общества сейчас в каком месте? Говори!

Это довольно частый случай в ходе практики перевода с китайского языка на русский, поскольку такие простые глаголы, как 说 (shuō), 看 (kàn), 听 (tīng) часто переводятся на русский язык, с помощью ряда других глаголов похожих по смыслу, но имеющих более конкретное значение. В данном случае глагол «говори» переведен как «отвечай». Данная реплика была сказана в момент допроса главной героини в тюрьме, и ей предшествовал вопрос. Поэтому такой перевод уместен, и в анализе его адекватности нет необходимости. Этим примером мы продемонстрировали самый частый случай использования конкретизации.

В ходе анализа перевода кинофильма было найдено всего 16 случаев с использованием генерализации. Данный фильм не изобилует различными выражениями с излишней конкретизацией. Ведь зачастую генерализацию применяют как раз при таких условиях, когда конкретное наименование какого-либо предмета или явления ни о чем не говорит рецептору перевода, или когда значение данного слова не имеет большого значения в контексте.

Оригинал: 刘捕头, 金捕头, 属下外出巡视, 告辞。(liú bǔ tóu, jīn bǔ tóu, shǔ xià wàichū xúnshì, gàocí.)

Дубляж: Капитан Ляо, капитан Чэн, Мы уходим патрулировать, удачи!

Дословный перевод: Начальник полицейского наряда Лю, начальник полицейского наряда Цзинь, подчиненные отправляются производить инспекторский осмотр, откланяемся.

В данном случае применен прием генерализации: слово «捕头» (bǔ tóu) означает начальник полицейского наряда, данный термин использовался во времена правления династии Тан, данное слово является реалией. Переводчик заменил такое длинное понятие, на слово «капитан», так как оно тоже указывает на высокую должность, и с его использованием переводчику удалось войти во временные рамки, но смысл не был утерян, что дало правильный прагматический эффект. Этот же прием использован в следующей части предложения, где слово «巡视» (xúnshì) («производить инспекторский осмотр») было переведено одним глаголом «патрулировать».

Совершив подробный анализ диалогов всего фильма, нами было выявлено, что прием модуляции является одной из самых распространенных лексико-семантических замен (88%). Это обусловлено тем, что модуляция позволяет переводчику (в нашем случае – при переводе кинофильмов) избежать смысловую неоднозначность, возникающую из-за разницы в структурах русского и китайского языков. Также использование данного приема помогает сделать предложение соответствующим контексту, в котором оно употреблено.

Оригинал: 酗酒闹事, 衣衫不整成何体统。都给我带回去! (xùjiǔ nàoshì, yīshān bùzhěng chéng hé tǐtǒng. dōu gěi wǒ dài huíqù!)

Дубляж: Вы не держитесь на ногах, а девушка неподобающе одета. Арестовать обоих!

Дословный перевод: Пьянством затеял скандал, одета неподобающе – безобразие. Всех привести ко мне!

Первая часть реплики переведена с помощью модуляции. Данная фраза была сказана в момент, когда капитан Ляо увидел происходящий в Доме пиона беспорядок. Он приказал своим служащим арестовать капитана Цзиня, который был сильно пьян, и Сяомэй, одежда которой была непристойно порвана. С помощью причинно-следственной связи (человек не держится на ногах из-за пьянства) переводчики смогли оказать нужный прагматический эффект.

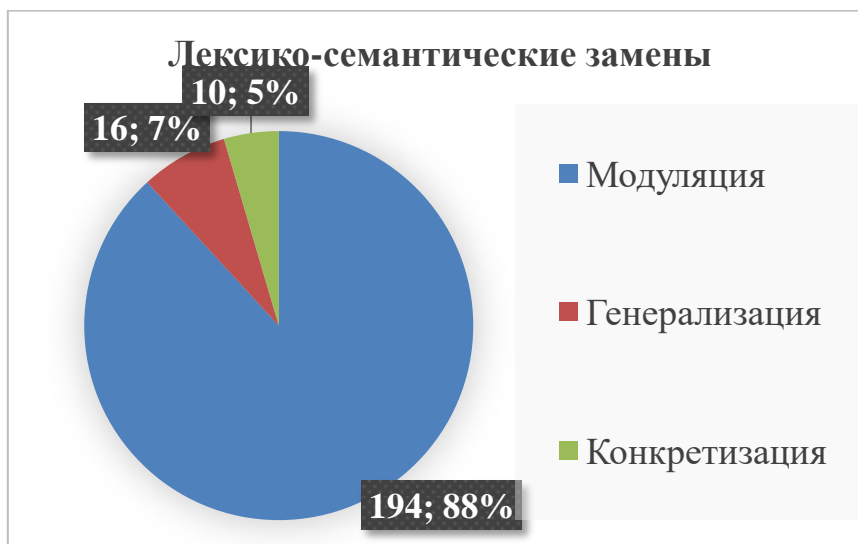


Рисунок 1. Лексико-семантические замены при переводе кинофильма «Дом летающих кинжалов».

Проведенный анализ лексико-семантических замен показал, что самой распространенной заменой является – модуляция, составляющая 88% (См. Рисунок 1). Это обусловлено тем, что данная трансформация, в силу своей особенности передавать исходный смысл путем причинно-следственной связи, позволяет переводчикам не только совершить адекватный перевод, но и значительно сократить время озвучивания, что является необходимым при переводе кинофильма способом дублирования.

1. Горшкова, В. Е. Перевод в кино: монография. – Иркутск : ИГЛУ. – 2006. С. 115.
2. Кинофильм «Дом летающих кинжалов»: [сайт]. – URL: www.ivi.ru (дата обращения: 14.05.2023)
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – С. 42.
4. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: изд-во «Флинта», 2003. – С. 141.
5. 十面埋伏 优酷视频: [сайт]. – URL: www.youku.com (дата обращения 13.05.2023).

Орел И.В.

Развитие познавательного интереса к изучению иностранного языка на основе неологизмов гендерной тематики в английском и немецком языках

*Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева
(Россия, Красноярск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-197

Аннотация

В данной статье речь идет о значимости изучения языковой среды в европейских языках, которая под влиянием гендерных моделей поведения и смены традиционных культурных ценностей в обществе, сегодня подвержена сильным изменениям.

Ключевые слова: языковая система, изменение языка, новые понятия и термины, гендерные неологизмы, образовательный процесс.

Abstract

This article is about the importance of studying the linguistic environment in European languages which under the influence of gender behavior patterns and changes in traditional cultural values in society, is today subject to strong changes.

Keywords: language system, change of language, new concepts and terms, gender neologisms, educational process.

Язык, как постоянно меняющаяся величина нуждается в постоянном мониторинге за явлениями и процессами, происходящими в языковой системе, особенно когда речь идет об языке, который является предметом изучения в качестве иностранного языка, чтобы обеспечить эффективность развития коммуникативной компетенции студентов. Изменение языка - это естественный процесс, в результате которого язык адаптируется к социальной и политической динамике общества, формируя новые термины для описания новых ситуаций.

Гендерная политика, направленная на конструирование гендера, которая активно проводится сегодня в западном сообществе, меняет не только мышление, видение мира, культуру, науку образование, но и обуславливает гендерный подход к языку. Под знаменем гендерной справедливости и гендерной идентичности создаются новые слова, аффиксы, меняется специфика и сочетаемость слова. В современной политической журналистике появился термин *homonationalism*, который включает в себе идеологию национализма и с правами ЛГБТ сообщества. Это определение, предложенное в 2007 году Джасбир Пуар, которая занималась исследованием гендера, означает политику масштабного гендерного манипулирования обществом в интересах государственной власти для создания положительной картины в пользу гендерных меньшинств.

Выявлено, что новые русские слова появляются в тематических областях высокой социальной значимости (межэтнические отношения, пенсионная реформа и т.д.), а названия различных типов сексуальности, напротив, в основном заимствованы из английского. Англоязычная культурная среда, широко представленная в СМИ, рекламе, интернете, образовании, определяет новое гендерное мышление. В учебном фильме “*Over Gender identities*”, созданным BBC, у школьников 9-12 лет формируется представление о гендерном многообразии. Отслеживание и изучение подобных материалов позволит критически осмысливать информацию, во избежание появления чуждых практик и норм в российском образовании.

Под влиянием политической, идеологической и социальной пропаганды появилось большое количество слов, связанных с гендерной идентичностью, сексуальной ориентацией, изменением модели человека: *non-binary, bisexual, asexual, agender, pangender, demigender, gender fluid, genderqueer, gender non-conforming, gender variant, neutrois (genderless), intersex, third gender, two spirit, transgender (female to male), trans man, trans women* и т.д. Или, например, слово *Enby*, распространившееся сначала в англоязычном сообществе, а затем и в немецкоязычном на основе произношения аббревиатуры NB для обозначения небинарной личности. Среди гендерных неологизмов, которые по большей части являются существительными или прилагательными, встречаются глаголы: *misgendering* – обращаться к кому-то, неверно обозначая гендер.

Слова, которые обозначают сходные идентичности, образуют синонимические ряды, которые подчеркивают важность данных слов для определенных слоев общества: *gender blank, gender free, null gender* и т.д.

Гендерная направленность в словообразовании выражается в появлении в речевом обиходе аффиксов и префиксов: аффикс-х, который обозначает гендерную нейтральность и используется для обозначения лиц с “небинарной гендерной идентичностью” – *Mx* (дополнительно к *Mr* и *Ms*), *Latinx* (наряду с *Latino*- м.р. и *Latina* – ж.р.); префикс *cis*-показывает, что гендерная идентичность совпадает с гендером, с которым человек родился – *cisman, ciswoman*. В немецком языке для некоторых обозначений родства сформирована гендерно-нейтральная форма путем слияния существующих форм: *Neffe/Nichte*

(племянник/племянница) – *de Nefte, Tante/Onkel* (тетя/дядя) - *de Tonke, Cousine/Cousin* (кузен, кузина) – *de Couse*, или вместо *die Muttersprache* - родной язык (= язык матери) – *die Eltersprache* (=язык родителя).

Новые формы нейтрально-гендерной политики могут касаться не только использования тех или иных словообразований, но также и произношения. Всевозможные инструкции рекомендуют делать паузу между компонентами в словах *transman* и *transwomen*, иначе произношение без паузы будет выглядеть неуважительным. Не только устная речь, но и орфография подвергается гендерному влиянию. Появились правила инклюзивного правописания и вместе с ними слова, обозначающие эти понятия, которые предписывают гендерно-корректное оформление слов:

- (*) *Gendersternchen* (гендерная звездочка) - *Student*innen, Dezernent*innen*;
- () *Gender Gap* (гендерный разрыв) - *Mitarbeiter_innen, Rektor_innen*;
- (:) *Doppelpunkt* (двоеточие) - *Doktorand:innen, Abteilungsleiter:innen*.

Этот тип письменного языка в любом случае слишком сложен для обучения, и приводит к путанице у обучающихся.

Гендерная политкорректность предлагает альтернативные формы традиционно используемым выражениям: *expectant mothers* (будущие матери) и *pregnant women* (беременные женщины) - *pregnant people* (беременные люди) в ответ на заявления о том, что мужчина может рожать (т.е. транс- женщина, которая считает себя мужчиной). При переписи населения в США в 2020 году учитывались однополые браки и союзы, поэтому варианты для выбора включали: *opposite* (противоположный) *sex husband/wife/ spouse* и *same* (такой же) *sex husband/wife/ spouse; opposite sex unmarried partner* и *same unmarried partner*.

Появление гендерно-нейтральных местоимений как в английском, так и в немецком языках зарегистрировано почти во всех авторитетных словарях. Если человек не идентифицирует себя ни с мужским, ни с женским полом рекомендуется использование “*singular they*” (местоимение *они* в единственном числе). В немецком языке неопределенно-личное местоимение *man*, которое в предложении выступает в роли подлежащего, не называя лица - всегда было семантически гендерно-нейтральным, так как не имеет перевода. Но в последнее время его сходство со словом *der Mann* (мужчина) стало вызывать беспокойство у гендерного сообщества, поэтому его стали заменять на *der Mensch* (человек) или *eins*. Неологизмом от *man* является форма *ma*, которая заимствована из южно-германских диалектов и рассматривается как вариацию, избегая при этом местоимения, звучащего так же, как существительное *der Mann*. По той же причине было предложено заменить неопределенные местоимения *jemand* (кто-то) и *niemand* (никто) на *jemensch* или *niemensch* или поменять букву *a* на *e* - *jemend/niemend*. В немецких словарях, которые ранее фиксировали женское окончание в скобках после существительного в мужском роде, сегодня чаще всего отвергается, потому что может создаться впечатление, что женская форма вторична. Новые изменения, которые происходят в немецком языке под знаком гендерного равенства, иногда до неузнаваемости изменяют структуру слова и усложняют его понимание. Невозможно догадаться о значении слова, не зная о процессах, которые сегодня наблюдаются в языкознании.

Если еще недавние феминистские реформы выступали под лозунгом “сделать женщин видимыми” и создавались альтернативы существительным мужского рода, которые в немецком языке никогда не имели форму женского рода, например, *der Soldat – die Soldatin, der Gast – die Gästin, der Vollidiot – die Vollidiotin, der Klempner – die Klempnerin* (водопроводчица), *der Trucker – die Truckerin* (дальнобойщица), то сегодняшняя политкорректность руководствуется стремлением стереть различия между полами, изменяя контекст, смысл и сочетаемость слов. Так, например, словом года 2018, по версии Оксфордского словаря стало слово *toxic*, которое привлекло внимание в словосочетании *toxic masculinity* и приобрело негативный характер. Токсическая мужскость (мужественность), которая в психологии означает традиционные нормы мужского поведения

и склонности к доминированию, в гендерных исследованиях характеризуется как норма мужского поведения, причиняющего вред обществу (женоненавистничество, гомофобия и т.д.). Трансгендерный фактор меняет устоявшиеся правила поведения, восприятие действительности, а вместе с этим мышление и язык. Идея принудительного изменения текстов произведений мировой литературы находит свое выражение в новых экранизациях с новыми гендерными героями и сюжетами.

Активная гендерная политика оказывает сильное влияние на лингвистические нормы языка и реагирует на изменения общества образованием новых слов и терминов, которые фиксируются национальными базовыми словарями и находят широкое распространение на онлайн-ресурсах и СМИ. И хотя число видов гендера в некоторых теориях перевалило за шестой десяток и становится очевидным, что использование около шестидесяти обращений парализует коммуникацию, поиски новых форм и образование новых слов не прекращаются. Попытка адаптировать гендерную справедливость к устной и письменной речи в течение многих лет вызывает горячие дебаты в Германии и во многих других странах и языках. Дальнейшее развитие языка должно показать, закрепляются ли такие образования в литературном языке.

Для людей, изучающих языки, гендерно-нейтральный язык, грамматика и неологизмы могут стать проблемой. При преподавании английского языка следует принимать во внимание гендерный фактор для формирования лингвистических и культурологических компетенций, которые будут способствовать успешному образовательному процессу и коммуникации в англоязычной среде.

1. Кирилина А. В., Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного, Вопросы психолингвистики. 2019, №2. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/190604_vpl
2. Грищенко Е.С., О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации, Национальный исследовательский ун-т, г. Нижний Новгород, Вопросы лингвистики, 2021, №3, URL: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(1402\)gend%20aspekty-1-16%20\(2\).pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(1402)gend%20aspekty-1-16%20(2).pdf)
3. Neologismen, Verein für Geschlechtsneutrales, Deutsch e.V., URL: <https://geschlechtsneutral.net/neologismen/>
4. Tomasz Gralla, Gendergerechte Sprache – 15 verrückte neue Begriffe URL: <https://www.maennersache.de/gendergerechte-sprache>

Охлопкова Е.И.¹, Лебедева В.В.²

Художественные средства выразительности в романе Хан Ган «Вегетарианка»

¹*Томский государственный университет
(Россия, Томск)*

²*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-198

Аннотация

В данной статье приводятся результаты стилистического анализа романа Хан Ган «Вегетарианка», в ходе которого было выявлено использование таких средств художественной выразительности как: сравнение, устойчивые выражения, просторечие, эпитет, олицетворение, риторический вопрос, антитеза, перифраз, эпифора, анафора, парцелляция.

Ключевые слова: сравнение, устойчивые выражения, просторечие, эпитет, олицетворение, риторический вопрос, антитеза, перифраз, эпифора, анафора, парцелляция.

Abstract

This article presents the results of a stylistic analysis of Han Gan's novel "The Vegetarian," which revealed the use of such means of artistic expression as: comparison, set expressions, vernacular, epithet, personification, rhetorical question, antithesis, periphrasis, epiphora, anaphora, parcellation.

Keywords: comparison, set expressions, vernacular, epithet, personification, rhetorical question, antithesis, periphrasis, epiphora, anaphora, parcellation.

Роман корейской писательницы Хан Ган «Вегетарианка» рассказывает о психически больной женщине и ее воспаленном окружающем и внутреннем мире. Мягкосердечная, простая, тихая и совсем незаметная Ёнхе живет со своим мужем, который любит ее за ничем не примечательный характер, и за то, что она полностью ему подчиняется. С первой страницы произведения мы можем подметить ее скромный характер, сравниваемый с бессловесным растением, который очень «боится выразить свою индивидуальность». Важную роль в создании трагического эффекта в произведении играют различные языковые средства, которые также поддерживают собственный стиль языка писателя. Роман состоит из трех глав. По результатам проведенного анализа 1 главы романа в оригинале [2] и его перевода на русский язык [1] были выявлены следующие средства художественной выразительности как: сравнение, устойчивое выражение, просторечие, эпитет, олицетворение, риторический вопрос, антитеза, перифраз, эпифора, анафора, парцелляция.

Чаще всего в романе встречается сравнение, которое применяется для характеристики героев и раскрытия их не только внешнего, но и внутреннего облика. Роман начинается с воспоминаний Чона, мужа Ёнхе, о первой их встрече. При описании ее одежды автор использует сравнительный оборот: «크지도 작지도 않은 키, 길지도 짧지도 않은 단발머리, 각질이 일어난 노르스름한 피부, 외꺼풀 눈에 약간 튀어나온 광대뼈, 개성있어 보이는 것을 두려워하는 듯한 무채색의 옷차림.» / «Не высокого и не маленького роста, не длинная и не короткая стрижка, желтоватого оттенка сухая кожа, обычные глаза, немного выступающие скулы, одежда блеклых тонов - словно страх выразить свою индивидуальность мешал ей выбрать яркие цвета».

В приведенном примере можно заметить, что выбор стиля одежды, а точнее цвет, падает на тусклые оттенки. Хан Ган сравнивает одежду ярких цветов с возможностью выделиться, проявить индивидуальность, привлечь внимание, чего наша героиня боится. В данном примере, помимо сравнения, также употребляется антитеза. Противопоставляя друг другу свойства и признаки, воссоздается внешний образ Ёнхе, у которой «не высокий и не маленький рост», что указывает на ее средние параметры и «не длинная и не короткая стрижка», что также указывает на среднюю длину ее волос. Есть идентичный пример антитезы с описанием походки героини: «빠르지도, 느리지도, 힘있지도, 가날프지도 않은 걸음걸이로.» («Подойшла не быстрой и не медленной, не смелой и не тихой походкой.»). Благодаря такому противопоставлению мы можем представить образ с перспективы мужа Ёнхе.

Используя сравнительный оборот, автор пишет и о хобби Ёнхе от лица мужа, который не находит в нем ничего интересного: «아마도 일을 하거나 책을 읽는 모양으로 — 아내의 취미라 할 만한 것은 기껏 책 읽는 것 정도였는데, 그 책들이란 대부분 표지를 열어보기도 싫을 만큼 따분해 보이는 것들이었다 — 끼니때에만 문을 열고 나와 말없이 음식을 만들었다.» («Должно быть, занималась там своими комиксами или читала — если и было у нее какое-то увлечение, так всего лишь чтение, да и то почти все ее книги выглядели настолько скучными, что не вызывали никакого желания открыть и перелистать, — и выходила только ко времени обеда или ужина, чтобы молча приготовить еду.»). Также нельзя оставить без внимания такие случаи употребления сравнения, которые автор использует для описания отношения семьи к Ёнхе: «평소에 장모가 특별히 관심을 기울이지 않는 것처럼 보던 둘째 딸이지만, 딸은 딸인 모양이었다.» («Жена была ее второй дочерью, и

я раньше не замечал, чтобы она особо заботилась о ней, но, должно быть, ребенок есть ребенок, никуда не денешься.»). Указание на то, что Ёнхе является вторым ребенком, отмечает пренебрежительное отношение семьи в ее сторону. Она работает преподавателем компьютерной графики и, сидя из дома, подрабатывает редактором комиксов, в то время как старшая дочь владеет достаточно крупным бизнесом и самостоятельно, накопив деньги, купила квартиру, что считается почти невозможным в Корее. В следующем примере Хан Ган еще больше усиливает трагичность состояния главного героя, используя сравнение: «무용수처럼 비쩍 마르다가 싶더니 종내에는 환자처럼 볼이 움푹 패었다.» («Сначала казалось, она станет худенькой, как балерина, но дело кончилось тем, что от нее остались только кожа да кости, как у больного человека.»). Если раньше казалось, что от отказа мясных продуктов Ёнхе сбросит пару килограммов, то теперь она выглядит так, будто серьезно страдает от какого-то заболевания, забирающий ее силы, и сравнивают с больным человеком.

Сравнение и описание ее физических проблем также можно отнести к ее душевному состоянию, когда Ёнхе начинает понимать, что души животных, мясо которых она съела, останутся в ее теле навсегда. Из приведенных выше примеров можно сделать вывод, что сравнения могут употребляться не только в привычной форме, но и в качестве стилистического средства, которое может отразить действительность через трагическое мировосприятие, которое присуще Хан Ган. В романе писатель использует немало эпитетов, благодаря которым он придает истории еще больше выразительности. Например: «크지도 작지도 않은 키, 길지도 짧지도 않은 단발머리, 각질이 일어난 노르스름한 피부, 외꺼풀 눈에 약간 튀어나온 광대뼈, 개성있어 보이는 것을 두려워하는 듯한 무채색의 옷차림.» («Не высокого и не маленького роста, не длинная и не короткая стрижка, желтоватого оттенка сухая кожа, обычные глаза, немного выступающие скулы, одежда блеклых тонов - словно страх выразить свою индивидуальность мешал ей выбрать яркие цвета.»). В приведенном примере, говоря о глазах Ёнхе, Чон использует такой эпитет, которым в Восточной Азии пользуются при описании совершенно обычных азиатских глаз с одним веком.

В романе эпитетов не так много, как сравнений, но они придают явлениям эмоциональную окраску и настроение, которое хочет передать автор: «헝클어진 머리에 까칠한 얼굴, 빨갛게 금이 간 눈으로 그녀는 내 아침식탁을 지키고 있었다.» («Растрепанные волосы, смятое лицо, воспаленные глаза в окантовке покрасневших век - в таком виде она готовила мне завтрак.»). «늘 바르던 짙은 산호색 루주를 잿빛 입술에 바르자, 아쉬운 대로 아내의 얼굴은 환자 같은 창백함을 벗었다.» («Накрасив пепельные губы помадой ярко кораллового цвета, она стерла с лица мертвенную бледность.»). В выше упомянутых примерах Хан Ган акцентирует внимание на внешность Ёнхе, которая из-за ночных кошмаров от силы могла спать только пару минут, поэтому ее как внутреннее, так и внешнее состояние значительно ухудшилось.

Также можно привести следующие примеры использования таких средств, как устойчивые выражения, основная часть которых находится в речи героев романа, чтобы помочь создать их речевую характеристику и передать эмоциональное состояние: «굳이 그녀의 마음을 사로잡기 위해 박식한 척할 필요가 없었고, 약속시간에 늦을까봐 허둥대지 않아도 되었으며, 패션 카탈로그에 나오는 남자들과 자신을 비교해 위축될 까닭도 없었다.» («Для того, чтобы понравиться ей, я не притворялся умным и образованным, не дергался, опаздывая на встречу с ней, не маялся, невольно сравнивая себя с мужчинами из модных журналов: причин для этого не было.»). «아내는 꿈쩍 않고서서 냉장고를 마주보고 있었다.»

(«Она стояла как вкопанная, не сводя глаз с холодильника.»). «아무 말도 듣지 못한 듯 우뚝 서 있었다.» («Стоит как истукан, с таким видом, будто ничего не слышит.»). В высказываниях Чона все устойчивые сочетания имеют в большинстве своем просторечную окраску, однако отмечены дополнительным колоритом, которые помогают определить отношение героя к собеседнику. Вдобавок отдельные просторечные слова тоже есть в тексте романа и играют немаловажную роль. Они в основном употребляются при неформальном бытовом общении между мужем и женой, либо в речи мамы Ёнхе, тоже, как и устойчивые выражения, характеризуют героев произведения. «완전히 맛이 갔어.» («Совсем двинулась.»).

Таким образом высказывается в сторону жены Чон, узнав, что Ёнхе «видела сон», после которого выкинула все продукты животного происхождения. Автор также использует риторический вопрос, чтобы придать больше трагизма в размышлениях героя о стоящих проблемах. «신호가 아니라면, 게으름이나 무신경인가?» («Но если это не знак, то что: лень или безразличие?»). Также, с помощью риторических вопросов может создаваться иллюзия беседы с читателем. В следующем примере, Чон задается вопросом правильности своего выбора в пользу Ёнхе, которая по истечению обстоятельств стала совсем другим человеком. «그녀는 내가 고르고 고른, 이 세상에서 가장 평범한 여자가 아니었던가.» («Я долго искал себе пару, и разве мой выбор пал не на самую обычную женщину на свете?»). Олицетворение в произведении практически отсутствует. Хан Ган прибегает к данному средству при описании подозрения на некий намек от Ёнхе к мужу или при наделении реки человеческими свойствами: «혹 그녀가 나에게 무언의 신호를 보내고 있는 것인지 판단하기 위해 잠시 새로운 눈으로 그녀의 태도를 관찰했다.» («Может, она подает мне некий молчаливый знак, подумал я, и, чтобы понять, какой именно, стал наблюдать за ее поведением другими глазами.»). «시냇물이 소리내서 흐르고, 그 곁으로 돛자리를 깔고 앉은 사람들, 김밥을 먹는 사람들.» («Весело журчал ручей, рядом с ним на ковриках сидели люди, они ели кимпап.»).

Единично используется перифраз: «1 년간 다닌 적이 있다는 컴퓨터 그래픽 학원의 보조강사로 일했고, 출판만화의 말풍선에 대사를 쳐넣는 하청일을 받아 집에서 작업했다.» («Уже год она, устроившись почасовиком, преподавала в каком-то институте, где обучают компьютерной графике, а еще подвизалась на ниве комиксов, выполняя дома работу для издательства: вставляла в «словесные пузыри» речь персонажей рисованных историй.»). «Словесным пузырем» является графическое средство - филактер, используемый для иллюстрации речи в комиксах. В следующем примере, для передачи эмоции испуга и паники героини, чьи руки были испачканы в крови, Хан Ган использует эпифору: «내 손에 피가 묻어 있었어. 내 입에 피가 묻어 있었어.» («Мои руки в крови. Мой рот в крови.»). Для передачи безысходности и безнадежности спасения самой от себя Ёнхе высказывается, употребляя анафору: «아무도 날 도울 수 없어. 아무도 날 살릴 수 없어. 아무도 날 숨쉬게 할 수 없어.» («Никто не может мне помочь. Никто не может меня спасти. Никто не может дать мне возможность дышать.»). При описании среды, в которой оказывается Ёнхе во время сна, автор использует такое средство, как парцелляция. Именно оно добавляет в рассказ героини загадочности, мистики и страха: «어두운 숲이었어. 아무도 없었어.» («Темный лес. Никого вокруг.»). «무서웠어. 추웠어.» («Страшно. Холодно.»).

Таким образом, Хан Ган в своем романе «Вегетарианка» использует практически все возможные художественные средства для передачи трагизма: чувства безысходности, равнодушное отношение родных и близких, поиск себя и потеря.

1. Хан Ган. Вегетарианка. – М.: АСТ, 2018. – 318 с.
2. 한강. 채식주의자. – 창비, 2007. – 247.

Потапова А.А., Лебедева В.В.

Понятие и определение «этикетки» как рекламного текста

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-199

Аннотация

Данная статья посвящена изучению и анализу теоретических положений (в частности, нормативных актов, юридической документации) одного из элементов рекламного текста – этикетки.

Ключевые слова: этикетка, рекламный текст, торговая марка, ярлык, товар, продукция, информация, штрих-код.

Abstract

This article is devoted to the study and analysis of theoretical provisions (in particular, regulations, legal documentation) of one of the elements of advertising text - labels.

Keywords: label, advertising text, trademark, label, product, product, information, barcode.

Этикетка является характерной чертой современной рекламы. Суть рекламной этикетки в том, что она стала неотъемлемой и активной частью комплексной системы маркетинга, уровень развития которой определяет качество и эффективность рекламно-информационной деятельности производителя и ее соответствие новым требованиям мирового рынка.

Этикетки были изобретены очень давно, но не были распространены почти до XV века, так как не было подходящих материалов для их производства. С распространением бумаги стала часто применяться маркировка грузов и товаров при помощи небольших записок. Производство печатных этикеток началось в XVI века, а с 1700 г. появились первые этикетки для лекарств. В середине XVIII века этикетками начали помечать вина. Надпись делали двумя способами: от руки или печатали на небольших ручных прессах. С развитием полиграфического оборудования появилась возможность наносить на этикетки большое количество информации, художественных элементов. К середине XX века этикетка окончательно превратилась в инструмент рекламы и продвижения товара на рынок [7, с. 212].

В современном обществе, при обилии информационных ресурсов, люди все больше становятся «образованными» потребителями, желающими использовать выбранный продукт самым надлежащим, а главное, безопасным образом. Поэтому этикетки влияют на эффективное продвижение продукции.

Так, различные исследователи выделяют разные определения понятия «этикетка»:

С. И. Ожегов определяет «этикетку» как «Ярлычок с фабричным торговым клеймом, надписью» [6].

В энциклопедии маркетинга «Этикетка (label) – средство маркировки товара, отдельный ярлык, прикрепляемый к упаковке или на самом товаре в виде наклейки, бирки» [1, с. 325].

Г. А. Васильев определяет «этикетку» как «составная часть упаковки, которая может быть простым ярлыком, прикрепляемым к товару, или тщательно продуманным произведением графического дизайна, входящим в состав упаковки. На этикетке может быть указана только

торговая марка или заключаться дополнительная информация. Этот вид продукции полиграфического производства используется практически при упаковке всех видов товаров - от продуктов питания до изделий тяжелой промышленности» [2, с. 543].

Понятие «этикетка» раскрывается в Межгосударственном стандарте «Упаковка. Термины и определения» (ГОСТ 17527-2003), введенном в действие в качестве национального стандарта РФ с 1 января 2005 г. Согласно данному документу этикетка – это средство информации об упакованной продукции и её изготовителе, располагаемое на самой продукции, на листе-вкладыше или на ярлыке, прикрепляемое или прилагаемое к упаковочной единице [4].

Этикетки являются очень важным средством передачи информации как для покупателей, так и для продавцов. Она содержит текстовую и графическую информацию о продукте: Идентифицирующая информация – это информация, которая помогает отличить продукт от других аналогичных. Она включает в себя название продукта, краткое описание (состав), адрес компании-производителя, дату производства и срок годности, а также штрих код.

С лингвистической точки зрения этикетка представляет собой специальный текст информационного типа. Как известно, специальный перевод решает, прежде всего, информационно-коммуникативные задачи, обслуживая различные предметные отрасли знаний, имеющие специфическую терминологическую номенклатуру, а также разнообразную тематику повседневного общения [5, с. 216].

Таким образом, этикетка – это текстово-графическая информация, которая наносится на товаре для описания его характеристик и свойств. Структура текста этикетки строго регламентирована. Сам текст характеризуется краткостью, точностью и шаблонностью.

Текст на этикетке имеет две основные функции: информативная и рекламная. При виде этикетки косметического средства, потребителю в глаза в первую очередь бросается рекламный текст с описанием. Затем идет специальный текст с информацией об основных данных.

На уровне синтаксиса преобладают номинативные, несовершенные, безличные и неопределенно-личные конструкции. На уровне лексики маркированные тексты этикеток характеризуются наличием специальной лексики и различных видов сокращений. Из-за ограниченного пространства плотность информации очень высока. Казалось бы, чисто информативный характер этикеток исключает использование стилистически маркированных структур и экспрессивно окрашенной лексики. Однако анализ конкретных текстов часто опровергает это общее правило.

В соответствии со статьей 9.1.5 ТР ТС 009/2011 Маркировка парфюмерно-косметической продукции осуществляется путем нанесения информации для потребителей в виде надписей, цифр, цветовых и графических обозначений на потребительскую тару, этикетки и ярлыки. При наличии информации (ярлык), сопровождающей парфюмерно-косметическую продукцию, продукция маркируется графическими символами в виде руки в раскрытой книге.

В соответствии с п. 9.2. ст. 5 маркировка парфюмерно-косметической продукции должна содержать следующую информацию:

- наименование парфюмерно-косметической продукции;
- назначение парфюмерно-косметической продукции, если это не следует из наименования продукции;
- наименование изготовителя и его местонахождение (юридический адрес, включая страну);
- страна происхождения парфюмерно-косметической продукции (если страна, где расположено производство продукции, не совпадает с юридическим адресом изготовителя);
- наименование и местонахождения организации (юридический адрес), уполномоченной изготовителем на принятие претензий от потребителя (уполномоченный представитель изготовителя или импортер), если

- изготовитель не принимает претензии сам на территории государства – члена ТС;
- номинальное количество продукции в потребительской таре, за исключением парфюмерно-косметической продукции номинальной массой менее 5 г, или номинальным объемом менее 5 мл, или пробника парфюмерно-косметической продукции;
 - цвет и/или тон (для декоративной косметики и окрашивающих средств);
 - срок годности: дата изготовления (месяц, год) и срок годности (месяцев, лет), или надпись “годен до” (месяц, год) или “использовать до” (месяц, год);
 - описание условий хранения в случае, если эти условия отличаются от стандартных; особые меры предосторожности (при необходимости) при применении продукции;
 - номер партии или специальный код, позволяющие идентифицировать партию парфюмерно-косметической продукции;
 - о способах применения парфюмерно-косметической продукции, отсутствие которых может привести к неправильному использованию потребителем парфюмерно-косметической продукции;
 - список ингредиентов.
 - Согласно ст. 7 ТР ТС 009/2011 парфюмерно-косметическая продукция, соответствующая требованиям настоящего технического регламента ТС и прошедшая процедуру оценки соответствия настоящему техническому регламенту, должна иметь маркировку единым знаком обращения продукции на рынке государств – членов ТС (знак ЕАС) [8].
 - Обязанность предоставлять покупателю необходимую и достоверную информацию о товаре, предлагаемом к продаже, возложена на продавца ст. 495 Гражданского кодекса РФ. Отсюда и прослеживается обязанность производителя (продавца), реализующего товары через розничную сеть, предоставлять на этикетке или упаковке всю необходимую информацию о товаре, которая обеспечит для потенциального потребителя возможность правильного выбора. Так, Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 "О защите прав потребителей" устанавливает общие требования к информации, которая должна содержать:
 - обозначения стандартов, обязательным требованиям которых должны соответствовать товары;
 - сведения об основных потребительских свойствах товаров;
 - гарантийный срок, если он установлен;
 - правила и условия эффективного и безопасного использования товаров;
 - место нахождения, фирменное наименование изготовителя (исполнителя, продавца) и место нахождения организации (организаций), уполномоченной изготовителем (продавцом) на принятие претензий от потребителей и производящей ремонт и техническое обслуживание товара [3].

1. Ахундов Э. Малая энциклопедия современного маркетинга / Э. Ахундов. – М.: Изд-во Ridero, 2023. – 325 с.
3. Васильев Г.А. Основы маркетинга: Учебное пособие для студ. вузов. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2005.-543 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) «Предоставление покупателю информации о товаре»: от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. От 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 26.01.1996. - № 14-ФЗ. – Ст. 495.
5. ГОСТ 17527-86 (СТ СЭВ 4174 - 83). Государственный стандарт союза ССР. «Упаковка. Термины и определения» (утв. и введен в действие Постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 23.10.1986 № 3197) (ред. от январь 1988) // Упаковка. Термины и определения: сб. ГОСТов. – М.: ИПК Издательство стандартов, 2002.

6. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 216 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М., 1997.
7. Пантюхина Е.В., Котляров В.С., Пантюхин О.В. Перспективные технологии изготовления пищевой упаковки: учебник. Тула: Изд-во ТулГУ, 2018. 212 с.
8. Технический регламент Таможенного Союза (ТР ТС 009/2011) «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» от 23 сентября 2011 г. № 799 // Комиссия таможенного союза.

Садовникова И.И.

Синонимия зоонимов в эвенском языке

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-200

Аннотация

Статья посвящена исследованию синонимичных зоонимов в эвенском языке. Рассмотрены и выявлены семантические особенности синонимов, разработка лексической синонимии зоонимов будет способствовать более широкому освоению стилистических ресурсов эвенского языка.

В основе настоящей работы лежат материалы из двуязычных словарей эвенского языка [3], [4], а также материалы научных экспедиций автора.

Ключевые слова: эвенский язык, синонимы, зоонимы, диалекты, существительное, глагол, заимствования.

Abstract

The article is devoted to the study of synonymous zoonyms in the Even language, revealing and exploring the semantic features of synonyms. The development of lexical synonymy of zoonyms will contribute to a broader study of the stylistic resources of the Even language. The present work is based on the materials from bilingual dictionaries of the Even language [3], [4] as well as the materials of the author's research expeditions.

Keywords: Even language, synonyms, zoonyms, dialects, noun, verb, borrowings.

Проблема семантического описания лексики является одной из важнейших задач лингвистики. Явления синонимии и антонимии охватывают все группы слов, все уровни языка. В Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Синонимы — это слова одной и той же части речи, имеющие полностью или частично совпадающие значения» [2, с.24]. Евгеньева А.П. отмечает: «Синонимами следует признать лишь те слова, которые соотносятся друг с другом по своему употреблению и значению» [1, с.10].

В структурном отношении в эвенском языке выделяются разнокоренные зоонимические синонимы, составляющие ряды, состоящие из существительных, прилагательных и глаголов.

Разнокоренные синонимические зоонимы:

1. Существительные: горната – делики ‘горноста́й’; мэккичэ – нэллэн – чөчэңэ - удалувки ‘название птицы (из куликов)’; өкэңэ – каккатриа ‘гагара’;
2. Прилагательные: алңалкан - көөлкэн – көөлэтты – таңнялкан ‘рогатый’, кабата – курбути - мунугачан- хаба́на ‘безрогий’, ‘комолый’, гяңада́й – чиңэдэй ‘визжать’, ‘скулить о собаке’, хаңра – муңрин - негта́ня ‘темный’, ‘черный (о масти животных)’;
3. Глаголы: гилтидэй – хяда́й ‘жевать жвачку (о животных)’, бубгэдэй - гогда́й ‘лаять о собаке’, чив-чив – чип-чип ‘пение птиц’, кэргэдэй – губгэдэй ‘рычать (о собаке)’.

Как и в других языках, в эвенском языке синонимы возникают постоянно, и это обусловлено многими причинами, основными из которых являются следующие:

1. Обогащение лексики за счет диалектизмов: *кэкучэн Ол., Ох.* – *куккичан Лам., Алл., Ск.* ‘кукушка’, *гурната Б, К-О– кыранас Лам., Ск., М., Т.* ‘горностай’; *ургэгэ – мадича Лам., Ск.* ‘тарбаган’, *хабаңа – мукти Олл., Арм., Лам., М., Ск.* ‘безрогий’; *нэдэми – мунга К-О.* ‘рысь’; *эгдетэ – набдака Лам., Ох.* ‘лось’; *картуска Ол. - кевеч Ол. – нэтэки Лам.* ‘летучая мышь’; *чөчэңэ – нэтлэн Алл., Лам., Ол., П.* ‘кулик’; *онаки – нэдэми Лам., Алл.* ‘росомаха’; *ондад – нэвулун Ол., Лам., М., Ох., Т.* ‘олень-манщик’; *нэкич – нуңучан Лам, Алл.* ‘самая маленькая полевая мышь’; *өкэңэ – кеамилңа Алл.* ‘гагара’; *пивчан – киекэ Ол., Алл., Арм., Б., П. – кикэ Лам., Ск.* ‘связь, дикая утка’; *илаглика – кильарка Алл.* ‘гусь-казарка’; *чачас – кирса Ск.* ‘песец’; *эрбэч - бумбэчэ Алл.* ‘гусь’; *мунрукан – дьөлэкэн Лам.* ‘заяц’.
2. Заимствованья: *кэрэмэс (<як.) – хуличан ‘лиса’, бэдэр (<як.) – нэдэми ‘рысь’;*
3. Эвфемизмы: Эвены на охоте и вообще в жизни не произносили слово медведь, а говорили: *ялраня (эвф.) – накат ‘медведь’,* опасным считалось произнесение названий рыси, волка и росомахи: *нёңчак (эвф.) – гиркари ‘волк’; омчин (эвф.) - нэдэми ‘рысь’; гөпкэ (эвф.)- онаки ‘росомаха’.*
4. Называние одного и того животного по-разному: *ачуркачан ‘росомаха (так говорят детям)’ - гөпкэ (эвф.) ‘росомаха’ – онаки ‘росомаха’ разг. - энсичэн ‘росомаха’; абага (тотем.) - мэмэкэ (так пугают детей) – хэңунь разг. - ялраня (эвф.) ‘медведь’.*
5. Эмоциональная оценка животного: *хонңачан - энкэчэн (ласк.) ‘оленок’, чукачан – чивкичан (ласк.) ‘птичка’, бонгачан (ласк.) – ганипчан ‘горный барашек (возрастом от шести месяцев до года)’; явкан ‘теленок домашнего оленя одного-двух лет’ – явкачан (ласк.) ‘теленок дикого оленя одного-двух лет; 2) ягненок’;*
6. Использование разных словообразовательных аффиксов для сходных по значению зоонимов: с суффиксом – *ки* [3, с.81].
ңэлу-ки - дэлу-ки ‘волк’;
тура-ки – гя-ки ‘ворона’;
хини-ки – хорики ‘рябчик’;
өли-ки – өрэк ‘белка’;
дили-ки – горната ‘горностай’;
ток-и – эгдетэ ‘лось’;
она-ки – энсичэн ‘росомаха’;
у-ки – асиңа ‘самка’;
элду-ки - хагданкан ‘белка-летяга’ и др.
 С суффиксом: *-ңа /-ңэ*
аси-ңа – уки ‘самка’;
корбэ-ңэ – илкан ‘самец оленя, лося’;
өкэ-ңэ – кеамил-ңа Алл. ‘гагара’ и др.
 С суффиксом: *-чан/-чэн*
чамак-чан – нуңу-чан Лам, Алл. ‘самая маленькая полевая мышь’;
пив-чан – киекэ Ол., Алл., Арм., Б., П. ‘связь, дикая утка’;
хонңа-чан - энкэ-чэн ‘оленок’ и др.

В отличие от синонимов других лексических групп, среди зоонимических синонимов нет оттеняющих разные стороны объекта, указывающих на различную степень проявления признака, действия, а также на другое смысловое своеобразие слов. Следовательно, такие синонимы не имеют между собой семантических различий, т.е. они тождественны по смыслу.

Таким образом, анализ фактического языкового материала, проведенный на основе теоретических предпосылок исследования, позволил сделать следующие выводы. Во-первых,

основными причинами возникновения синонимов-зоонимов являются: многозначность, диалектизмы, заимствования, эвфемизмы, эмоциональная оценка животного.

Список сокращений:

иносказ. – иносказательно
рус. - русский
тотем. – тотемное (слово)
(эвф.) - эвфемизмы
як – якутский.

1. Евгеньева А.П. словарь синонимов русского языка: в 2-х томах Л.: Наука, 1970. Т.1-2. С.656.
2. Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия. 1990. С.685.
3. Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А. Эвенский язык: Учеб. для пед. Уч-щ. Л.: Просвещение. 1991. С.304.
4. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. – Н.: Наука, 2004. С. 356.
5. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Пособие для студентов пед. Ин-тов. 2-е изд., испр. М.:Просвещение, 1972. С.328.

Слепцова С.Г.¹, Лебедева В.В.²

Концепт «Любовь» в текстах песен группы BTS (контекстуально-интерпретационный анализ)

¹Высшая школа экономики
(Россия, Москва)

²Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-201

Аннотация

В данной статье приводятся результаты контекстуально-интерпретационного анализа текстов песен популярной корейской группы BTS о любви.

Ключевые слова: концепт, контекстуально-интерпретационный анализ, группа BTS, песня, любовь, тематические группы.

Abstract

This article presents the results of a contextual-interpretive analysis of the lyrics of songs about love by the popular Korean group BTS.

Keywords: concept, contextual-interpretive analysis, BTS group, song, love, thematic groups.

BTS (кор. 방탄소년단) – корейский бойз-бэнд, состоящий из 7 участников, которая дебютировала в 2013 году и по сей день продолжает набирать популярность во всем мире. Тексты песен именно этой группы выделяются тем, что участники являются непосредственными авторами всех песен в их дискографии.

В текстах песен велика роль разного осмысления любви как явления и именно в песнях данный концепт интерпретируется так многогранно. Индивидуальное представление авторов в текстах песен достаточно широко отражает ценностные ориентиры и субъективные черты языковой личности (т.е. носителя корейского языка и культуры) в современном мире. Тем самым, рассмотрев языковые средства, которые репрезентируют данный концепт в песенных текстах, мы можем определить его этнокультурные особенности.

При рассмотрении концепта надо понимать, что при анализе лексического материала, вербализующего концепт в песенных текстах, значительную роль в объяснении значения того или иного слова в тексте играет контекст. Благодаря этому, мы можем говорить о том, что концепт «Любовь» вербализуется не только благодаря обычному понимаю данной лексической

единицы в сознании носителей корейского языка, но и благодаря лексическим единицам, которые имеются в текстах группы BTS, приобретающие новые значения в зависимости от контекста. В рамках данного исследования нами был сделан контекстуально-интерпретационный анализ 105 разных текстов песен группы BTS [1]. В ходе анализа было выделены две тематические группы, в которых по-разному репрезентируется концепт «Любовь» в зависимости от контекста: чувство любви по отношению к другому человеку и чувство любви к чему-то неодушевленному, абстрактному. В свою очередь каждая группа делится ещё на несколько тематических групп, также в зависимости от контекстуальной интерпретации авторов (см. таблицу 2.1).

Таблица 1

Тематические группы репрезентаций концепта «Любовь» в текстах песен группы BTS.

| <i>Любовь к человеку</i> | | <i>Любовь к чему-то неодушевленному</i> |
|---|---------------------------------------|---|
| <i>Любовь как романтические чувства</i> | <i>счастливая любовь</i> | <i>Любовь к творчеству</i> |
| | <i>несчастливая любовь</i> | <i>Любовь к родине, дому</i> |
| | <i>любовь - надежда</i> | <i>Любовь к родному языку</i> |
| | <i>любовь - ненависть</i> | |
| | <i>любовь как физическое влечение</i> | |
| | <i>первая любовь</i> | |
| <i>Любовь к себе</i> | | |
| <i>Любовь и уважение к старшим</i> | | |
| <i>Любовь к фанатам</i> | | |
| <i>Любовь к матери</i> | | |
| <i>Любовь к другу</i> | | |

Тематическая группа «Любовь как романтические чувства» поделена на 6 подгрупп, так как любовь как романтические чувства одного человека в авторской интерпретации репрезентируется по-разному.

В интерпретации любви как чувства счастья и радости выявлено больше всего фрагментов из текстов песен группы BTS. Любовь ощущается автором как пылкое, всеобщее, вечное и счастливое чувство (песни: «Telepathy», «어디에서 왔는지 - Where You From», «Intro: Skool Luv Affair», «DNA»).

Конечно, любовь не всегда бывает со счастливым концом и в тематической подгруппе «Несчастливая любовь» авторы говорят именно о том, как лирический герой страдает от болезненной, безответной и безнадежной любви (песни: «What Am I To You», «Love is not over», «I need you», «Coffee», «What Am I To You»). Также несчастная любовь авторами понимается как любовь, в которой больше нет того интереса, который был изначально. И это относится не только к потере интереса партнера, но и самого лирического героя (песни: «Outro: Tear», «Let me know»). Лирический герой испытывает чувство не только потери интереса, но и разочарования в любви (песня «Trivia: Seesaw»). Часто авторы описывают чувство разочарования в любви сравнивая его с природными явлениями. Так, в песне «Let me know» авторы сравнивают любовь с цветением вишни в Корее, которая длится в среднем 1 - 2 недели и очень быстро увядает. Также и лирический герой очень быстро влюбляется и также быстро в последствии разочаровывается. А в песне «고엽 Autumn Leaves» идет сравнение любви с осыпанием листьев осенью. В песне «134340» приводится интересное сравнение лирического героя с планетой (Плутоном) потерявшей статус девятой планеты Солнечной системы в значении «Даже если я буду никем в твоей жизни, я буду всегда любить тебя».

В интерпретации любви как надежды авторы стремятся показать не только то, как любит лирический герой, но и то, как он желает и надеется на то, что любимый человек всегда будет рядом, испытывая чувства той же силы, что и он (песни: «Luv in Skool», «Danger»).

В текстах песен BTS присутствует некоторая неопределенность чувств лирического героя. В данном понимании мы выделили подгруппу «Любовь - ненависть». Герой не может разобраться в том, что он чувствует и часто противоречит своим же словам и действиям (песни: «그게 말이 돼? / Outro: Do You Think It Makes Sense?», «Outro: Her», «I need you»).

Не так часто любовь в текстах песен BTS понимается как чувство физического влечения. В основном это те тексты, которые были написаны авторами в подростковом возрасте (песни: «If I ruled the world», «Miss Right»). В некоторых песнях авторы показывают то, что происходит в умах обычных молодых парней, у которых бушуют гормоны и их привлекают тела девушек в определенной одежде (песня «War of Hormone»). Они сомневаются в себе, но даже не имея толком опыта наигранно пытаются показать свою самоуверенность.

В рамках тематической подгруппы «Первая любовь» присутствует понимание любви как чувства, которое испытывают люди в молодости. Это первая встреча с любимым человеком, первые взгляды, первый поцелуй и первые чувства друг к другу (песни «Intro: Skool Luv Affair»).

Таким образом, в тематической группе «Любовь как романтические чувства» в понимании авторов любовь включает в себя разные, порой даже взаимоисключающие смыслы.

В следующей выделенной тематической группе «Любовь к себе» представлена одна из новых интерпретаций концепта «Любовь» как в творчестве группы BTS, так и в корейской лингвокультуре в целом. Группа, в свою очередь, сыграла одну из главных ролей в популяризации данной репрезентации в Южной Корее, так как благодаря их текстам, в которых они призывают любить и принимать себя любимыми (такими какие мы есть) люди начали чувствовать поддержку и утешение (песни: «Epiphany», «Answer: Love myself»). Авторы также говорят о том, что не стоит, подавляя себя, ставить себе цели, навязанные обществом. Счастье у всех разное и сравнивать себя с другими людьми не стоит. Любовь к себе в данном случае интерпретируется как принятие того, что у всех своя жизнь и свой темп жизни, не стоит ни под кого подстраиваться и пытаться себя поменять (песня «낙원 Paradise»).

В Южной Корее издавна придерживаются конфуцианских традиций, в которые входят уважение и любовь к старшим по возрасту или выше по социальному статусу. Такую интерпретацию любви мы видим в тематической группе «Любовь и уважение к старшим» (песня «Respect»). Такую интерпретацию мы также видим во фрагменте текста песни "Begin", которую написал самый младший участник группы, посвятив её своим старшим соучастникам.

По мере того, как BTS становятся с каждым годом все популярнее и влиятельнее, они не перестают думать о людях, которые помогли им добиться такого успеха, о своих фанатах. Посвящая песни своим поклонникам, они также и выражают следующую тематическую группу интерпретации концепта «Любовь» в своих текстах – «Любовь к фанатам» (песня «We are Bulletproof: the Eternal»). В песне «2! 3!» авторы просят фанатов посчитать «1! 2! 3!», забыть все грустные моменты и двигаться дальше, создавая еще больше счастливых моментов вместе. В другой песне авторы наоборот критикуют фанатскую любовь, называя ее «одержимостью». В данном случае группа учит слушателей не отдавать всего себя своим кумирам, а сосредоточиться на реальной жизни. Хотя песня имеет довольно жесткую критику в адрес фанатов, она так же и несет в себе заботу и любовь, с которой BTS обращаются к своим слушателям (песня «Pied Piper»).

Возвращаясь к конфуцианской интерпретации концепта «Любовь» в текстах BTS, можно отдельно выделить тематическую группу «Любовь к матери». Авторы часто говорят о том, что образ мамы для них всегда был опорой, чувством спокойствия и силы (песня «МАМА»). В этой же песне авторы говорят о том, сколько усилий приходится делать матерям, чтобы обеспечить детям успех и счастливую жизнь (песня «МАМА»).

Последней тематической группой в группе любви по отношению к человеку является группа «Любовь к другу» в которой авторы понимают любовь как чувство понимания и любви между близкими друзьями. В Корее очень ценится культура уважения, как уже говорилось ранее, и если кореец встречает человека, рожденного в тот же год, что и он, то почти сразу после знакомства они называют друг друга «друзьями» и начинают общаться, используя неформальную речь. Если же друзья, рожденные в разные годы, используют просторечный стиль в общении, то это значит, что они очень близки. Примером песни с такой интерпретацией любви можно считать песню «Friend», в которой авторы используют просторечный стиль панмаль, чтобы показать, что песню поют два участника одного года рождения, два близких друга.

В тематической группе «Любовь по отношению к неодушевленному предмету» самым распространенным пониманием любви является «Любовь к творчеству». Одним из ярких примеров является текст песни «First love». В ней автор говорит о своем первом пианино, которое является для него первой и самой искренней и настоящей любовью. Автор говорит о том, что он настолько любит музыку, что готов жить и умереть только вместе с ней (песня «Hip Hop Phile»). Также в текстах упоминается и то, как любовь к музыке привела их к тому, что это стало смыслом их жизни и их судьбой (песня «Ego»).

Следующей тематической группой является группа «Любовь к родине, дому». Корейский народ считается очень патриотичным и единым народом, который любит и гордится своей родиной. Так и BTS не прошли мимо такой интерпретации любви в своих текстах. Для более глубокого и сильного выражения своей любви к дому они в некоторых текстах используют диалекты своих провинций откуда они родом. Например, песня «팔도강산 (Satoori Rap)» полностью написана на диалектах разных провинций Южной Кореи и в ней авторы говорят об особенностях каждой из них. Также в текстах других песен можно заметить, как трепетно авторы относятся к своей родине (песня «Ma city»). В приведенной выше песне также имеются несколько отсылок к историческим событиям, произошедшим в Южной Корее, что еще раз дает понять читателям какие глубокие смыслы вкладывают в свои тексты авторы. Город Кванджу, откуда родом участник, поющий эту строчку, находится по направлению на 7 часов, то есть буквальное значение данной строчки: «Если хотите встретиться со мной, приезжайте в Кванджу». Также 062 - код телефонного набора в городе Кванджу, а 518 (18 мая) - дата восстания студентов в Кванджу в 1980 году. Продолжая тему любви к родине, мы выделили отдельно группу «Любовь к родному языку», в котором авторы подчеркивают свое трепетное отношение к корейскому языку, в частности диалектам провинций, откуда они родом: (песня «팔도강산 Satoori Rap»).

Таким образом, нами была рассмотрена контекстуальная интерпретация любви у группы BTS, в которой концепт «Любовь» выражается в разных образах. Доминирующей интерпретацией концепта была выявлена любовь как романтическое чувство (не всегда в счастливом и радостном проявлении). В счастливом проявлении 25% со всех проанализированных текстов, а также 14% текстов с интерпретацией любви как «Несчастливая любовь». Интересным и новым показалось проявление любви как принятия себя (7%). Характерным для корейской культуры была выявлена интерпретация любви как уважительного отношения к старшим (3%), к родителям (2%). Тематическими группами с наименьшим количеством песен в интерпретации стали «Первая любовь» (1%), «Любовь к другу» (1%) и «Любовь к родному языку» (1%).

Тлисова С.М., Аргунова Г.А., Братова С.М.
Ситуационные задачи на уроках иностранного языка

ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия»
(Россия, Черкесск)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-202

Аннотация

В статье рассматривается потенциал ситуационных задач в преподавании иностранного языка. Особое внимание уделяется вопросам постановки на занятиях типовых ситуаций, способствующих совершенствованию социальных и личностных компетенций обучающихся.

Ключевые слова: воображаемая ситуация, ролевая игра, компетенция, высшее образование.

Abstract

The article discusses how situation tasks can support language teaching at University. It will discuss its benefits, such as putting language in context, making learning memorable, improving learners social and personal competences.

Keywords: imaginary situation, role play, competence, higher education.

Формирование коммуникативной компетенции является основной и ведущей целью обучения. Необходимым условием и важнейшим средством осуществления коммуникативности как ведущего принципа современной методики является ситуативная направленность обучения иноязычной речи.

Коммуникативное обучение предполагает, что процесс обучения строится как модель процесса общения. В коммуникативном обучении ситуации используются не на завершающей стадии усвоения материала, они не приложение к обучению, а его сущностная основа на всех стадиях освоения материалом.

Под учебной речевой ситуацией понимается специально созданные условия, обстоятельства, при которых складывается система взаимоотношений собеседников в целях учебного воздействия на студентов при осуществлении речевых действий на иностранном языке.

Ситуация является формой функционирования общения, единицей общения.

Ситуация должна стать единицей организации и основой управления процессом обучения иноязычному общению.[5]

Как известно, успех в обучении иностранным языкам определяется правильной организацией учебного процесса. Вовлечение студентов в активную речевую деятельность на уроке – задача преподавателя. И поэтому одним из наиболее эффективных средств раскрытия творческого потенциала студентов является обучение общению. Научить студентов общаться естественным образом на иностранном языке в условиях учебного процесса – проблема сложная и неоднозначно решаемая.

Каждый согласится с тем, что для того, чтобы самым простым и быстроедейственным способом понять что-то, нужно просто спросить об этом какого-то другого человека и скопировать его действия. Можно попросить его, чтобы он Вас поправил, если Вы в чем-то ошибаетесь. Но - зачем учить теорию, не используя ее на практике.

Еще одна проблема в изучении иностранного языка заключается в том, что мы думаем на русском и только потом переводим слова на иностранный язык, затем сопоставляем с правилами грамматики и лишь, потом говорим предложение. Важно научить мыслить и говорить на английском сразу. Именно так учатся говорить на родном языке дети, они буквально впитывают в себя язык. Одним из главных аспектов в изучении иностранного языка является именно практика общения.

Основной проблемой в изучении английского языка является затруднения студентов говорению в силу неумения употреблять полученные знания в ситуации реального общения. Следовательно, возникает необходимость создания естественной ситуации

Главной составляющей преподавателя иностранного языка является заинтересованность, это одна из причин поиска современных педагогических технологий проблемной направленности :кейс- метод ,ситуационный анализ , метод проектов , Кейс- метод может быть успешно использован на занятиях по иностранному языку, поскольку данный метод комплексный и направлен на развитие всех видов речевой деятельности: чтение, говорение, письмо, аудирование[3]. У обучающихся появляется реальная возможность общения на иностранном языке в процессе взаимодействия с другими участниками группы и преподавателем. В процессе работы над решением какой-либо ситуационной задачи у обучающихся совершенствуются навыки письменной и устной речи, развивается их лексический запас, исследовательские умения и творческие способности, умение проектировать свою деятельность и осуществлять задуманное.

В качестве конкретных механизмов, студентам предлагается осмыслить аспекты их будущей профессиональной деятельности через ролевую игру при разборе типовой профессиональной ситуации (case study) которая в силу своей эмоциональной заряженности способствует более глубокому вовлечению обучающихся в иноязычный коммуникационный процесс [5].

В результате студенты неязыковых специальностей получают возможность ознакомиться с жанрами речевого взаимодействия в рамках конкретной профессии. Возможные примеры ситуационных задач для разных направлений подготовки:

Problem 1. Phone conversation between an employee and a business owner. Student A: you are an employee helping a business owner who needs an equipment upgrade and ask Student B: what he or she wants, his or her type of business. Student B: you are a business owner, ask the employee for help with a computer upgrade.

Problem 2. Skype-conversation between two employees at a publishing company. Student A: talk to Student B about switching to PCs, benefits of PCs and drawbacks of Macs Student B: you are an employee, talk to Student A about the benefits of Macs.

Problem 3. Make a list of ethical issues that arise in this case study. 2. Consider the anatomical dissection of animal cadavers by veterinary students in their first year. a. Identify all stakeholders in this issue. b. What are the benefits of students using animal cadavers for anatomical dissection? c. What are the costs of students using animal cadavers for anatomical dissection? d. Is it morally permissible to dissect cadavers for student learning when the animals were expressly purchased and killed for this purpose? Why or why not?

Problem 4. Student A You are a manager. You are in your office. Your best employee knocks on your door. He/she wants to talk with you.

Student B You are a manager. You have an employee that hasn't been performing well. He/she is often late. He/she also spends a lot of time checking his/her private emails and strange websites instead of doing work. Yesterday, you caught her/him sleeping at his/her desk. Please fire the employee (in a nice way)

Problem 5. Student A You are a doctor. Your patient is very unhealthy due to excessive drinking and smoking (cigarettes). He/she also eats unhealthily and does not exercise enough. Convince him/her to change the way he/she is living, or he/she might die.

Student B You are at the doctor's office. You have just had a health checkup.

Типовая профессиональная ситуация может послужить основой для разработки ролевой игры, что позволяет студенту, исполняя роль другого человека влезть в чужую шкуру «Это способствует более глубокому пониманию личностных проблем, которые возникают в любой профессиональной деятельности. Данная методика в силу своей коммуникативной

направленности и ситуативной обусловленности способствует формированию оптимальных условий для обучения иностранному языку, также могут усовершенствовать свои социально-культурные компетенции [8].

1. Асеева Т.В., Хальзова В.М. Формирование иноязычной компетентности студентов неязыковых специальностей на основе компетентного подхода . // Наука и образование : новое время. 2015.№ 4
2. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: учебник . 2-е издание., перераб. и доп. М. : ИНФРА М,2007.272с.
3. Бунеева Е.В., Вахрушев А.А. и др., Программа развития универсальных учебных действий, М., 2012
4. Остякова Г.А. Психологические аспекты игровых методов обучения в преподавании иностранных языков //Вестник Тюменского государственного университета . 2007.№ 4
5. Ситуационный анализ, или анатомия Кейс-метода / под ред .Ю.П. Сурмина – Киев: Центр инноваций и развития, 2002.
6. Сафонова В. П., Современный урок иностранного языка. М., 2011.
7. Штарина А.Г. Компетентный подход в преподавании английского языка, Волгоград, 2011
8. Использование игровых ситуаций на занятиях английского языка. In: Scientific achievements of modern society. Abstracts of VII International Scientific and Practical Conference. England, Liverpool, 2020 . Pp. 528- 533.

Ульмасова З.Х.

Особенности письменной прозы

*Худжандский государственный университет имени Б.Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-203

Аннотация

Статья посвящена анализу письменной прозы. По мнению автора, художественная проза в средневековье сочинялась на двух языках – арабском и персидско-таджикском, кроме того, частично переводилась с арабского на персидско-таджикский. В заключение отметим, что изучение научных трудов этих ученых, наряду с трудами таджикских ученых-медиевистов, открывает перед писателями широкий путь для художественных исследований истории своего народа.

Ключевые слова: письменная проза, тарихнома, сафарнома, кисса, хикаят, современная историческая проза, повесть, роман.

Abstract

The article dwells on the analysis of written prose. In conformity with the author`s opinion, belles-letters prose in the Middle Ages was composed in two languages - Arabic and Persian-Tajik, in addition, was partially translated from Arabic into Persian-Tajik. In conclusion, the study of the scientific works of these scientists, alongside with the works of Tajik medieval scientists, opens up a wide path for writers for artistic research into the history of their people.

Keywords: written prose, tarikhnama, safarnoma, Qissa, hikayat, modern historical prose, story, novel.

Одним из источников развития современной исторической прозы, без всякого сомнения, является средневековая авторская письменная проза. Нашими литературоведами достаточно исследованы важнейшие особенности персидско-таджикской классической прозы и её влияние на возникновение, формирование и эволюцию современной таджикской прозы. Однако необходимо выяснить вопрос о том, как и в какой степени использованы традиции классической прозы в исторических романах эпохи государственной независимости [4].

Академик Н.Ю. Салимов в своей книге «Стилевые этапы и эволюция прозаических жанров в персидско-таджикской литературе (IX-XIII вв.)» анализирует особенности оригинальной прозы [5].

К теме нашей статьи имеют отношение тарихнома и некоторые разновидности художественной прозы – сафарнома, кисса, хикаят и достон. Тарихнома (историческое сочинение) в качестве одного из источников возникновения и развития исторических романов нами рассмотрено выше, поэтому здесь мы приступаем к анализу классической художественной прозы и её роли в развитии исторического романа периода независимости.

Реализм, как метод описания жизненных панорам и образов людей в персидско-таджикской прозе, ярче проявляется, прежде всего, в сафарноме (путевые заметки), лучшим образцом которых считается «Сафар-наме» Насира Хусрава. Насир Хусрав описал в своей книге увиденное и услышанное. Такой метод описания близок к реализму. «Сафар-наме» является результатом путешествия писателя и поэта в Египет и другие страны. Доктор Алис М. Хонсбергер совершенно справедливо отмечает: «Насир Хусрав в «Сафар-наме» приводит описание своего семилетнего путешествия с Хорасана до Египта и обратно. Описание ведется от имени первого лица, и в большинстве случаев при упоминании своих действий или увиденных событий он пишет: «Я, Насир» (сделал или увидел). Опираясь на содержание книги, можно сделать вывод, что «Сафар-наме» была написана на основе путевых заметок, сделанных в течение путешествия, немного позднее после его завершения, Насир Хусрав пишет сравнительно простой прозой. Он не стремится очаровать читателя словесными фигурами, наоборот, воздействует на него описанием удивительных и необыкновенных событий и всего, увиденного во время путешествий» [7, С.29-30].

Необходимо отметить, что возникновение оригинальной художественной повести в средние века имеет тесную связь с мифологией, движением джавонмардов и повествовательной прозой. «Шах-наме» Абу Мансура ал-Муаммари (X в.), от которой до наших дней сохранилось только введение, и которая, по утверждению специалистов, была одним из источников поэмы Фирдоуси, охватывала мифологию и историю иранских царей – от Каюмарса до Саманидов. Она является наилучшим образцом персидской прозы X века и написана плавным языком. Повести «Дороб-наме», «Кахрамон-наме», «Дастан Кирона Хабаша» Абу Тахира Тарсуси (XII в.), «Синбад-наме» Захири Самарканди (XII в.) считаются выдающимися образцами оригинальной прозы, восходящими корнями к повествовательной прозе. Они также имеют реальные жизненные предпосылки. Героизм Абу Муслима и Синдбада, их борьба против тирании арабского халифата упоминаются и в «Истории Табари».

Ю.Салимов в своем труде «Персидско-таджикская повествовательная проза» [6, 1, С.37] и К. Восе в книге «Восемь портретов» характеризуют Абу Муслима и Синдбада как предводителей джавонмардов, целью которых было служение народу. Другими словами, и «Абу Муслимнома», и «Синдбад-наме» как вытекает из «Истории Табари» являются не только продуктом художественной фантазии народа и авторов этих произведений, но и имеют прочную связь с социально-политической жизнью народа [1, С.102]. Именно поэтому его книга охватывает богатую тематику – о жизни царей; о нравах дервишей; о преимуществах довольства малым; о пользе молчания; о любви и молодости; о слабости и старости; о влиянии воспитания; о правилах общения. Кроме художественной ценности, высоких идеалов патриотизма и гуманизма, общечеловеческих и воспитательных ценностей, рассказы «Розового сада» имеют историческое значение, ибо Саади описывает исторические события и исторических личностей, таких, как Анушервон Справедливый, Хаджодж Юсуф, Махмуд Сабуктегин и др. «Саади своим «Розовым садом» довел художественную персидско-таджикскую прозу до апогея, - пишет устод Айни. – «Розовый сад» Шейха Саади стал плодотворной и эффективной литературной школой, под благотворным влиянием которой появились ответные произведения Муиниддина Джувайни (XIV в., «Нигористан»), Маджа Хофи (XIV в., «Хористан»), Фаттохи Нишопури (XV в., «Шабистани хаёл»), Хусайна Воиза Кошифи («Футувват-наме»), Мавлоно Абдуррахмана Джамии (XV в., «Бахаристан»), Коони Ширази (XIX в., «Паришан»). Книга Муиниддина Замчи Исфизори (XV в.). «Райские сады относительно достоинств города Герата» также по тематике и содержанию, структуре и композиции входит в указанную группу произведений персидско-таджикских писателей.

Если «Розовый сад» Саади состоит из восьми глав, а «Весенний сад» Джамии - из восьми садов, то книга Муиниддина Замчи Исфизори охватывает 26 садов. Каждый сад состоит из лужаек. Однако рассказы Исфизори более развернутые, объёмные [3, с.377].

Воспоминания Зайниддина Восифи (XVI в.) «Изумительные истории» охватывают разнообразный и богатый материал о реальной жизни эпохи автора, о государственных и культурных деятелях, особенно литераторах, о городской культуре. Воспитанник литературной школы Джамии и Наваи, Восифи принадлежал к гуманистическому течению литературы этой эпохи. Восифи в своих мемуарах раскрывает перед читателем повседневную жизнь и быт средних слоев общества в городах Средней Азии и Хорасана конца XV и начала XVI веков. Кроме того, в книге собран богатый материал о Джамии, Наваи, Бехзоде, Мавлоно Ходжи Табрези и других политических и литературных деятелях. В этой книге можно обнаружить также интересные сведения о социально-политическом и литературно-культурном положении в городах Герат, Мешхед, Нишапур, а также Мавераннахре. Писатель описывает жизнь поэтов и исторические события, которые он видел своими глазами или знал по рассказам других людей. Устод С. Айни в своем труде «Восифи и краткое изложение «Изумительных историй» пишет: «В «Изумительные истории» в основном входят воспоминания самого автора. Можно сказать, что автор достаточно полно изображает в своих воспоминаниях научную, литературную, культурную, общественную жизнь своей эпохи, а также политические, религиозные и классовые противоречия, включая экономическую ситуацию тех времен.

Значение этой книги, в отличие от других старых книг, заключается в том, что её автор изображает положение вещей обнажено, открыто, с полной откровенностью. Он даже не стесняется использовать выражения, которые в наши дни считаются нецензурными. Поэтому мы в «Изумительных историях» явно ощущаем эпоху автора и характеры исторических личностей без прикрас и естественно...» [2, с.21].

В XIX веке художественная проза, благодаря творчеству основоположника просветительского течения Ахмада Махдума Дониша, достигла апогея развития. Ахмад Дониш в ходе своих трех путешествий в Россию в составе бухарского посольства (1857; 1869-1870; 1873; нач. 1874) в какой-то мере познакомился с социально-политической и культурной жизнью России. Перед его глазами открылся совершенно новый мир: из царства средневекового феодального гнета и религиозного фанатизма – Бухары, он попал вдруг в страну, которая на несколько веков опередила эмират во всех отношениях. Под впечатлением от своих путешествий Дониш написал книгу «Удивительные события», которая, кроме исторического, имеет большое литературное значение. В этой книге Дониш анализирует различные политические, социальные, философские и нравственные проблемы, связанные с общественной жизнью своей эпохи. Многие главы книги написаны в виде повести или художественных рассказов. В этом произведении, имеющем реалистические основы, очень остро осуждаются социальные корни, классового и сословного неравенства, социальная несправедливость. Интересно отметить, что в «Удивительных событиях» показано и подвергнуто критике социальное неравенство и в России. Стиль произведения - публицистический, реалистический и романтический. Образы Шукурбека - «вора», который грабил богатых и делил награбленное между бедными, и Мулло Холмухаммада, физически очень сильного и крепкого молодого человека, оказали определенное влияние на «Воспоминания» Айни.

Логическую связь и созвучность мемуаров Восифи и Айни подтверждают и два нижеприводимых рубаи. Устод Айни в заключении исследования, посвященного книге Восифи, итоги своей работы подводит следующим четверостишием:

*Этот сад я украсил древними пальмами,
Упомянутые пальмы нарядил своим пером,
Создал я для вас место гулянья,
Хотя и укоротил очень свою жизнь [2, с.23]*

В начале своих мемуаров Айни размещает следующее четверостишие, разъясняющее содержание произведения:

*Я сложил этот дом из старинных камней,
В нем устроил я пир в честь ушедших друзей,
Чтоб мои современники знали,
Как, бывало, играл я судьбою своей.*

В рукописях устода Айни эти два рубаи находятся на одной странице [2, 32-33]. Интересен и тот факт, что устод Айни работу по созданию «Воспоминаний» начал после завершения труда «Зайнуддин Восифи» и краткое изложение «Изумительных историй». Жизнь, научное, философское и художественное наследие Ахмада Махдума Дониша послужили материалом для создания драмы «Аллома Адхам и другие» (1970) Сатима Улугзаде, а также биографических исторических романов Расула Хади-заде «Звезда во мгле» и «Не звезды падают» (1990).

Литературовед А. Алимардонов в своей статье «Краткая история персидско-таджикской прозы» пишет: «Древнейшими прозаическими произведениями, возникшими на языке порси-дари в X столетии, являются шахнаме и героические дастаны, где отражены подвиги сказочных и исторических властителей и героев, также разрозненные древние исторические события предков иранских народов. Одновременно посредством таких произведений пробуждалось чувство самосознания и патриотизма людей, они воспитывались в духе борьбы за независимость, единство, готовности пожертвовать своей жизнью на пути защиты государства, верности своему народу и непримиримости к врагам отечества» [3, с.10].

Изучение научных трудов, указанных ученых, наравне с произведениями таджикских средневековых ученых, открывает перед литераторами широкую дорогу для художественного исследования истории своего народа, её различных периодов, роли и значения выдающихся личностей.

1. Айни, С. Куллиёт: дар 14 чилд. Ҷ. 2. Сталинобод, 1960. 474 с.
2. Айни, С. Куллиёт: дар 14 чилд. Ҷ.11. Душанбе, 1963. 505 с.
3. Дурдонаҳои наср: намунаҳои насри форсу тоҷик асрҳои X-XIII / Ҷ.1.: мураттибон А. Афсаҳзод, А. Алимардонов, Ҷ. Додалишоев. Душанбе: Адиб, 1987. 560 с.
4. Зоҳидов Н. Насри арабизабони адабиёти форсу тоҷик дар асрҳои VIII-IX. Хучанд: Нури маърифат, 2004. 399 с.
5. Салимов Н. Марҳалаҳои услубӣ ва таҳаввули анвои наср дар адабиёти форсу тоҷик (асрҳои IX-XIII). Хучанд: Нури маърифат, 2002. 396 с.
6. Салимов Ю. Ёдгори умр: иборат аз III ҷ. Хучанд: Нури маърифат, 2003. Ҷ. I. 563 с.; Ҷ. II. 488 с.; Ҷ. III. 615 с.
7. Ҳонсберг, Алис С. Носири Хусрав – лаъли Бадахшон / Тарҷумаи доктор Фаридун Бадрӣ; Таҳияи матни тоҷикӣ аз Ноёбшоӣ Зӯробек. Душанбе: Нодир, 2003. 328 с.
8. Ульмасова З. Сатира и юмор в поэзии таджикских и узбекских писателей XIX века и начала XX вв. (на примере поэзии Махмура, Мукими и Тошходжи Асири) // Вестник Педагогического университета. 2022. № 3(98). С.241-247.
9. Ульмасова З. Специфичность применение пословиц, поговорок и фразеологизмов в творчестве Сорбона // Вестник Педагогического университета. 2020. № 4(87). С.152-156.
10. Ульмасова З. Методологические исследования исторических романов // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. № 4(261). С.98-101.

Хабибуллина А.А.

Оценка уровня языковой компетенции юристов: особенности в использовании точек над ё в устной речи

*«Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Казань)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-204

Научный руководитель: Семенова М.Г.

Аннотация

В ходе исследования выявлено, что отказ от буквы Ё в письменной речи влечёт за собой появление ошибок в устной речи. Речь работников судебной системы, профессорско-преподавательского состава, ведущего образовательный процесс будущих специалистов данной области должна соответствовать нормам русского литературного языка. В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы и исследований отечественных исследователей, опрос респондентов и проведение теста. Было опрошено и протестировано 82 человека. В ходе исследования была доказана необходимость употребления буквы «Ё» в письменной речи современного русского языка.

Ключевые слова: оценка, компетенции, юристы, методы исследования, буква Ё, тест, респонденты.

Abstract

The study revealed that the rejection of the letter E in writing entails the appearance of errors in oral speech. The speech of the judicial system employees, the teaching staff leading the educational process of future specialists in this field should comply with the norms of the Russian literary language. The following methods were used in the course of the study: analysis of scientific literature and research by domestic researchers, survey of respondents and conducting a test. 82 people were interviewed and tested. The study proved the need to use the letter "E" in the written speech of the modern Russian language.

Keywords: assessment, competencies, lawyers, research methods, letter E, test, respondents.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы, связанные с употреблением буквы Ё в современном русском языке, зачастую становятся причиной нарушения орфоэпической и акцентологической нормы современного литературного языка [7].

Всем известно, что русский алфавит состоит из 33 букв, но только буква Ё до сих пор не считается самостоятельной: в книгах её заменяет буква Е. Существует немало примеров, подтверждающих это, таких как: фамилия героя поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» Ноздрёва произносится как Ноздрев, известные стихи М.Ю. Лермонтова обретают двойственный смысл: «А годы проходят — все лучшие годы!» («А годы проходят — всё лучшие годы») и др. [5,6].

Мы отмечаем, что отсутствие точек над буквой Е вводит читателей в заблуждение: при чём здесь ПАДЕЖ, т.е. грамматическая категория? А речь здесь идёт о гибели животных в большом количестве, и это явление носит название ПАДЁЖ. Отметим, что таких слов в русском языке много, к примеру: берёт (действие) – берет (головной убор), всё (конец)– все (за мной), заём (в банке) – заем (огурцом), мёл (улицы) – мел (известняк), осёл (животное) – осел (опал), совершённый (выполненный) – совершенный (идеальный), солитёр (червь) – солитер (бриллиант) и др. [1].

Особое смятение вызывает нарушение орфоэпической и акцентологической норм современного литературного языка, которое тоже связано с отсутствием буквы Ё в письменной форме, таких как: ценники в магазине: «Свекла свежая», «Грибы вешенки». Покупатели так и произносят: свекЛА, вЕшенки. Правильный же вариант-свЁкла и вЁшенки, а также «Первым

новорожденным в Казани в 2020 году стал мальчик» (из газеты «АиФ-Казань»). Всего лишь две точки, и читатели этой газеты будут грамотнее (новорожденным).

Много слов, в произношении которых возможны ошибки из-за отсутствия буквы Ё, находятся в активном словаре юриста [2,3]. Мы убеждены, что речь юриста должна быть образцовой, она - профессиональное орудие.

Мы пришли к выводу, что всё вышенаписанное даёт нам основание считать неиспользование буквы Ё в письменной речи актуальным вопросом.

МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе нашего исследования были использованы следующие методы:

- анализ научной литературы и исследований отечественных исследователей, специализировавшихся в данном вопросе, таких как: В.В. Виноградов, В.И. Даль, К.И. Былинский, Н.Н. Никольский, Д.Н. Ломоносов. Анализ научной литературы и исследований отечественных исследователей проводился с целью определения необходимости употребления буквы «Ё» в письменной речи современного русского языка;
- опрос респондентов и проведение теста. В роли респондентов выступили: судьи, помощники судей, секретари судебных заседаний Советского районного суда города Казани Республики Татарстан, профессорско-преподавательский состав и студенты Казанского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

Опрос и тест проводился с целью определения необходимости употребления буквы «Ё» в письменной речи современного русского языка. Тест состоял из двух частей и содержал 10 вопросов, 2 из которых на выбор правильного ударения в словах, не содержащих проблемных букв Е и Ё, и 8 вопросов, связанных с употреблением букв Е и Ё. Было опрошено и протестировано 82 человека.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Впервые напечатанная буква «ё» появилась в стихотворении Н.М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или мысли, выбранные из Экклезиаста» в слове «слёзы» в 1797 году. С тех пор проблема использования буквы Ё остается актуальной и до нынешних дней, ведь в письменности многие считают использование данной буквы необязательной [8]. Так, например, есть расхождения во мнении о количестве букв в русском алфавите:

1. В «Энциклопедическом словаре» В.В. Виноградова содержится статья об алфавите, содержащем 33 буквы, включая букву Ё.
2. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова приведен 32-буквенный алфавит, не содержащий букву Ё.
3. В 1860 году Владимир Даль в первом издании «Толкового словаря живого великорусского языка» поставил букву Ё сразу после буквы Е.

Следует отметить, что в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова говорится: «Букву іо почитать должно за двуписьменное начертание, из і и о, и для того въ азбуке на ряду ставить не должно, однако употреблять въ нужныхъ случаяхъ». іо – диграф, или лигатура, этот знак употреблялся в функции буквы ё, которая пришла ему на смену в самом конце XVIII века. Пример употребления: сіостры, іолка (сёстры, ёлка).

29 ноября 1783 года – одно из первых заседаний только что созданной Академии Российской словесности с участием её директора – княгини Екатерины Дашковой и известных уже на тот момент писателей Д. И. Фонвизина и Г. Р. Державина. Екатерина Романовна предложила заменить двухбуквенное обозначение звука «іо» в отечественной азбуке одной новой буквой "Е" с двумя точками сверху. По ее мнению, это было более резонным решением, ее доводы показались академикам убедительными, и вскоре её предложение было утверждено общим собранием Академии. А широко известной новая буква ё стала благодаря историку Н. М. Карамзину. В 1797 году Николай Михайлович решил заменить при подготовке в печать одного из своих стихотворений две буквы в слове «сліозы» на одну букву ё.

В 1952 году вышло в свет второе издание «Справочника по орфографии и пунктуации для работников печати» К. И. Былинского и Н. Н. Никольского. В книге написано:

«Букву Ё в печати обычно заменяют буквой Е. Рекомендуется обязательно употреблять Ё в следующих случаях: 1) когда необходимо предупредить неверное чтение слова, например, узнаём в отличие от узнаем; всё в отличие от все; совершённый(причастие) в отличие от совершенный (прилагательное); 2) когда надо указать произношение малоизвестного слова, например, река Олёкма...».

Попытка поставить точку в затянувшемся на 200 лет споре сделана авторами полного академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 2006), одобренного Орфографической комиссией РАН. В этой книге впервые чётко указано, что употребление буквы Ё может быть последовательным и выборочным.

Почему стали отказываться от буквы Ё в письменности?

Основной и, по мнению многих, единственной причиной отказа от буквы Ё является ее неудобная форма для быстрого письма. Её невозможно слитно (без отрыва руки от бумаги) написать, а это противоречит принципу скорописи.

В документах эту букву не употребляют также по следующей причине: Министерство просвещения решило оставить необязательным использование буквы «ё» в русском языке. Министерство просвещения подготовило проект постановления правительства РФ «Об основных правилах русской орфографии» — он состоит из 162 страниц и четырёх основных глав. В документе уточнили, что использование буквы «ё» оставляют факультативным [2].

Анализ результатов показал, что с первой частью теста справились 75% опрошенных — это число могло быть намного выше, если бы «не подвели» студенты: 90% работников суда, 85% ППС вуза и только 51% студентов безошибочно справились с двумя вопросами. 75% тестируемых не ошибаются в произношении слов: дремОта, завИдно, манЯщий, срЕдства, облеГЧИть, заняТА, танцОвщица, бАНты, вручИт, взяТА, дешевИзна, украинский, сверлИшь, диспансЕр, кровотоЧАщий.

Безусловно, это хороший результат, чего не скажешь о второй части теста. На вопросы о прочтении слов, содержащих Е/Ё, правильно ответили только 45% опрошенных, причём разница между ответами работников суда, ППС и студентов оказалась незначительной — 51%, 45% и 40% соответственно.

Приходим к выводу: именно отсутствие буквы Ё в письменной речи влечёт за собой акцентологические ошибки.

Проведённый анализ помог определить слова, которые вызывали наибольшие затруднения: головешки, заморожённый, истекший (договор), истёкший (кровью), многоженец, не ровён час, скабрёзно [1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявлено, что отказ от буквы Ё в письменной речи влечёт за собой появление ошибок в устной речи. Речь работников судебной системы, профессорско-преподавательского состава, ведущего образовательный процесс будущих специалистов данной области должна соответствовать нормам русского литературного языка.

Необходимо отметить, что употребление на письме буквы «Ё» должно носить обязательный, а не рекомендательный характер. В ходе нашего исследования мы доказали необходимость употребления буквы «Ё» в письменной речи современного русского языка и аргументировали.

1. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2010. 176 с.
2. Новикова М.Л. Инновационная парадигма образовательного процесса и ее роль в унификации и совершенствовании процесса преподавания (в системе обучения русскому языку иностранных студентов-юристов) // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования. Языки и специальность». 2012. № 3. С. 165–172.
4. Волков А.А. Риторика для юристов: теория аргументации. М., 1996. 235 с.

4. Кирилина Л.И. Лингвистический анализ текста как средство развития творческих способностей школьников // Сибирский учитель: регион. науч.-метод. журн. 2001. № 3 (13). С. 18.
5. Кочкина Н.Л. Формирование речевой культуры будущего педагога в образовательном процессе вуза: дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2008. 192 с.
6. Кабардов М.К., Арцишевская Е.В. Типы языковых и коммуникативных способностей и компетенций // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 35–49.
7. Смирнова Е.А. Формирование коммуникативной компетентности студентов в условиях непрерывного образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. 39 с.
8. Canale M., Swain M. A Theoretical Framework for Communicative Competence // The Construct Validation of Tests of Communicative Competence / ed. by A. Palmer, P. Groot, G. Trosper. Washington, DC, 1981. P. 31–36.

Юнусова Д.Т.

Государственные символы и их художественное осмысление

*ГОУ «Худжандского государственного университета имени Б.Гафурова»
(Таджикистан, Худжанд)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-205

Аннотация

Статья посвящена исследованию государственных символов и их художественной интерпретации. В результате в таджикской детской и подростковой литературе появилось множество стихотворений о святынях, в которых отражены и интерпретированы символы нашего молодого государства – Знамя, Герб, Государственный гимн. Не подлежит сомнению, что стихи о святынях играют чрезвычайно важную роль в идейно-эстетическом воспитании, в стимулировании патриотических чувств подрастающего поколения.

Ключевые слова: государственные символы, художественная интерпретация, стихи, таджикская детская и подростковая литература, идейно-эстетическое воспитание.

Abstract

The article dwells on the study of state symbols and their artistic interpretation. As a result, a lot of poems about shrines appeared in Tajik children's and teenage literature, which reflect and interpret the symbols of our young state - the Banner, the Coat of Arms, the National Anthem. There is no doubt that poems about shrines play an extremely important role in ideological and aesthetic education and in stimulating the patriotic feelings of the younger generation.

Keywords: state symbols, artistic interpretation, poems, Tajik children's and teenage literature, ideological and aesthetic education.

В поэзии эпохи Независимости всё большее и большее место занимает художественное изображение государственных символов нашей независимой и свободной страны, что далеко не случайно. Благодаря реальному, действительному обретению независимости четверть века тому назад, в социальной и духовной жизни таджикского народа, в том числе в литературе и культуре, произошли коренные изменения, на первый план вышли проблемы укрепления национального самосознания, пробуждения и расширения исторической памяти, национальной гордости, почитания национальных святынь и государственных символов, постоянно находящиеся в центре национальной политики Лидера нации Эмомали Рахмона.

Таджикские поэты и писатели, воодушевленные историческими, политическими и социальными переменами, укрепляющими национальную предпосылку развития и прогресса и направляющими членов общества в сторону исследования и почитания славного прошлого народа и Родины, традиций предков, приступили к новому художественному изучению истории своей страны, к воспеванию и восхвалению национальных ценностей, святынь и государственных символов. В результате в таджикской детской и подростковой литературе появилась масса стихотворений о святынях, в которых отражены и осмыслены символы нашего молодого государства – Знамя, Герб, Национальный Гимн. Несомненно, что стихи о святынях

играют чрезвычайно большую роль в идейно-эстетическом воспитании, стимулировании патриотических чувств подрастающего поколения.

Одной из основных святынь нашей страны является Национальный гимн. Не вызывает сомнения, что Национальный гимн каждого свободного и независимого государства считается одним из основных символов государства. Наш государственный гимн чаще звучит в исполнении детей. Каждое утро в детсадах и школах «деятельность» детей начинается с исполнения национального гимна. Каждый ребёнок входит в письменную литературу с заучивания текста национального гимна.

Первыми национальными гимнами наших великих предков – зороастрийцев – были «Яшты» и «Гаты». Однако первым «Национальным гимном» нового таджикского государства в двадцатом столетии стал «Гимн Таджикской Советской Социалистической Республики» (стихи А.Лахути, музыка С.А.Юдакова), сочиненный вслед за текстом «Государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик», (стихи С.Михалкова и Эль-Регистана, музыка А.В.Александрова) последний текст которого Президиум Верховного Совета СССР утвердил 27 мая 1977 года. Таджикский перевод гимна принадлежит перу известных таджикских поэтов М.Турсунзаде, М.Миршакара, Б.Рахимзаде, Л.Шерали. Гимн состоял из шести строф.

Известный таджикский поэт Абулкасим Лахути создал текст гимна Советского Таджикистана в свете и под впечатлением торжественного гимна великой страны. Содержание гимна республики соответствовало политике эпохи и выражало в основном её социалистические идеи, единодушие и единство многонациональной советской страны.

Конечно, образование Автономной Республики (1924) и Таджикской Советской Социалистической Республики (1929) и восстановление самостоятельного государства таджиков, как поётся в тексте гимна, со всеми символами и атрибутами считалось значительным достижением, несмотря на то, что среди всех республик Средней Азии мы, таджики, получили самое меньшее наследие, поселились в самой труднодоступной горной части своей исторической родины. И всё-таки восстановление независимого таджикского государства для нашей республики явилось добрым предзнаменованием и социально-политическим достижением советской эпохи.

История свидетельствует, что таджикская нация в течение своей много вековой истории не раз пережила тяжелейший экзамен угрозы исчезновения. Будем надеяться, что в будущем такая опасность не будет угрожать таджикам и для нашей нации наступит век реализации добрых и благостных надежд и чаяний. Тысячелетние мечты и пожелания нашего народа в новой исторической эпохе ярко выражены в одной из наших святынь – «Национальном гимне Таджикистана» (текст Гулназара, музыка Сулаймона Юдакова), официально не переведенный на другие языки:

Диёри арльманди мо!
Ба бахти мо сари азизи ту баланд бод!
Саодати ту, давлати ту бегазанд бод!
Зи дурии замонаҳо расидаем,
Ба зери парчами ту саф кашидаем , кашидаем!
Зинда бош, эй Ватан,
Тольикистони озоди ман!

Наш национальный гимн – это присяга нашей нации, один из самых дорогих символов и святынь нашей нации. Он звучит каждое утро и каждый вечер, на всех собраниях, митингах, государственных, культурных, спортивных мероприятиях, с высоких трибун международных организаций. Сегодня национальный гимн – самое распространенное, самое известное, самое приятное, самое употребляемое произведение. Первой песней и первым стихотворением, с которыми знакомятся наши дети в детсадах и школах, является Национальный гимн – предмет нашей гордости.

Именно поэтому в эпоху Независимости художественное отражение национального гимна и других государственных символов стало важнейшим элементом в творчестве поэтов и

обусловило возникновение цикла содержательных произведений. Известный детский поэт Рахмон Бобо следующим образом прославляет эту национальную святыню:

Национальный гимн—
 Приветствие нации
 Мир мудрости
 И послания нации.
 Национальный гимн —
 Достижение нации.
 Национальный гимн, Национальная гвардия, Национальный гимн —
 Радостная весть нации
 Признак белого
 Счастья нации.
 Национальный гимн —
 Победа нации.
 Национальный гимн —
 Величие нации [3, 25-26].

На наш взгляд, данный стих в детской поэзии эпохи независимости является одним из самых плавных, благозвучных, доступных и действенных стихотворений, созданных в восхваление и воспевание Национального гимна. Стих отличается особой искренностью. Поэт называет национальный гимн миром мудрости нации, символом победы и величия нации, олицетворением мира, что обуславливает усиление эмоционального и эстетического воздействия стихотворения. Своим плавным пятисложным стихом, доступным детскому восприятию, поэт хочет воспитать в сердцах малолетних читателей любовь и искреннюю привязанность к одному из государственных символов страны.

Другой детский поэт, Раджаб Мусулмониён, следующим образом отражает интерес и влечение, любовь и привязанность своих малолетних героев к национальному гимну:

Дорогой дедушка,
 Дедушка Гулназар,
 «Гимн национальный» ваш
 Пою утром и вечером.
 Хочу вам сказать одну вещь,
 Если только не обидитесь, Когда вы придете
 К нам домой в гости,
 Чтобы мы вдвоём
 Пели «Национальный гимн».
 Я с «Национальным гимном»
 Вырасту большим [1,76].

В этом стихотворении, если исключить некоторые языковые и стилевые шероховатости, выражающиеся в неуместном использовании слов «як гапе» и «боз», выражена любовь и верность маленького мальчика, поющего с огромным удовольствием ежедневно, утром и вечером, национальный гимн, как к гимну, так и к его автору. Ребенок со всей непосредственностью и с большой любовью приглашает домой в гости автора гимна, чтобы вместе с ним петь его творение.

Самое важное в этом стихе - то, что поэтесса своим детским сознанием обращается к читателю и призывает его посмотреть на государственный символ глазами сердца и ума, ибо в нем заключены сотни значений и смыслов. Если ты внимательно помотришь на каждый знак герба, то для себя откроешь новые смыслы. Естественно, что среди всех знаков государственного герба внимание молодого автора как ученицу школы привлекла, прежде всего, книга. Она считает книгу источником образования и грамотности, науки и ремесла, ключом к победам и достижениям таджиков и обращение к книге считает обязательным для каждого мусульманина. Затем поэт излагает свои соображения о других знаках герба — пшенице, хлопке, горах, солнце, короне, семи звездах, предлагает художественно-эстетическое

восприятие, толкование указанных знаков для нашего народа и нации, что помогает усилить чувство самосознания, национальной гордости, любви и привязанности детей к Родине и её символам.

Таким образом, поэты эпохи Независимости в новых исторических условиях с огромным чувством ответственности продолжили лучшие творческие традиции известных таджикских литераторов старшего поколения, таких как Мирсаид Миршакар, Аминджон Шукухи, Гулчехра Сулеймани, Гаффор Мирзо, Убайд Раджаб, твердой поступью пошли по пути художественного отражения государственных символов и в данном направлении достигли значительных успехов. Именно благодаря их усилиям и творческим поискам в современной таджикской детской и подростковой поэзии было осуществлено художественное отражение знамени, герба и гимна, что сыграло большую роль в идейно-эстетическом воспитании школьников разного возраста.

1. Мусулмониён Р. Нигоҳи Офтоб. Душанбе: Эр-граф, 2011. 100 с.
2. Насрулло К. Баҳои ӯён. Душанбе: ГЛБ Истикбол, 2012. 10 с.
3. Раҳмон Б. Аскари Ватан. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2013. 44 с.
4. Раҳмон Б. Наврӯзи Толикистон. Душанбе: Адиб, 2014. 32 с.
5. Раҳмон Б. Гули Наврӯзи / Б. Раҳмон. Душанбе: Аржанг, 2010. 40 с.
6. Нигматов, Н.И. Арабские слова в "Диван"-е Алишера Навои / Н.И. Нигматов, Б.П. Ашрапов // Актуальные научные исследования в современном мире. - 2022. - № 2-6 (82). - С. 148-153.

Agzamova E.I.

Models of speech influence in modern social networks

*Ufa University of Science and Technology
(Russian, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-206

Abstract

This article examines how social networks can be used to influence the audience. In the modern world, social networks take a very important place in our lives. Social networks are an ideal platform for advertising. To date, there are dozens of varieties of online advertising, differing in form, nature and ways of interacting with the reader. The article provides examples of speech influence models that can be used to attract the attention of the audience.

Keywords: speech influence, social networks, advertising, addresser, addressee, methods of influence.

Аннотация

В этой статье рассматривается, как социальные сети можно использовать для воздействия на аудиторию. В современном мире социальные сети занимают очень важное место в нашей жизни. Социальные сети - идеальная платформа для рекламы. На сегодняшний день существуют десятки разновидностей онлайн-рекламы, отличающихся по форме, характеру и способам взаимодействия с читателем. В статье приводятся примеры моделей речевого воздействия, которые могут быть использованы для привлечения внимания аудитории.

Ключевые слова: речевое воздействие, социальные сети, реклама, адресант, адресат, методы воздействия.

Speech influence is the effect on any person with the help of speech for a specific purpose: to direct him to accept the point of view of another person, to consciously perform some action, to transmit information, etc. The speech effect consists in the clarity of the set communicative goals and the adequacy of the language means used, and it manifests itself in the effect indicating the achievement or non-achievement of the set goals. The main criteria by which the effectiveness of speech influence is determined is the achievement of the set goal and the avoidance of conflict. The

main and frequently used methods of influence are persuasion and suggestion. The main beliefs are proof, justification and argumentation. Suggestion is widely used in advertising, medicine and psychology.

An advertising text is a unique linguistic phenomenon, a product of advertising discourse, and one of the forms of communication that is spread due to its communicative direction. Specific speech strategies are implemented in advertising discourse, the effectiveness of the entire advertisement depends on the choice of these strategies. Firstly, it is integrity, the presence of an authorial intention, an intention to attract the attention of potential consumers, and persuade them to purchase the advertised product. Secondly, the advertising text reflects the characteristics of purposeful speech acts, performed in accordance with the principles and rules of speech behavior accepted in a particular society. The advertising text is differentiated by coherence - the substantive, logical, lexical, grammatical, and stylistic dependence of each subsequent component on the previous one. Finally, the difference between the advertising text and other genres of written speech lies in the processing of material in accordance with the laws and norms of natural language, the genre and intention of the author, and the connection with other cultural texts, with the "memory of culture" - the active use of "text within a text" [3, 23-25].

Social networks are used as the most popular platforms for advertising, as they have become the most powerful Internet-media nowadays [1, 40]. Let's consider the means and techniques of speech influence in internet communication in advertising texts, which are most commonly found on the social network "VKontakte". As an example, we can consider an advertising text posted in one of the public groups of the social network:

"Girls, I'm sharing a secret! Now dressing fashionably and stylishly has become easy and profitable. Register at [link], make purchases and get discounts of up to 30%. New boots, a handbag, a trench coat, and a sweater are waiting for spring! You're welcome!"

Let's refer to the first sentence of the advertising text: "Girls, I'm sharing a secret!". The addressee "girls" allows narrowing down the target audience of the text's persuasive means to female representatives aged presumably between 18 and 40. Moreover, such a familiar addressee creates positive associations and trusting relationships between the reader and the text, as well as focuses the recipient's attention on the message.

The last sentence of the text, "Don't mention it!" serves a cohesive function. The use of negation, combined with an exclamation at the end of the sentence, constitutes another persuasive technique commonly found in advertisements on the social network VKontakte.

At the morphological level of language, the persuasive means of internet advertising are similar to the techniques used in radio, television, and print advertisements. All advertising texts have an informative and persuasive character, with their main function being to influence the reader. The stronger the influence, the greater the likelihood that the reader will become interested in the promoted product. To achieve this, specific linguistic tools of influence are used, such as keywords and signal words, which are responsible for the persuasive component of the text. According to the research conducted by E. U. Dementyeva, the frequency of using verb constructions in advertising texts is generally higher than the frequency of using noun constructions (52.1% and 47.9% respectively) [2, 102]. This is because verbs and verb forms denote actions, thereby urging the reader to take action. For example, "Register at [link], make purchases, and get discounts up to 30%!" One of the most effective linguistic means of persuasion that convinces the consumer is imperativeness. Imperativeness is defined as firstly, a categorical, unconditional requirement or command. Secondly, it is the same as the imperative mood (grammatically). We can see that the verbs used in this example are in the second-person singular imperative form, or the form of the imperative. Therefore, their main function is to urge action and influence the recipient in order to generate an emotional response. The choice of person and number of the verbs in our example is not accidental: the second-person singular form creates a dialogue effect with the reader, creating a model of speech behavior that is as close to natural communication as possible.

The syntactic means of influencing advertising texts primarily involve sentence length, word order within the sentence, and the emotional expression conveyed through punctuation marks “which the advertisers use to evoke emotional responses from recipients” [4, 143]. All the sentences in our example are simple sentences: this is done to facilitate the understanding and perception of the construction. Simple sentences are as influential as the lexical and figurative means of language. While lexical means aim to create an image and associations in the recipient's mind, syntactic means aim to facilitate their perception. Simple constructions are not only easier to perceive but are also more memorable. Simple sentences are often mono syntactic.

Let's compare: "Girls, I'm sharing a secret!" (simple, definite-personal). "Don't mention it!" (simple, definite-personal). We should note that narration is done in the first-person singular. In traditional advertising texts found on television, radio, or in print publications, the description of the advertised item is presented in the third person. In social networks, the buyer of the presented product often takes on the role of the narrator, sharing their successful experience with other potential buyers. This creates an effect of friendly, close contact between the sender and the recipient. The author of the text advises, transforming traditional advertising techniques into a friendly monologue. The main clauses of the sentence are also important in advertising text, as they emphasize significant moments for the recipient. Main clauses are remembered first, so the following sentence construction is widespread in internet advertising: "What - for what?"

In my example, the majority of sentences are complex and complicated by homogeneous members. In the second sentence of the text, homogeneous members are expressed by adverbs (fashionably and stylishly, easily and profitably), in the third sentence by imperative verbs (register, make, and receive), and finally, in the fourth sentence, by nouns (boots, handbag, trench coat). Homogeneous members of sentences are often used to create imagery and expressiveness in the text. They help provide a more precise and detailed description of the advertised item. In three out of the five sentences in the text, we see the use of the rhetorical exclamation device. It is worth noting that exclamation is used in the first and the last two sentences because they are the most important for the perception of the advertising text. The exclamation in the first sentence, "Girls, I'm sharing a secret!" emphasizes attention and encourages further reading of the text. In the last two sentences, the exclamation intensifies the energy and expressiveness of the text, directing action.

Thus, we can conclude that speech influence is actively used in advertising texts on social networks. They help authors attract the audience's attention and gain their trust. We also found that familiar address to the recipients is acceptable in internet advertising. This helps merge the advertising lexicon with conversational style, indicating the phenomenon of stylization of advertising style in line with youth slang.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Varukha, I. V., Davletbaeva A.F. New Internet-media as a unique phenomenon of contemporary communication // The peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education". April 2023 No. 96, Part 3 Ed. SIC "LJournal", 2023. – pp. 39-41. DOI: 10.18411/trnio-04-2023-125
2. Dementieva, E. Y. The pragmatic function of the name and verb in the advertising text [Text] / E. Y. Dementieva, O. N. Charykova // Culture of communication and its formation : materials region. scientific method. conf. Voronezh, April 15-16, 2002 – Voronezh: Istoki, 2002. – Issue 9. – pp. 102-103.
3. Klyuev, E. V. Speech communication [Text] : the success of speech influence : a textbook / E. V. Klyuev. – Moscow : RIPOLL CLASSIC, 2002. – 194 p.
4. Urazmetova A.V. Axiological aspect of toponymic vocabulary // Issues of cognitive linguistics. 2022. № 2. С. 138-144. DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144.

Deng K.

Exploring the difference in social etiquette in China and Russia*East China Jiaotong University
(China, Nanchang)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-207

Abstract

The purpose of this article is to study China and Russian's different social etiquette so as to avoid culture shock when communicating, and to help Chinese who first come to Russia get a landscape of Russian social manners and better integrate their lives into the Russian society. This article provides a comprehensive comparison between the two countries' social norms in different aspects including greetings and addressing, personal space, and dining. Drawing upon the difference in core values and national characteristics, a conclusion of the main differences in Russian and China's social etiquettes is made. And some strategies for Chinese learners of Russian to reduce communication barriers are offered.

Keywords: Chinese culture, Russian culture, social etiquette, cross-cultural communication.

Аннотация

Цель этой статьи - изучить различия в социальном этикете Китая и России, чтобы избежать культурного шока при общении, а также помочь китайцам, впервые приезжающим в Россию, познакомиться с российскими социальными манерами и лучше интегрироваться в российское общество. В этой статье проводится всестороннее сравнение социальных норм двух стран в различных аспектах, включая приветствия и адресацию, личное пространство и питание. Опираясь на разницу в основных ценностях и национальных особенностях, делается вывод об основных различиях в социальном этикете России и Китая. Также предлагаются некоторые стратегии для китайцев, изучающих русский язык, по снижению коммуникативных барьеров.

Ключевые слова: китайская культура, русская культура, социальный этикет, межкультурная коммуникация.

Russia and China, being friendly neighbors and important strategic partners, will definitely deepen interactions from government to people to people exchange in the future with the current visit of Russia's president Vladimir Putin to China. However, the sheer difference of our cultures and traditions also brought about some contradictions in our social etiquettes. Hence, for this study, it would be of special interest to analyze and to acquaint people with the difference, as studying "implicit shades of the interlocutors' speech transfers the process of communication into a more developed notional level" [5]. Although extensive research has been carried out on Chinese and Russian's respective social etiquette, the difference between them has rarely been studied directly. Within the issue of social etiquette, politeness manifests itself in the course of communication. For example, accordingly, in each language there are different forms of expressing politeness. For successful communication, you need to know how the principle of politeness manifests itself [1]. It is important to acknowledge the limitations of this study, such as its focus on broad social manners excluding the manners in a specific field such as business etc. In the following sections, Chinese and Russian social manners in different aspects will firstly be compared, then in section 2, a detailed analysis of the reasons behind these differences from the aspects of core values and national characteristics will be offered. Finally, section 3 offers several strategies for avoiding cultural shocks and communicate better.

In China, when greeting the elders, people tend to add 爷爷 (grandpa) or 奶奶 (grandma) after their last name as form of address, even if there is no family ties between the two individuals. The same is true when Chinese greet middle-aged people [9]. Addresses such as 叔叔 (uncle), 阿姨 (aunt) are added. And the contents of Chinese greetings usually contains some personal questions such as 吃

了吗? (Have you eaten?) 您上哪去呢? (Where are you going?) 您最近忙什么呢? (What have you been doing recently?) For Chinese, these relatively private questions are seen as ways to draw people together and maintain connections, showing our care towards the other.

In Russia, such relational addresses are only applied on family members. If applied on strangers, Russian people will feel uncomfortable. Names are most frequently used for addressing acquaintances. For strangers, “lady” or “sir” is used to show respect.

Russian people usually greet each other with Здравствуй(те)! (hello) and Как дела? (how are you?), which is basically formula-like way, and this is also applied when greeting friends. The reason behind this is that Russian people usually pay more attention to privateness and they tend to avoid asking about personal questions.

The variations in greeting language formulas reflect the contrasting cultural values of different people. In Chinese culture, respecting elders is highly valued, whereas “Russian culture emphasizes qualities such as modesty, simplicity, tenderness, individuality, and privacy” [4].

In China, hug and kiss as greetings are seldomly used and only go for intimate friends or family members whom you have not seen for a long time. In most cases, people just wave their hands or nod their heads as greeting, which is seen as polite and decent.

While for Russian people, hug as greetings is very common and can be applied on people who you just knew for one day. Kiss on cheeks is also commonly used [10]. The reason behind this is that Chinese people are educated to be serious about physical contact and traditional doctrine such as “it is improper for men and women to touch each other's hand in passing objects” has influenced Chinese people imperceptibly for thousands of years. In contrast, Russians are more liberal with body contact.

Both Chinese and Russian cultures tend to have a different concept of personal space compared to American culture. Chinese people tend to stand and sit quite close to each other, and they are comfortable talking right on top of each other with very little personal space between them, maybe 1-2 feet. Similarly, Russians tend to sit and stand quite close to each other, and they are comfortable talking right on top of each other with very little personal space between them, maybe 1-2 feet [2]. However, there are some differences between the two cultures. For example, the lack of personal space in Chinese culture is not only limited to physical space but also extends to the concept of privacy. In contrast, Russian culture tends to have a concept of privacy, but Russians tend to be comfortable with less personal space than Americans do.

The most significant difference in Chinese and Russian dining is the atmosphere of noise and quietness [6]. In China, people regard a great meal with family and friends as the happiest thing in the world. Therefore, a lot of sounds are made on Chinese tables to create a happy atmosphere, such as laughs, chattering and persuading drinks and eating. The whole atmosphere is extremely lively and noisy. It is generally believed that harmony and sense of unity can be reflected through this happy atmosphere. If people do not talk or laugh, behaving restrained, the host of the meal will feel very awkward. However, on Russian's dining table, quietness is valued. People tend to make no sounds when eating with their tableware. The sound of talking is only hearable and people tend to avoid making too loud sounds so to make the whole atmosphere relatively quiet and peaceful.

Confucianism has taken a deep root in China for more than 2000 years. It highly values the harmony in society, which is regarded as the foundation of social prosperity. Benevolence is also stressed, which can be interpreted as “kindness, mercifulness and friendliness”. Therefore, Chinese people pay much attention to maintain the harmony of the society and a friendly relationship with other people. Another important concept in traditional Chinese culture is “moderation”, which basically means never goes to extremes. Influenced by these values, Chinese seldomly adopt extreme way when facing problem and often leave some room for both themselves and others for manoeuvre if possible. Seeking common ground while reserving small differences is the way of behave for Chinese people.

In comparison, Russian people can go to extremes to a large degree. Under the influence of their vast geographical space, they have formed the characteristics of being open-minded, brave and free of restrictions. But sometimes it can also be displayed as lacking self-discipline and overindulging. Generally speaking, Russian people do not like formalism and social class. Instead, most people prefer a simple and straight way in social intercourse.

One thing that influences Russian and Chinese social etiquette is our different core values. As a collectivist culture, Chinese people are deeply influenced by the concept of co-construction of family and state [3]. Therefore, we give priority to human's social attributes. People would even sacrifice their

personal interests for the interests and harmony of the team. In contrary, Russian values are greatly shaped by western culture, to which the core is individualism. People put personal interest at first when making decisions. So, one of the most defining feature of Russian etiquette culture is to display personality to the fullest. Personal reputation and achievements are also highly valued.

Keep an open mind and avoid judging or comparing the Russian culture with your own. Instead, appreciate and learn from the differences [7]. Take a respectful attitude toward each other's culture and living ways.

Try to make the most of the experience by actively engaging with the Russian culture. This could involve making new friends, participating in cultural activities, such as watching Russian movies and attending lectures, and learning about the local customs and traditions [8]. By communicating directly with Russian people, you can have a deeper understanding of Russian culture.

Understand that it is normal to experience cultural shock and give yourself time to adjust to the new environment. It's important to stay connected with your support network, whether it's fellow students, family, or friends, to help navigate through the adjustment period

By implementing these strategies, Chinese learners of Russian can effectively reduce cultural shock and adapt more smoothly to their new linguistic and cultural environment.

Different social etiquette in China and Russia originated from our different national characteristics and core values is a great challenge faced by Chinese and Russian people in cross-cultural communication. These differences can be demonstrated in different aspects, including addressing, personal space, and dining. By respecting each other's culture and living habits, paying attention to the differences in social etiquette between the two countries, treating each other as equals in a respectful and tolerant manner, and enhancing the sensitivity to cross-cultural differences, the people of the two countries will be able to communicate and learn better, therefore consolidating the relationship between China and Russia.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Alpaeva E., Boduleva A.R. Teaching the category of politeness in the "Spotlight 10" multimedia package // Best Research Paper 2022: collection of articles from the International Research competition. – Petrozavodsk, 2022. – С. 61-64.
2. Feiyan Sun.(2009).A Discussion of Russian Table Manners. Russkyi Yazik (03), pp. 45-51.
3. Tianyi Li. (2013). Differences and Cultural Analysis of Social Etiquette in China and Russia. Media International Review(00), pp. 244-249.
4. Urazmetova A.V., Ryabtsova N.I. Symbolic phytophraseologisms as a result of the representation of the linguistic picture of the world // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 9(45). DOI 10.18454/RULB.2023.45.3.
5. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Analysis of the emotive component in utterances with the modal verbs expressing willingness in the Chinese, English and Russian languages // World of Science, Culture, Education. № 4(95) 2022. – С. 194-197 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-194-197
6. Yan Wang. (2015). Similarities and Differences Between Chinese and Russian Table Manners. Science & Technology Vision (23), 147 p. doi:10.19694/j.cnki.issn 2095-2457.2015.23.108.
7. Cultural Differences Between Americans & Russians (psu.edu)
8. Culture Shock When Studying Abroad and How to Deal with It (ahzassociates.co.uk)
9. Personal Space in China | Universal Consensus
10. Russian Culture - Communication — Cultural Atlas (sbs.com.au)

Gainutdinova K.R.

Manipulative abilities of English euphemisms

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-208

Abstract

This article aims to analyse the manipulative abilities of English euphemisms in the field of advertising to determine the significance of this phenomenon for the modern world and to consider its consequences for society.

Keywords: linguistics, euphemism, manipulation, advertising.

Аннотация

Цель данной статьи - проанализировать манипулятивные возможности английских эвфемизмов в сфере рекламы, определить значимость этого явления для современного мира и рассмотреть его последствия для общества.

Ключевые слова: лингвистика, эвфемизм, манипуляция, реклама.

The term “euphemism” comes from the Greek language and literally means “words of good omen”. Euphemisms have the meaning of a neutral word or expression used to replace rude or inappropriate words or phrases. In other words, euphemisms allow for a less harsh expression of unpleasant ideas.

Henry Watson Fowler provides a clear and popular definition: “Euphemism means the use of a mild or vague or periphrastic expression as a substitute for blunt precision or disagreeable use” [2].

To conceal certain facts, marketers use euphemisms, since euphemisms refer to linguistic universals and serve as one of the main means of conflict-free and successful communication.

The main areas of usage of euphemisms in English-speaking advertising are:

- product advertising for appearance enhancement;
- advertising related to personal care products and hygiene;
- advertising products related to negative aspects of life;
- hidden pricing advertisements.

Advertising of cosmetics is a special area of advertising, often associated with unpleasant and painful feelings and experiences for many people. A major appearance concern is facial skin. There is a wide variety of cosmetic products available on the market to address skin imperfections such as teenage acne, wrinkles, and under-eye dark circles, etc.

For example: *To target this, Vichy offers you a range of **anti-imperfection** products* [4].

The term 'imperfections' is commonly used in cosmetic advertising as an euphemism. In this example, the manipulative effect is achieved by avoiding direct nomination by generalizing the value [1, 68]. This method of using euphemisms is the most common one in advertising. It is popular because it allows the communicator to avoid outright dishonesty, but only slightly expand the boundaries of the truth itself by using a hypernym.

Age is also euphemized. It was noted that in advertising texts euphemisms replace the word *old*, which is still considered inappropriate. The authors of the advertising text try to avoid using words related to the forbidden topic – old age.

For example: *Clarins anti-aging cream fights with first **signs of age*** [5].

There are numerous replacement words used as euphemisms for physiological processes and body parts. Their creation and use are based on social and cultural standards, psychological attitudes associated with feelings of insecurity, shame or fear. In advertising antiperspirants, sweating is presented as a physiological problem. It not only impacts mood but also significantly affects a person's social life, leading to feelings of isolation and inadequacy.

Example: *All-day odor and **wetness** protection* [6].

The euphemism *wetness* is used to refer to sweat. The smell of sweat is indicated by the euphemism *body odor*. These euphemisms help disguise the act of sweating and attract customer attention to your product.

Euphemisms are often used when referring to dandruff. Head & Shoulders and Clear shampoos are advertised using the word flakes. This word gained its meaning due to its similarity in appearance.

Example: *Head & Shoulders' special formula helps eliminate **flakes*** [7].

One of the groups of euphemisms is represented by vocabulary that distracts from such negative aspects of reality as crime, alcohol addiction, drug addiction, etc. Euphemisms are used in advertising to soften negative concepts and divert attention from harmful effects on the body.

In the advertisement of the drug addiction treatment centre: *Do you have time for **addiction?*** [8]. In this example, drug addiction is replaced with the broader concept of addiction, which elicits a less negative response.

In the language of advertising, the word *cheap* is very often replaced by *affordable*, *inexpensive* and others, thus to cover the direct meaning, creating a softening effect. The use of words like *inexpensive* and *affordable* highlights their meaning, avoiding the direct and less attention-grabbing term – cheap: *It makes my hair soft and healthy without **breaking my budget*** [9].

The expression *breaking budget* is based on a metaphor and attracts the attention of buyers. It conveys the meaning of relatively inexpensive products and assures that the purchase will not affect their budget in any way.

In most cases, euphemisms that perform a masking function are used in advertising, and their use is of an occasional nature, that is, it is contextually conditioned to replace an undesirable word in the meaning. "They can hide a negative assessment, disapproval, condemnation, distrust, dislike, fear, irony, sarcasm or contempt" [2, 141]. In English advertising texts, euphemisms serve not only to mitigate, but also to influence the recipient. Euphemisms functioning in the language of English advertising are a strong means of influencing people's consciousness. Euphemisms hide the true nature of things, as neutral phrasing avoids provoking irritation in the consumer's mind, unlike direct naming.

In conclusion, euphemisms are used in advertising to influence the consumer and, depending on a particular product category, has a unique functional meaning. Advertising uses euphemisms to distort consumers' perception of reality, which shapes consumer attitudes towards purchasing products. Euphemisms in advertising replace direct names for appearance issues, selling body care products, and personal hygiene items, and blur the consumer's perception of the product's true qualities and negative realities, including the price.

In English-language advertising, euphemisms are used as a substitute for direct names and to mask undesirable phenomena. Therefore, advertising manipulates consumers by concealing unpleasant realities and shaping opinions and impressions about specific products. Euphemisms in advertising create the impression that problems are not insurmountable. By coming up with nice and pleasant names for unpleasant things, advertisers force people to accept them.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Media representation of axiological concepts in the space of socio-cultural texts // Peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education". March 2023 No. 95, Part 2 Ed. SIC "LJournal", 2023. – pp. 67-69. DOI: 10.18411/trnio-03-2023-74
2. Urazmetova A.V. Axiological aspect of toponymic vocabulary // Issues of cognitive linguistics. 2022. № 2. С. 138-144. DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144.
3. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford University Press, 1957.
4. Vichy. URL: <http://www.vichy.com>
5. Clarins. URL: <http://www.clarins.com>
6. Lady Speed Stick. URL: <http://www.colgatepalmolive.com>
7. Head&Shoulders. URL: <http://www.head&shoulders.com>
8. Salt Lake City Weekly. URL: <http://www.hotelscombined.com>
9. Pantene. URL: <http://www.pantene.com>

Glushko (Ubushaeva) V.V.¹, Ubushaeva I.V.²

New Trends in English Punctuation in the second part of the XX th century

¹*«Kalmyk State University named by B.B. Gorodovikov»
(Russia, Elista)*

²*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
(Russia, Saint-Petersburg)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-209

Abstract

The correct punctuation in writing is very important for understanding the meaning of author's intention. Any person with a higher education must not only speak correctly, but also correctly use punctuation when expressing his thoughts.

This article describes the study of punctuation of identical structures in two variants of the English language. Punctuation of these structures is not fixed in the rules and recommendations in English. The author made an attempt to establish a pattern in the use of a punctuation mark with two introductory words; in sentences in which the subordinate clause takes a position after an introductory

adverb or phrase; with two predicates connected by a conjunction; with complex sentences in which two parts of the sentence are connected without a conjunction.

Keywords: punctuation, innovations, British scientific style, American scientific style, norm, changes.

Аннотация

Правильное построение пунктуационных знаков в письме очень важная составляющая для понимания замысла автора. Любой человек с высшим образованием должен не только правильно говорить, но и правильно пользоваться знаками препинания при изложении своих мыслей.

В данной статье описано исследование пунктуации одинаковых конструкций в двух вариантах английского языка. Пунктуация этих структур не закреплена в правилах и рекомендациях на английском языке. Автор предпринял попытку установить закономерность в употреблении знака препинания с двумя вводными словами; в предложениях, в которых придаточное предложение занимает позицию после вводного наречия или словосочетания; с двумя предикатами, соединенными союзом; со сложными предложениями, в которых две части предложения соединены без союза.

Ключевые слова: пунктуация, новации, британский научный стиль, американский научный стиль, узус, изменения.

Language changes over the centuries are obvious - it is enough to compare a text written one and a half hundred - two hundred years ago with a modern one in order to see the changes that have taken place in the language during this time.

Less noticeable are the permanent, continuous language changes that occur over short periods of time.

A change in language means the replacement of one norm by another. Such a replacement is not a one-time act, but a long process.

Sometimes the manual provides a codification of the old norm, although the new usage has already taken root in the language. The literary language seeks to consolidate the existing norms as mandatory, but in linguistic practice there is a tendency towards a different use. And if this trend corresponds to the living laws of language development, it will gradually become the norm. In the process of changing norms, there is a period of coexistence of norms, a period when, in the same form of language, both one, old, and another, new, word, form, construction are used on an equal footing. In the process of changing norms, the coexistence of variants of the norm is noted. A similar phenomenon occurs in punctuation.

Nowadays, studies of texts of different styles in diachrony and synchrony on the material of two or more variants of the English language, as well as studies to identify real punctuation in a statement / text, are very poorly developed in linguistics. Further research in solving these issues would help to identify the general and specific features of the structure, formation and functioning of punctuation in different styles and variants of the English language. As it was noted that the study of the main diatopic variants of the English language has been going on for many years. As noted by L.L. Baranova [1], the main areas of research in this area are the study of the segmental aspect of both varieties (Prof. A.D. Schweitzer and his school), consideration of intonational differences between the two variants (in the works of Prof. D.A. Shagbagova), morphological and lexicographic studies (V.V. Vasiliev, A.D. Schweitzer).

“Diatopic studies of the same language always imply, first of all, the need to identify the differences existing between them” [2]. According to R. Burchfield, in 20-30 years the variants of the English language will change so much that the British will not be able to understand Americans [3]. L.L. Baranova says: “Among philologists dealing with English, there is an opinion that the biggest differences between the two variants are observed at the level of punctuation, and in American English the use of punctuation markers is more normalized and regulated than in British English, which is dominated by semantic-stylistic and declamatory-psychological principle, that is,

the expressive, rhetorical function of punctuation prevails, and its implementation in the text is regarded as complete freedom, the absence of any regulation in the arrangement of punctuation marks" [1]. This article presents punctuation innovations of the 50s-90s, not fixed in the rules and recommendations, as well as the main patterns in the usage of the character corpus, typical for scientific texts of two variants of the English language at the end of the 20th century.

Analysis of the selected factual material showed that in British English there are cases in which, under certain conditions, a comma is used. Such a setting of the sign is natural. In addition, the use of signs in these cases is an innovation in British English, since the rules and recommendations do not refer to the use of the sign in this case. What are these cases?

1. *As the actual material shows, in British English, if a subordinate clause follows an introductory adverb or introductory phrase [for example, Actually, if (when)], as a rule, a comma is placed before the union.
Such a setting of the sign, however, is not noted in the American version of the English language. The punctuation of this case is also characteristic of British English. For American English, such punctuation is also uncharacteristic.*
2. *The following case is also an innovation, since it is also not mentioned in the rules and recommendations in English:
If there are two introductory words that are nearby, the second introductory word, as a rule, is highlighted on both sides with commas (for example, actually, however,).*
3. *In scientific texts of the American version, the comma is very often replaced by a dash in non-union complex sentences. In British scientific texts in this case, you can often see a comma or a semicolon. The dash in the British version, if it occurs, is very rare.*
4. *Of interest, in our opinion, is also the punctuation of two homogeneous predicates connected by the union **and**. The fact is that in British and American texts of different directions there are cases when a comma is placed before the union connecting the second predicate. In other cases, the comma is omitted. A logical question arises: what is the reason for this? In the rules and recommendations, it is usually written that two homogeneous members are not separated by a comma [4].*

The analysis of the sentences showed that when puncturing two homogeneous predicates, the connection between the predicates and the presence or absence of an adjective or adverb in the first predicate are taken into account. In the absence of a close connection between the predicates or in the presence of an adjective or adverb, a comma is placed before the union in the first predicate. If there is a close connection, or if there is no adjective or adverb, the comma is omitted. There are no rules and recommendations for the use of the sign or its omission. All of the above is typical for both British and American English.

A feature of the American variant, as our study shows, is the fact that in American English there has also been a tendency to omit a comma between two predicates that do not have a close connection and a tendency to omit a comma between predicates if the first predicate has an adjective or an adverb.

1. Baranova L.L. Cognitive features of punctuation in British and American versions of modern English // Cognitive aspects of language categorization: coll. scientific work. - M., 2000. - No. 3 (18). - S. 158-161.
2. Vasiliev V.V. Orthoepic Commonality of British and American Variants of Modern English: Ph.D. ... cand. philol. Sciences. - M., 1980. - 143 p.
3. Burchfield, R. The English Language. - Oxford University Press, 1985. - 194 pp.
4. Kobrina, N.A., Malakhovsky L.V. English punctuation. - M.: Izd-vo lit-ry na inostr.yaz., 1959. - 110 p.

Hasanova M.I.**Theoretical views on specifics of ceremonial lexicons Khujand dialect***Khujand State University named after acad. B.Gafurov
(Tajikistan Republic, Khujand)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-210

Abstract

The article dwells on the specifics of ritual wedding vocabulary in Khujand dialect. In order to study the peculiarities of the vocabulary of wedding rituals, the linguistic nature of the vocabulary of the vocabulary of the wedding ritual was investigated and represents a linguistic description of the peculiarities of ritual (wedding) vocabulary in Khujand dialect, taking into account the tradition of historical and modern lexicology of the Tajik language and ethnolinguistics.

Keywords: rite, ritual, dialect, vocabulary, ethnolinguistics, culture, Tajik language.

Аннотация

В статье рассматривается специфика обрядовой свадебной лексики в диалекте Худжанда. В целях изучения особенностей лексики свадебных ритуалов исследовано языковая природа словарного состава лексики обряда бракосочетания и представляет собой лингвистическое описание своеобразия обрядовой (свадебной) лексики в диалекте Худжанда с учетом традиции исторической и современной лексикологии таджикского языка и этнолингвистики.

Ключевые слова: обряд, ритуал, диалект, лексика, этнолингвистика, культура, таджикский язык.

Introduction

It is well-grounded that language is considered to be as a priceless treasure preserved the relics of the people's verbal culture creating the grounds aimed at spiritual relationships, and passes on the achievements of science and culture of different eras in order to subsequent generations. Into the bargain, one of the actual errands of modern Tajik linguistic studies is the study of living processes of change and the relationship of literary, folk and colloquial, dialects and their role in the of national linguacultural development [5; 6; 10].

One of the significant peculiarities of the qualitative exceptionality of the Tajik language is the increasingly distinct differentiation of three stages of its social functioning: literary language as a set of functional styles, national spoken language and dialects.

The most general portrait of the relationship between TLL (Tajik Literary Language), its popular slang version and dialect sphere as well. In conformity with ours opinion, the relevant field appears as follows: on the one hand, as a result of the solid sway over literary forms of speech, certain leveling of the informal language occurs (equalization) of its features; in the mentioned sphere, certain changes are also taken place - literary language norms are gradually acquiring citizenship rights in the slang and dialect speech systems of the simple people. On the other hand, in connection with socio-functional activation of some lexical word-stock dealing with the ritual terminological notions, namely the original Tajik ritual lexicon and progressive trends aimed at their preservation in the system of MTL (Modern Tajik Literary Language) clearing it of the medieval archaic Arabic sense, of borrowed elements to its structure in order to enrich the Tajik language expressive backgrounds and its word-stock in particular [1; 2; 3].

While canvassing all these phenomena and processes over time, it is possible to establish the causes of language changes, their occurrence and completion and the ways of these phenomena and processes development and elevation in various slangs.

The object of the corpus of our study is to canvass theoretical views on specifics of ceremonial lexicons Khujand dialect. As well as, certain specifics of ceremonial lexicons in Khujand dialect being taken into account. In order to study the peculiarities of the vocabulary of

wedding rituals, the linguistic nature of the vocabulary of the wedding ritual was investigated and represents a linguistic description of the peculiarities of ritual (wedding) vocabulary in Khujand dialect, taking into account the tradition of historical and modern lexicology of the Tajik language and ethnolinguistics.

The aims of the corpus of our study are:

- to canvass theoretical views on specifics of ceremonial lexicons Khujand dialect;
- to reveal certain specifics of ceremonial lexicons;
- to study the peculiarities of the vocabulary of wedding rituals, the linguistic nature of the vocabulary of the wedding in Khujand dialect;
- to take into account the tradition of historical and modern lexicology of the Tajik language and ethnolinguistics.

Scientific novelty

The article under consideration dwells on theoretical views on specifics of ceremonial lexicons Khujand dialect. As well as, certain specifics of ceremonial lexicons in Khujand dialect being taken into account in the field of linguistic studies, for the first time. It is worth mentioning that the most general portrait of the relationship between TLL (Tajik Literary Language), its popular slang version and dialect sphere as well.

Methodology

In order to make our study convincing a visual method of research was used; at the same time, comparative-historical methods, synchronic and diachronic analysis were resorted to as well.

Main results and discussion

It is well-known that dialect represents a valuable source concerned with the study of various social processes in the field of historico-modern lexicology, word formation, morphology, etymology and other aspects of our mother tongue, upon the whole. The lexicons collected in the dialect reflect the centuries-old history of the nation, their way of lifestyle, development of culture, traditions, rituals and ceremonies [4; 7].

Initially, Tajik language during the period of its historical existence is dynamic according to certain patterns. Over a period of more than millennia, political transformations, radical changes in government structures, changes in social life, culture and traditions, and rituals had a direct impact on the evolution of Tajik language lexical composition, its phonetico-grammatical system especially.

It is known that the development and enrichment of a language, including its ritual lexical stock is of a closed connection with social life and the history of its creator - the people. Among the unique ritual traditions, for many centuries, the wedding ritual has acquired particular significance created the grounds targeted at a family formation and the former in question regulates the process of its connection with ethnic-national characteristics of Tajik nation's culture [8; 9; 10].

The relevant ritual has regional differences, not only between communities belonging to various nations, but they are observed between people belonging to a single nation either. The letters are unique depending on the area of residence of bearers of these relict traditions (city, region, village, locality), and their social stratum as well. The ritual lexicon of each region has certain patterns reflecting its (word-stock) purposeful functioning in the sphere of public life, resorting to the richness and expressiveness of the national spoken language, due to which dialects and their lexicons are enriched, the grammatical structure is polished, and their expressive and figurative means are improved. At the same time, it is supra-dialectal coordination that begins to play the role of the link between literary language and dialects reflecting some patterns of mediating the relationship between the styles of literary language.

As researchers note, the main goal of studying vocabulary in the ethnolinguistic aspect is to compile a linguistic picture of the ethnoculture of peoples. Such studies open up broad opportunities for learning the vocabulary of ritual rituals, familiarizing themselves with their specific features associated with various factors in the social life of the people (marriage, mourning, demonology, the plot of sacred books, the interpretation of worldly and afterlife, anthropology). This knowledge, to a certain extent, lays the foundation for familiarization with the ritual culture of ethnic groups, with the prerequisites for the emergence of ritual traditions, ritual vocabulary, and contributes to

commentary on their semantics, commonality and differences in shades of their meaning [1; 2; 3; 4].

Conclusion

Adducing the results of the conducted analysis beset with the theme explored one can come to the conclusion that the reasons for the ritual vocabulary emergence are sociolinguistico-extralinguistic in nature, since such kind of new lexical formations reflect changes in the inventory, composition and properties of rituals and marriage rites in particular. In reference to it, the ritual word-stock necessary for dialect speakers does not linger on its periphery entirely, but goes into wide circulation, because its appearance in most cases is dictated by the urgent needs of speakers of regional dialects. The data concerned with the dialect spheres are especially indicative of the pace of replenishment and development of the Tajik language word-stock at the present stage.

1. Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков (по материалам конца XIX – начала XXв.в.) - М.Л.: Издательство АН СССР, 1959. 200 с.
2. Неменова Р.Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). – Душанбе, 1965. 350 с.
3. Расторгуева В.С. Опыт классификации таджикских говоров. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. 220 с.
5. Успенская Л.В. Каратагский говор таджикского языка. – Сталинабад, 1965. 450 с.
5. Хасанова, М. И. Обрядовая лексика ритуала бракосочетания в диалекте Худжанда (этнолингвистический аспект): специальность 10.02.22 "Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хасанова Машхурахон Иномовна. – Худжанд, 2010. – 156 с. – EDN QEPСJX.
6. Хасанова, М. Лексика траурного обряда в худжандском говоре / М. Хасанова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2016. – № 4-1(195). – С. 70-74. – EDN WDZOND.
7. Хасанова, М. И. Обрядовая лексика ритуала бракосочетания в диалекте Худжанда / М. И. Хасанова // Биология и интегративная медицина. – 2021. – № 6(53). – С. 398-405. – EDN ATZKKN.
8. Ashrapov, B. P. Some considerations beset with English word-building rules / B. P. Ashrapov // Образование от "А" до "Я". – 2021. – No. 4. – P. 5-6. – EDN EQYIVI.
9. Ashrapov, B. P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of superlative degree of adjective in the Tajik literary language referring to 18th and 20th centuries / B. P. Ashrapov // Stephanos. – 2023. – No. 4(60). – P. 65-71. – DOI 10.24249/2309-9917-2023-60-4-65-71. – EDN HWXLPH.
10. Giyasov, N. I. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Composite Adverbs in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadvafo Karminagi) / N. I. Giyasov, B. P. Ashrapov // Stephanos. – 2023. – No. 3(59). – P. 69-80. – DOI 10.24249/2309-9917-2023-59-3-69-80. – EDN GGWHXR.

Kurbonova S.Z.

Brief Essay on the History of Arabic Lexicography Development

*Khujand State University named after acad. B.Gafurov
(Tajikistan Republic, Khujand)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-211

Abstract

The article dwells on issues beset with the study of brief essay on the history of Arabic lexicography development. It is noted that that due to the lack of comparative and new styles of modern lexicography, as well as modern researchers create and scholars of lexicography force to search for and present new approaches in the relevant scientific circle and sphere.

Keywords: history, Arabic lexicography, scholars of lexicography, modern lexicography, scientific circle.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы изучения краткого очерка по истории развития арабской лексикографии. Отмечается, что из-за отсутствия компаративистики и новых стилей

современной лексикографии, а также создания современных исследователей и ученых-лексикографов вынуждают искать и представлять новые подходы в соответствующем научном круге и сфере.

Ключевые слова: история, арабская лексикография, учёные-лексикографы, современная лексикография, научный круг.

Introduction

It is common-knowledge that the study and consideration scientifico-literary creations and lexicographical views of this or that nation will be of great help for the clarification and further development of various fields of national lexicography and its literary language.

It is worth mentioning that dictionaries are called the eternal companion of civilization. The formers in question are considered to be as a treasure of the national language and embody all the jewels of the treasure of the people's traditions in a special way.

Ancient dictionaries are encyclopedic in some respects. They not only reflect the historical development of the language word-stock, but also describe many historical, literary and other events comprehensively. They can be used as literary sources. It is impossible to imagine the historical development of the language without the use of such dictionaries. They are of immense importance for understanding the development of language and the history of the people. In particular, the relevant dictionaries deserve a special status and value among rare and invaluable sources for today`s practical lexicography.

In Arabian scholars in lexicographic studies` works reflect the history of national dictionary, which is still used today for the development of various fields of civilization.

The object of the corpus of our study is the analysis of Arabic dictionaries belong to the pen of the famous Arab linguist, the founder of Aruz, Khalil ibn Ahmad al-Farhadi, called "Kitab-ul-Ain". The words of the language in the relevant dictionary are based on the sound style. That is why the deepest letter or consonant in Arabic language is the sound "ayn". Khalil ibn Ahmad started his dictionary from this voice and called it "Kitab-ul-Ain" [5, p.91].

The aims of the corpus of our study are:

to describe the vocabulary of the literary language;

to explain and interpret the meaning of words based on their origin from various sources of the literary language;

to determine the limits of the use of this or that word;

to interpret some aspects of grammatical forms.

Scientific novelty

The given article dwells on the analysis of the history of Arabic dictionaries development in Arabian Peninsula. The Arabic language, as shown by most sources and studies, was created among different Arab tribes who did not yet have a formal language and whose language was mainly the language of poetry and songs. However, it is not known exactly when it was written down. Only after the emergence and spread of Islam, especially in the 7th-10th centuries, the oral and literary heritage of this language took place in written form, for the first time.

Methodology

In order to make our study convincible a visual method of research was used; at the same time, comparative-historical methods, synchronic and diachronic analysis were resorted to as well.

Main results and discussion

As it was mentioned above Arabic language is one of the ancient oriental ones with rich traditions of lexicography. A distinctive feature of Arabic language and, in particular, its dictionary in comparison with other nations is that science of lexicography or "ilm-ul-lughat" in Arabic appeared and expanded simultaneously with the emergence of morphology and syntax [1, 12].

Lexicography was considered to be as one of the important branches of Arab linguistic studies, and it played a significant role in the cultural, scientifico-linguistic life of the Arabs themselves and the peoples who practiced Islam.

Arabic lexicography appeared and developed at a time when the relevant field of science was not yet known in Europe. The emergence of two branches of language - literary and dialectal ones became reason for the emergence and prosperity of Arabic dictionary over the centuries. Lexicographer, whom Arabs called "lexicographers" or "Nahwis" (grammarists) tried to record Arabic lexicons in a complete form in their dictionaries.

In the history of Arabic lexicography, dictionaries can be divided into the following sections: 1. Comprehensive explanatory dictionaries; 2. Thematico-specialized dictionaries; 3. Dictionaries; 4. Dictionaries of rare words; 5. Citation dictionaries; 6. Translational dictionaries.

Arabic dictionaries are as follows in terms of the structure and arrangement of words: 1. Dictionaries compiled based on phonetic order of words, that is, according to the place of occurrence of consonants; 2. Dictionaries that are made according to the order of the Arabic alphabet, taking into account the root of the last and the first consonant of the word; 3. Dictionaries organized by the first letter of the root consonant of the alphabet [5, 91].

On the whole, the following dictionaries have played a significant role in the development of Arabic lexicography from the beginning of their emergence and up to our time, and their approach is still used in one form or another in modern interpretation, bilingual and translational ones: "Kitab-ul-Ayn" by Khalil ibn Ahmad al-Farhadi, "Tahzib-ul-lughat" by al-Azhari, "Kitab-ul-mujmal" and "Kitab-ul-Muqayis" by Ibn Faris, "Lisaoon -ul-Arab" by Ibn Manzur, "Al-Qamus al-Muhit" by Firuzabadi and others.

It is worth stressing that the above-mentioned dictionaries played a significant role in composing and preserving the ancient Arabic word-stock and the languages of the peoples of the territory of the expansion of Islam. However, due to the existence of comparative and new styles of modern lexicography, as well as difficult placement of words in the language, these formers in question created problems for modern reader and researcher, and made lexicography scholars to search for and present new approaches in the relevant field. As a result of the emergence of comparative-historical method in world linguistics, the interaction of lexicography and civilizations of the East and the West, the emergence of modern cultures in European countries, the publication of separate articles and theses in the Arab countries themselves, in order to improve the state of dictionaries and cultural perspectives, a group of cultures with styles and approaches just happened [3, 17].

A new stage of lexicography in Arab countries begins in the second half of the 19th century. Among dictionaries is the commentary of the new era "Muhit-ul-muhit fi-l-lughati va zahraot-il-ilm" by Boutrus al-Butani. Lebanese artist Ahmed Reza in his large-scale culture "Matn-ul-lugat", the first volume of which was published in Beirut in 1958 aimed to use the dictionaries "Lisan-ul-Arab" by Ibn Manzur and "Taj". -ul-arous" by Az-Zabadi collected the lexicon of the classical Arabic language. Ahmed Reza's approach is critical in using materials from ancient lexicography [3, 17].

One of the new and important dictionaries that was published by the Academy of Arabic Language in Cairo in 2 volumes being "Al-mu'jam al-wasit". The dictionary in question, as its compilers pointed out, "this book includes 30,000 word roots, 600 photos and about 1 million words, and is the only reliable dictionary created for the use of researchers [4, p.154].

Conclusion

Thus, one can conclude that the Arabic language is considered to be one of the richest ones in terms of its expressional style and the number of words. As we know, no one has completed authority over the relevant language, except the Prophet. At the same time, there is no such thing that is unknown to all Arabs, and among them. It should be noted that due to the lack of comparative and new styles of modern lexicography, as well as modern researchers create and scholars of lexicography force to search for and present new approaches in the relevant scientific circle and sphere.

1. Средневековая персидская лексикография. (Средневековый Восток). – Л.: Наука, 1991. – С. 115.
2. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописания традиция. Культура народов Востока. // Материалы и исследования. - М.: Изд-во Наука, 1985. - С. 12.

3. Саидрахмон Сулаймонӣ “Аз таърихи фарҳангшиногонӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва арабӣ” . – Душанбе, 2012. – С. 15,17.
4. Белкин В.М. Арабская лексикология. - М.:1975. - С. 154.
5. Ахвледиани.В.Г. Арабское языкознание средних веков. (Средневековый Восток). - Л.: Наука,1991. - С. 91.
6. www.lisonularab.com.
7. Ashrapov B.P. Word-building potential of Tajik adverbial prefix бо-/bo- and its English equivalents // Начала Русского мира. - 2022. - No. 1. - P.15-18.
8. Ashrapov B.P. Morphological peculiarities and level of usage of the suffix -он in the Tajik literary language referring to the 19th century (on the example of the historical writing “Zafar-Name” by Khusravi) // Studia Humanitatis. 2023. No. 3.
9. Ghiyosov N.I., Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Weights of Arabic Broken Plural Forms in “Tarjumai Ta'Rikhi Yamini ” by Jurfodiqoni // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. – 2023. – No. 2(95). – P. 87-96.
9. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of the Nominal Suffix -zor in the Tajik Literary Language Referring to the 18th and 20th centuries // Stephanos. – 2023. – No. 5(61). – P. 33-38.
11. Ashrapov B.P. Some considerations beset with English word-building rules // Образование от "А" до "Я". – 2021. – No. 4. – P. 5-6. – EDN EQYIVI.
12. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of superlative degree of adjective in the Tajik literary language referring to 18th and 20th centuries // Stephanos. – 2023. – No. 4(60). – P. 65-71.
13. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of comparative degree of adjective usage in the Tajik literary language referring to the 18th - 20th centuries // Studia Humanitatis. – 2023. – No. 2.
14. Ashrapov B.P., Kurbonova S. Morphological Peculiarities and the Level of the Preposition “bo=with” Usage in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical writing entitled as “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi) // Stephanos. – 2022. – No. 6(56). – P. 29-35.

Leshchenko T.A., Semenova S.N., Statsenko V.I.
Systematization of terms in the text of Edgar
Allan Poe’s work “Silence – a Fable” in two languages

*Kuban State University
(Russia, Krasnodar)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-212

Abstract

The purpose of this work is to systematize the selected terms in the text of Edgar Allan Poe’s work “Silence – a Fable”. In the process of studying the material the authors of the article found: 1) geographical and biological concepts and terms; 2) means of expression: hyperbole, metaphors, epithets and personifications. Such methods were used in the research: 1) classification; 2) percentage calculation; 4) quantitative calculation.

Keywords: short story, analysis; Edgar Allan Poe, concepts and terms, systematization.

Аннотация

Цель данной работы – систематизация выделенных терминов в тексте произведения Э.А. По «Молчание». В процессе изучения материала найдены: 1) географические и биологические понятия и термины; 2) средства выразительности: гиперболы, метафоры, эпитеты и олицетворения. Используются такие методы как: 1) классификационный; 2) процентного подсчета; 4) количественного подсчета.

Ключевые слова: рассказ, анализ, Эдгар Алан По, понятия и термины, систематизация.

Introduction

Edgar Allan Poe (January 19, 1809 – October 7, 1849) was an American writer, poet, essayist, literary critic and editor, a representative of American Romanticism. The creator of the classic detective form and the genre of psychological prose. Some of Poe’s works contributed to the formation and development of science fiction, and such features of his work as irrationality, mysticism, doom, and the anomaly of the depicted states anticipated the literature of decadence.

The material of the original text “Silence – a Fable” by Edgar Alan Poe in English [4] and Russian translation edited by M. A. Engelhardt were studied [2, P. 321–720].

This study is the continuation of the study of E.A. Poe’s works [3, P. 63–68] to identify similarities or differences in the lexical material and the content of different versions of the author’s works (the original and its translated versions made in foreign languages).

So, in the process of studying the material, terms and concepts related to various subject areas were identified [1], which were systematized in the form of a mini thesaurus, which has the following lexical and terminological content.

1. Geographical concepts and terms

1.1. Mountains

The mountain pinnacles (горные вершины); *crag* (скалы); *caves* (пещеры); *upon a huge gray rock* (на высокую серую скалу); *the summit of the rock* (на вершине скалы); *the foot of the rock* (к подножью скалы); *the rock rocked* (скала тряслась).

1.2. Hydrology

The borders of the river Zaire (берегов реки Заиры); *the waters of the river* (воды реки); *the sea* (море); *the river’s oozy bed* (илистого речного ложа); *subterrene water* (подземных вод); *westerwardly roll a cataract* (низвергаясь водопадом); *the rain fell* (шел дождь); *rain* (дождь); *by the shore of the river* (на берегу реки); *the dreary river Zaire* (на мрачную реку Заиру); *the yellow ghastly waters* (желтые зловещие воды); *into the recesses of the morass* (в глубину болот); *and the rain beat upon the head of the man* (дождь хлестал); *the floods of the river came down* (воды речные вышли из берегов); *the river was tormented into foam* (река запенилась); *the mighty sea* (о могучем море).

1.3. Weather phenomena

No wind the heaven (нет ветра в небесах); *grey clouds* (серые тучи); *the moon arose* (поднялась луна); *ghastly mist* (призрачном тумане); *light of the moon* (лунным светом); *beneath the moon* (при лунном свете); *a frightful tempest* (страшная буря); *the heaven became livid with the violence of the tempest* (небеса почернели от бешенства бури); *the thunder rolled* (гремел гром); *the lightning fell* (сверкала молния); *the thunder died away* (раскаты грома замерли); *the lightning did not flash* (молния утасла); *the clouds hung motionless* (облака повисли неподвижно); *the waters sunk to their level and remained* (воды вернувшись в свое ложе).

1.4. Geographical objects

Valleys (долины); *dreary region* (пустынная область); *a pale desert* (бледная пустыня); *solitude* (пустыне); *Hebrides* (Гибридских островов); *the vast illimitable desert* (беспредельной пустыне).

2. Biological concepts (flora)

Water-lilies (водяных лилий); *the low underwood* (низкие кусты); *the tall primeval* (громадные первобытные деревья); *everlasting dews* (вечная роса); *poisonous flowers* (ядовитые цветы); *the lilies* (лилии); *unquiet shrubbery* (беспокойные кустарники); *into the tall primeval trees* (громадные первобытные деревья); *lay close within shelter of the lilies* (под покровом лилий); *the pale legions of the water-lilies* (бледные легионы водяных лилий); *the sighs of the water-lilies* (вздохами водяных лилий); *the wilderness of the lilies* (чашу лилий); *the water-lilies shrieked* (водяные лилии стонали); *the forest crumbled* (лес трещал); *the sighed of the water-lilies* (вздохи водяных лилий); *the trees ceased to rock* (деревья не колыхались); *the water-lilies sighed no more* (лилии не вздыхали); *leaves that trembled* (в трепете листьев).

3. Description of a person

Man was tall and stately (он высок и строен); *wrapped up from his shoulders to his feet in the toga of old Rome* (от шеи до пят закутан в тогу Древнего Рима); *were the features of a deity* (были они чертами божественными); *brow was lofty with thought* (лоб его был высок и запечатлен мыслью); *his eye wild with care* (глаза его полны тревоги); *his countenance was wan with terror* (и лицо его было бледно от ужаса).

Examples of such means of expression have been found:

Hyperbole:

Gigantic water-lilies (гигантских водяных лилий) impressive size of lilies; *long and ghastly necks* (длинные призрачные шеи) long trunks of plants; *the boundary of the dark, horrible, lofty forest* (дремучий, страшный, высокий лес).

Metaphor:

Pinnacles slumber (вершины дремлют) calm peaks; *everlasting heads* (неумирающими главами) blooming lily buds; *the moon shone with a fuller red* (луна вспыхнула ярким багрянцем) the moon is very bright red; *the red eye of the sun* (огненным оком солнца) bright sun.

Multi conjunction:

The mantle of the night, and of the mist, and of the moon, and of the dew (покров ночи и тумана, и луны, и росы); *and cursed, with the curse of silence, the river, and the lilies, and the wind, and the forest, and the heaven, and the thunder* (и проклял реку, и лилии, и ветер, и лес, и небо, и гром).

Epithet:

A saffron and sickly hue (шафранового нездорового цвета) unpleasant smell; *and the moon ceased to totter up its pathway to heaven* (луна перестала пробираться по небу) the moon disappeared behind the clouds; *the heaven became livid with the violence of the tempest* (небеса почернели от бешенства бури) the skies were darkened by the storm; *the rock rocked* (скала тряслась) the rock was moving; *at the rustling heaven, and into the crimson moon* (шумное небо и багровую луну).

Due to the data obtained, a table has been compiled (tabl. 1).

Table 1

Research results

| <i>Topic name</i> | <i>Number of examples</i> |
|--|---------------------------|
| <i>Geographical concepts and terms</i> | 50 |
| <i>Biological concepts</i> | 20 |
| <i>Description of a person</i> | 6 |
| Total: | 76 |

In the table (tabl. 1) and diagram (Fig. 1) the quantitative and percentage ratios of geographical concepts and terms, biological concepts, as well as human description of a person were given.

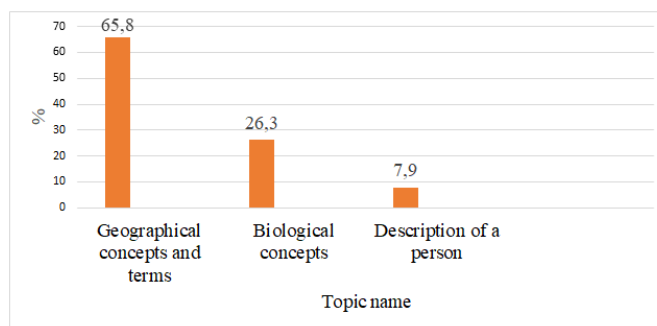


Figure 1. Percentage ratio of data received.

The authors of this article describe Edgar Allan Poe’s short story “Silence – a Fable” by the help of a comparative analysis. The fiction work was studied from different points of view. The systematization of the scientific terminology of geography and biology is presented in the form of a mini-thesaurus. Scientific terms of geography and biology were extracted and classified. Phraseological units were identified.

The cognitive and pragmatic properties of literary texts and scientific texts in different languages are promising for further researches. The results obtained will undoubtedly be useful and interesting for the practice of teaching languages.

1. Большак А.В., Волошина К.С. Современные американские реалии и способы перевода их номинаций на русский язык // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 7(465). – С. 64–69. – DOI 10.47475/1994-2796-2022-10707. – EDN WLIDVQ.
2. По Э. Собрание сочинений в 2 тт. Т. 2. – СПб.: Изд. Г.Ф. Пантелеева, 1896. С. 321–720.
3. Makoshenets A.A., Semenova S.N., Sergeeva O.V. To the Question of Identification, Systematization and Analysis of Nouns (on Edgar Allan Poe's Short Story "The Gold Bug" in English and Russian) / A.A. Makoshenets, S.N. Semenova, O.V. Sergeeva // Тенденции развития науки и образования. Самара: НИЦ «Л-Журнал». – 2021. – №71. – Ч. 4. – С. 63–68. – doi: 10.18411/lj-03-2021-137.
4. Poe E.A. Silence – a Fable. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.correctenglish.ru/reading/literature/edgar-allan-poe/silence-a-fable/> (дата обращения: 06.11.2022).

Liu Y.**On the Cultural Reflection of the Chinese Taboo Language***East China Jiaotong University
(China, Nanchang)**doi: 10.18411/trnio-12-2023-213***Abstract**

With the increasing communication between people from different cultures, many taboo language problems emerge. Taboo language is not only a linguistic phenomenon, but also a cultural phenomenon. Different social backgrounds and historical cultures will have different language taboos. Taboo language is changing continually with time. Taboos in the Chinese language reflect the cultural practices, religious beliefs and moral traditions of the Chinese people. Starting from "taboo language", this thesis adopts the method of analysis to study the origin and development of Chinese taboo language, introduces the national psychology, religious beliefs, social customs and cultural background of the Chinese nation, further explores the cultural roots that cause Chinese taboo language, and reveals the profound cultural connotations of Chinese taboo language.

Keywords: taboo, Cultural origin, Evolution, Profound culture.**Аннотация**

С ростом общения между людьми разных культур возникает множество табуированных языковых проблем. Табуированный язык – это не только языковой феномен, но и культурный феномен. В разных социальных слоях и исторических культурах существуют разные языковые табу. Язык табу постоянно меняется со временем. Табу в китайском языке отражают культурную практику, религиозные верования и моральные традиции китайского народа. Начиная с «языка табу», в этой диссертации используется метод анализа для изучения происхождения и развития китайского языка табу, знакомится с национальной психологией, религиозными верованиями, социальными обычаями и культурным прошлым китайской нации, а также исследуются культурные корни, которые вызывают Китайский табуированный язык и раскрывает глубокие культурные коннотации китайского табуированного языка.

Ключевые слова: табу, культурное происхождение, эволюция, глубокая культура.

In recent years, as international cooperation has become more frequent, opportunities for cross-cultural exchange have increased, so studying "implicit shades of the interlocutors' speech transfers the process of communication into a more developed notional level" [9]. In intercultural communication, taboo is the most sensitive topic. The study of cultural taboos has thus become an important content for researchers of intercultural communication [3]. Taboo is a complex social psychological phenomenon, which is people's self-restriction on certain words and deeds. It not only comes from people's fear of some mysterious power, but also contains people's long-term experience in the fight against nature, as well as the social etiquette formed in interpersonal communication. In our technological age, due to the communication of people speaking different languages, there is an active exchange of words that reflects the process of language development,

its replenishment and diversity [1]. Taboos are closely related to national customs, religious beliefs and cultural psychology [6]. Taboos are universal. As big as a nation, as small as a tribe, have their own unique taboo words and deeds. Taboos are almost ubiquitous, from daily life, to all aspects of the political economy.

The so-called language taboos basically include two aspects: the veneration of language (language fetishism) and the prohibition or substitution of language (euphemism and vulgarity) [2].

The original linguistic taboos were associated with religious superstitions. With the class division of primitive society, a ruling class and a slave class emerged in the society, and the ruling class and their special slaves (astrologers, soothsayers, sorcerers, etc.) monopolized to a large extent the writing system (script) that expresses and records the language (verbal), and while they feared and worshipped it, they consciously made use of the social and abstract nature of the language and the script, endowing it with a kind of divine power in order to better consolidate their rule [4]. Humans created a "god" in their own image, and when faced with insurmountable natural disasters, they placed their wishes, prayers, and hopes in this inanimate incarnation. This "god" became the ruler of human society and decided the fate of people. If disaster cannot be averted with the help of the "god", people blame "demons" (evil forces) at work.

Modern linguistic taboos have evolved from immaterial laws to laws that have both immaterial legal effects and specific explicit provisions. The scope of linguistic taboos has expanded considerably, and any words and expressions that offend others or listeners in communication or other public activities can be characterized as taboo. With the development of technology and means of communication, the planet has become "smaller", and there is increasing interaction and communication between nations and peoples, with different ideas and customs clashing and intersecting. In contemporary society, taboos have become less religious and superstitious and more spiritual and civilized. There are many language taboos, and modern Chinese taboos can be roughly summarized as follows:

(1) Misfortune words: due to superstitious thinking, people believe that good luck or bad luck is arranged by fate, thus giving rise to the concept of avoiding bad luck. Folk have said that "lights do not say ghosts, into the mountains do not say wolf"(灯下不说鬼, 进山不说狼). Words of evil misfortune are generally categorized into two kinds, one is that there is no meaning of evil misfortune in itself, but its pronunciation is the same as that of the words of evil misfortune, thus violating the taboo of words. For example, the number "four" in China is regarded as an inauspicious number, the reason for this is that it is pronounced in harmony with the word "death". In China, license plate numbers and telephone numbers with a four at the end are not popular. Another example, folk gift-giving taboo send bell, because "bell (钟Zhong)" and "end(终Zhong means death)" homophonic. These are all due to the harmonic and cause the meaning of bad luck. Secondly, the words themselves have the meaning of bad luck. Death is people's greatest fear and taboo. There are more than 455 euphemisms related to "death" in Chinese. There are different ways to express different values of death. The positive ones are: "牺牲、捐躯、捐生、授命、玉碎、效命、成仁、取义、就义、以身许国" and so on. Pejorative expressions include: "横死、丧生、送命、毙命、死于非命、呜呼、完蛋, 了结" and so on [3].

(2) Blasphemy: Religious people praise the God they worship and shun the devil. Under the influence of Buddhist asceticism and Confucianism, which emphasizes the morality of men and women, sex is regarded as the "root of all evil", and anything to do with sex or sexuality is considered a major taboo. It is commonly thought that words relating to sexual behavior and sexual organs are blasphemous and generally frowned upon by "educated" people. When one has to talk about sexual organs, one has to replace them with "那个", "下体", "阴部", etc. When talking about sexual behavior, one should also use the words "房事", "同房", "办事", "同床", "夫妻生活", "云雨"、"合欢" and other euphemisms. Even the excretory behaviors that are easily associated with reproductive parts, such as "拉屎 (shitting)"、"撒尿(peeing)"、"月经(menstruation)", etc. These generally be changed to "如厕"、"解手"、"方便"、"例假" etc. [5].

(3) Curse words: Due to the primitive people's worship of language, they believed that cursing words would bring evil upon people. People do not want to be cursed on the one hand, and on the other hand, they are also very cagey of cursing words, that express a negative assessment, disapproval, condemnation, distrust, dislike, fear, irony, sarcasm or contempt [8]. In Chinese, cursing people often to genital or sexual behavior to humiliate each other, that people believe that this kind of words have curse power, can destroy the enemy's soul or body. In modern life, people often use "蛋(egg)" as a curse. People use the words "笨蛋 (idiot) ," "坏蛋 (bad guy) ," and "混蛋 (asshole) " to curse people. Here the reason for the taboo word "蛋 (egg) " is because it is cursed words. And the reason why the "egg" to curse, because "egg" refers to testicles, is part of the male genitals, and therefore it has a blasphemous, cursing the role of man. In addition to the word "egg", there are many other words that are not related to "sex" that are also used as curses. For example, "贼 (thief) ", "狗 (dog) ", "鼠 (rat) ", and so on. Most of these curses symbolize a bad presence in the traditional mindset [5].

Behind linguistic taboos, as a certain social and cultural phenomenon, lies the deep cultural heritage of a nation. American anthropologist Kroeber points out that "culture consists of implicit and explicit patterns that are assimilated and transmitted through the use of symbols that represent the specific achievements of human groups, including their specific patterns of production, and that the basic elements of culture are the concepts and values of traditions (historically derived and chosen), of which values are of particular importance".

Linguistic taboos are based on the belief in the mystery and magic of language. The fact that taboo language prevails shows that people have a mindset of goodness and beauty, but this common mindset is defined by different moral norms and values. If we shift our attention from the phenomenon to its essence, we can see the nature of taboos and trace their development. The development of taboo language has made contemporary taboo language an important part of the spiritual civilization of modern society [6].

In the process of cross-cultural communication, people need understand each other's cultural taboos in order to show their respect for each other and achieve success in communication. Cultural customs and rituals are deeply rooted in people's minds. It promotes people to communicate according to their own customs with great power. The position of cultural customs in cross-cultural communication is so important that it requires people to study them, establish a good awareness of customary differences, and try to avoid misunderstanding, conflicts or serious consequences that may arise in communication.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Boduleva A.R., Uzhaninova S.A. English slang among Russian-speaking youth // Sociosphere. – 2019. – №2. – С. 57-59.
2. Chen Yuan. Sociolinguistics [M]. Shanghai: Xue Lin Press, 1983.
3. Du Xuezheng. A Comparison of Chinese and English Cultural Practices [M]. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Publication, 2003.
4. Guo Jingfu. Chinese language and traditional Chinese culture [M]. Beijing: Renmin University of China Press, 1993.
5. Kroeber, Kluckhohn. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions[M]. Kraus Reprint Co. 1952.
6. Li Zhongsheng. Chinese language taboo customs [M]. Xi'an: Shaanxi People's Publishing House, 1991.
7. Wan Jianzhong. Chinese Folk Taboos and Customs [M]. Beijing: China Film Press, 2005.
8. Urazmetova A.V. Axiological aspect of toponymic vocabulary // Issues of Cognitive Linguistics. 2022. № 2. С. 138-144. DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144.
9. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Analysis of the emotive component in utterances with the modal verbs expressing willingness in the Chinese, English and Russian languages // World of Science, Culture, Education. № 4(95) 2022. – С. 194-197 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-194-197

Lukmanova A.R.
Language Features of Social Advertising

*University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-214

Abstract

This article examines the most important aspects of linguistic features that influence the effectiveness of social advertising. The article analyzes how word choice, sentence structure, and language techniques can influence the audience and shape their attitudes towards the advertised ideas or products. The article provides practical advice and examples of successful campaigns, demonstrating how the appropriate use of language can enhance social impact and help achieve the goals.

Keywords: linguistic features, social advertising, advertising text, emotives, linguistics units.

Аннотация

В данной статье рассматриваются наиболее важные аспекты лингвистических особенностей, влияющих на эффективность социальной рекламы. В статье анализируется, как выбор слов, структура предложения и языковые приемы могут влиять на аудиторию и формировать ее отношение к рекламируемым идеям или продуктам. В статье приводятся практические советы и примеры успешных кампаний, демонстрирующие, как правильное использование языка может усилить социальное воздействие и помочь достичь поставленных целей.

Ключевые слова: лингвистические особенности, социальная реклама, рекламный текст, эмотивы, лингвистические единицы.

Everyone knows that advertising, as a means of informing people about goods, services, etc., has existed for quite a long time. It first appeared as verbal work, i.e., as a form of text. In the past, it was the well-known "shouting" of street vendors in ancient Rome and ancient Greece. Based on this fact, we can safely say that advertising is a form of verbal work, often characterized by its brevity. Since verbal works are traditionally the subject of study in linguistics, advertising is included in this category. So, the question arises: what does advertising mean and what is its value today [3, 9]?

Advertising is the dissemination of information about the consumer properties of goods and types of services in order to create demand for them, as well as the promotion of works of literature, art, etc. [5].

The above is the most general and widespread concept of advertising, which reveals the essence of any type of advertising. Its main objective is to strongly influence potential viewers and create demand. However, to fulfill this function, special knowledge is required. Let us turn to a branch of linguistics, namely stylistics, which studies advertising with its emphasis on style. Stylistics is a discipline in philology or speech science that focuses on the study of the choice and organization of linguistic elements in a text, taking into account the conditions of communication. The study of advertising discourse itself begins with the analysis of stylistic resources, namely studying language resources and their stylistic possibilities. Detailed descriptions of lexical and grammatical constructions found in advertising texts, as well as expressive devices (such as figures of speech and tropes), are provided. In order to obtain a comprehensive understanding, let's analyze the concept of "advertising text".

Advertising text is a communicative unit designed for non-personal paid information to promote a product, service, person, or subject, idea, social value [2, 115]. It is worth noting that this definition is one of the most universal ones and it specifies that advertising can be not only for goods and services but also for the promotion of ideas or social values. Thus, we have found out that a text of this kind has a certain orientation – promotion.

As described earlier, advertising has a high level of relevance, and we proceed to the study of one of its varieties – social advertising. Social advertising has a number of its own features, but to begin with, it is necessary to understand the concept itself.

Social advertising – information disseminated by any means, in any form, and using any means, aimed at an indefinite circle of people and aimed at achieving charitable and other socially useful goals, as well as ensuring the interests of the state.

Returning to the term social advertising, in order to get the most accurate idea of its essence, it is necessary to emphasize its main objectives: popularizing a social problem; informing about a social problem; presenting to the public all possible points of view on a particular topic or problem [1, 68]; informing about all possible consequences; creating a positive public opinion on a particular issue or problem; encouraging participation in solving the problem; promoting behavioral change.

Social advertising fulfills the following functions:

1. propagandizes socially useful ideas and positive phenomena;
2. is a powerful tool for forming public opinion, contributing to the creation of social institutions, the strengthening of cultural traditions, and the social support of the population;
3. is a way of increasing the social responsibility of citizens for their attitudes towards something, their actions, and their activities;
4. contributes to the restoration of humanistic relations between people and, on the same basis, to the development of the foundations of civil society.

Thus, we can conclude that social advertising represents public and state interests. Additionally, such advertising is not commercial in nature, and it is only based on the initiative of the civil society.

Since social advertising aims to raise awareness, attract attention, and sometimes warn about problems, the predominant part of speech in advertising texts is usually the verb. Let's start our analysis with it. In the following examples taken from the internet search for "social advertising," we see constructions like: *Take care of birds: don't litter; Save paper – save the planet; Call your parents.*

Here, the imperative mood prevails, meaning that the verbs in this case indicate an urging of specific actions by others. If we look at social advertising from a statistical perspective, we can conclude that the most common verbs are: help, use, prevent, choose, look, etc. This can be explained by the fact that they express specific actions aimed at changing societal behavior patterns and thus reinforcing certain social norms.

Here are a few more examples:

*Protect your health;
Choose your own path in life;
Think about what really matters!*

From this, it can be concluded that in most cases, verbs are used in the present tense or in the imperative mood to emphasize the eternal relevance and universality of the problem.

Nouns play a significant role in social advertising. A large number of examples are found with abstract nouns that do not express specific objects. These nouns are commonly used to promote social phenomena and address specific issues, as well as to influence the consciousness of the target audience in order to raise awareness about emerging problems and highlight the negative consequences of ignoring or refusing to change behavioral patterns.

*Do not be indifferent to those around you, otherwise you will suffer yourself;
Act before it's too late;
Bad habits hinder your life.*

Numerals enhance the conciseness, clarity, and comprehensibility of social advertising, making it more objective and visually appealing. As a result, it becomes a reliable source of information and an effective tool for influencing collective consciousness.

*70% of plastic settles in the ocean;
30,000 elephants die for bracelets and food sticks;*

Every third woman experiences violence.

It is worth noting that a significant impact on the audience is achieved in terms of percentages, as in one of the above examples. This occurs because precise numbers help individuals comprehend the magnitude or prevalence of the problem.

The majority of social advertising aim to evoke emotions and have a societal impact, “thereby fixing the current priority values of society in the language” [4, 143]. Hence, the selection of speech expressions and the presentation of information are crucial.

In conclusion, social advertising is unique, possessing its own linguistic features that are specific to it. Its correct interpretation and presentation are crucial as it initiates significant societal processes and is an integral part of life, history, and development of the society.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Media representation of axiological concepts in the space of socio-cultural texts // Peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education". March 2023 No. 95, Part 2 Ed. SIC "LJournal", 2023. – pp. 67-69. DOI: 10.18411/trnio-03-2023-74
2. Feshchenko L.G. Brief scientific reports. St. Petersburg, 2003. 115 p.
3. Uchenov V.V., Starykh N.V History of Advertising, or Metamorphoses of the Advertising Image. Moscow, 1999
4. Urazmetova A.V. Axiological aspect of toponymic vocabulary // Issues of cognitive linguistics. 2022. № 2. С. 138-144. DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144.
5. The Great Russian encyclopedia [Electronic Resource]. – URL: <https://bigenc.ru/>

Nazarova K.A.**English Euphemisms as a Source of Manipulation on the Internet***Ufa University of Science and Technology**(Russia, Uffa)**doi: 10.18411/trnio-12-2023-215***Abstract**

Computer-mediated communication plays a prominent role in modern communication, often replacing face-to-face interactions. This shift leads to reduced levels of social interaction, resulting in impersonal exchanges. This article investigates euphemisms used online as a means to soften any potentially offensive or uncomfortable statements while still maintaining the overall context.

Keywords: manipulation, euphemisms, euphemization, concept, communication, language, the Internet.

Аннотация

Компьютерно-опосредованная коммуникация играет заметную роль в современной коммуникации, часто заменяя взаимодействие лицом к лицу. Этот сдвиг приводит к снижению уровня социального взаимодействия, что приводит к обезличенным обменам. В статье исследуются эвфемизмы, используемые в онлайн-пространстве, как средство для смягчения любых потенциально оскорбительных или неудобных высказываний, сохраняя при этом общий контекст.

Ключевые слова: манипуляция, эвфемизмы, эвфемизация, концепция, коммуникация, язык, Интернет.

Euphemisms are generally harmless or polite expressions used as substitutes for potentially offensive or unpleasant words or phrases. Sometimes, euphemisms serve to entertain others, but they can also be employed to make indirect and sarcastic remarks [5].

Today, in our globalized society, there is a growing tendency to avoid directly naming things, objects, or phenomena, and a rising need to replace words with negative connotations. People are increasingly seeking alternatives to express their opinions without sounding harsh or

offensive. During communication, individuals are becoming more conscious of minimizing potentially unacceptable expressions, and such substitutions are commonly referred to as euphemisms.

The study of euphemization has been extensively researched and explored by both domestic and foreign linguists in the 20th and 21st centuries. Despite the wealth of scientific material dedicated to this phenomenon, there is still no unanimous definition of "euphemism". The word "euphemism" originates from the Greek terms "eu" meaning "good" and "phemi" meaning "I say," resulting in "euphemia" referring to abstinence from inappropriate words.

According to the Linguistic Encyclopedia, euphemisms are "emotionally neutral words or expressions used in place of synonymous words or expressions that may appear indecent, rude, or tactless to the speaker" [5]. In a broader sense, euphemisms can be understood as words or expressions with neutral meaning and emotional load that are employed in texts or public speeches when it is impossible to use specific words or expressions considered indecent or inappropriate [5]. In other words, euphemisms are utilized to veil or mask the true designation of a phenomenon; it is used to denote a situation that in a certain case cannot be designated by a direct name. "They can hide a negative assessment, disapproval, condemnation, distrust, dislike, fear, irony, sarcasm or contempt" [7, 141].

Euphemisms are often utilized in politics to manipulate public perception. For instance, instead of using the word "torture," politicians may opt for the phrase "harsh interrogation methods were employed." Euphemisms are also commonly employed in written discourse to soften the impact of the text's semantic content. It is not uncommon for the use of euphemisms to make speech more colloquial, incorporating jargon or slang, while simultaneously reducing its negative impact on listeners.

By analyzing the above interpretations, it becomes apparent that euphemisms are words or word combinations that possess a neutral emotional tone. They are employed in society to substitute offensive or objectionable language in order to prevent unpleasant situations, communication breakdowns, and conflicts. The use of euphemisms is prompted by the need to avoid conflicts and adhere to conversational etiquette. Hence, the primary functions of euphemisms can be summarized as follows:

1. describing an action or event in a more socially acceptable manner;
2. concealing the true meaning (e.g., using the term "correctional facility" instead of "prison").

Euphemisms can be viewed as a well-known method of purposefully influencing readers, and their use is driven by three main functions: 1) normalizing function (softening the impact of speech); 2) masking (or veiling) function; 3) aesthetic function.

The normalizing function appears when the need arises to mitigate the unfavorable nature of a phenomenon that violates widely accepted moral and ethical norms. The masking function manifests itself when a conflict situation needs to be veiled or obscured, leading the recipient to form an uncertain and incomplete understanding of the described phenomenon.

The aesthetic function penetrates through the previous ones – it manifests itself in the fact that euphemisms are used as more elegant nominations of those phenomena of reality that cause negative associations. The aforementioned functions of euphemisms are primarily concerned with creating suitable conditions for the recipient: careful handling of sensitive topics and displaying good manners and tact towards various social groups [4, 387].

The use of euphemisms is necessary in the communication process to prevent conflict situations and misunderstandings, especially in the field of Internet-mediated communication, where the addressee is often an unfamiliar person.

The internet, a relatively recent development, has become one of the most rapidly evolving aspects of modern society, with an audience exceeding 700 million people worldwide. "The internet's primary function, information acquisition, is no longer paramount, as the communication function has taken on that role" [3, 179]. In recent years, virtual communication has increasingly supplanted real communication, at times turning into a form of dependency.

The Internet's popularity and accessibility contribute to the emergence of new communication opportunities and methods [2, 40]. The frequent use of euphemisms with an etiquette or politeness function in Internet communication is due to the fact that Internet users don't have the ability to soften their speech with intonation, facial expressions, or gestures.

It can be said that "Internet-mediated communication is not only a fundamentally new type of speech interaction, but also a new stage in the evolution of communication, characterized by its specific technical innovative capabilities" [3, 179]. The following characteristics are typical of this type of communication: 1) blurring the boundaries between oral and written forms of speech; 2) the desire for language play; 3) creativity; 4) use of combinations of fonts, languages, etc.; 5) mixing genres and styles.

Let's analyze the most common euphemisms in Internet-mediated communication: the euphemism in the sentence "The cream helps to correct cosmetic flaws..." is used to soften the negative aspect of the statement, while still accurately identifying the problem of appearance flaws and wrinkles. This allows for a wider audience to pay attention to the product. Through studying the language of modern Internet resources in various thematic orientations, we have concluded that euphemisms are widely used and have become an important structural component of Internet-mediated communication.

The semantics of euphemisms is still being investigated by linguists, particularly in terms of their manipulative aspect [6, 24]. "The main distinction of linguistic manipulation is the way in which it influences the recipient's cognitive state without even realizing it. In the case of euphemisms, they act as a tool for lexical manipulation" [1, 147], allowing for the disguise of a message containing real facts in order to present them in a more favorable light for the producer. It should be noted that language manipulation refers to a type of speech influence aimed at hidden influencing the recipient's psycholinguistic attitudes.

Linguists believe that our attempts to use euphemisms are as old as our ability to speak. Thus, the first euphemisms are considered social in nature, as people created them to discuss topics directly related to their everyday life and social interactions, particularly in areas such as death, illness, religion, etc.

Through our study, we have concluded that euphemization, as a means of language manipulation, is used in newspapers and advertising to form certain stereotypes that benefit the manipulator. The ability of language to influence people's thinking and perception is manifested in the lexical and stylistic choice of euphemisms. Euphemisms used in mass media and press publications tend to conceal or "mask" information, rather than being merely politically correct formulations.

By their nature, euphemisms do not imply a negative assessment, but instead hide the negative side and present it to people in a softer and calmer manner. Thanks to euphemization, the Internet has made a significant leap in the development of the manipulative side. The use of euphemistic words aims to avoid communicative conflicts and failures, and to prevent a sense of communicative discomfort.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Antrushina, G. B. *Lexicology of the English language [Text]: textbook*. – M: Bustard, 1999. – 288 p.
3. Varukha, I. V., Davletbaeva A.F. New Internet-media as a unique phenomenon of contemporary communication // The peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education". April 2023 No. 96, Part 3 Ed. SIC "LJournal", 2023. – pp. 39-41. DOI: 10.18411/trnio-04-2023-125
4. Galichkina E.N. Linguosemiotic parameters of computer communication / E.N. Galichkina // *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. - 2010. -Vol. 1, No. 3. - pp. 179-186.

5. Galperin I.R. Essays on the stylistics of the English language – Publishing House of literature in foreign languages. Moscow, 1958 – 458 p.
5. Linguistic Encyclopedic Dictionary (1990). [Electronic resource]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>
6. Moskovin V.I. Euphemisms: system connections, functions and methods of education. // Questions of linguistics. 2001. No. 3. [Electronic resource]. URL: http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/2001-3_58-70.pdf
7. Urazmetova A.V. Axiological aspect of toponymic vocabulary // Issues of cognitive linguistics. 2022. № 2. С. 138-144. DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144.

Shaykhatarov B.M.

The Significance of Semiotics in English Internet Memes

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-216

Abstract

The purpose of this article is to research the semiotics of English memes in order to identify their main characteristics, structure, and distribution. Studying the semiotics of memes can help us understand how they spread and influence public opinion. Analyzing English memes can provide insight into the cultural specialness of English countries. The main research methods used in this article include data collection through content analysis, comparative analysis of various social communities, analysis of social networks, and investigation of meme history.

Keywords: internet communication, web-memes, semiotic components, the worldwide web.

Аннотация

Целью данной статьи является исследование семиотики английских мемов с целью выявления их основных характеристик, структуры и распространения. Изучение семиотики мемов может помочь нам понять, как они распространяются и влияют на общественное мнение. Анализ английских мемов может дать представление о культурной специфике англоязычных стран. Основные методы исследования, используемые в этой статье, включают сбор данных с помощью контент-анализа, сравнительный анализ различных социальных сообществ, анализ социальных сетей и исследование истории мемов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, веб-мемы, семиотические компоненты, всемирная паутина.

The term "internet meme" emerged in the first decade of the 21st century, as the rapid development of the Internet led to the emergence of new types of communicating methods [1, 39]. It refers to the phenomenon of various information or phrases spreading spontaneously in the online environment through social networks, chats, forums, blogs, and other means. The concept of a "meme" was defined as an "image or idea that is adopted and transmitted by many members of a community."

The concept of a "meme" was first proposed by Richard Dawkins in 1976 in his book "The Selfish Gene," where he described memes as the basic unit of cultural evolution, analogous to genes in biological evolution [3, 172-173]. The theoretical discipline founded by Dawkins asserts that memes undergo mutations and repetitions, and their survival depends on natural selection.

In the Oxford English Dictionary, a meme is defined «as an image, a video, a piece of text, etc. That is passed very quickly from one internet user to another, often with slight changes that make it humorous» [4].

Most researchers agree that an internet meme is an information unit that becomes popular due to its rapid dissemination online.

An internet meme is a complex sign. The widely accepted classification of signs into three groups was proposed by Charles Peirce. He identified next following signs:

1. Index - a sign "based on the factual contiguity of the signified and the signifier, a sign indicating something".
2. Icon - a sign "based on the factual similarity between the signified and the signifier".

3. Symbol - a sign "based on the conventional relation between the signified and the signifier" [2, 70]. The symbol usually carries something significant in spiritual, moral, and social aspects [5, 150].

Internet memes possess the following characteristics: virality, emotionality, series, minimalism, relevance, humor, media, and fantasy.

In the modern internet space, there are several types of internet memes: 1) Text memes; 2) Image memes; 3) Video memes.

Text memes consist of words or phrases that originated in the online environment. For example, "Keep Calm and Carry On," which was developed by the British government in 1939 as part of a campaign to boost morale before World War II. Today, this meme has become a symbol of confidence and is used in various contexts.

There are two types of image memes. The first type includes recognizable images of characters that are memorable. The second type includes images or edited photos that have meaning not only from a visual perspective but also from a narrative perspective.

Video memes are "funny video stories that users post on social networks and send to each other." The peculiarity of such videos is that they are often re-watched. The popularity of video memes is based on the number of views. For example, "Rickrolling" is a meme that involves tricking someone into clicking on a link that leads to a video of Rick Astley's song "Never Gonna Give You Up." It became viral when people started sending links to each other, deceiving them in the process. Today, rickrolling is used for various purposes, from jokes to marketing provocations.

Another similarity between internet memes, jokes, and rumors is how they are spread, which is mostly done through people repeating them to each other. However, with the emergence of the internet, this method has taken on a new life.

As a result, users can send memes to other users through various means of communication, giving them many opportunities: they can send them individually (e.g., via email); share them with others during discussions in small or large groups. Well-known websites such as TikTok, VKontakte or YouTube are filled with user-generated content; therefore, they collect and distribute a significant amount of internet memes.

VKontakte, is particularly noteworthy because it contains all the important communication features, including the ability to send messages in various ways. Accordingly, memes are posted on individual user profiles or communities where others can see them. Network users can also rate such messages by applying the "Like" action or by posting a "Comment" or "Repost." The number of many "likes" and "reposts" facilitates content promotion.

Internet memes sometimes go beyond the online community and influence society as a whole. They can be discussed in the press, on radio and television, as well as other mass media. Some internet portals can also be considered as media, despite the presence of interactive elements. Every significant event that becomes the subject of discussion in the online community is usually accompanied by unique "voices of the internet."

Thus, internet-portals are considered one of the most important methods of disseminating internet memes. Memes published on them have become known not only to visitors of information centers and other specialized resources but have also become the subject of discussion in the mass media.

Popular culture includes products of the industry such as movies, music, books, computer games, etc. The key features of popular culture are wide distribution, coverage, simplicity, and high production volume. Popular culture is mainly entertainment for people consumed in large quantities.

As an example, we use the website knowyourmeme [6]. This site is a large encyclopedia of memes, where you can find the origins of specific memes, their development and the process of their popularity. In turn, I will analyze which movies and actors are the biggest source of memes in the English media space.

The most popular movies for creating memes are: Star Wars, Harry Potter, The Lord of the Rings, Shrek, The Simpsons [6].

The most popular actors are: Nicolas Cage, Ryan Gosling, Keanu Reeves, Arnold Schwarzenegger [6].

Very common events that often generate interest in creating internet memes are movie premieres. Global film premieres can motivate many people to express themselves through internet memes. For example, "Twilight," a movie about a vampire and a human who fall in love and fight obstacles for their happiness. This saga led to the emergence of internet memes that mock the films for their cheesiness, poor storytelling, and acting. One popular phrase is "Still better love story than Twilight." This internet meme usually points out a poorly made movie, and often it has nothing to do with a love story at all. This phenomenon can be seen as a way to resist the media, which actively promotes movies and their main characters.

Memes can be considered an internet environment that reacts to popular culture content, expresses opinions or spreads to people, as it satisfies their need for entertainment during their search.

Based on the conducted research dedicated to this issue, we have come to the following conclusions: we have reviewed theoretical material on the theoretical foundations of the origin and interpretation of internet memes in the modern English-speaking media space – the concept of a meme and its peculiarities, as well as internet memes as an expression of participatory culture.

Internet memes represent a complex structure that interact with each other, combining into a whole, which creates a completely new effect and impression for viewers. However, not all information is subject to spontaneous spread among internet users, only that information which in some way leaves many users indifferent, generates interest, i.e. information with a special connotation.

The main functions of memes in the modern English-speaking media space are communicative, informative, and entertaining. These functions are the key factors in the growing popularity of memes among users. It is these functions that make internet memes a unique unit in the contemporary English-speaking media space.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Varukha, I. V., Davletbaeva A.F. New Internet-media as a unique phenomenon of contemporary communication // The peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education". April 2023 No. 96, Part 3 Ed. SIC "LJournal", 2023. – pp. 39-41. DOI: 10.18411/trnio-04-2023-125
2. Fedorova, L.L. Semiotics: Educational-Methodical Module / Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Russian State Humanities University // Moscow: Ippolitova Publishing House, 2004. - 356 p.
4. Dawkins R. Selfish gene // Litres: 2016 - 610 p.
5. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource] // URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/direct/?q=meme>
5. Urazmetova A.V. Symbols in secondary nominations of the us states // Kazan science. 2015. № 6. C. 150-152.
6. Website «Know your meme» [Electronic resource] // URL: <https://knowyourmeme.com/>

Wang Jiahui

**Translation of Culture-loaded Words from the Perspective
of Domestication and Foreignization**

*East China Jiaotong University
(China, Nan Chang)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-217

Abstract

Translation is a process of communication and cultural transmission across languages. Huge differences in cultural backgrounds make the phenomenon of national languages show a certain absolute incommensurability, during this process, cultural loaded words also arise. Based on this, people with different cultural backgrounds will inevitably encounter emotional and understanding barriers in communication; the existence of objective differences also brings about the inevitability of the existence of translation. Translators should consider the translation orientation of domestication and

foreignization to express the inherent emotion carried by cultural loaded words, which is of guiding significance for the correct choice of words and cultural understanding. This paper mainly discusses the translation of cultural loaded words under the perspective of domestication and foreignization, and gives examples of how Chinese cultural loaded words follow the law of translation when translating into English, striving to find the best balance between domestication and foreignization, thereby promoting effective cultural exchange and transmission.

Keywords: culturally loaded words, domestication, foreignization, translation strategy.

Аннотация

Перевод – это процесс общения и культурной передачи между языками. Огромные различия в культурном происхождении заставляют явление национальных языков проявлять определенную абсолютную несоизмеримость, в ходе этого процесса также возникают слова, нагруженные культурой. Исходя из этого, люди с разным культурным прошлым неизбежно столкнутся с эмоциональными барьерами и барьерами понимания в общении; существование объективных различий обуславливает и неизбежность существования перевода. Переводчикам следует учитывать переводческую ориентацию доместикации и форенизации, чтобы выразить присущие эмоции, которые несут культурно нагруженные слова, что имеет решающее значение для правильного выбора слов и культурного понимания. В этой статье в основном обсуждается перевод слов, нагруженных культурой, с точки зрения одомашнивания и форенизации, а также приводятся примеры того, как китайские слова, нагруженные культурой, следуют закону перевода при переводе на английский язык, стремясь найти наилучший баланс между доместикацией и форенизацией, тем самым способствуя эффективному культурному обмену и передаче.

Ключевые слова: культурно-маркированные слова, доместикация, форенизация, стратегия перевода.

In cross-cultural communication, translatability is the mainstream, but there are still a large number of words and fixed phrases reflecting cultural differences, which show a certain degree of untranslatability, which is the distinctive features of cultural-loaded words. Therefore, translating cultural-loaded words plays a vital role in promoting intercultural communication. Learning a language is inseparable from understanding the cultural background knowledge reflected in the language [4]. It becomes the most difficult obstacle to overcome in the process of translation because of its characteristics. Cross-cultural communication is meant to share different feelings and things unique to each country, and if both communicating parties don't understand each other's cultures, then this kind of cross-cultural communication won't last long. Therefore, it is of great significance to accurately understand and translate culturally loaded words, so studying “implicit shades of the interlocutors’ speech transfers the process of communication into a more developed notional level” [12]. This paper discusses what translation strategies can be used in the translation of culturally loaded words.

Words are the most basic building materials of language, through which the condition of a nation's culture can be seen. Scholars who have studied cultural words earlier include American translator Eugene Nida and British linguist Peter Newmark. In 1964, Nida classified English nouns into three categories from the perspective of translation equivalence: 1. those words which can find equivalents in two languages; 2. those words which have similar cultural functions but have cultural differences; 3. those words which are only used for specific ethnic groups [3]. Categories 2 and 3 are categorized by Nida as cultural words. While Newmark explicitly put forward the concept of "cultural words" and categorized vocabulary into common words and cultural words [7].

There are also many expressions among domestic scholars. According to Liao Qiyi, culture-loaded words are words, phrases and idioms that signify something unique in a certain culture, and these words reflect the unique ways of activities of a particular nation that have been gradually accumulated in the course of a long history and are different from those of other nations [6]. Li Jianjun, in his monograph, suggests that the origin and connotation of cultural words are closely

related to the cultural and historical background. He divided cultural words into three categories: material culture loaded words, spiritual culture loaded words and behavioral culture loaded words [6]. Chen believes that cultural words are words that contain social and cultural meanings. Cultural meanings refer to the derived meanings given to words by society, including metaphorical meanings, associative meanings, symbolic meanings and concrete meanings [2]. According to Zhang Gaoxiang, the so-called cultural words refer to those words with rich cultural connotations, whose meanings cannot be understood directly from the words, and which have fixed cultural meanings attached to them. Cultural words, together with other vocabulary, form the base of the language, closely follow the language, and can be found everywhere in the language [8].

In short, in the process of long-term evolution, culturally loaded words can directly or indirectly express the national psychology, with specific cultural genes. Therefore, the most significant feature of culturally loaded words is that they carry inherent emotions, including the nation's historical and cultural emotions, trendy cultural emotions and other multiple cultural emotions, which is reflected as untranslatability in translation practice. "Emotionality determines the specifics of the linguistic representation of emotions, which is transmitted using expressive culturally loaded vocabulary" [11]. This also causes the rarest thing in translation is that the translator's translation is able to reflect this layer of emotion, reflecting the unique cultural connotation of culturally loaded words.

The translation methods of naturalization and alienation were proposed by Lawrence Venuti, a famous American translation theorist, in *The Invisibility of the Translator* in 1995 [5]. In general, translation is defined as solving a complex communicative task of conveying the content of a source text/message by creating a communicatively equivalent text/message in another language [1].

Domestication is to localize the source language, take the target language or the readers of the translated text as the destination, and adopt the expressions that the target language readers are accustomed to convey the content of the original text, and the naturalized translation requires the translator to get closer to the readers of the target language. Domestication translation helps readers understand the original text, conveys what the author wants to express, and enhances the readability of the translated text.

Foreignization is that the translator does not change the author's expression habits as much as possible, so that the readers actively approach the author. In terms of translation direction, it is necessary to adopt the language expressions used by the author, and take the culture of origin as the destination. The translation strategy of foreignization is characterized by the consideration of the differences of national cultures and the preservation of the original unique cultural flavor of the text.

On the whole, the domestication strategy makes the translation smooth and easy to read, but weakens the cultural characteristics of the original text, and the foreignization strategy can retain the original emotions to a greater extent, but with a loss of fluency. With the increase of international exchanges, different cultural groups have deepened their understanding of each other, which provides a valuable soil for the use of foreignization strategy.

Because of the inevitable differences between the nationalities of different language systems, the foreignization translation method often becomes the translator's first choice in terms of the language systems with large differences, however, if the naturalized translation method is chosen indiscriminately, it will easily lead to a great loss of foreign culture [13]. The first and foremost is the cultural-loaded words, so whether or not the cultural-loaded words can be translated appropriately to express the inner emotions correctly is an important criterion and content to measure the quality of the translation.

For some words in a specific cultural background, it is impossible to retain the structural forms and rhetorical techniques of the original language when translating them, but the main idea of the original text is translated, and this translation method focuses on the transmission of information without sticking to the forms of literal sentences and grammatical structures.

1 (1) 长期以来, 大米在中国人的饮食中占据很重要的地位, 以至于有谚语说“巧妇难为无米之炊”。

Rice has long occupied so significant a position in the diet of Chinese that there is a proverb "Even a clever housewife cannot cook a meal without rice"

(2) 巧妇难为无米之炊 You can't make something out of nothing.

The idea of "a clever housewife cannot cook a meal without rice" describes that it is difficult to accomplish something if the necessary conditions are missing. From the example sentence (1), we can see that it adopts the method of direct translation, which is more faithful to the original text, and retains the original language features from form to content, from rhyme to rhythm and allusion, which is more acceptable to Chinese readers. From the translation of the example sentence (2), it abandons the original syntax and grammatical structure and expressing only the original meaning of the sentence. For those who are not familiar with the Chinese cultural background, this translation method can better understand the meaning of the idiom and facilitate comprehension, but it also loses the cultural characteristics of the Chinese language.

There is a phrase in English idiom "One cannot make Bricks without straw" which is very similar to its meaning, wanting to make bricks but suffering from the lack of raw material straw, both of which refer to doing something without the necessary things, and can be translated reciprocally.

2、事后诸葛亮 (1) Zhu Geliang after the event

(2) be wise after the event

If directly translated as "Zhu Geliang after the event", it cannot convey the meaning of the original text and even make confusion.

In Chinese culture, Zhu Geliang is very wise and prescient. Actually, this term describes a person who claims foresight after the fact. so the translation should reflect the cultural characteristic of wisdom embodied in the sentence, however, the alienation translation obviously fails to do so, resulting in the loss of Chinese culture. Therefore, the naturalized translation of the sentence is "be wise after the event", which is a better way to deal with cultural-loaded words.

According to Zheng Dehu, in the translation of culturally loaded words, the foreignization - based translation strategy should be adopted as much as possible, because this can maximize the embodiment of intrinsic character [9].

(1) 旗袍是一种雅致的中国服装,源于中国满族

Qipao, an elegant Chinese clothing, originates from China's Manchu ethnic group.

From (1), we can conclude that Qipao is a national costume with Chinese characteristics, and we can not find equivalent words to express in English culture, if we just translate Qipao as dress, it weakens the characteristics of this kind of clothing, and those who are unfamiliar with Chinese culture understand that there is a big gap between dress and Qipao, and directly translating Qipao maximizes the retention of the characteristics of the Chinese culture, and does not mislead foreign readers.

(2) 一带一路 One belt and One Road

Because "One Belt and One Road" has been known all over the world, which is a well-known fact, and does not involve special cultural imagery, the original phrase will be simple and straightforward English translation, easy for readers to understand.

In short, in the process of Chinese-English translation, it is necessary to carry out a two-way grasp of Chinese and English, to retain the connotation of the original text, and to aim at an accurate fit of the translation, rather than mere language conversion.

Translation is a process of deconstructing information and generating new structures, which plays a role in the mutual and integration of different forms of culture. Each time when we cross cultural systems and understand the translation of specific culturally loaded words, we should focus on the application of naturalization and dissimilation translation strategies. Although cultural loaded words make the translation work more difficult, it is not impossible to solve, accordingly, the existence of cultural loaded words brings more characteristic cultural emotions to the translated text. In addition, under the background of increasingly close international communication, it is more important to carry forward the excellent traditional culture while actively learning the advanced

culture. Translators, who have assumed the important responsibility of cultural dissemination, should try their best to promote and publicize the Chinese elements carried by Chinese culture loaded words to the English readers, so as to make this kind of vocabulary play the cultural purpose of conveying the information in the cross-cultural communication.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Boduleva A.R., Salina A.S. Teaching translation in foreign language classes // Trends in the development of science and education. –2023. – №101. (1). – P. 14-16. DOI: 10.18411/trnio-09-2023-03
2. Chen JM. A new exploration of language and culture in society. Shanghai: Shanghai Education Press, 1989.
3. Eugene, A. Nida.. Leiden: Brill Academic Publishers. Toward a Science of Translating, 1964 (8).
4. Huang Zhifang, Zhang Jiaji. How to solve the problem of culture conflict in cross-cultural communication. // Science and Technology Information (Science Teaching and Research), 2007 (32), pp. 222
5. Lawrence Venuti. The Translator's Invisibility. Shanghai Foreign Language Education Press, 1995.
7. Li Jianjun. Cultural Translation. Shanghai: Fudan University Press, 2010.
8. Newmark, P. A Textbook of Translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. 2001.
9. Zhang Gaoxiang. Cultural Words in Teaching Chinese as a Foreign Language. // Journal of Yunnan Normal University, 2003, (3): pp. 20-25.
10. Zheng Dehu. Chinese culture going out and the translation of culturally loaded words. Shanghai Translation, 2016, (2): 53-56.
11. Zhu Xiaoyu. A Study of English Translation of Culturally Loaded Words from the Perspective of Naturalization and Alienation-Taking The Legend of the Eagle Shooting Heroes as an Example. Overseas English, 2021, (04): pp. 82-84.
11. Urazmetova A.V. Axiological aspect of toponymic vocabulary // Issues of Cognitive Linguistics 2022. №2. pp. 138-144. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144
12. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Analysis of the emotive component in utterances with the modal verbs expressing willingness in the Chinese, English and Russian languages // World of Science, Culture, Education. № 4(95) 2022. – pp. 194-197 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-194-197
13. Yang Danyu. Naturalization and alienation: an analysis of translation strategies. // Journal of Inner Mongolia University of Technology, 2012,(1): p. 3

Wang Yixuan

Contrast between English and Chinese in Language Learning

*East China Jiaotong University
(China, Nan Chang)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-218

Abstract

The article compares and analyzes the English and Chinese languages in terms of culture, expression habits, parts of speech and sentence structure. So we learn to understand the commonalities and differences between the English and Chinese languages, and explore the impact of the English-Chinese language comparison on English learning.

Keywords: the English and Chinese languages, language and culture, language learning.

Аннотация

В статье автор сравнивает и анализирует английский и китайский языки с точки зрения культуры, особенностей выражения, частей речи и структуры предложений. Так мы учимся понимать сходства и различия между английским и китайским языками, а также исследуем влияние сравнения английского и китайского языков на изучение английского языка.

Ключевые слова: английский и китайский языки, язык и культура, изучение языков.

Culture is the soil on which language survives and develops, and language cannot exist without culture. Language is a carrier of culture and a tool for communication, a mirror of culture, and culture is the driving force of language development [2]. The historical development, customs and habits of

Chinese and Western peoples are different, resulting in differences in their cultures. By "culture", we mean the total pattern of beliefs, habits, institutions, goals and techniques that are unique to a society [1].

In terms of the difference between English and Chinese language expression habits, the Chinese language expression habit is to put the whole before the part. When describing addresses, they are arranged in order of country, province, city, county (district), town and village. In English, on the other hand, it is the other way round, with the parts coming first and then the whole. If you don't pay attention to the difference in the order of speech, it is easy to cause Chinese English expression.

In the comparison of English and Chinese speech chapters, we can find that there are many similarities between English and Chinese in terms of chapter structure. For example, both English and Chinese chapters require the same content, structural articulation and coherent meaning, and in order to achieve such a purpose, both English and Chinese chapters have effective articulation means to connect sentences, sentence clusters, and parts of speech into an organic whole. However, there are some differences between the two languages at the chapter level, especially in terms of grammatical means.

From the perspective of English-Chinese sentence structure comparison, both form-fit and meaning-fit are linguistic organizations. English and Chinese belong to different language families, and both form-fit and meaning-fit exist in their expressions. The Chinese language stresses more on the meaning, and the semantic coherence between the components of a sentence or between sentences, and the short and concise form reflect the analytical and logical reasoning characteristics of the Chinese culture, which emphasizes on the whole, but not on the form. English pays more attention to form-fit, and the components of the sentence are often connected by connecting words or connecting means, reflecting that English culture attaches importance to the role of individual independence. English pays more attention to form, and the syntactic structure is more rigorous and the form is more precise. On the other hand, Chinese pays more attention to ideograms, lacks corresponding connectives, and has a loose syntactic structure, so the words are more meaningful in terms of ideograms. It is generally believed that the concepts of form-fit and meaning-fit were firstly put forward by Mr Wang Li in his book "Chinese Grammar Theory".

He pointed out that in Chinese, the ideograms are mostly used, and the linking component is not necessary, while in Western languages, the morphology is mostly used, and the linking component is indispensable in most cases. Liu Miqing's definition of form and meaning is as follows: "hypotaxis" refers to the connection of words or sentences with the help of linguistic formal means (including lexical means and morphological means) [3]. The so-called "parataxis" refers to the connection between words or sentences with the help of meaning or logical connections, not with the help of linguistic formal means. The former focuses on the cohesion of the formal sentence, while the latter focuses on the coherence in the sense of the word. These reflect the characteristics and differences between English and Chinese in sentence structure.

Because "English" and "Chinese" belong to different ethnic languages, there are huge differences in many aspects, and students often make mistakes in learning English grammar. In order to better overcome the adverse and negative effects of Chinese language and English acquisition, and break down the barriers for students to master and use English, we should fully realize that the different ways of expression between English and Chinese and the different cultural backgrounds will have an impact on English learning, and have an in-depth understanding of the specific embodiment of some aspects of the English-Chinese comparison in English learning, so as to strengthen English language input, improve English language sense, strengthen vocabulary input and application, strengthen English language output, and use comparative analysis methods. We can also add that "teaching the skills of adequate decoding of intonation is an integral part of teaching English, along with listening, speaking and reading skills" [5]. Strengthen grammar training, understand the differences between China and the West, and cultivate Western thinking, and study specific countermeasures to reduce and weaken the impact of differences in English and Chinese on English grammar learning. Moreover, multicultural education is an important mechanism for attracting young people to a comprehensive knowledge of the culture of their people, formation of ideas about the

diversity of cultures in the world, teaching positive attitudes towards cultural differences and education in the spirit of peace, tolerance, humility [4]. The main purpose of the comparison and analysis is to try to promote positive transfer and reduce the impact of negative transfer in foreign language teaching and learning by comparing the characteristics of the two languages. The English-Chinese language comparison provides the following help to promote English language learning. First, it can help learners determine their learning priorities. In the process of learning a foreign language, the mother tongue will always have a subtle influence on us, and when the mother tongue and the foreign language coincide, the learning of the foreign language will be easier. Establishing new connections in such concepts can also lead to the development of new language habits in English learning. The second is to help students avoid Chinese-style English and foreign languages. In foreign language learning, learners often unconsciously bring the habits of their mother tongue into foreign language learning. This type of learner bases his or her ideas on his or her mother tongue, which leads to a mechanical substitution of two languages, which inevitably leads to mistakes. In this case, we can't get a real English expression, but if we learn to understand the characteristics of English that can be expressed in the form of derivative words, transformational words, etc., we can avoid this kind of misrepresentation, as studying "implicit shades of the interlocutors' speech transfers the process of communication into a more developed notional level" [6]. In addition, this contrast between English and Chinese language differences can also help learners enhance their perception of the characteristics of English. Third, it is conducive to the cultivation and improvement of translation ability. Chinese and English are very different in terms of expression and structural characteristics, and learning in the absence of an English environment, it is inevitable to bring the expression habits of the native language into English, so we should make a comparative analysis of the differences between English and Chinese before learning translation skills, so as to lay the foundation for future learning. Translation is both a science and an art. Through language comparison and analysis, mastering the characteristics of the two languages can enable learners to reduce blindness and randomness in the translation process, and to consciously convert bilingual according to their own expression habits, so as to improve the language quality of the translated text.

To sum up, in English learning, through the comparison of foreign language and mother tongue, learners can determine the learning focus and improve learning efficiency by discovering the characteristics of foreign languages, and can also realize the organization and systematization of their English knowledge through the comparison of the differences between the two languages, and pay attention to the unique expression rules and performance habits of English language, so as to form a more authentic way of expression. From this point of view, the comparison of English and Chinese languages is very beneficial for English learning.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Deng Changyan, Liu Runqing. Language and Culture. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 1988.
2. Li Chengming, Yang Hongjuan. Xuzhou: China University of Mining and Technology Press, 2013.
3. Liu Miqing. Nanchang: Jiangxi Education Press, 1992.
4. Salina A.S, Boduleva A.R., Nurimhametova L.K. Formation of multicultural competence of students in the process of learning foreign languages // Modern scientist – 2019. – №2. – pp. 140-144.
5. Urazmetova A.V. Determining the effectiveness of teaching intonation of the English language at a university. Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education, 2023, 65 (5), 373-384. doi:10.32744/pse.2023.5.22
6. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Analysis of the emotive component in utterances with the modal verbs expressing willingness in the Chinese, English and Russian languages // World of Science, Culture, Education. № 4(95) 2022. – pp. 194-197 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-194-197
7. Wang Li. Theory of Chinese law. Jinan: Shandong Education Press, 1984.

Wang Yue

The change of color of female wedding dress in Chinese ancient times*East China Jiaotong University
(China, Nan Chang)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-219

Abstract

The paper provides a comparison of color changes in female wedding dress in different periods in China. The wedding dress emerged at the presence of Zhou dynasty's dress, the main color of it is cyan. In the Tang and Song Dynasties, women wore wedding dress with a large area of cyan. This phenomenon was depicted in combination with handed-down portraits, which gradually proved that traditional women showed "advocating cyan" phenomenon in the choice and inheritance of wedding dress color. However, since the Hongwu period of the Ming Dynasty, the color image of women's marriage dress was changed from "advocating cyan" to "advocating red". The symbolic reason might be that the fundamental thought was closely related to the "Five Cyclic Virtues" theory. This system was a means for the emperor to highlight the national luck and consolidate the Han rites.

Keywords: female wedding dress, color, ancient times, advocating cyan, advocating red.

Аннотация

В статье проводится сравнение изменений цвета женского свадебного платья в разные периоды в Китае. Свадебное платье возникло на основе платья династии Чжоу, главный цвет был голубым. В эпоху Тан и Сун женщины носили свадебные платья с большим количеством голубого цвета. Этот феномен зафиксирован в портретах, на которых зафиксировано "преобладание голубого цвета" в свадебных платьях того времени. Однако с эпохи Хунгу Минской династии цветовая картина свадебного платья женщин изменилась с "голубого" на "красный". Символической причиной могла быть тесная связь с теорией "Пяти Циклических Добродетелей", которая являлась средством для подчеркивания национальной удачи и укрепления ханских ритуалов.

Ключевые слова: female wedding dress, color, ancient times, advocating cyan, advocating red.

The category of color is an important means of reflecting symbolic images which is considered as one of the main categories of culture [Urazmetova 2020: 20]. In recent years, a large number of scenes of cyan wedding dresses in costume dramas set in Song Dynasty enjoy great popularity. However, the color of cyan wedding dress has formed a great difference from the well-known red dress. To this end, the paper took ancient books and mural images as research data, analysed the literature, as "studying implicit shades of written speech reveals a more developed notional level" [Varukha, Davletbaeva 2022], and certificate the pictures and texts to represent the origin, development and subsequent change of the color of female wedding dress. "Basic national values underlie a holistic space of spiritual and moral development of the society" [Khamidullina et al., 2020]. The research shows that from Zhou Dynasties to Song Dynasty, "advocating cyan" phenomenon could be seen from their wedding dress. "Replacement of cyan with red" had been prompted since the Hongwu period of the Ming Dynasty.

Through literature analysis and picture-and-text mutual certification, this paper discusses the color preference of different dynasties. Research data include ancient books, such as *The Book of Rites and Rituals*, *Book of Sui* and *The Six Chapters of the Tang Dynasty* and mural images, for example Dunhuang murals, in which different choices of wedding dress could be clearly displayed.

The study of female wedding dress runs through various aspects of Chinese clothing civilization. As an important component of etiquette clothing, the color of it is not limited to the "bright red wedding dress" that people have an inherent impression of. In fact, during the Sui Dynasty, there was a phenomenon of women wearing cyan dresses on important occasions. Cyan wedding dress flourished during the Tang and Song Dynasties. However, this kind of wedding dress

suddenly became a bright red auspicious dress during Ming Dynasty and has been popular until now [Fang Lingyun 2023].

Advocating cyan. In the traditional context, the color “cyan” in ancient China does not refer to a specific color, but it is a general term for a range of colors, such as green, blue, ethereal, lead, purple, and turquoise, etc. [Fang Lingyun 2023].

The Book of Rites and Rituals, as an important Confucian literature in the pre-Qin period, provides detailed records of the wedding dress in the Zhou Dynasty. The book describes that the bride wore a turquoise black silk on top and a black skirt underneath adorned with a crimson purple hem at the ceremony [Li Xingjian: 2014, Zheng Xuan 1990: 18]. The next day when visited her mother-in-law, the bride wore the clothes made of livid silk. It can be seen that women in the Zhou Dynasty mostly wore turquoise red and livid wedding dress with low brightness, which is currently the earliest recorded clothing related to the research in this paper [Fang Lingyun 2023].

The wedding dress in Han Dynasty basically inherited the Zhou system, the main color tone was still turquoise red and livid. More specifically, there was a record of the “Twelve Colors” used for the female wedding dress for the people above the level of the Princess, Noble Lady and Consort [Du You 2016]. Some scholars speculate that the “Twelve Colors” can be concluded as Dan, Purple, Navy Blue, Blue, Yellow, Red, Green, Light Yellow, Light Blue, Black and Light Red [Yin Bingyao 2010], nearly half of them can be classified into the cyan category recorded in ancient books. These colors usually decorated on the collar, sleeves, and train edges of wedding dresses, which highlighted color preferences, and the materials used were all top-notch brocade and silk. During the Han Dynasty, the policy of emphasizing agriculture and suppressing commerce was implemented, so it was stipulated that daughters of businessmen should have the lowest level of wedding dress when they got married. They were only allowed to wear two colors: light yellow and light blue, these two colors still belong to the cyan category [Deng Ya 2008] Ошибка! Источник ссылки не найден.

The explicit record of female “cyan” wedding dress in the text can be traced back to the ancient classic *Book of Sui* [Wei Zheng 1973]: *Etiquette Annals* (Volume 11), which recorded the following: When the queen pays homage at the ancestral temple, she should be dressed in Guiyi, a gown which might be marriage clothes. It is also called Huiyi, in the color of Zao from top to down. From the record of the empress Huiyi of Sui Dynasty in *Book of Sui: Etiquette Annals* (Volume 12) and *Comprehensive Statutes* [Du You 2016] we can see that “the color of Zao” here is synonymous with “dark cyan”.

In the Tang and Song Dynasties, women wore wedding dress with a large area of cyan. The appearance of cyan wedding dress was depicted in combination with handed-down portraits, which gradually proved that traditional women showed “advocating cyan” phenomenon in the choice and inheritance of wedding dress color. As mentioned earlier, during the Sui Dynasty, empresses wore dark cyan on important occasions, the clothing order of the Tang Dynasty inherited the Sui system.

In addition to a single written record, Dunhuang murals also have a total of 46 wedding pictures of women's wedding dress in Tang Dynasty [Dunhuang 2001], among which the northern wall of Mo 116 Cave in the prosperous Tang Dynasty (Fig.1) and the southern wall of Mo 12 Cave in the late Tang Dynasty (Fig. 2) are the two whose colors are relatively well preserved. From Figures 1 and 2, it can be seen that the color scheme of the dress is a combination of green and red, with a high saturation and brightness. Compared to other wedding images, it was found that most brides' wedding dresses during the prosperous Tang Dynasty were green in color, while those during the late Tang Dynasty were blue in color. Both of them used a cyan color scheme, but there were varying degrees of color differences.

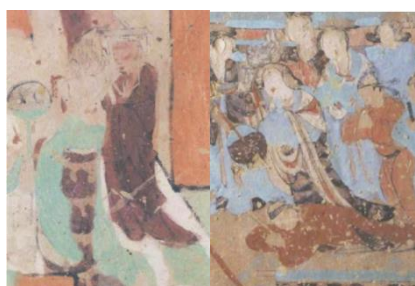


Figure 1. Bride and groom in the glorious age of the Tang Dynasty

Fig.2. Bride and groom in late Tang Dynasty.

The clothing shapes, colors, and components recorded in the historical materials of the Song Dynasty, such as *Politics and the Five Rites and the New Rites* [Zheng Juzhong 1930] and *History of Song Dynasty* [Tuo Tuo 1997], are basically the same as those of the Tang Dynasty. By comparing the clothing system, it was found that the nine sitting portraits of the Song Dynasty Empress in the old collection of the Nanxun Hall in the Forbidden City are similar in height to those recorded in literature (Fig. 3). Therefore, this article provides an image reference. According to Fig. 3, the nine empresses had a large amount of dark cyan in their dresses.



Figure 3. Seated image of the Song Dynasty empress in the image of Nanxun Hall (collected in Taipei Palace Museum).

Advocating red. According to historical records such as the *History of Ming Dynasty* [Zhang Tingyu 1974] Ошибка! Источник ссылки не найден., in the fifth year of the Hongwu reign in the early Ming Dynasty (1372 AD), the first-class lady’s dress had become a true red large sleeved shirt (Fig. 4), and the area of cyan in the wedding dress had decreased, gradually opening the way for traditional women’s red wedding dress. The symbolic reason of the “replacement of cyan with red” might be that the fundamental thought behind the crown and dress system was closely related to the “Five Cyclic Virtues” theory. This system was also a means for the emperor to highlight the national luck and consolidate the Han rites Ошибка! Источник ссылки не найден..

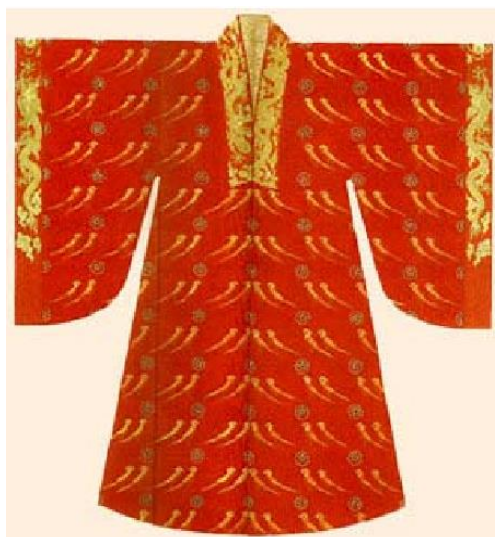


Figure 4. Large sleeve in Ming Dynasty.

The *Book of Sui* clearly recorded the system of female cyan wedding dress, which had been used for over 700 years during the Tang and Song dynasties. In the Tang and Song Dynasties, women wore wedding dress with a large area of cyan because of traditional portraits. However, since the Hongwu period of the Ming Dynasty, replacement of cyan with red had been prompted. The reason for this was that the fundamental thought was closely based on the *Five Cyclic Virtues*

theory. This system was also a means for emperors to showcase national fortune while consolidating Han etiquette.

At present, the research on the Chinese wedding dress mainly focuses on the artistic characteristics in general history. Despite its value, in-depth analysis into color changes is at a slightly advanced stage.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Deng Ya. Exploration into the Evolution and the Innovation of Han Nationality Women's Wedding Dress. Jiangnan University, 2008.
2. Dunhuang Academy, Tan Chanxue. Dunhuang Grottoes Painting Scroll (25: Folk Painting Scroll. Shanghai People's Publishing House, 2001.
3. Du You. Canon. Beijing : Zhonghua Book Company, 2016.
4. Fang Lingyun, Liang Hui'e, Xing Yue. The origin of the Phenomenon of "advocating cyan" in traditional female wedding dress. *Silk*, 2023, 60 (10): 139-147.
5. Li Xingjian. Standard Dictionary of Modern Chinese. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2014, 3rd Edition.
6. Khamidullina L.K., Nurimkhametova L.K., Boduleva A.R. Formation of citizenship and patriotism in the classroom and in extracurricular activities // Technological and artistic education of students: problems and prospects: materials of the IX All-Russian scientific and practical conference. Birk, 21 may 2020 r. Ufa, 2020. pp. 149-174.
7. Tuo Tuo. History of Song Dynasty. Beijing: Zhonghua Book Company, 1997.
8. Urazmetova A.V., Ryabtsova N.I. Features of the nomination and use of shades of color in French // *Philology: scientific research*. 2020. № 8. С. 19-26. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.8.33610
9. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Analysis of the emotive component in utterances with the modal verbs expressing willingness in the Chinese, English and Russian languages // *World of Science, Culture, Education*. 2022, no. 4(95). P. 194-197 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-194-197.
10. Wei Zheng. The Book of Sui. Beijing : Zhonghua Book Company, 1973.
11. Yin Bingyao. Explore the Ancient Chinese Wedding Dress of the Ethnic Element. Changchun: Northeast Normal University, 2010.
12. Zhang Tingyu. History of Ming Dynasty. Beijing : Zhonghua Book Company, 1974, vol. 66.
13. Zheng Xuan, Jia Gongyan. Ritual Notes. Shanghai: Shanghai Chinese Classics Publishing House, 1990, vol. 2, p. 18.

Xieqing X.

Comparison and Translation of Semantic Differences between English and Chinese from a Cross-Cultural Perspective

*East China Jiaotong University
(China, Nan Chang)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-220

Abstract

Influenced by various factors such as cultural background and mode of thinking, there are large semantic differences between English and Chinese, which often lead to cross-cultural information transfer errors and make learners feel disturbed. Exploring the semantic differences between English and Chinese from a cross-cultural perspective can help improve mutual understanding between different cultures, reduce cultural conflicts, and facilitate language learners' understanding and mastery of foreign languages. This article will briefly discuss the reasons for semantic differences, comparatively analyze the semantic differences between English and Chinese, and provide translation strategies in different scenarios in order to accurately convey the message.

Keywords: cross-cultural, semantic differences, English-Chinese comparison, translation.

Аннотация

Под влиянием различных факторов, таких как культурное происхождение и образ мышления, между английским и китайским языками существуют семантические различия,

которые часто приводят к межкультурным ошибкам передачи информации и вызывают беспокойство у обучающихся. Изучение семантических различий между английским и китайским языками с межкультурной точки зрения может помочь улучшить взаимопонимание между различными культурами, уменьшить культурные конфликты и облегчить изучающим язык понимание и овладение иностранными языками. В этой статье кратко рассмотрены причины семантических различий, сравнительно проанализированы семантические различия между английским и китайским языками и предложены стратегии перевода в различных сценариях для точной передачи сообщения.

Ключевые слова: межкультурные, семантические различия, сравнение английского и китайского языков, перевод.

Introduction

Cross-cultural, meaning different cultures that cross the boundaries of two or more countries or peoples. Analyzing problems from a cross-cultural perspective is to view and assess problems and situations through the understanding and sensitivity of different cultures, which includes the understanding of values, beliefs and behaviors of different cultures. Language, culture and identity are key aspects of life that require careful attention and conscious development [1]. With the development of global integration, communication between Chinese and English is becoming more and more frequent, and understanding the semantic differences between English and Chinese plays a crucial role in cross-cultural communication process, as studying "implicit shades of the interlocutors' speech transfers the process of communication into a more developed notional level" [5]. It is necessary to discuss the reasons for semantic differences from different directions in order to better understand semantic differences and translate accurately.

Reasons for semantic differences

Different historical contexts

English originated from several Germanic languages. Old English, also known as Anglo-Saxon, was spoken by the indigenous people of Britain. "The Norman conquest that took place in 1066 influenced further formation of the English language" [4], which absorbed a great deal of Norman French to form Middle English. Early Modern English was formed in the late Middle Ages under the influence of Shakespeare's English and the development of the Bible. The current modern English has been influenced by scientific and technological progress as well as colonialism and globalization. The Chinese language has a long history, and Chinese characters have been gradually standardized and stabilized in the process of evolution, and have received less influence from other cultures in the process of development since the unification of characters by Emperor Qin Shi Huang. Therefore, English belongs to the inflected language with rich affixes and derivatives, while Chinese belongs to the isolated language with strong language generalization and many compound words.

Different cultural backgrounds

Chinese civilization originated from the River civilization, which was mainly an agricultural civilization, and was relatively dependent on the natural environment. The people were self-sufficient, and their work and rest were in accordance with the natural seasons. Therefore, there are many idioms about farming and natural changes in Chinese idioms, such as "The clouds hit the grass at the beginning of autumn and the summer heat, and the fields are being cut at the white dew and the autumn equinox", and "When it rains at the spring equinox, families are busy, and planting the melons and beans first, then the rice seedlings", and so on. Western civilization, on the other hand, originated from the Marine civilization, which is based on fishing and animal husbandry, advocates adventure and freedom, and emphasizes individualism. There are many related expressions in English idioms, such as "The best fish swim near the bottom." and "big fish" for big people.

Differences in thinking and perceptions

China has experienced a feudal social period of more than 2000 years, during which time it has been strongly influenced by Confucian rites and rituals, and has developed a strict hierarchy and

order of seniority and inferiority, with a strong sense of family concepts. As a result, Chinese language has many strictly corresponding kinship titles. On the other hand, the Western countries experienced a medieval period of nearly 1,000 years, in which the country was controlled by nobles, popes or kings, and the people were deeply influenced by the Christian concept of "all men are created equal", so the concept of family was relatively weak. As a result, there were fewer kinship terms and a wider range of correspondences. For example, the word "uncle" in English can refer to five different meanings in Chinese.

English-Chinese semantic gap

Semantics is divided into three categories, namely, lexical meaning, grammatical meaning and rhetorical meaning; lexical meaning is the meaning of a word expressed in an objective sense; grammatical meaning refers to the meaning of the relationship between the abstract object and the word; and rhetorical meaning is the affective meaning of subjective feelings and evaluations. These three kinds of meaning are closely related and together constitute the semantic system of language [6].

Differences in the meaning of words

The meanings of English words are more flexible and malleable than those of Chinese. In English, the original meaning of a word can lead to many different meanings. For example, in addition to the original meaning of "kill", it also has the meanings of "waste (time)", "reject (advice)", "(hope) dashed" and other derivations. Sometimes a word with an abstract meaning can also be used to refer to a specific meaning, for example, "beauty" can refer to beauty itself and a beautiful woman. Other words have both general and special meanings, such as "case", which can refer to a general case or a special case. In Chinese, a single character represents a lot of meanings and constitutes a rich variety of vocabulary. For example, "生" can be used to form words like "生肉" and "夹生" in the case of "不熟"(raw), and can be used to form words like "学生" (student) and "招生" (enrollment) in the case of "学习者"(learner) [9].

Differences in rhetorical meaning

Due to different cultural backgrounds, the subjective feelings and the meanings of the same thing symbolized by metaphors in different cultures are also different. For example, in the Chinese context, the image of "dragon" is auspicious and noble, so in ancient China, the king was also called the "True Dragon Son of Heaven". In Western culture, on the other hand, the dragon is a symbol of evil and disaster, and in the *Book of Revelation*, the dragon is depicted as the embodiment of Satan, the devil. Another example is the image of "dog", which in Chinese has the meaning of being lazy and nasty, and is usually derogatory, so it is usually used to scold people. In Western culture, however, the image of the dog is mostly happy and submissive, so there have the phrase "lucky dog".

Differences in grammatical meaning

Due to the huge complexity of the English-Chinese grammatical system, we will only discuss the differences in the dominant word classes here. English is a comprehensive language with rich and varied morphology, verbs are constrained by the rules of morphological changes and are inconvenient to use, while nouns have simple morphological changes and most of them have dynamic meanings, so English is mainly dominated by nouns. On the other hand, there are a lot of verb-object structures in Chinese, and verbs have no morphological changes and tone changes, so Chinese is mainly dominated by verbs. For example, there are four verbs in the sentence "站在高层阳台往下望使我晕眩", but when translated into English as "Looking down from high balcony gives me vertigo", there is only two verbs in the sentence [9].

Translation strategy

Translation strategy refers to the methods and principles used in the translation process to achieve a specific translation result. Translation strategies can be categorized into two types according to the translator's inclination towards the "original text" and the "recipient of the translation".

Foreignization

Foreignization means that the translator tries to be as close as possible to the original text when translating, retains the features of the original text, and lets the readers feel the original language, culture and literary features of the foreign country. Under the principle of foreignization strategy, there are many translation methods, such as direct translation method, zero translation method, phonetic translation method and so on. It is worth noting that when using the direct translation method, if the readers do not understand the cultural background of the original language, it is sometimes difficult to understand the author's expression. Therefore, on this basis, the method of direct translation with notes was developed to explain the background, so as to make up for the information gap between different culture. For example, when translating "Speak of Cao Cao", a note should be added to explain to the reader that the sentence comes from the allusion to Cao Cao's rescue in Romance of the Three Kingdoms.

Naturalization

Naturalization means that the translator tries to be as close as possible to the receiver of the translation when translating, uses the language characteristics of the reader, and replaces the expression of the original text with an expression that is more familiar to the reader. Related translation methods include intentional translation, re-translation, and creative translation. For example, the phrase "Speak of Cao Cao arrives" mentioned above means that the person mentioned appears unexpectedly in front of the speaker. There are similar phrases in English, so the phrase can be translated as "speak of the devil", which is more in line with the way English speakers say.

Conclusion

Culture and language are inextricably linked. As English major students, we not only need to understand the culture of English-speaking countries, but also familiarize ourselves with the local culture, feel the differences of different cultures and learn from the comparison, so that we can gain more.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Boduleva A.R., Imanova A.A. Studying the influence of political correctness on the formation of sociocultural and sociolinguistic competence in the process of teaching English // Trends in the development of science and education. –2023. – №97. (1). – P. 109-112. DOI: 10.18411/trnio-05-2023-34
2. Song Xi. Differences in English-Chinese Semantics--An Introduction to the Cultural Imprint of English-Chinese Idioms. // Journal of Zaozhuang College, 2012, 29(01): pp. 98-100.
3. Tang Fengjuan, Zhang Qi. A comparative study of semantic differences between English and Chinese. // English Square, 2016 (09): pp. 9-11.
4. Urazmetova A.V. The toponymic system of Great Britain: primary and secondary nomination. Saint Petersburg, 2022. 172 p. DOI 10.32415/scientia_978-5-6048667-3-3.
5. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Analysis of the emotive component in utterances with the modal verbs expressing willingness in the Chinese, English and Russian languages // World of Science, Culture, Education. № 4(95) 2022. – pp. 194-197 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-194-197
6. Wang D. Chun. Introduction to Linguistics. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 1997.
7. Wang Tingting. Selection of Naturalization and Alienation Strategies in English-Chinese Translation from the Perspective of Intercultural Communication. // Journal of Ezhou University, 2022, 29(02): pp. 33-35.
8. Wang Fang. The treatment of cultural features in Chinese-English idiomatic translation. Chinese Scientific and Technical Translation, 2001, (01): pp. 34-36.
9. Yang Fengning. English-Chinese language comparison and translation. Tianjin: Tianjin University Press, 2006.
10. Zhu Xiaojia. Exploring the roots of English-Chinese national secular semantic differences from the composition of cultural systems. // Journal of Southwest Agricultural University (Social Science Edition), 2013, 11 (10): p. 86

Zhao L.J.

Brief strategies for Ancient Chinese Poems from the Cross-Culture Perspective

*East China Jiaotong University
(China, Nanchang)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-221

Abstract

On the background that the exchanges and convergence between China and Russia have reached an unprecedented level, the cultural communication between them are also become more and

more frequent. Meanwhile there are so many Russians want to know more about Chinese culture. Ancient Chinese poems, as the indispensable part of Chinese culture, carrying many basic concepts, are one of the most important chapters for non- native speakers to learn Chinese culture. In that case, this article specially discussed the differences between Russian poems and ancient Chinese poems, and listed the problems that non-native learners will meet. According to these problems, this article also gave some brief strategies and suggestions for non- native learners to understand ancient Chinese pomes more clearly.

Keywords: ancient Chinese poetry; Teaching Chinese as a foreign language; Chinese learning.

Аннотация

На фоне того, что обмены и сближение между Китаем и Россией достигли беспрецедентного уровня, культурное общение между ними также становится все более частым. Между тем очень много россиян хотят узнать больше о китайской культуре. Древние китайские стихи, как неотъемлемая часть китайской культуры, несущая в себе множество основных понятий, являются одной из наиболее важных глав для не носителей языка в изучении китайской культуры. В этом случае в этой статье специально обсуждаются различия между русскими стихами и древнекитайскими стихами, а также перечисляются проблемы, с которыми могут столкнуться учащиеся, не являющиеся носителями языка. В соответствии с этими проблемами в этой статье также даны некоторые краткие стратегии и предложения для учащихся, не являющихся носителями языка, чтобы более четко понять древние китайские поэмы.

Ключевые слова: древнекитайская поэзия; преподавание китайского языка как иностранного; изучение китайского языка.

Ancient poetry, as a unique style that has been kept fresh for thousands of years, is the essence of Chinese language and culture. Its rhyming characteristics, rich and diverse vocabulary types and profound cultural content between the lines all highlight its advantages and values in language learning and cultural learning. Ancient poetry also reflects a unique sense of rhythm and musical beauty, which is also suitable for phonetic learning and training. In general, one of the challenges of teaching language is the phenomenon of culture differences which is considered as an important development factor of sociocultural and sociolinguistic competence [1]. Starting with the characteristics of Chinese classical poetry, this paper took documents analysis as the main research method. analyzing the problems that non-native Chinese speakers may encounter in learning, and provided corresponding learning strategies for advanced Chinese learners.

The main differences between Chinese and Russian poetry

Differences in word order and expression within the text

“Russian metrical poetry mostly alternates light and heavy syllables; Amount using of postpositive attributive; In the rhyme structure of folk works, the verb predicate is prepended; The modified component may be far apart” [2].

The internal component ordering of Chinese metrical poetry mostly follows the rules of the contrast of level and oblique syllables. Pay attention to the overall harmony and structure neat.

The differences in syntactic structure, the inherent characteristics of the language itself, and the thinking mode and cognitive mode of different nationalities are the main reasons for the differences in the overall expression forms of the same functional words in Russian and Chinese, as well as the reasons for the differences in the internal word order and expression of various functional words, so studying “implicit shades of the interlocutors’ speech transfers the process of communication into a more developed notional level” [6].

Differences in the use of imagery, and the emotional tendency of the same imagery

Take the concept of honor in Chinese and Russian poetry as an example: “The concept of “honor” of the two nations is influenced by their religious culture. In Russian poetry, “honor” has sacred attributes, it shines and is difficult for human beings” [3]. “Honor” is bound up with religion and full of “theological” brilliance.

However, “honor” in Chinese poetry is influenced by Buddhism and Taoism, which is very different from Christianity. From the perspective of Taoism, the “honor” has no sacred attribute, but more like a dream bubble, which means nothingness. “Honor” in Chinese poetry also refers to being an official in the court or being reused by the court. Confucianism and the unique centralization system in ancient China make honor in the hearts of poets have an inseparable connection with official career.

From the above example, even the same image has different emotional expressions in Chinese and Russian poems, which is easy to cause misunderstanding to non-native learners

Differences in theme and content

The themes of Russian poetry contain love, the pursuit of freedom and ideals, or the exploration of the meaning of life, the eternity of time, the mystery of death and nature. The themes of Chinese poetry are closer to life, including geographical scenery, climate, traditional festivals, examination system, etc. At the same time, Chinese poetry often show the memories of hometown and missing for family and friends, which are also expressed in Russian poetry. The themes of Chinese poetry were rarely influenced by religion, more discussed the personal things, implicit but meaningful. Poets always like to find ideas in small things and magnify them.

The problems that non-native Chinese speakers may encounter:

Misunderstanding in image and the lack of classical Chinese vocabulary.

“Language shapes one's understanding of the world and defines what they consider to be real and natural” [5]. As we have discussed before, in Russian and Chinese poems, the using of image has many differences. But one more thing should be noticed is that there are amounts of images which have never existed in Russian, such as: “竹”, bamboo, which is the symbol of firm and tenacious; “梅” plum blossom, which symbolized noble and unsullied. These are significant for learners from other country to understand. Another challenge is the change in meaning between ancient and modern Chinese, for example:

“白日放歌须纵酒，青春作伴好还乡。”

Tr: Though I am white-haired, still I'd sing and drink my fill.

With verdure spring's aglow, it's time we homeward go.

In this sentence, “青春” means the green and lively spring, but in modern Chinese, “青春” means the youth. In that case, non-native learning without this knowledge may misunderstand the poem was still young at that time, but in fact he was 51 years old.

Errors in tense

The Chinese language lacks formal change, but the scenes presented in ancient poetry are not limited by a specific time. Take the poem 《望月怀远》 (Bathing and Missing in Moonlight) as an example:

“海上升明月，天涯共此时”

Tr : As the bright moon shines over the sea,

From far away you share this moment with me.

In this sentence, the poet's emotion is not only connected with the people who see the moon at this moment, but also means that from ancient times to today, from now on, all people who see the moon will inevitably get similar emotions. The feeling is passing through the time and space. Non-native speakers would not be able to grasp this meaning unless they have a deep understanding of the traditional image of "moon" in Chinese poetry

Errors in voice

In classical Chinese poetry, the subject of the sentence is often omitted. Readers will be confused because they do not know the sender of the action, resulting in a deviation in understanding, for example:

“空山不见人，但闻人语响，返景入深林，复照青苔上。”

Tr: On the empty mountains no one can be seen, but human voices are heard to resound.

The reflected sunlight pierces the deep forest, and falls again upon the mossy ground. In this poem, there is no subject and no specific object of action, all of these are hidden behind artistic conception and imagination, which may have made readers confused.

Errors in cultural background understanding. (Including people's names, places, historical stories, etc.), for example:

“王杨卢骆当时体，轻薄为文晒未休”

Tr. Wang, Yang, Lu, and Luo created timely style of poetry, the superficial critics are mockery of the four endlessly.

In the first sentence, "Wang, Yang, Lu, Luo" respectively refers to four poets in the Tang Dynasty, known as the four Great Poets of Early Tang Dynasty, who are the new star in the Tang Dynasty poetry circle. Without knowing that, learners would never understand what the poet were talking. It is difficult for non-native readers to understand and accept the original text, let alone appreciate its aesthetic value without background learning

Brief strategies

The following strategies are aimed at intermediate and advanced Chinese learners who already have certain foundation

Good preparation.

First, as the content of ancient poetry is difficult and contains many complex vocabulary images, learners should make sure to have a reference book or search software at hand before learning which help to accurately understand the surface meanings. Only the modern Chinese dictionary is not enough, due to that there are many deviations between ancient Chinese and modern Chinese.

Second, choose a suitable textbook to help you have a comprehensive understanding of ancient Chinese poetry. For Russian, we found a book called: "The Beauty of Harmony-Chinese Tang Poetry And Russian Translation and Appreciation", which is the current teaching textbook of ancient poetry in the comprehensive course of the Confucius Institute of Yessenin Ryazan State University in Russia [8]. This book selects classic poems of various themes, covering many aspects of ancient Chinese life, including geographical environment, marriage and love, festival celebrations, etc. With Russian annotations and translations, it is easy to understand the meaning of the poems and help know Chinese culture.

Suggestions in learning

Before learning poetry, it is better to know the poet's life experience, writing style and preferences, as well as the creation time and background of the poem. Poets have their own unique style of writing, and the emotions expressed in the poems tend to be similar. For example, Li Bai's poems are fresh and elegant, free and romantic, while Du Fu's poems are heavy and frustrated, always concerning his country's future. Knowing that will be helpful to understand the emotion of the whole poem.

Don't go straight to the Russian translation at first. On the one hand, directly looking at translation omits the process of learning new vocabulary, which is detrimental to the improvement of ability. On the other hand, the translated text will lose some of the emotion or ingenuity of the original text. For example, the word “柳” which means willow, has the same pronounce with the word “留”, which means stay. If people only see the translation, it's hard to associated them together, and hard to comprehend the depressed feelings

Try to read it aloud, even try to sing it. "Chinese syllables have clear pronunciation, rich intonation, high and low variation of intonation, more musical tones, coupled with the intonation of the cadence, strong musicality, which can be clearly felt in the recitation of ancient poetry" [4]. And there is a saying: “熟读唐诗三百首，不会作诗也会吟”，which means “When one learns 300 poems of the Tang Dynasty by heart, one is sure to be able to write poetry.” Reading aloud helps to understand the basic meaning of poetry, and to express the emotion and momentum.

Acquisition of knowledge outside the book. (Multi-modal, multi-dimensional)

Take good uses of other platforms such as the music, video and game. For music and video, "Everlasting Classics", a popular poetry culture and music program of CCTV, contains rich resources of ancient poetry. "The combination of pop music and foreign famous music shows the charm of poetry, endows poetry with unique musical beauty, and deeply excavates the deep meaning of poetry" [7]. This is conducive to improving learners' enthusiasm and deepening the understanding of Chinese society and culture.

For games (video game), recent years, there are many talented producers have created games related to traditional Chinese culture and classical poetry. For example: Genshin Impact, in this game, the producer created many playable game scenes with Chinese local conditions and customs, and also portrayed a number of characters closed to the traditional image. The roles' lines are based on traditional poetry, and also involving traditional opera. By playing such games, learners can get personal experiences and have clearer and deeper understanding of Chinese poems and culture.

Ancient Chinese poetry carries the traditional Chinese culture and is an important approach and resource for foreign learners to learn Chinese and understand Chinese culture. However, due to the differences between Chinese and other languages and their cultural backgrounds, it is difficult for non-native speakers to read ancient Chinese poetry. Therefore, this paper is problem-oriented, give some strategies and suggestions, help readers to understand the meaning of poetry, enjoy the artistic emotion and aesthetic value of poetry.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Boduleva A.R., Imanova A.A. Studying the influence of political correctness on the formation of sociocultural and sociolinguistic competence in the process of teaching English // Trends in the development of science and education. –2023. – №97. (1). – P. 109-112. DOI: 10.18411/trnio-05-2023-34
2. Chai Donghua. The Application of "Classical Chanting and Spreading" in Teaching Chinese Ancient Poetry as a Foreign language [D]. Jilin University of Foreign Studies 2022. DOI:10.27833/d.cnki.gjlhw.2021.000090.
3. Lu Chi. Some linguistic explanations of "translation shift" in Russian and Chinese [D]. Shanghai International Studies University, 2022. DOI:10.27316/d.cnki.gswyu.2020.000323.
4. Ma Ting, The application and teaching design of ancient poetry in Russian Chinese comprehensive course [D] Chang Chun University, 2022. DOI:10.27912/d.cnki.gcdcx.2022.000070.
5. Urazmetova A.V., Ryabtsova N.I. Symbolic phytphraseologisms as a result of the representation of the linguistic picture of the world // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 9(45). DOI 10.18454/RULB.2023.45.3.
6. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Analysis of the emotive component in utterances with the modal verbs expressing willingness in the Chinese, English and Russian languages // World of Science, Culture, Education. № 4(95) 2022. – C. 194-197 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-194-197
7. Yu Wenwen. A comparative study on the concept of "honor" between Russia and Chinese [D]. Jilin University, 2022. DOI:10.27162/d.cnki.gjlin.2021.002835.
8. Zhu Dong. On the application of Poetry reading and chanting in Teaching Chinese as a Foreign language [J]. Journal of Chongqing Three Gorges University, 2013, 29(04):149-152. DOI:10.13743/j.cnki.issn.1009-8135.2013.04.017.

Zou Y.

Comparison of railway development between China and Russia

*East China Jiaotong University
(China, Nan Chang)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-222

Abstract

The railway, as one of the important pillars of the development of the national economy, plays an extremely important role in our life. The emphasis and characteristics of railway development in China and Russia are greatly different.

Railway systems have long been regarded a crucial component of a nation's infrastructure. They not only facilitate the transportation of goods and people but also play a significant role in economic development and regional connectivity. The railway development strategies of both

countries have their merits. By comparing the practices and achievements of China and Russia in the field of railway development, one may get some valuable insights and look forward to the development of railway cooperation between the two countries.

Keywords: railway, development, economy.

Аннотация

Железная дорога, как один из важных столпов развития национальной экономики, играет чрезвычайно важную роль в нашей жизни. Акценты и характеристики развития железных дорог в Китае и России сильно различаются.

Будущее железнодорожной инфраструктуры было ключевым вопросом как для Китая, так и для России. Обе страны стремятся совершенствовать свои транспортные сети для содействия экономическому развитию, торговому спросу и региональному развитию. В этой статье проводится сравнение развития железных дорог двух стран с точки зрения политических и экономических предпосылок, железнодорожных технологий, строительства инфраструктуры, и их значимости. Сравнивая практику и достижения Китая и России в области развития железных дорог можно получить некоторые ценные сведения и надеяться на более активное развитие железнодорожного сотрудничества между двумя странами.

Ключевые слова: железная дорога, развитие, экономика.

China has been undergoing rapid economic growth and urbanization in recent decades, leading to increased demand for adequate transportation links. The Chinese government has recognized the importance of railway development and has made significant investments in building a modern and efficient railway network.

Similarly, Russia's vast territory and abundant natural resources necessitate a robust transportation system. The government has also been investing in the modernization and expansion of their railway network to improve connectivity and promote economic growth across the country. "The post-Soviet period of development of Russian society reflects the simultaneous influence of various factors: the transition in the second half of the twentieth century to the consumer society and the inability of the Soviet economic system to meet the needs of the end-user" [1].

Since the reform and opening up in 1978, China has continuously advanced the process of modernization and urbanization. At the same time, the importance of transportation to urbanization has emerged. The Chinese government began to realize the importance of railway development, so it invested a lot of manpower and financial resources in a railway construction. Since the 1990s, China's railway system has been booming. Since then, it has become a source of national pride, "an integral part of the cultural code" [2] and a symbol of China's growing technological prowess. China has invested heavily in the construction of high-speed rail lines. With Beijing, Shanghai and other important cities as the center, it continues to extend to the surrounding areas, connecting most of the country. The investment in railway construction has not only promoted the flow of domestic economy and population, but also made China more closely connected with neighboring countries and promoted trade and economic exchanges **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

Railway has a far-reaching impact on the regional economic development. Take Qinghai-Tibet in China for example, the transportation level of Qinghai-Tibet Railway is highly correlated with the GDP of Tibet, tourism, and the development of the tertiary industry, including the accommodation and catering industry **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

China's railway network plays a vital role in promoting economic development and connecting industrial centers, ports and logistics hubs. It facilitates the movement of people, accelerates China's rural-to-urban migration, and facilitates the movement of goods, driving a market economy to support regional development and improve overall connectivity, thus promoting urbanization.

In contrast, Russia has a vast territory and a large horizontal span, and the Russian railway network covers a vast area, allowing it to extend to remote areas. The Trans-Siberian Railway, covering over 9,280 kilometers, is the most famous and influential railway line in the country,

connecting Moscow to Vladivostok. Russia's focus has been on maintaining its existing railway infrastructure and improving freight transportation for its resource-rich industries.

China and Russia have big differences in the financing methods of railway development projects. China's railway construction is presided over by the government, so the funds for China's railway construction are mainly provided by state-owned enterprises and financial institutions, basically through investment and loans to obtain funds **Ошибка! Источник ссылки не найден..** The financing method of China's public facilities construction and the government-sponsored model make the funding source of railway construction very sufficient, reducing a lot of financial and policy troubles. The benefits of this model have been remarkable, this approach has allowed China to rapidly construct new rail lines and modernize its existing network. And China become known for its infrastructure.

In contrast, the sources of funding for railway construction in Russia are quite different. Loans are rarely an option in Russia, which relies heavily on government funds and private companies to finance railway construction. At the same time, unlike the nationalization of Chinese railways, parts of Russian railways have been privatized, allowing for commercial activities. This difference also reflects the different philosophies of the Chinese and Russian governments.

China has made significant progress in rail technology in recent decades, successfully possessing advanced technologies such as high-speed rail systems, magnetic levitation (maglev) trains, and the implementation of advanced signaling and control systems. These technological advances have enabled China to build one of the most extensive high-speed rail networks in the world. The China Railway High-speed (CRH) network, which spans over 22,000 kilometers, is the world's largest and fastest-growing high-speed rail system.

In contrast, Russia has focused on improving the efficiency and safety of its existing railway infrastructure, as well as investing in new technologies such as high-speed trains. However, the overall development of high-speed rail in Russia lags behind that of China.

In Russia, the railway network serves as a crucial mode of transportation for both freight and passengers, playing a significant role in the country's economy. The Trans-Siberian Railway, in particular, is a crucial trade route that connects Russia to Asia and Europe, facilitating the movement of goods and resources.

In conclusion, both China and Russia have made significant strides in railway development, albeit with different approaches and priorities. While China has focused on technological advancements and building high-speed rail, Russia has prioritized the modernization and expansion of its existing network. China's ambitious *Belt and Road Initiative* has allowed it to extend its influence and connectivity across multiple regions, while Russia's regional integration efforts within the Eurasian Economic Union show a more localized approach.

This work was carried out within the framework of School of academic literacy (SAL), Ufa University of Science and Technology.

1. Boduleva A.R., Imanova A.A. Studying the influence of political correctness on the formation of sociocultural and sociolinguistic competence in the process of teaching English // Trends in the development of science and education. 2023. №97. (1). pp. 109-112. DOI: 10.18411/trnio-05-2023-34.
2. Urazmetova A.V. Symbolic phytphraseologisms as a result of the representation of the linguistic picture of the world // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №9 (45), pp. 1-13. DOI 10.18454/RULB.2023.45.3.
3. Chen Huan, Study on the Impact of the Opening of High-Speed Railway on Export Trade. Shandong Normal University, 2021. DOI:10.27280/d.cnki.gsdnu.2021.001608.
4. Wu Pengfei, Yan Haifeng, Li Shengnan, etc. Study on the Impact of Qinghai-Tibet Railway on Tibetan Economy Based on Grey Correlation Analysis. Technology and Market, 2023, 30 (07) pp. 127-131.
5. Chen Xing. Discussion on the Application of Project Financing Model in Railway Construction Projects. Railway Procurement and Logistics, 2022, 17 (10), pp. 30-32.

РАЗДЕЛ IX. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Андреев И.В.

Генерал И.А. Заборовский на Средиземном море (1788 – 1789 гг.)

*Независимый исследователь
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-223

Аннотация

В статье рассматривается деятельность генерал-поручика И.А. Заборовского в качестве командующего русскими морскими и сухопутными силами на восточно-средиземноморском театре военных действий в ходе русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. Выясняются причины выбора Заборовского для выполнения этой роли, поставленные перед ним задачи и объем его полномочий. Прослеживается деятельность генерала по координации антитурецких акций греческих каперов, по организации пропагандистских кампаний среди местного населения, по дипломатическому обеспечению российских интересов в регионе. Высказываются предположения относительно причин отзыва Заборовского и неудовлетворительной оценки Екатериной II результатов его миссии.

Ключевые слова: И.А. Заборовский, русско-турецкая война 1787 – 1791 гг., Восточное Средиземноморье.

Abstract

Lieutenant-General I.A. Zaborovsky's activity as commander of the Russian naval and land forces in the Eastern Mediterranean theater of operations during the Russian-Turkish War of 1787–1791 is considered in the article. The reasons for choosing Zaborovsky to perform this role, the tasks assigned to him and the scope of his powers are being clarified. The general's activities are traced in coordinating the anti-Turkish actions of Greek privateers, organizing propaganda campaigns among the local population, and providing diplomatic support for Russian interests in the region. Assumptions are made about the reasons for Zaborovsky's recall and Catherine II's unsatisfactory assessment of the results of his mission.

Keywords: I.A. Zaborovsky, Russian-Turkish war of 1787 – 1791, Eastern Mediterranean.

Средиземноморская миссия генерала И.А. Заборовского как проблема истории русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг.

В начале русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. русское командование решило повторить стратегический маневр, имевший огромный эффект в предыдущей русско-турецкой войне 1768 – 1774 гг., а именно отправить с Балтики на Средиземное море сильную эскадру линейных кораблей и фрегатов с десантом. Задачи ей предстояло решать аналогичные: разгром военно-морских сил противника и их отвлечение от Черноморского театра военных действий, десантные операции, в том числе для поддержки освободительных восстаний православного населения, продовольственная блокада Константинополя, нарушение неприятельской торговли. Однако в этот раз было решено предварительно направить на театр военных действий высокопоставленное лицо, которому предстояло подготовить запасы продовольствия для прибывающей эскадры, организовать набор добровольцев для службы под русскими знаменами, развернуть антиосманскую пропаганду среди славянского и греческого населения, проводить мониторинг политических настроений и мероприятий властвующих элит приморских государств. Эта миссия была доверена генерал-губернатору Владимирской и Костромской губерний, генерал-поручику Ивану Александровичу Заборовскому.

Мы полагаем, что настоящая публикация может претендовать на известную новизну, в частности, в связи с тем, что до сих пор не вышло ни одной специальной статьи, посвященной миссии И.А. Заборовского.

В нашей статье мы поставили своей задачей рассмотреть такие вопросы, как: причины выбора Заборовского для выполнения этой роли; поставленные перед ним задачи и объем его полномочий; деятельность генерала по координации антитурецких акций греческих каперов, и прежде всего его взаимоотношения с одним из знаковых персонажей в ряду этих моряков – Ламбросом Кацонисом. Будут рассмотрены особенности организации Заборовским пропагандистских кампаний среди местного населения, его деятельность по дипломатическому обеспечению российских интересов в регионе. Автор представит на суд читателей свои предположения относительно причин отзыва Заборовского и неудовлетворительной оценки Екатериной II результатов его миссии.

Давая характеристику кругу основных использованных источников, прежде всего следует указать сборники архивных документов «Материалы для истории русского флота» [1], «Архив графов Мордвиновых» [2], переписку Екатерины II и Г.А. Потемкина [3], дневник статс-секретаря императрицы А.В. Храповицкого [4] и др. Важное значение для раскрытия темы имеет составленная Екатериной II «Инструкция генерал-поручику Заборовскому, при отправлении его в Средиземное море. 1788» [5]. Был использован обширный фактический материал по истории русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг., представленный в публикациях Г.А. Гребенщиковой [6], Ю.Д. Пряхина [7; 8], А.Б. Широкограда [9] и др.

Обстановка на средиземноморском театре военных действий накануне прибытия И.А. Заборовского

С началом русско-турецкой войны светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический начал выдавать каперские свидетельства офицерам и волонтерам, изъявившим желание действовать против турок в Средиземном море. Одним из наиболее примечательных персонажей, удостоившихся чести получить такое свидетельство, был майор русской службы греческого происхождения Ламброс Кацонис (Кацони, Качони) (1752 – 1805).

Взаимодействие Кацониса с русскими вооруженными силами началось ещё в период русско-турецкой войны 1769 – 1774 гг., когда он вместе с другими греками-добровольцами поступил на средиземноморскую эскадру адмирала Г.А. Спиридова. После войны он служил в Крыму в различных греческих формированиях русской армии. Был произведен в офицеры и постепенно повышался в чинах, дослужившись до майора. В январе 1788 г. Г.А. Потемкин предоставил Кацонису длительный отпуск и патент на снаряжение каперских судов, действующих под российским флагом. А деньги на покупку и вооружение судов ему предоставили командующий гребной эскадрой Черноморского флота контр-адмирал Н.С. Мордвинов и ряд офицеров. Кацонис обязался выплачивать кредит за счет продажи захваченных судов противника (призов). В январе 1788 г. Кацонис прибыл в Триест – единственный австрийский порт на Средиземном море (а Австрия с января 1788 г. присоединилась к России в войне с Турцией). Здесь он приобрел трехмачтовое купеческое судно, вооружил его 20 пушками и назвал – в честь Екатерины II – «Минервой Северной» (Минервой в Древнем Риме называли богиню мудрости; в XVIII веке французские философы, находившиеся в переписке с Екатериной, именовали императрицу Минервой Севера). (И впоследствии Кацонис придерживался той же линии в наименовании судов своей каперской флотилии, насчитывавшей около десяти судов, рассматривая это как один из способов формирования своего позитивного имиджа в глазах русской политической и военной элиты. Так, два захваченных турецких судна он назвал в честь внуков Екатерины – «Великий князь Константин» и «Великий князь Александр». В честь всесильного фаворита императрицы было названо судно «Князь Потемкин Таврический», а в честь видного деятеля коллегии иностранных дел – судно «Граф Александр Безбородко»).

Однако усилия Кацониса в области рекламы собственной персоны включали, по мнению Г.А. Гребенщиковой, и осуществляемую им дезинформацию русского командования, и прежде всего Г.А. Потемкина, относительно результатов своей боевой деятельности. В частности,

Кацонис рапортовал о якобы одержанных им победах над турецкими боевыми кораблями, что не находило подтверждения из независимых источников [6]. Но Потемкин восхищался действиями Кацониса и ставил его в пример офицерам Черноморского флота.

Точка зрения Г.А. Гребенчиковой оспаривается Ю.Д. Пряхиным, И. Николопулосом, А. Гертсосом и другими авторами, отмечающими реальный вклад Л. Кацониса в борьбу с Османской империей, заложивший основу его восприятия в Греции как национального героя [7; 8].

В то же время от русских дипломатических представителей в Петербург стали поступать сведения о незаконных акциях Кацониса против рагузских, венецианских, австрийских и греческих судов в нейтральных водах Адриатики и Ионического моря. А Сенат Рагузской республики направил в российский МИД ноты протеста.

Вместе с тем, по мере усиления флотилии Кацониса и возраставшего одобрения его действий Потемкиным стали резче проявляться негативные черты характера майора. К их числу Ю.Д. Пряхин относил «головокружение от успехов», ощущение собственной непогрешимости, нежелание прислушаться к мнениям своих соратников, излишне жесткую манеру проведения в жизнь своих приказов. По мнению Ю.Д. Пряхина, такого рода деградация личностных качеств Кацониса способствовала разрушению его отношений с подчиненными ему каперами, вызывала «трения и противостояние» с представителями русского военного и военно-морского командования на театре военных действий [7, с. 45-46].

Так, например, когда консулы в Триесте С. Варука и в Венеции А.С. Мордвинов предупредили Кацони и других каперов о недопустимости нападения на рагузские купеческие суда, майор ответил, что, по его мнению, ему «позволено беспокоить рагузейский флаг» [6, с. 69]. Кацонис отказался признавать образованную в Сиракузах, на Сицилии, призовую комиссию и приводить туда для освидетельствования и оценки захваченные суда, что он обязан был делать согласно утвержденным императрицей «Правилам для партикулярных корсаров» [6, с. 82].

Екатерина II, стремившаяся не давать европейским державам повода для вмешательства в назревавшую войну со Швецией, 15 мая 1788 г. лишила Кацониса патента на каперские действия [6, с. 87]. А 5 июня в рескрипте адмиралу С.Г. Грейгу она выразила надежду на то, что отправляющийся на театр военных действий И.А. Заборовский наведет порядок в действиях каперов [6, с. 91-92].

Таким образом, Заборовский, помимо других стоящих перед ним задач, на момент прибытия на театр военных действий оказался перед проблемой выстраивания отношений с Кацонисом, к которому Екатерина утратила доверие, а Потемкин, напротив, благоволил. Возникла ситуация, в которой любое решение Заборовского относительно этого капера могло вызвать негативную оценку одного из главных действующих лиц российской политики и тем самым повлиять на восприятие результатов его миссии в целом. Эта проблема осложнялась ещё и тем обстоятельством, что отношение Екатерины к Кацонису не оставалось стабильным, изменяясь под влиянием суждений своего фаворита.

Следует отметить, что Кацонис начал свой первый боевой поход 28 февраля 1788 г. и вернулся из него в конце октября этого же года. Таким образом, Заборовский, прибывший на театр военных действий ориентировочно в конце июня – начале июля 1788 г., не имел возможностей в этом году управлять боевыми действиями майора.

Становление и развитие замысла миссии И.А. Заборовского на Средиземном море

Кандидатура командующего эскадрой, направлявшейся с Балтики на Средиземное море, не вызывала сомнений – это был адмирал С.К. Грейг, в предыдущую русско-турецкую войну дважды проводивший свои корабли по этому маршруту и отличившийся в ряде сражений, в том числе в уничтожении турецкого флота в Чесменской бухте.

Как следовало из инструкции, данной Екатериной С.К. Грейгу, первоначально по прибытии на театр военных действий эскадра могла бы на Сицилии восстановить затраченные в ходе перехода запасы продовольствия, произвести необходимые ремонтные работы, предоставить отдых экипажам и т. п. Затем, как планировала императрица, следовало

переместить эскадру к острову Негропонт (Эвбея), богатому ресурсами и расположенному вблизи материковой территории Греции. С Негропонта русское командование могло бы способствовать развертыванию повстанческих действий греков, славян, албанцев и пр.

Кандидатура начальника десантного отряда при эскадре, в отличие от кандидатуры командующего эскадрой, не сразу была согласована в переписке Екатерины II и Г.А. Потемкина, находившегося в своей ставке на Украине. 25 декабря 1787 г. фаворит рекомендовал императрице назначить на эту должность усмирителя пугачевского бунта. «Во флот... послать Михельсона, – предлагал он. – Больше я не знаю. Ферзен мне нужен здесь» [3, с. 258]. Екатерина не приняла совет Григория Александровича. В письме князю от 11 января 1788 г. она так объяснила свое решение: «Я во флот Михельсона не пошлю, я думаю уговаривать Заборовского. Он сюда будет. Михельсон в подагре, да он же и здесь нужен, буде шведы зашалили» [3, с. 262]. Через месяц, 10 февраля, Екатерина известила Потемкина о прибытии И.А. Заборовского в Петербург и о своем намерении, в случае согласия Заборовского, назначить «его для командования войск во флот». В случае же отказа Заборовского императрица планировала предоставить эту должность 36-летнему сыну покорителя Крыма, генерал-поручику князю В.В. Долгорукову [3, с. 267]. Однако согласие Заборовского было получено, и 12 февраля 1788 г. указом императрицы он был назначен командующим сухопутными войсками на Средиземном море [1, с. 248-249].

Этот выбор, несомненно, в тот момент представлялся Екатерине весьма удачным. Во-первых, среди всех указанных выше кандидатов только Заборовский обладал значительным опытом руководящей административно-хозяйственной деятельности, являясь в 1777 – 1788 гг. последовательно наместником четырех губерний. И эта деятельность получила высокую оценку императрицы, отмечавшей силу воли («твердость») Заборовского как наиболее характерную черту его стиля руководства [4, с. 37-38]. Этот опыт имел первостепенную важность, поскольку Заборовскому предстояло ещё до подхода русской эскадры на театр военных действий заготовить для неё огромные запасы продовольствия и других материалов, взаимодействуя с государственными структурами и подрядчиками нескольких средиземноморских стран.

Во-вторых, вполне достойным выглядел служебный и боевой опыт генерал-поручика. Он родился в 1735 г. в деревне Заборовские Гаи (с 1764 г. – село Спасское, ныне Заборово) Рязжского уезда Рязанской губернии в семье секунд-майора Александра Заборовского [10, с. 186]. Юноша получил домашнее образование, особенно «по-французски, геометрии и географии» [11]. В 1749 г. началась его служба в гвардии, где в 1754 г. он получил чин подпоручика, а в 1755 г. – поручика. В Семилетнюю войну в чине капитана Заборовский сражался при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г., а в 1759 г. принял участие в десантной операции в Данциге. Получив в 1760 г. чин премьер-майора, Иван Александрович участвовал в боях против корпуса генерала Платтена в Польше [11; 12]. В последний год войны он стал подполковником и поступил под начало графа П.И. Панина. Затем служба Заборовского протекала в Черниговском пехотном полку. В начале русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. Иван Александрович был назначен командиром гусарского полка, а в 1770 г. за успешные действия при осаде и взятии крепости Бендеры произведен в полковники. В 1771 г. его перевели в армию князя В.М. Долго-рукова, в рядах которой Заборовский участвовал во взятии Перекопских укреплений и г. Кафы. В 1772 г. Заборовский сражался с польскими конфедератами под начальством генерал-поручика А.И. Бибикова. В 1773 г. он снова был переведен на турецкий фронт и в 1774 г. произведен в бригадиры. Успешно действовал в сражении при Козлудже и при осаде Шумлы. Но наиболее примечательным достижением Заборовского во время этой войны следует признать переход возглавляемого им 2,5-тысячного отряда через Балканы 28-29 июня 1774 г. (впервые после князя Святослава!), в ходе которого он разгромил 4-тысячный отряд Юсуфа-паши [13].

Последнее событие в восприятии императрицы нашло своеобразное «символическое» отражение, послужив дополнительным мотивом для назначения Заборовского. Помня, что Заборовский «ближе всех был к Константинополю» с северного направления, она объясняла

свой выбор также и возможностью «послать его с другой стороны, чтобы он подошел ещё ближе», насколько это возможно [4, с. 50]. Отмечая данное обстоятельство, мы полагаем, что не следует забывать и о том, что высший символический смысл второй русско-турецкой войны Екатерина усматривала в возрождении Византийской империи, на троне которой должен был воссесть её сын Константин. И в этой связи православный Заборовский был более предпочтительной фигурой, нежели Михельсон или Ферзен.

7 марта 1788 г. императрица утвердила весьма обширную и конкретную инструкцию Заборовскому. В ней не только перечислялись города, в которых предстояло побывать и развернуть свою деятельность генералу, но и давалась характеристика отношений России с государственными образованиями, на территории которых эти города располагались.

Большой объем работы предстояло проделать Заборовскому в австрийском Триесте, куда он должен был проследовать сухопутным путем через Вену. Императрица обратила его внимание на союзнические отношения между Россией и Австрией и предписала ему обеспечить «дружественное» взаимодействие с австрийскими должностными лицами, включая «эmissаров» в Далмации и Черногории.

Находясь в Триесте, Заборовскому прежде всего предстояло проконтролировать, как идет набор добровольцев на русскую службу в Далмации и Албании. «Посредством верного и искусного человека» генералу следовало сообщить скутарийскому паше Махмуду о своем высоком статусе в русской экспедиции и заверить его в готовности России предоставить ему всю необходимую помощь для противостояния с Османской империей. Заборовскому предлагалось дать понять Махмуду, что производимая русским флотом в Средиземном море «диверсия» «развязывает ему совершенно руки», чтобы не только защитить свои владения от османов, но и распро-странить своё влияние «далее внутрь земли Турецкой». Параллельно дипло-матическим усилиям, Заборовскому предписывалось точнее выяснить намерения и ресурсы Махмуда, что создало бы более прочную основу для выстраивания отношений с ним.

В таком же духе Заборовскому следовало проводить курс на поддержку антитурецкой активности черногорского «митрополита и чинов тамошних». При этом особое внимание генерал должен был уделить недопущению конфронтации потенциальных союзников России между собой.

После Триеста Заборовский должен был проследовать в Тосканское герцогство, глава которого, сообщала императрица, будучи братом австрийского императора, «в дружественном с двором нашим пребывает отношении». В Тоскане Заборовскому было предписано организовать вербовку на русскую службу «всех корсиканцев», служивших ранее у англичан. Сформировав «сей корпус», генерал должен был направить его на Сицилию, в Сиракузы к капитану флота бригадирского ранга Псаро «для пособия ему в заготовлении провизии» для русской эскадры.

В этой деятельности Заборовский был обязан всячески помогать капитану Псаро, перебравшись в столицу Неаполитанского королевства и требуя содействия русского посла. Императрица не сомневалась, что в этой деятельности генерал не встретит никаких затруднений от «дружественно» расположенного к России неаполитанского правительства, а русская эскадра сможет свободно пользоваться портами королевства.

В середине сентября 1788 г. генерал был обязан прибыть в Сиракузы «для ожидания там флота».

Императрица обращала внимание Заборовского на то, что до прибытия русской эскадры он является командиром всех «наших» каперов и отвечает за соблюдение ими принципа неприкосновенности нейтральных судов. Генерал наделялся полномочиями чинить «суд и управу скорорешительную» над каперами, захватывающими и уничтожающими нейтральные суда, привлекая их к материальной ответственности и лишая патентов на каперство. Как показали дальнейшие события, способность Заборовского реализовать это предписание станет важным критерием оценки всей его средиземноморской миссии.

После прибытия русской эскадры Заборовский поступал в подчинение адмирала С.К. Грейга в качестве командира десантного контингента [5].

Таким образом, волею императрицы Заборовскому было предписано выполнять ряд разнородных функций – хозяйственную, мобилизационную, разведывательную, дипломатическую, пропагандистскую, функцию руководства боевыми действиями каперов и инсургентов, а в перспективе и русских регулярных войск.

Императрица не возражала против отъезда Заборовского из Петербурга в своё наместничество для решения вопросов, связанных с его длительным отсутствием. Однако не позже середины апреля 1788 г., предписывала она, генерал должен был выехать к месту назначения [5, стлб. 1377].

Но в эти временные рамки Иван Александрович не уложился, что, возможно, не объяснялось какими-либо проблемами личного характера (болезнь и т.п.), но было обусловлено причинами, так сказать, «институционального» характера. 9 мая 1788 г. Екатерина с «беспокойством» попросила Храповицкого уточнить, «в который день и час отправится Заборовский». При этом императрица выразила «неудовольствие» действиями Государственного Совета, тормозящего, по её мнению, командирование генералов и адмиралов на места службы, как это было, например, с Дж. Полом Джонсом и С.К. Грейгом. «Я не знаю, кто делает каверзы, – заявила она, – но могу назвать [его] канальею, потому что вредит пользе государства...» [4, с. 61].

Однако даже ясно выраженное неудовольствие государыни действиями должностных лиц не помогло Заборовскому немедленно преодолеть бюрократические барьеры, и лишь в первой половине июня он отправился в путь.

Деятельность И.А. Заборовского в условиях резкого изменения стратегических ориентиров России на Средиземном море

21 июня 1788 г. шведские войска перешли русскую границу. Началась русско-шведская война, продолжавшаяся до 1790 г. Известие о начале войны застало Заборовского в пути или по прибытии в Триест – город, в котором, в соответствии с инструкцией Екатерины II, должна была начаться его деятельность. Несомненно, Иван Александрович не мог не размышлять о том, в какой мере шведская война повлияет на изменение намеченных стратегических ориентиров России на Средиземном море и, прежде всего, на перспективу появления в этом регионе русских морских и сухопутных сил. Однако поначалу в его письмах с театра военных действий озабоченность «шведским вопросом» не просматривается.

5 июля Заборовский отправил первое известное нам донесение графу А.А. Безбородко из Триеста. Как мы помним, важнейшей задачей Ивана Александровича в этом городе императрица считала организацию набора местного населения на русскую службу. Увы, генерал не мог сообщить политическому руководству ничего утешительного. Выяснилось, что в глазах местных жителей важнейшим фактором, способным стимулировать их стремление встать под русские знамена, было присутствие сильной русской эскадры. «В наборе войск никаких ещё нет успехов ни в Далмации, ни в Словении, – информировал генерал высокопоставленного дипломата. – Хотя народы сии совершенно преданы нам, но до прибытия флота обнаружить себя боятся...», опасаясь террора со стороны турок и венецианцев [1, с. 282]. Таким образом, Заборовский давал понять, что характеристика Венецианской республики, данная Екатериной в инструкции ему, была излишне оптимистичной. Генерал помнил, что императрица в этом документе выражала надежду, что Венеция, вынужденная принимать во внимание союзническую по отношению к России позицию Австрии, «...не станет... делать больших препон в делах наших...», включая вербовку на русскую службу венецианских граждан. Справедливости ради, однако, следует отметить, что Екатерина допускала возможность возникновения ситуации, в которой Заборовскому придется прилагать усилия для того, чтобы «...людей нам усердных не сделать жертвою мщенья сего правительства, которому весьма сродна жестокость» [5, стлб. 1389].

Затем Заборовский отправился в Италию – «через Венецию в Тоскану, где, осмотрев набранные на службу 70 корсиканцев» и отправив их в Сиракузы, «бригадиру Мещерскому предписал удержаться от дальнейшего их набора» [1, с. 526].

К середине июля 1788 г. у императрицы сложилось убеждение в нецелесообразности отправки крупной эскадры на Средиземное море в условиях разразившейся русско-шведской войны, но она ещё не исключала возможности переброски на адриатическое побережье через территорию Австрии сухопутного корпуса. 15 июля она сообщила Заборовскому, что, «...хотя шведская война задержала здесь флот, в Средиземное море назначенный, но, для диверсии туркам, отправятся из армии войска через Австрийские земли к Адриатическому морю и Черным Горам...», и предписала генералу, чтобы «...он старался возбудить греков и албанцев...» к вооруженному выступлению против османов. При этом, по её сведениям, ближайшая русская диверсия произойдет в населенной греками автономной области Химара, в связи с чем Екатерина рекомендовала Заборовскому взаимодействовать «по сим делам» с Потемкиным, которому, по-видимому, и принадлежит этот проект. Одновременно императрица ориентировала русского посла в Вене князя Д.М. Голицына на получение согласия австрийских властей на проход русского корпуса через их территорию [4, с. 79-80].

25 июля 1788 г. императрица проинформировала адмирала С.К. Грейга о содержании своих рескриптов, отправленных Заборовскому. Она разъяснила Грейгу, что в настоящее время невозможно вывести с Балтики столь «знатную часть флота». При этом императрица указала, что «до времени нужно, конечно, сохранить в непроницаемой тайне, что посылка флота в Средиземное море подвержена сомнению...» Одновременно, заявила Екатерина, следует «распускать слух» и осуществлять действия, имеющие целью создать впечатление, что русская эскадра всё же на Средиземное море отправится. В результате этого турки не только будут пребывать «в страхе», но и будут вынуждены держать «не малое число судов» в Архипелаге, что облегчит положение русского Черноморского флота. Впрочем, добавляла императрица, она считает «весьма полезным» делом отставку «хотя [бы] небольшой эскадры на Средиземное море» для осуществления диверсионных действий и «...для подкрепления народов христианских, готовых поднять оружие против турок...» Она обещала адмиралу об этом подумать и ему «дать знать», попросив и его собственные мысли «по сей материи» довести до её сведения [1, с. 315-316].

Интерес представляют изложенные Грейгу Екатериной суждения о депешах Заборовского относительно действий скутарийского паши Махмуда. Из информации Заборовского следует, отметила императрица, что Махмуд, казнив австрийских эмиссаров, тем самым постарался продемонстрировать перед Стамбулом свой разрыв с Россией и Австрией и стремление «доставить себе примирение с Портою». Отныне, делала вывод Екатерина, рассчитывать на «склонность» Махмуда к поиску «союза с христианами» не приходится [1, с. 316].

К началу августа 1788 г. Заборовский ещё не получил указанных рескриптов Екатерины, однако располагал сведениями о резком изменении стратегического курса России на Средиземном море, полученными из каких-то других источников. В его письме графу А.А. Безбородко из Болоньи, датированном 7 августа, явно прослеживается растерянность Заборовского в связи с этим неожиданным поворотом событий. Генерал сообщил, что только что узнал, что в связи с русско-шведской войной ему не следует ожидать ни прибытия эскадры С.К. Грейга, ни русской армии, чьё передвижение через австрийские владения к адриатическому побережью также отменяется. «Всё сие хотя не останавливает меня в продолжении пути моего далее и в порученных мне делах, – констатировал Иван Александрович, – но причиняет некоторое сомнение, тем паче что с отъезда моего из С.-Петербурга не имею никакого повеления». Впрочем, Заборовский сообщил Безбородко и приятное известие о том, что «...желание всех христианских народов видеть флот наш на Средиземном море» по-прежнему весьма «велико» [1, с. 331].

12 августа Заборовский получил, наконец, два рескрипта императрицы, в которых были зафиксированы существенные коррективы ранее предписанного генералу образа действий. Во-первых, отменялись заготовки продовольствия для эскадры С.К. Грейга. Во-вторых, Екатерина отметила важность развертывания в регионе Восточного Средиземноморья, выражаясь

современным языком, информационной кампании, имеющей целью убедить местное население в том, что русская эскадра всё же рано или поздно сюда придет [1, с. 381].

Во исполнение рескриптов императрицы Заборовский «послал во все мета письма... с уверением о скором прибытии флота», чтобы не допустить, если использовать современную терминологию, распространения пессимистических настроений в целевых группах [1, с. 526]. Но уже 25 сентября 1788 г. в письме графу А.А. Безбородко из Ливорно Заборовский был вынужден сообщить о прекращении вербовки на русскую службу представителей «христианских народов в Албании, в Далмации и в самой Морее (Пелопоннесе – И. А.)» ввиду их готовности встать под русские знамена лишь после прибытия русской эскадры [1, с. 381].

В то же время возрастало значение деятельности Заборовского по развертыванию активности каперов, которых генерал ориентировал действовать не только против турок, но и против шведских судов, которые в здешних водах «во многом числе» присутствуют [1, с. 382].

Однако в этом деле Иван Александрович столкнулся с неожиданным препятствием, созданным запретом неаполитанских властей на базирование русских каперов в портах королевства. Заборовский принял решение сделать основным пунктом базирования каперов Мальту, о чем и сообщил графу А.А. Безбородко в письме из Ливорно 27 октября 1788 г. В этом же письме мы впервые встречаем оценку Заборовским результатов боевых действий майора Ламбро Качони (Кацониса), только что возвратившегося из первого боевого похода. Генерал информировал графа о том, что этот корсар в Архипелаге уже «довольный страх посеял в турках, взяв среди многих призов небольшую крепость, называемую Кагель Россо». «Слух о его храбрых поступках», отмечал генерал, достиг уже турецкого командования в Стамбуле, направившего против него линейный корабль с тремя малыми судами. Качони выдержал бой с этим отрядом, «не допустив победить себя» и даже захватив 10 пленных. При этом майор просил Заборовского «снабдить его провиантом, чтоб не сделать ему ни малой остановки устремиться опять на неприятелей». Генерал удовлетворил эту просьбу, приказав выдать корсару двухмесячный запас продовольствия из казенного склада в Триесте [1, с. 394-395].

Следующий положительный отзыв о боевой деятельности Л. Кацониса Заборовский адресовал из Неаполя Г.А. Потемкину 16 декабря 1788 г. Генерал сообщал, что во время крейсирования в Архипелаге Кацонис захватил 9 небольших судов. С этим отрядом храбрый арматор вступил в бой с шестью турецкими кораблями, «в числе коих был один большой линейный корабль», и одержал «над ними верх». Разумеется, повреждения получили и наши корабли, которые Кацонис привел в Триест для ремонта. Заборовский докладывал, что направил в этот город «одного бригадира (князя В.Н. Мещерского – И. А.) с некоторою суммою денег, в коей г. Ламбро имел недостаток для поправки оных и для снабжения всем нужным к мореплаванью». После завершения ремонта, заверял Заборовский Григория Александровича, Кацонис со своими судами перейдет в Сиракузы, на соединении со стоящими там несколькими казенными судами, после чего вновь направится в Архипелаг [1, с. 403].

Г.А. Гребенщикова, однако, отмечала, что в донесениях Кацониса «вновь есть повод усомниться», прежде всего по причине совершенно неправдоподобного соотношения сил в указанном бою. Ведь «турецкий линейный корабль мог залпом одного борта в щепы разнести «Минерву Северную» и малые одномачтовые суда...» [6, с. 78].

Но основные проблемы во взаимоотношениях русских представителей и Кацониса возникли во время ремонта судов греческого капера. Гертсос А., Николопулос И. и Пряхин Ю.Д. полагают, что против него была организована «серьезная интрига» [8, с. 38]. Последовательность событий, произошедших в этой связи, представляется следующей. Как отмечалось выше, Заборовский направил проконтролировать ход работ «весьма амбициозного и напористого», по оценке Ю.Д. Пряхина, бригадира князя В.Н. Мещерского [7, с. 54]. В его лице, таким образом, Кацонис получил оппонента, обладавшего сходными с ним чертами характера. В феврале 1789 г. Мещерский докладывал вице-канцлеру России И.А. Остерману о том, что Кацонис под разными предлогами затягивал ремонт, так что он (Мещерский) «принужден был вседневно сам быть при работе» и наблюдать, что «только там и работали»,

где он появлялся. Когда же ремонт всё-таки был завершён и Кацонис получил 14 января 1789 г. приказ Мещерского перебазировать флотилию в Сиракузы, он обвинил бригадира в попытке отстранить его от командования его судами и отказался уходить на Сицилию [6, с. 94-95]. Надо полагать, что у Кацониса были основания подозревать представителей русского командования в таких намерениях. Как писал после окончания войны генерал В.С. Томара: «Неизвестно мне, по каким причинам начальствующие тогда в Средиземном море рассудили дать» флотилию Кацониса «в управление графу Войновичу...» (2, т. 2, с. 370).

Но Кацонис пошел ещё дальше: он явился к губернатору Триеста графу Бриджидо и «просил принять его в службу и покровительство императора». Кацонис при этом заявил, что «он не русский, а грек, а потому ничем российской императрице не обязан» и никакому русскому начальству не подчиняется. «А если захотят употребить над ним какое[-то] насилие, – предупреждал капер, – то он имеет много людей к своей защите» [6, с. 94-95].

По мнению Г.А. Гребенщиковой, одной из причин провокационного поведения Кацониса было получение приказа Г.А. Потемкина от 8 января 1789 г., в котором светлейший князь предписывал греку немедленно явиться в ставку главнокомандующего в Елисаветград. Потемкин, полагает Г.А. Гребенщикова, «хотел лично разобраться в ситуации и допросить майора на предмет поступавших на него жалоб и невыполнения высочайших распоряжений, но Кацони... не выполнил приказа светлейшего и не поехал в Россию» [6, с. 95].

Узнав о произошедшем, Заборовский 29 января (9 февраля) в письме Кацонису из Рима напомнил ему о тех «пагубных обстоятельствах», в которых он оказался, и о «гибели, в которую он неминуемо должен будет погрузиться». При этом, однако, генерал таким образом сформулировал свое предписание Кацонису, что оно могло лишь усилить подозрения капера в намерении русских отобрать у него флотилию. Заборовский приказал Кацонису «поспешно» прибыть к нему, поручив «командование над флотилией кому-нибудь из капитанов...», которому надлежит будет «отправить оную в сём виде» в Сиракузы [6, с. 93-94].

Кацонис не выполнил распоряжение – может быть, по причине нежелания выполнять этот подозрительный, с его точки зрения, приказ, а возможно и по причине своего ареста, осуществленного австрийскими властями по заявлению Мещерского «за дерзкое поведение, открытое неповиновение и попытки к возмущению подчиненных ему команд» [7, с. 54].

Но арест капера, по мнению Заборовского, был уже излишним. Он считал виновным в «бунте Кацониса» Мещерского, о чем сообщил графу А.А. Безбородко для информирования императрицы. «Бригадир своим грубым и несдержанным поведением, – писал он, – вызвал гнев Кацониса и задержку в отплытии флотилии» [7, с. 55]. Более того, Заборовский даже назвал Мещерского «предателем Отечества» [6, с. 98].

Заборовский приказал немедленно освободить Кацониса из-под ареста и заверил его в письме от 15 февраля 1789 г., что он (Кацонис) не будет иметь «теперь никакого уже дела» с «господином Мещерским» и сможет обращаться по всем вопросам к русскому консулу в Триесте С. Варуке [7, с. 56]. Наряду с этим Заборовский 20 марта 1789 г. отдал распоряжение вице-консулу в Триесте Мельникову объявить всем кредиторам Кацониса, что он (Заборовский) берет на себя функции поручителя по всем долговым обязательствам греческого капера [7, с. 56].

Разумеется, эпизод с конфликтной ситуацией вокруг Кацониса был обусловлен не только особенностями его командования флотилией в боевой и небоевой обстановке. По существу, речь шла о расколе русской военно-административной элиты в Средиземноморье. Заборовский оказался перед фактом прямого самоуправства своего ближайшего помощника князя Мещерского, действовавшего заодно с графом И.В. Войновичем. На их стороне, надо полагать, было и большинство русских дипломатов, на протяжении целого года забрасывавших императрицу сообщениями о подрывающих престиж России действиях греческого капера.

9 (20) марта 1789 г. Иван Александрович отдал Л. Кацонису пространный (из 12 пунктов) приказ о порядке действий в предстоящей архипелагской экспедиции. Главной её задачей генерал определял блокадные операции на линии Афон – о. Лемнос – о. Тенедос, «дабы пресечь... привоз съестных припасов» из Египта, Анатолии, Архипелага и Румелии в

Константинополь. При этом Кацонис извещался, что ему предстоит взаимодействовать с другой русской флотилией под командованием Г. Лоренцо, которая должна была подойти в этот район несколько позже из Сиракуз. Однако, пояснял Заборовский, «никто из вас не подчинен друг другу» (2, т. 1, с. 489-490).

Это пункт приказа Заборовского по-разному оценивается отечественными исследователями. Так, Г.А. Гребенщикова положительно характеризует замысел генерала, полагая, что в случае его реализации создавалась «угроза голода» в османской столице. «Как правило, – отмечает она, – следствием таких блокадных мер становились беспорядки и массовые волнения населения, что неизбежно приводило к мирным переговорам» [6, с. 104]. Напротив, А.Б. Широкоград рассматривает приказ Заборовского как пример непрофессионального вторжения в незнакомую генералу область военного дела. «Каково сухопутному чину, не командовавшему даже брандвахтой, сидя во Флоренции, командовать эскадрами! – пишет он. – Ну, стали бы Качиони с Лоренцем «в линию от Афонской горы до Лемноса», а тут хотя бы половина турецкого флота вышла бы из Дарданелл, и к вечеру от обеих корсарских флотилий остались бы «рожки да ножки». Только крайне некомпетентный руководитель, считает А.Б. Широкоград, «мог предположить, что «корсарские суда могут выстроиться в линию и по «регламенту Госта» (П. Гост – французский теоретик морской тактики конца XVII века – И. А.) дать бой турецким 80 – 100-пушечным кораблям» [9, с. 369-370].

По нашему мнению, в данном вопросе ближе к истине Г.А. Гребенщикова. Дело в том, что длина указанной «линии» составляет почти 140 км и, разумеется, ни Кацонис, ни Лоренцо, даже в случае их договоренности о совместных действиях, физически не могли «выстроиться в линию» и дать бой туркам по классическим канонам. В приказе Заборовского, несомненно, шла речь лишь о крейсерских операциях наших кораблей в данном районе.

В то же время, на наш взгляд, малопонятным представляется требование генерала после каждого боевого эпизода отправлять в Сиракузы «судно с рапортом... о всех ваших действиях и предприятиях...» [2, т. 1, с. 493]. Выполнение этого предписания привело бы к ненужному отвлечению боевых единиц из состава и без того немногочисленной флотилии.

В своем приказе Заборовский в очередной раз засвидетельствовал высокий статус Л. Кацониса и доверие русского командования к нему. Генерал объявил о вручении греку «особенного листа», утвержденного его рукой и печатью. Этот лист предоставлял Кацонису право требовать от местного населения «преданности и верности» императрице, а также вести набор добровольцев на русскую службу, принимать суда и пр. [2, т. 1, с. 491]. Об этом же шла речь в манифесте Заборовского православному духовенству и всем представителям «славных греческих народов». Призывая христиан подняться на борьбу против «варварского ига», генерал сообщал, что по его приказу в Архипелаг направляется «императорская флотилия под командою одного из храбрых греков» – майора русской службы Л. Кацониса [7, с. 282-283].

Отправка флотилии Л. Кацониса в очередной поход (8 апреля) оказалась последним действием Заборовского на театре военных действий. 24 апреля генерал сообщил Екатерине II, что его попытка заставить греческих и иных корсаров следовать установленным императрицей правилам не принесла результата. Разочарованные введенным этими правилами запретом на грабеж нейтральных судов, каперы в таких количествах уклонялись от участия в боевых действиях, что, как признавал Иван Александрович, все его старания сформировать из каперских судов легкую (т.е. казенную) флотилию «были безуспешны» [6, с. 107]. Можно предположить, что это признание стало одной из причин, обусловивших вскоре отзыв генерала с театра военных действий.

Уже после отплытия флотилии Заборовский получил приказ императрицы с предписанием обеспечить немедленный отъезд Кацониса в Россию [1, с. 525]. Приказ этот, если бы он был осуществлен, мог бы означать для флотилии или срыв её кампании в этом году, или её переход под другое командование. Парадоксально, что при этом Кацонис не утратил расположения властных кругов, получив в ближайшие месяцы чин подполковника, затем полковника, а следом и орден Св. Георгия IV степени. Но Заборовский уже физически не мог

выполнить этот приказ. Вскоре Иван Александрович был освобожден от своей должности и, сдав дела, по распоряжению императрицы, генерал-майору С.С. Гиббсу, в мае 1789 г. выехал в Петербург.

Итоги деятельности И.А. Заборовского в Восточном Средиземноморье

1 июня 1789 г. Заборовский представил императрице отчет об итогах своей службы. Около половины объема этого документа было отведено изложению ситуации вокруг действий корсаров под русским флагом. Генерал признал, что он оказался «безуспешным» в своих усилиях «к умножению корсаров» и поэтому сделал ставку на флотилию Кацониса, оказывая ей всестороннюю помощь.

Заборовский сообщил, что он вел переписку с греками, населяющими острова Архипелага, побуждая их восстать против турок. Однако те, услышав об отмене экспедиции русского флота в Средиземное море, «начали колебаться». Тем не менее генерал продолжал посылать «во все места письма... с уверением о скором прибытии флота, утверждая» христианское население в его «прежнем намерении» [1, с. 525-526].

В тот же день с А.В. Храповицкий записал в своем дневнике: «Возвратился Заборовский. – Отозвались, что сия экспедиция не удалась» [4, с. 193].

К сожалению, более конкретных итоговых характеристик миссии Заборовского нам не удалось найти ни у Екатерины, ни у Потемкина. Поэтому попробуем самостоятельно ответить на вопрос, что могло повлиять на формирование данной оценки деятельности генерала. Для этого рассмотрим вкратце степень реализации Иваном Александровичем основных функций, вытекавших из его статуса командующего всеми морскими и сухопутными силами России на театре военных действий.

Надо полагать, у военно-политического руководства империи не было претензий к качеству осуществления генералом хозяйственной функции – функции снабжения продовольствием и материалами для ремонта кораблей Балтийской эскадры, долженствующей прибыть в Средиземное море. Во всяком случае, после возвращения в Россию Заборовский продолжил свою деятельность на высоком административно-хозяйственном посту Владимирского и Костромского генерал-губернатора.

Современные исследователи отмечают высокий уровень реализации Заборовским функции информирования военно-политического руководства о ситуации на театре военных действий. Его сообщения направлялись из различных регионов Италии и Триеста и базировались на сведениях, предоставленных, прежде всего, дипломатами, а также собственной агентурой и местными жителями – купцами, моряками, портовыми служащими и другими лицами. Перед отправкой информации «в центр» генерал осуществлял её верификацию, всесторонний анализ и обобщение (8, с. 18-19).

Надо полагать, что Заборовский достаточно интенсивно осуществлял пропагандистскую функцию, стремясь оказать идейное воздействие на широкую область Восточного Средиземноморья, включающую турецкое побережье Адриатики и Архипелаг. При этом он варьировал приемы пропаганды по мере изменения военно-стратегической конъюнктуры. Едва ли можно возложить на него ответственность за то, что искомая цель пропагандистских усилий – развертывание широкомасштабного восстания угнетенных османами народов – не была достигнута. Греческое и славянское населения региона хорошо помнило опыт предыдущей русско-турецкой войны, когда даже в условиях присутствия русской эскадры и при помощи русских десантов сколько-нибудь значимые боевые действия греческого населения удалось развернуть только на полуострове Морея, причем они были зверски подавлены турками.

В этой ситуации представляется вполне оправданным внимание генерала к флотилии Л. Кацониса как главному в тот период структурному компоненту греческого сопротивления, имеющему перспективу консолидации вокруг себя более широких слоев населения. Определение Заборовским блокады Дарданелл как главной задачи флотилий Кацониса и Лоренцо на 1789 г. представляется нам примером грамотной реализации функции военного руководства на морском театре военных действий.

К сожалению, Заборовскому не удалось применить на практике свой талант сухопутного военачальника, что, мы уверены, лишило его многочисленных победных лавров, учитывая его предшествующий опыт противоборства с турками.

Таким образом, можно утверждать, что И.А. Заборовский в основном успешно выполнял возложенные на него функции, насколько это позволяла делать изменившаяся после начала русско-шведской войны стратегическая ситуация. А основной причиной отзыва генерала и неудовлетворительной оценки его миссии императрицей нам представляется раскол русской военно-административной элиты в Средиземноморье, ответственность за который была возложена на Ивана Александровича как формального лидера этой элиты. Но это не умаляет значимости вклада И.А. Заборовского в реализацию уникального в истории Архипелагских экспедиций русского флота проекта – предварительного направления на театр военных действий военачальника, наделенного широкими полномочиями для выполнения ряда разнородных функций по обеспечению всем необходимым прибывающих морских и сухопутных сил.

1. Материалы для истории русского флота. Т. XIII / Ред. Ф.Ф. Веселаго. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1890. – 737 с.
2. Архив графов Мордвиновых. В 10 т. / Предисл. и примеч. В.А. Бильбасова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901 – 1903.
3. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769 – 1791. Изд. подготовил В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997. – 989 с.
4. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М.: Универс. тип., 1862. – 294 с.
5. Екатерина II. Инструкция генерал-поручику Заборовскому, при отправлении его в Средиземное море. 1788 // Русский архив. 1866. № 8-9.
6. Гребенщикова Г.А. Российские флотилии на Средиземном море и морская политика России при Екатерине II. Дополнение к изданию «Черноморский флот в период правления Екатерины II». СПб.: Остров, 2014 г. – 224 с.
7. Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, документы архивов. СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2011. – 484 с.
8. Гертсес А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д. Ради установления истины. О некоторых аспектах книги Г.А. Гребенщиковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II». СПб: Издательство «Галарт». 2014 – 120 с.
9. Широкопад А.Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. – 480 с.
10. Рындин И.Ж. Рязанские дворянские роды, не внесенные в Дворянскую родословную книгу, но проходящие по дворянским спискам 1788 г. (Продолжение) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 24. Рязань: Узорочь, 2010.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 490. Оп. 3. Д. 208. Л. 789.
12. РГВИА. Ф. 2643. Оп. 1. Д. 119. Л. 80об.
13. Андреев И.В. И.А. Заборовский и первый русский переход через Балканы (1774 г.) // Тенденции развития науки и образования. – Самара. – 2023. № 100. Август. (Часть 4).

Галимова Е.Ю.

Создание первых российских ледокольных судов в XIX веке

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-224

Аннотация

В статье рассматриваются первые ледокольные суда, сконструированные в России в XIX веке. Подчеркивается, что в те годы не было разработано специальной классификации для такого типа судов. Все они были вспомогательными судами для продления навигации.

Ключевые слова: ледокольные суда, пароходостроение, ледокольнопильные механизмы, паромный пароход, миноносные лодки.

Abstract

The article discusses the first icebreaking vessels constructed in Russia in the XIX century. It is emphasized that in those years no special classification was developed for this type of vessel. All of them were auxiliary vessels to extend navigation.

Keywords: Icebreaking vessels, steamship building, icebreaking mechanisms, ferry steamship, mortar boats.

В начале XVII века в России применяли для пролома льда «ледокольные сани» [1]. Сначала на лед выходили люди со специальными ломками (пешнями). Они прорубали борозду. Затем туда доставлялся специальный тяжелый ящик с грузом, имеющий изогнутое дно (сани). Таким способом удавалось пробивать лед, имеющий толщину до 30 см. По образовавшемуся каналу проходили суда.

Первым в мире ледокольным буксиром считается City Ice Boat № 1, построенный в 1837 году в Филадельфии на верфи Vandusen and Birelyn. Корпус судна был деревянный, носовая часть с ложкообразной формой форштевня. Для усиления носовой части использовались наклонные железные пластины. Судно было оснащено приводом на боковые гребные лопасти, которые также были усилены для проведения ледовых работ. Паровой двигатель имел мощность 250 л. с.

2 марта 1836 года генерал Карл Андреевич Шильдер получил десятилетнюю привилегию на изобретенный им «ледокольнопильный механизм» [2]. В этом же году по инициативе К. А. Шильдера в Петербурге было создано «Общество для заведения двойных паромных пароходов с ледокольным механизмом и без оногo». На Александровском заводе обществом была заказана постройка двух паровых паромов с этим механизмом.

Корпус парома состоял из двух «длинных железных лодок» [3], сверху на которых располагалась палуба. «Гребальное» колесо находилось между корпусами. Ледокольнопильные механизмы располагались на корме и в носу судна. Их, вместе с «гребальным» колесом, приводили в действие две паровые машины. Для непотопляемости использовались пустые бочонки, которые помещались в оконечности судна. Ледокольнопильный механизм состоял из молотов и колеса (фрезы). Для удаления поломанного льда предназначались колеса с плицами (лопастями) и крючьями. По расчетам К. А. Шильдера паром должен был ломать лед 70-80 см толщиной, что позволило бы сделать пассажирское сообщение между Петербургом и Петергофом круглогодичным. Ледокольнопильные механизмы были съемными, в теплое время года суда могли плавать без них.

В августе 1836 года был спущен на воду паромный пароход «Опыт» (30 л. с.), но по каким-то причинам к нему так и не изготовили ледокольнопильный механизм. Осенью того же года был построен пароход «Петр Великий» (60 л. с.). Через год был спущен на воду третий паромный пароход «Михаил» (40 л. с.).

Первые рейсы в Петергоф начались весной 1837 года и сразу выявили важный недостаток пароходов – низкую скорость хода. В январе 1838 года началось разбирательство между «Обществом для заведения двойных паромных пароходов с ледокольным механизмом и без оногo» и Александровским заводом. Была создана специальная комиссия, которая не нашла существенных ошибок в деятельности завода. В 1844 году пароходы были сняты с линий, так как общество не выдержало конкуренции и было ликвидировано. Пароходы «Михаил» и «Петр Великий» были проданы Нобелю за 3 650 рублей серебром [4].

В 60-х годах XIX века инженер Эйлер разработал проект судна гиревого типа. В 1866 году построенная по этому проекту канонерская лодка «Опыт» была спущена на воду. «Опыт» был оснащен специальным металлическим тараном и гириями весом от 20 до 40 пудов. Перед началом плавания гири крепились на специальных мачтах. Подплыв к самой границе льда, судно сбрасывало на его кромку гири. От удара лед ломался, и «Опыт» продвигался вперед. Далее моряки поднимали гири обратно на мачты, потом снова сбрасывали на лед и т. д. Однако мощности судна не хватало для продвижения по колотому льду.

Пароход «Пайлот», принадлежащий судовладельцу М. О. Бритневу, стал по конструктивным особенностям первым ледокольным судном «современного типа». «Пайлот» был сделан по образцу лодок поморов. Благодаря специальной форме носа, «Пайлот» мог «наползать» на лед, а затем ломать его своим весом. Впоследствии форма его носа будет названа «ледокольной». К сожалению, не сохранилось чертежей судна. В основном информацию о нем можно получить из газетных публикаций того времени.

«Пайлот» сыграл немаловажную роль в организации сообщения между Санкт-Петербургом и Кронштадтом. Во многом это связано с личными качествами М. О. Бритнева, с его энергией, трудолюбием и опытом судовождения.

Успешное применение минного оружия в начале Русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг.) послужило толчком к началу активного строительства «миноносных лодок». Сначала в разговорной речи, а позже и в документах они получили сокращенное название «миноноски». Данный тип судна был промежуточным между миноносцами типа «Лайтинга» и минными катерами.

Заказ на миноноски от Морского ведомства получили в 1877 – 1878 гг. многие судостроительные заводы, в том числе и завод Бритнева. В октябре 1878 года заказчику были сданы 5 стальных миноносок: «Сом», «Соловей», «Сокол», «Сова» и «Снегирь». Самый короткий срок службы оказался у «Снегиря». 3 мая 1900 года возле Котки на нем произошел взрыв котла, вызвавший сильные повреждения. 24 августа 1900 года «Снегирь» был пущен на металлолом. Остальные четыре миноноски служили без значительных происшествий [5].

Активное развитие судов ледокольного типа связано с необходимостью продления навигации. Период XIX века характеризуется использованием небольших ледовых судов, в основном в акваториях портов [6]. Преобладали пароходы винтового типа. Со временем крепость их корпуса увеличивалась.

1. Половинкин, В. Н., Фомичев, А. Б. История и современное состояние создания перспективного ледового флота в Российской Федерации // Арктика: экология и экономика. 2012. № 4(8). С. 46.
2. Кривская, П. Б. О постройке на Александровском заводе судов с ледокольно-пильным механизмом (1830-е гг) // Полярные чтения на ледоколе «Красин» 2013-2014 гг. Материалы международной научно-практической конференции. М.: Издательство «Паулсен». 2015. С. 72.
3. Рассол, И. Р. Паромные пароходы генерала К. А. Шильдера // Судостроение. 2010. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 71.
4. Мазюкевич, М. Жизнь и служба генерал-адъютанта К. А. Шильдера. СПб.: Типография Департамента Уделов. 1876. –С. 235.
5. Борисов, А. Бронезавры XIX века. Боевые корабли 1865 – 1885. Нижний Новгород: «Автор». 2022. С. 211.
6. Андриенко, В. Г. Первые русские ледоколы: обзор развития российского ледокольного флота. 1891-1910 гг. // Полярные чтения на ледоколе «Красин» 2013-2014 гг. Материалы международной научно-практической конференции. М.: Издательство «Паулсен». 2015. С. 93.

Гинятуллин И.Д.

Взгляд российской печати на подписание Портсмутского мирного договора 1905 года

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-225

Аннотация

Русско-японская война 1904-1905гг. закончилась для России бесславно, Россия подписала унижительный для неё Портсмутский мирный договор. В данной статье мы попытаемся проследить ход мирных переговоров на основе информации, которую нам даёт корреспонденция того времени, ведь это один из самых достоверных источников, учитывая тот факт, что после начавшейся в России революции 1905 года цензура в печати снизилась.

Ключевые слова: мирный договор, война, Портсмут, Россия, Япония, Витте, поражение.

Abstract

The Russian-Japanese war of 1904-1905 ended ingloriously for Russia, Russia signed the humiliating Portsmouth Peace Treaty. In this article, we will try to review the progress of the peace negotiations based on the information that the correspondence of that time gives us, because this is one of their most reliable sources, given the fact that after the 1905 revolution began in Russia, censorship in the press decreased.

Keywords: peace treaty, war, Portsmouth, Russia, Japan, Witte, defeat.

Данный мирный договор состоял из 15 статей и двух дополнений. Согласно этому договору Российская империя признавала Корею сферой влияния Японии, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров и с Порт-Артуром и Дальним, часть ЮМЖД. В 12 статье Россия соглашалась на заключение конвенции по рыбной ловле вдоль российских берегов Японского, Охотского и Берингова морей. Россия отдавала Японии юг Сахалина от 50 параллели. Договор закреплял только коммерческое использование маньчжурских дорог обеими сторонами, также происходил обмен пленными.

В данной статье мы попытаемся просмотреть ход мирных переговоров на основе информации, которую нам даёт корреспонденция того времени, ведь это один их самых достоверных источников, учитывая тот факт, что после начавшейся в России революции 1905 года цензура в печати снизилась.

Вся Россия, да и весь мир ждал начала мирного процесса в столь тяжёлой войне. 1 июля 1905 год весь мир узнаёт о том, что возглавлять переговоры со стороны России будет Сергей Юльевич Витте. Биржевые Ведомости – «Иностранная печать о назначении С.Ю. Витте уполномоченным. ЛОНДОН, 14 июля (СПА). Назначение С.Ю. Витте уполномоченным России для переговоров представляет собой главное событие дня. Пресса единогласно приветствует выбор Русского правительства и кроме статей, посвященных С.Ю. Витте, перепечатывает отзывы иностранных газет. Все верят в скорое заключение мира. Назначение С.Ю. Витте вызвало общую повышательную тенденцию на всех европейских биржах, которые в этом факте усматривают залог успешного исхода мирных переговоров. Только «Times», как всегда, отзываясь скептически о намерениях России.» [1, с. 6]. Мир с большой радостью принял новость о том, что именно Витте возглавит делегацию России на переговорном процессе. Такой опытный политик и государственный деятель был обязан во что-либо ни стало остановить кровопролитие.

«Петерб. Газета» пишет – «Никто как С.Ю. Витте не знаком столь близко со всеми сторонами нашей восточно-азиатской политики и с жизненными государственными и национальными интересами России на дальнем Востоке.» [1, с. 8]. Действительно, человек опытный, имеющий за своими плечами годы работы в государственной политике, как внутренней, так и во внешней. Страна, измученная «маленькой победоносной войной» желала скорейшего мира, это подтверждает и печать того времени открыто восторгаясь о новости назначения уполномоченным переговорного процесса Сергея Юльевича Витте.

Но не смотря на ум, талант и способности Витте на другой стороне весов стояла сильная, молодая держава, которая одерживала победу за победой в этой кровопролитной войне. Все понимали, какие условия выдвинет Япония, где надавит, а где уступит, а вот, что будет делать Россия никто не понимал. Печать разбрасывалась лишь скудными отдельными фразами и ясного понимания, чего ждать дальше в обществе не было. Газета «Слово» от 5 июля пишет – «Одно из двух: или Япония желает с нами действительно прочного и долговечного мира или она спешит сорвать далеко еще не созревший плод своей победы и хорошо знает, что через 3-5 лет возобновление войны неизбежно. В этом случае ей как воздух необходимы деньги и, как condition sine qua non, она поставит во что бы то ни стало требование о контрибуции. Но раз мы понимаем это величайшим безумием с нашей стороны было бы заключая перемирие, а не прочный мир, снабдить нашего врага средствами, нужными ему для подготовки новой войны.... Но другое дело, если Япония искренне желает с нами прочного мира. В добрый час!

И нам он нужен. Но тогда японцы должны понять, что никаких унижительных условий они нам ставить не могут.» [1, с.10]. Российская печать скептически отнеслась к искренности японцев на заключение мира, это мы можем понять выше. Боязнь начала второй волны военных действий на Дальнем Востоке за счёт российской контрибуции и нежелание принимать какие-либо унижительные пункты в мирном договоре ставило в тупик весь переговорный процесс. Гордое российское общество, несмотря на ряд поражений на театре военных действий, отказывалось принимать тот факт, что их страна вышла проигравшей и уступать в чём-либо противнику.

В рукописных заметках, в тех разделах, которые относятся к Портсмутскому миру, Витте сделал оговорки относительно их содержания. Он заявлял, что будет описывать лишь внешнюю сторону своей поездки в Америку. В рукописных заметках он писал о своем намерении привести эти материалы "в систематический порядок", а в стенографических рассказах речь идет об уже готовом "систематическом томе этих документов"[2, с. 327-328]. В фонде Витте, действительно, и поныне хранятся несколько экземпляров изданной Министерством иностранных дел "Оранжевой книги" [4].

«Петерб. лист.» от 25 июля пишет - «...Предварительные стадии мирных переговоров уже окончены и во вторник ожидается решительное совещание между уполномоченными. Японцы находятся в нервном настроении. По слухам они совсем не склонны к уступкам. С.Ю. Витте совершенно основательно заметил, что мир зависит исключительно от Японии, т.е. от способности её правительства оценить положение дел и ограничить свои слишком широкие желания. Россия готова заключить мир, но мир почетный, отвечающий обстоятельствам...» [1, с. 78]. А ведь действительно, Россия была полностью готовой и открытой к началу переговорного процесса и из источника мы наблюдаем, что противник был настроен довольно критически. В то время, когда Витте был открыт для японцев и американских союзников. Печать указывает на то, что С.Ю. Витте мог за завтраком свободно общаться с американскими коллегами по-французски, вести беседу на тему русской и японской музыки, литературе. Российская делегация была открыта для работы в переговорном процессе, в то же время не двухзначно давала понять, что Россия не выйдет из этой войны проигравшей.

Но переговорный процесс шел очень тяжело. Газета «Новое время» от 12 августа пишет о том, что «...Япония требует 120 миллионов фунтов стерлингов и половину Сахалина...», «...Рузвельт продолжает надеется на благополучное окончание переговоров...» [1, с. 93]. Опасность такого хода событий для России была в том, что она могла оказаться на стороне проигравшей, в ту минуту, когда российская делегация на переговорах пыталась добиться таких условий мира, которые бы показали, что Россия не потерпела поражения в этой баталии.

В секретном письме генерал – адъютанта Алексеева за № 76 читаем - «Весьма возможно, что при предстоящих мирных переговорах японцы будут стараться выговорить условия, которые могли бы ослабить наше военное положение на Дальнем Востоке. Условия эти не должны быть приняты нами...», «...окончательное положение наше в военном положении на Дальнем Востоке не должно быть хуже того, которое было до 1897 года, с некоторыми лишь изменениями, вызванными позднейшими событиями и настоящей войной...» [3, с. 12]. Тут мы окончательно убеждаемся в том, что Россия еще с самого начала не готов была идти на коренные уступки на мирных переговорах в Портсмуте. Это объясняет и поведение Витте и сам достаточно тяжёлый переговорный процесс, упорство японцев и нежелание российской стороны принимать неприемлемые условия.

Но какие бы то не были преграды и трудности российская дипломатия отстаивала свои требования. Газета «Биржевые Ведомости» от 22 августа пишет - «Причину, побудившую Японию отказаться от денежного вознаграждения, все еще служат предметом различных догадок» [1, с. 139]. Победа русской дипломатии, во что бы то ни стало, но Витте добился того, что Россия не будет выплачивать никаких контрибуций.

Газета «Петерб. лист.» пишет - «Мирный договор подписан. Портсмут, 23 августа. Мирный договор подписан в 3 часа 47 мин. пополудни. Первым подписал договор С.Ю. Витте,

барон Комура – вторым.» [1, с.154]. Долгожданный мир после такой тяжелой и изнуряющей для России войны, в условиях начавшейся в России революции был наконец-то подписан.

В действительности подписание Портсмутского мирного договора, с одной стороны было позорным для России, так как мир понимал, что наша держава выходит из войны далеко не победителем, но с другой стороны, читая текст мирного договора, мы понимаем, что и не проигравшей. Российская дипломатия смогла добиться ряда уступок со стороны Японии. Японцы отказались от требований ограничения морских сил, выдачи интернированных судов и уплаты контрибуции с условием уступки ей южной части Сахалина и уплаты 1,2 млрд иен за возвращение северной части Сахалина России. Подписание договора было воспринято японской общественностью как унижение и вызвало в Токио массовые беспорядки, что говорит о победе русской дипломатии в Портсмуте.

1. Альбом вырезок из газет о заключении Портсмутского мира, преподнесенный С. Ю. Витте Домом трудолюбия для образованных мужчин 1 июля – 23 августа 1905 года // РГИА Ф. 1622. Оп. 1. Ед. хр. 1023.
2. Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин «Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907-1915 гг.)» Б.м., 1963. С. 327-328.
3. Копия весьма секретного письма генерал - адъютанта Алексеева за № 76 с соображением политического характера и военно-морскими условиями. 23 июня 1905 г. // ЦГИАМ Ф. 540. Арх. 255.
4. Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая - 3 октября 1905 г. СПб., 1906.

Григорькин В.А., Мещеряков С.В.

Линкорная гонка вооружений периода «интербеллума»

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-226

Аннотация

В статье рассматривается линкорная гонка вооружений ведущих мировых стран в 1930-е гг. – т.н. период «интербеллума», между мировыми войнами. Рассматриваются особенности линкорного кораблестроения, тактико-технические данные кораблей, специфика кораблестроительных программ разных стран.

Ключевые слова: Линкоры, гонка вооружений, Вашингтонский договор, Великобритания, Япония, Франция, Советский Союз, Вторая мировая война.

Abstract

The article examines the battleship arms race of the world's leading countries in the 1930s. – so-called the interbellum period between the world wars. The features of battleship shipbuilding, tactical and technical data of ships, and the specifics of shipbuilding programs of different countries are considered.

Keywords: Battleships, arms race, Washington Treaty, Great Britain, Japan, France, Soviet Union, World War II.

В самый разгар эпохи «интербеллума» (периода между Первой и Второй мировыми войнами), гонка вооружений среди ведущих мировых держав не прекращалась, а напротив – еще более усиливалась. Уроки Первой мировой войны были учтены в полной мере, и теперь в первую очередь учитывалось технологическое превосходство над геополитическими конкурентами. Совершенствовалось стрелковое оружие, танки, самолёты, но, пожалуй, самым приоритетным направлением развития был флот.

К началу 1930-х годов флот являлся своеобразным индикатором, демонстрирующим, как уровень технологического развития, так и промышленные и научные успехи той или иной державы. Флот того времени был многосоставным и комбинированным. Большую его часть

кораблей составляли крейсера и эсминцы, на них лежала большая часть стратегических задач войны. Однако главная роль в победе на море отводилась кораблям капитального класса – линкорам. Соответственно, все экономически развитые страны отдавали предпочтения «линейным силам», на постройку которых порой уходила порой львиная доля бюджета.

Линкоры – боевые корабли с толстой бронёй и крупнокалиберными орудиями от 280 мм и выше. Эти корабли предназначались для решения самых разнообразных задач: уничтожения боевых кораблей противника, рейдовые операции на торговых путях, сопровождение особо важных конвоев, артиллерийская поддержка сухопутных операций. Те же задачи должны были выполнять и корабли других классов, но подавляющее превосходство огневой мощи и толщина брони, делали из линкоров практически неуязвимых «богов войны» [5, с. 21].

С конца Первой Мировой войны ключевыми «морскими игроками» были Британия, США, Япония, Италия и Франция. Однако, с 1930-х гг. все больший интерес к флотским делам начал проявлять новый геополитический конкурент Запада – Советский Союз.

Расстановку сил в период интербеллума серьёзно изменило одно из важнейших геополитических событий – Вашингтонский военно-морской договор 1922 г., в подписании которого участвовали: США, Британия, Япония, Франция и Италия. Они согласились ограничить общий тоннаж собственных флотов до соотношения: 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75 соответственно. Ограничения касались и «капитальных» кораблей. Запрещалось строить линкоры свыше 35000 т стандартного водоизмещения и с орудиями калибра более 406 мм [1]

Итогом Вашингтонского договора было не только эти ограничения, но и то, что на слом было отправлено большое количество кораблей, в том числе – линейные корабли ранних серий («Дредноут», «Лайон», «Орион», и другие). Сказались и послевоенные трудности, связанные с финансированием многочисленных флотов.

Вашингтонское соглашение проявилось не только в качестве ограничителя, но и в качестве своеобразного стимула к развитию новой концепции корабля – быстроходный линкор. Он представлял собой сочетание линкора и крейсера: наличие главного калибра как у современного линкора, скорость, сравнимая со скоростью крейсера, и более легкое бронирование, которое позволяло бы уменьшить водоизмещение корабля, что было важно учитывая Вашингтонские ограничения. Концепцию быстроходного линкора на вооружение в той или иной мере взяли все страны морской гонки.

Однако, несмотря на вышеописанные договорённости, все страны старались их обойти и строили корабли с большим водоизмещением чем положено.

Важно отметить, что Советский Союз и Германия в соглашениях не участвовали, а значит могли строить корабли любого водоизмещения и с артиллерией любого калибра.

Перед сравнением линкоров интербеллума необходимо разобраться в раскладах геополитических сил, дабы выяснить экономических возможности и трудности стран, участвовавших в военно-морской гонке вооружений.

Британия с XVI века вполне заслуженно считала себя «королевой морей». Островное географическое расположение обусловило низкие расходы государства на сухопутную армию и высокие траты на флот. Так как в наличии у Британии находилось множество колоний, во всех частях света, то контроль за ними мог вестись только при наличии мощного флота. Показательным примером морской мощи Британии было то, что на начало 1930-х гг., в Британии были два самых мощных действующих корабля – «Нельсон» и «Родней», с артиллерией главного калибра 406 мм (девять орудий, по три в трехорудийных башнях). Таким образом, Британия играла важную роль в линкорной гонке вооружений интербеллума.

Другой мировой игрок – США, долгое время не мог похвастаться столь же могучим и современным флотом, однако мощный рост экономики в начале XX века и большой промышленный потенциал, позволили Америке в полной мере воспользоваться новой «дредноутской гонкой» и исправить огрехи морского строительства. Уже в 1920 году были заложены 6 линкоров типа «Саут Дакота», однако из-за вашингтонского соглашения (см. выше), строительство этих кораблей прекратилось. Основные линкоры США в межвоенный

период представлены кораблями типа «Колорадо» (главный калибр – восемь орудий 406 мм) в количестве 3 штук.

Япония – одно из самых интенсивно развивающихся государств интербеллума. Бурный промышленный рост после Первой Мировой войны, означал как рост промышленности, ВВП, так являлся громкой заявкой на участие в мировых политических процессах на правах равного игрока с США (как минимум – на Тихоокеанском театре). Такую «заявку» необходимо подтвердить военной мощью, а так у Японии с США общих сухопутных границ нет, естественным полем для борьбы стал военно-морской флот. К тому же Япония получила после Первой мировой войны бывшие немецкие владения на Тихом океане, и вынуждена была защищать свои морские коммуникации. В «линкорную гонку» 1930-х Япония вступила заметно позднее, лишь в 1937 году, заложив линкоры типа «Ямато», однако достроены они были уже после начала Второй мировой войны.

Игроки «второй лиги» мировых держав – Франция и Италия из-за ослабленной экономики и политических потрясений позволить себе программу постройки большого числа линкоров не могли, их морские силы реально могли контролировать только средиземноморский театр военных действий. За межвоенный период Италия смогла построить два линкора типа «Литторио» с 381 мм артиллерией (на 1937 г.). Франция по количеству построенных линкоров ничуть не отставала от своего средиземноморского конкурента. В 1936 и 1939 годах построены два корабля типа «Дюнкерк» с артиллерией 330 мм (скорее, быстроходный линейный крейсер, предназначенный для противодействия немецким «броненосцам» типа «Дойчланд»). В ответ на итальянские супердредноуты Франция в 1935 – 1936 гг. заложила два линкора типа «Ришелье» с 380 мм артиллерией.

Будет неправильным не упомянуть о Германии. После демилитаризации флота по Версальскому договору немецкий линкорный флот был уничтожен. Германии позволили иметь лишь устаревшие броненосцы и ограниченные лёгкие силы (крейсера, миноносцы). После подписания англо-германского военно-морского соглашения 18 июня 1935 г. Германия получила право иметь военный флот, общий тоннаж которого должен был составлять 35% от общего тоннажа Королевского военно-морского флота на постоянной основе. Уже в 1935-36 гг. были заложены 2 линкора типа «Шарнхорст» с артиллерией 283 мм.

В эту уже достаточно привычную картину мировых геополитических сил, с начала 1930-х гг. стремительно врывается новый игрок – СССР

СССР – молодое государство, возникшее в начале века, но с претензией на статус «великого», разумеется не могло обойтись без столь мощного инструмента внешней политики, как флот. Дополнительным фактором для обращения к морским делам были более 48000 км береговой линии, что справедливо расценивалось руководством страны, как весьма уязвимое место при обороне границы. Существенным фактором, затрудняющим развитие Советского ВМФ, была общая разруха после Гражданской войны, отсутствие квалифицированных кадров на кораблестроительных верфях и в морском офицерском составе. Однако, для Советского Союза весьма положительными оказались ряд событий, произошедших в 1920-х – начале 1930-х гг. – уже упоминавшийся Вашингтонский договор, а также – дополнявшие его Лондонские договоры; военно-морское сотрудничество с Германией и Италией и др.

В 1936 году начала разрабатываться программа «Большого флота» СССР. Теоретическое обоснование она получила в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б). Выступающие лидеры страны четко выразились о необходимости сильного флота: «У могучей Советской державы должен быть соответствующий ее интересам, достойный нашего великого дела, морской и океанский флот» [2, с. 621].

Первоначальные идеи проекта отталкивались от теоретических взглядов сторонников «Малого флота» (А. П. Александрова, И. М. Лудри и К. И. Душенова), в котором главная роль ударных сил флота отдавалась подводным лодкам и морской авиации берегового базирования [4, с. 3]. Однако, из-за нового витка гонки вооружений на Западе, и проталкивании руководством страны увеличения роли линейных сил, впоследствии предпочтение отдали крупным кораблям с артиллерией от 305 мм.

Руководство СССР весьма амбициозно взяло курс на постройку линейного корабля, который ещё на стадии проекта уверенно обгонял своих конкурентов по основным характеристикам. Всего были заложены четыре линкора «проекта 23»: в 1938 г. «Советский Союз» и «Советская Украина», в 1939-1940 гг. – «Советская Белоруссия» и «Советская Россия». Линкор «проекта 23» обладал весьма внушительными характеристиками: водоизмещение 65000 т., длина 269 м. и ширина 39 м. Энергоустановка в 201 000 л.с. обеспечивала скорость 29 узлов. Главный бронепояс – 420 мм. Вооружение составляло 9 орудий 406 мм в трёхорудийных башнях [8].

Таблица 1

Тактико-технические характеристики линейных кораблей 1930-х гг.

| ТТХ | Британия | США | Франция | Япония | Италия | Германия |
|--|--------------------------|--------------------------|----------------------------|---------------------------------------|--------------------------|--------------------------|
| Тип корабля, год закладки | Нельсон 1925 г. | Колорадо 1920 г. | Дюнкерк 1935 г. | Нагато 1935 г. (модернизирован) | Литторио 1937 г. | Шарнхорст 1939 г. |
| Стандартное водоизмещение | 33 300 т | 33 123 т | 26 500 т | 39 200 т | 41 000 т | 31 552 т |
| Главный калибр | 9 (3×3) – 406 мм | 8 (4×2) – 406 мм | 8 (2×4) – 330 мм | 8 (4×2) – 410 мм | 9 (3×3) – 381 мм | 9 (3×3) – 283 мм |
| Бортовое бронирование, главный пояс мм | 356–330 мм | 343 мм | 225 мм | 305 мм | 350 мм | 350 мм |
| Энергетическая установка | 45 000 л. с. | 28 900 л. с. | 111 000 л. с. | 82 300 л. с. | 130 000 л. с. | 160 000 л. с. |
| Дальность плавания | 7000 миль на 16 узлах | 8000 миль на 10 узлах | 16 400 миль на 17 узлах | 8560 миль на 16 узлах | 4800 миль на 14 узлах | 7100 миль на 19 узлах |
| Максимальная скорость | 23 узла | 21,8 узла | 31,1 узел | 25 узлов | 30 узлов | 31,5 узлов |

Как мы видим из тактико-технических характеристик кораблей, все линкоры имели собственные технические особенности, связанные с тактическими и стратегическими задачами флота стран. Т.о., можно сделать вывод, что большого отрыва в военных мощностях не было ни у одной страны. Все типы кораблей имеют свои особенности, как положительные (мощное бортовое бронирование у типа «Шарнхорст», впечатляющая дальность хода), так и

отрицательные (слабый главный калибр у того же «Шарнхорста» и т.д.). Слабость в мощи вооружения старались компенсировать повышенной скоростью. Бронирование старались делать достаточным для парирования выстрела орудия калибра такого же калибра, что и установлен на самом корабле. Если попытаться выявить победителя линкорской гонки периода интербеллума, то можно выделить двух победителей – Италия и Британия. Корабль «Литторио» воплотил в себе идеал концепции быстроходного линкора, при этом, сочетая немалую степень бронирования судна. Британский «Нельсон», напротив воплотил образ классической линкорской концепции. Двенадцать пушек калибра 406 мм и повышенное бронирование пояса (356-330 мм) делают линкор «Нельсон» по праву самым мощным линкором интербеллума.

После описания данной военно-морской гонки и достоинств линейных кораблей, возникает резонный вопрос: какую практическую пользу для своих стран принесли линкоры во Второй мировой войне?

С одной стороны, линкоры несомненно сыграли важную роль, причем как в морской войне, так и сухопутной:

- 1940 г.: немецкие линкоры потопили британский авианосец «Глориес»;
- 1941 г.: немецкий линкор «Бисмарк» потопил английский линейный крейсер «Худ», сам «Бисмарк» вскоре был поврежден авиацией и добит английскими линкорами;
- 1942 г.: японский линейный крейсер «Киришима» уничтожен огнём американских линкоров «Саут Дакота» и «Вашингтон»;
- 1943 г.: «Шарнхорст» тяжело поврежден линкором «Дюк оф Йорк», добит торпедами британских эсминцев;
- 1944 г.: высадка в Нормандии при участии 7 британских и американских линкоров. Корабли оказали неоценимую помощь в борьбе против укрепленных бункеров и батарей немецкой армии.

Несмотря на вышеописанные успехи, участие во Второй мировой войне для линкоров имело и «обратную сторону медали». Достигнув пика своего могущества, линейные корабли, оказались настолько дороги, что целесообразность содержания такого флота внушала серьезные сомнения. Линкоры большую часть времени находились в портах или ремонтных доках, при этом расходуя большие средства на содержание. Насмешки над бездействием линкоров можно найти и в художественной литературе у ветеранов войны (например, в романе английского военного моряка Алистера Маклина «Крейсер Его Величества «Улисс»»).

Если принять в расчет, что довольно большой процент линейных кораблей был уничтожен или погиб, по большому счету, не участвуя в бою («Аризона», «Оклахома», «Бретань», «Рома», «Лютцов», «Шеер», «Тирпиц», «Гнейзенау», «Харуна», «Хьюга», «Исэ», «Адмирал граф Шпее», «Муцу» и др.), а ещё ряд («Ямато», «Принс оф Уэлс») были уничтожены не выполнив даже десятой доли поставленных для них задач, становится понятным – к началу Второй мировой войны класс линейных кораблей безнадежно устарел и являлся скорее пережитком прошлого, чем реальной боевой силой.

Вторая мировая война стала последним конфликтом с массовым применением линейных кораблей по назначению, а именно для ведения линейного боя с кораблями противника в составе эскадры или хотя бы просто для артиллерийского боя.

Уже к середине войны стало понятно, что будущее за авианосцами и авианосными соединениями, в которых линкорам если и есть место, то только в качестве поддержки. Именно из-за этого многие заложенные союзниками линейные корабли в итоге были достроены как авианосцы.

2. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. – М.: Огиз: Госполитиздат, 1939. – 740 с.
3. XVII съезд ВКП(б) 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет, М.: Партиздат. 1934. – 714 с.
4. Грибовский В. Ю. На пути к «большому морскому и океанскому» флоту (Кораблестроительные программы Военно-Морского Флота СССР в предвоенные годы). – СПб.: Издательство «Гангут», 1995. – 128 с.
5. Балакин С., Кофман В. Дредноуты. – М.: Издательство «Техника-Молодежи», 2004. – 96 с.
6. Рубанов О. А. Линейные корабли типа «Нагато». 1911-1945 гг. – Самара: Историко-культурный центр АНО «Истфлот», 2005. URL: <https://coollib.com/b/336359-oleg-alekseevich-rubanov-lineynye-korabli-tipa-quotnagato-quot-1911-1945-gg/read>
7. Балакин С. А., Дашьян А. В. Линкоры Второй мировой. Ударная сила флота. – М.: «Яуза», 2006. – 128 с.
8. Васильев А. М. Линейные корабли типа «Советский Союз». – СПб.: Галея Принт, 2006. – 176 с.
9. Платонов А. В. Линейные силы советского флота. СПб.: Издательство «Гангут», 2016. – 728 с.

Данилов М.В.

Межконфессиональные отношения на Северном Кавказе в царский период: к постановке актуальности проблемы

*Кубанский государственный университет
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-227

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции, определяющие актуальность исследования проблематики межконфессиональных взаимоотношений на Северном Кавказе в царский период. Автор акцентирует внимание на современных общественно-политических процессах в мировом и региональном масштабе, требующих в т. ч. и обращения к опыту, репрезентацией которого служит и историография указанного вопроса. К тому же, автором кратко затронуты и другие теоретические аспекты тематики.

Ключевые слова: Северный Кавказ, христианство, ислам, межконфессиональные взаимоотношения, Российская империя, веротерпимость, конфессиональная политика.

Abstract

The article discusses the main trends that determine the relevance of the study of the problems of interfaith relations in the North Caucasus during the tsarist period. The author focuses on modern socio-political processes on a global and regional scale, which require, among other things, an appeal to experience, which is represented by the historiography of this issue. In addition, the author briefly touched upon other theoretical aspects of the topic.

Keywords: North Caucasus, Christianity, Islam, interfaith relations, Russian Empire, religious tolerance, confessional politics.

Проблема взаимоотношений между представителями различных религиозных конфессий не теряет своей актуальности на протяжении тысячелетий. Диалог культур в течение всей человеческой истории так или иначе сопровождался ценностными конфликтами, пересекающихся с иными социально-политическими и экономическими явлениями. На этой основе критические замечания можно сделать в отношении тезисов классиков марксизма, выведивших все человеческие взаимоотношения (в частности и религиозные) из экономической составляющей общественного бытия. Безусловно, т. н. «способ производства» с точки зрения материализма (и имеющего место марксистского европоцентризма) мог влиять на тенденции в метаморфозах ключевых концептуальных положений категорий веры и религии, однако оба этих философских определения впоследствии являлись самостоятельными акторами движения исторического процесса в отрыве как от экономики, так и от политики, нередко лишь дополняя их. Прямым доказательством такого суждения является догматическая сущность таких мировых религий, как христианство и ислам, сумевших внутри своего вероучения поставить вопрос о регламентации не только веры и религиозной общины, но и об иных аспектах в виде правового регулирования и вектора политического развития. Особенно в этом

преуспел ислам, сочетающий в себе «юридическую» составляющую в виде шариата, и политическую, давшую еще в VII-м столетии жизнь халифату как независимой теократической форме государственного управления.

Несмотря на свою близость, христианство и ислам как мировые религии с точки зрения исторического опыта являлись «антагонистами», главным образом становясь таковыми не только по причине догматического конфликта, но и политических амбиций отдельных представителей данных конфессий, нередко фокусируя таким образом все внимание именно на религиозных мотивах. Первоначально арабские завоевания, а затем крестовые походы, османское доминирование на Балканах и западный колониализм в странах мусульманского Востока можно считать и отправными точками в этом противостоянии. Интересно, что Российское государство даже несмотря на неотделимый от нее православный «культурный код», редко становилось ареной религиозного противостояния между представителями двух указанных авраамических конфессий. Это можно трактовать по-разному: одни исследователи считают веротерпимость заслугой православия, другие – влиянием Золотой Орды. Третьи же видят в этом гибкость политической системы, направленной в формат империи, и выступающей парадигмой единства России. Между тем не стоит забывать и об опыте интеграции как Урало-Поволжья, так и Северного Кавказа в XVI-м и XVIII–XIX вв.

Одна из основных тенденций, выводящей актуальность указанной проблемы для исторической науки, определяется возрастанием роли религиозного фактора в современном этнополитическом процессе. Причем его роль феноменально сочетается с глобализацией, движущей силой которой выступает компонент «светскости» в общей парадигме «вестернизации». Нерешенный арабо-израильский конфликт, снова обострившийся в 2023-м году; проблема рохинджа в бирманском штате Ракхайн; общий рост исламистских настроений в странах Африки и Азии; ситуация на Балканах (в т. ч. Косово и Метохии) – все они составляют список наиболее острых вопросов, от решения которого зависит благополучие отдельно взятого региона. К тому же, тлеет до сих пор в полной мере неразрешенный конфликт на Северном Кавказе, получивший свое развитие в период реализации политики т. н. «гласности» и, далее, при т. н. «параде суверенитетов». И, хотя обострение на Северном Кавказе в 90-е принято соотносить в большей степени с политической и этнической проблемами, религия как отдельно взятый фактор консолидации и конфликта имела не последнее значение. Это, на наш взгляд, может служить основанием для обращения к опыту Российской империи путем анализа особенностей как всей внутренней политики в крае, так и ее этноконфессионального аспекта. Не будет полным рассмотрение вопроса без изучения самих взаимоотношений между православным и мусульманским населением в качестве маркера реализации политики и отклика на нее со стороны горцев и иного населения Кавказа. Причем важно обращать внимание и на проекты инкорпорации Кавказа, предлагаемые отдельно взятыми заместителями и главнокомандующими [9]. Именно они, на наш взгляд, определяли ход истории освоения столь сложного края. Обострения на окраинах постсоветского пространства не были беспочвенными: «идеологический вакуум» после распада СССР и общий методологический кризис в науке вместе с расцветом «свободной» журналистики дали в своем общем синтезе взрывоопасную тенденцию, при которой «исторические сенсации» стали пищей для радикальных движений, ставших в авангарде межэтнической и межконфессиональной вражды во всех уголках новых государств на основе упраздненных и трансформированных республик Советского Союза.

Вторая причина, которая вызывает уже теоретический интерес – это богатство самой конфессиональной истории, в особенности северо-западной части Кавказа. Исследователи склонны считать, что она насчитывает не одно тысячелетие, учитывая и тот факт, что северо-восточное побережье Черного моря становилось ареной основных событий истории соседних с ним государств: Римской империи, Византии, Хазарии, Абхазского и Иверийского царств, а также России, Османской империи и т. н. «татарских» государств (под которыми мы понимаем Золотую Орду и ее осколки). Во всяком случае, история лишь одного христианства на Северо-Западном Кавказе насчитывает как минимум два тысячелетия [6, 13]. Эта цифра уже в полной

мере стала компромиссной в научной среде. С истории ислама все куда сложнее, учитывая перманентные процессы в виде образования, завоевательной политики и миссионерской деятельности различных мусульманских государств – Арабского халифата, Золотой Орды, империи Тимуридов, Турции, Ирана и политических образований в Дагестане [3].

Третья причина возрастания актуальности тематики обусловлена и ее новизной для исторической науки. На сегодняшний день имеется достаточно обширный по своему объему и количеству взглядов пласт исследований, в которых затрагиваются следующие проблемы: конфессиональная политика [8, 12], внутренняя политика наместников на Кавказе [4, 9, 11]; история христианизации и исламизации [3, 5, 6, 10, 13]. Среди них катастрофически мало работ, посвященных исключительно взаимоотношениям населению Северного Кавказа на религиозной почве [2, 7]. В исследовании, безусловно, есть и определенная трудность в виде чересчур обширной источниковой базы: необходимые сведения могут содержаться в региональных и центральных архивах (РГАДА, РГВИА, РГИА, АВПр, ГАСК, ГАКК и архивах республик Кавказа); Актах, собранных Кавказской археографической комиссией [1]; сборниках этнографических сведений; эго-источниках (записках, дневниках, письмах и воспоминаниях); периодике и др. Как можно видеть, объем потенциальных источников крайне обширный. Некоторые из отдельных, казалось бы, не совсем релевантных источников, также могут нести в себе нужную информацию. Во-вторых, есть определенные трудности в трактовке самих событий, особенно если таковые характерны и для периода Кавказской войны. В-третьих, нам до сих пор полностью неясно положение религиозного синкретизма в системе ценностей местных этносов, ведь именно этот феномен и может отчасти помочь нам определить вероятный вектор во взаимодействии между христианами, мусульманами и «язычниками» края [14].

С другой стороны, разработка проблемы также поможет нам в будущем сравнить реализацию внутренней политики России в отношении иных регионов. Большой интерес в этом может представлять Урало-Поволжье, которое до Северного Кавказа, Крыма и Средней Азии (вторая половина XIX-го века) был единственным преимущественно «мусульманским» краем.

Последняя причина актуализации темы тесно связана с первой: общее изучение этого аспекта сквозь призму теоретических и методологических основ исторической науки поможет нам в последующем на всех уровнях построения российской внутренней и внешней политики, начиная от корректировки системы образования, заканчивая выстраиванием наиболее оптимальных способов взаимодействия между представителями различных конфессий внутри страны и вне ее. Системы образования и исторического просвещения тесно переплетены с государственной политикой, основной направленностью которой является сглаживание наиболее острых вопросов во взаимоотношениях между жителями различных вероисповеданий, объединенных единым государством.

Таким образом, разработка столь обширной и деликатной проблемы в рамках исторической ретроспекции не только дополнит уже имеющуюся историографию, но и даст возможность понять основные ошибки и успехи практической реализации нынешней и бывшей политики в отношении представителей различных вероисповеданий и духовной культуры.

1. Акты, собр. Кавк. археогр. комисс. В 12 т. Тифлис, 1866-1904.
2. Бурькина Л.В. Межконфессиональные отношения на Северо-Западном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Вестник АГУ. 2014. Вып. 3(144). С. 65-72.
3. Великая Н.Н. О путях проникновения ислама на Северный Кавказ (VII–XVIII вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №1. С. 20-24.
4. Гапуров Ш.А., Магамадов С.С., Черноус В.В. Российская политика в Чечне в период наместничества А. П. Торماسова // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4(88). С. 106-112.
5. Геден, митр. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва, Пятигорск, 1992. 192 с.
7. Горожанина М. Ю. История православия на Кубани: монография. Краснодар, 2021. С. 80-86.

8. Горожанина М.Ю. Мусульмане и христиане Северного Кавказа : история взаимоотношений // Сб. ст. XI регион. науч. чтений, посвящ. Дню славянской письменности и культуры «Межконфессиональный диалог и культура общения в поликультурном пространстве Республики Адыгея». Майкоп, 2018. С. 36-45.
9. Кидирниязов Д.С. Государственная политика российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX века // Вестник Майкопского гос. технолог. ун-та. 2016. №1. С. 21-26.
9. Колосовская Т.А. Идеи и проекты военной администрации в контексте интеграции Северного Кавказа в состав российского государства (конец XVIII – начало XIX вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. №1. С. 37-41.
10. Кузнецов В.А., Чибиров Л.А. К вопросу о христианизации Алании // Известия СОИГСИ: История. Археология. 2023. №47(86). С. 5-17.
11. Кулиев Ф. М. Становление российского государственного управления и государственно-религиозные отношения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2009. №3 С. 62-72.
12. Кумпан Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе в 1861–1917 гг. : автореф. дис. ... к. и. н. / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2005. 27 с.
14. Остапенко Р.А. Христианская миссия Римской империи среди зихов (втор. пол. I – нач. V вв. н. э.) // Метаморфозы истории. 2016. №7. С. 86-98.
15. Таказов Ф.М. К вопросу определения понятия «религиозный синкретизм» (на примере Северного Кавказа) // Вопросы литературы и фольклора. 2015. Ч.2. Вып.8. С. 84-94.

Дворянкин О.А.

Тысяцкий – роль данной должности в истории Великого Новгорода

*Московский Университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-228

Аннотация

В статье исследуются положения связанные с историческим происхождением должности «Тысяцкий» в истории Великого Новгорода. Изучается роль тысяцкого в иерархической структуре города, ее функции, характеристики, особенности, статусность и влияние, как на руководителей города, так и на его жителей.

Ключевые слова: Тысяцкий, Великий Новгород, М.А. Несин, Древнерусское государство, должностное лицо.

Abstract

The article examines the provisions related to the historical origin of the position "Tsyatsky" in the history of Veliky Novgorod. The role of Tsyatsky in the hierarchical structure of the city, its functions, characteristics, features, status and influence on both the leaders of the city and its residents are studied.

Keywords: Tsyatsky, Veliky Novgorod, M.A. Nesin, Ancient Russian state, official.

История Великого Новгорода неразрывно связана с особенностями общинно-вечевой формы политического устройства города.

Благодаря укреплению и обогащению боярства, начиная с XII века новгородское вече было свободным от власти князя, а новгородцы были праве избирать всю административную верхушку: посадника, епископа, а также тысяцкого.

Особенности деятельности последнего представляют особый интерес для изучения, поскольку выполняемые тысяцким функции охватывали самые разные сферы деятельности, что обеспечивало распространение полномочий данного должностного лица на административную, военную, судебную исполнительную и даже дипломатическую сферы.

Изучение специфики должности тысяцкого целесообразно начать с раскрытия вопроса о происхождении самого термина «тысяцкий».

Как отмечается в младшем изводе Новгородской I летописи, в 1016 году князем Ярославом, потерявшим в сражении воинов «славных тысяцу», на вече было собрано ополчение из «избытка» горожан для организации военного похода на Киев. Это позволило

советскому историку, специалисту по истории древнерусской государственности В.В. Мавродину сделать вывод об этом событии как о первом примере новгородского ополчения – тысяче [1].

Однако данную версию опровергает в своем диссертационном исследовании один из ведущих исследователей истории Великого Новгорода, кандидат исторических наук и главный редактор журнала «Novogardia» М.А. Несин, отмечая, что упоминание о «тысяче славных воинов» могло являться преувеличением, сделанным для придания сражению легендарного значения, а также для сильного акцента на жестокости князя, поскольку реальным числом в тысячу воинов было для Новгорода, особенно в 1016 году, являться не могло – оно было слишком велико [2].

В то же время наиболее распространенной точкой зрения среди экспертов является связь происхождения термина «тысяцкий» с применявшейся в Древнерусском государстве десятичной системой, характерной для многих народов, развивающихся в эпоху военной демократии [3].

Применяемая в Древней Руси десятичная система предполагала организацию общества в соответствии с необходимостью решения задачи комплектования народного ополчения. В результате руководители различных воинских подразделений (сотские, тысяцкие) стали во главе тех или иных административных звеньев государства. Впоследствии данная система уступила свое место дворцово-вотчинной административной системе.

В научном дискурсе распространены и иные, альтернативные версии происхождения понятия «тысяцкий».

К примеру, русско-немецкий историограф, организатор Московского главного архива Г.Ф. Миллер обуславливал возникновение термина «тысяцкий» важной ролью данного лица, связанной с необходимостью «заботиться» о многих тысячах людей сразу» [4].

Несмотря на то, что данный подход автора представляется небесспорным, необходимо признать, что учитывает не только важную военную функцию тысяцкого, но и функцию гражданскую, которую данное должностное лицо осуществляло в Великом Новгороде.

Анализируя специфику положения тысяцкого в политической жизни Великого Новгорода, можно сделать предварительный вывод об уникальном характере его положения.

По своему статусу тысяцкий являлся вторым должностным лицом в Великом Новгороде после посадника, притом, что обоих назначал высший совещательный орган – вече. Деятельность тысяцкого распространялась на решение широкого круга задач: в частности, в ведении тысяцкого находился торговый суд новгородцев с заморскими купцами, а также суд тысяцкого по гостиним делам. Первоначально суд по торговым тяжбам отправлялся тысяцким совместно с купеческими старостами, однако впоследствии судопроизводство по торговым и гостиним делам было полностью сосредоточено в руках тысяцкого.

Однако, чтобы наглядно можно было представить роль тысяцкого в иерархии Великого Новгорода, представляю политическую структуру города (рис. 1).

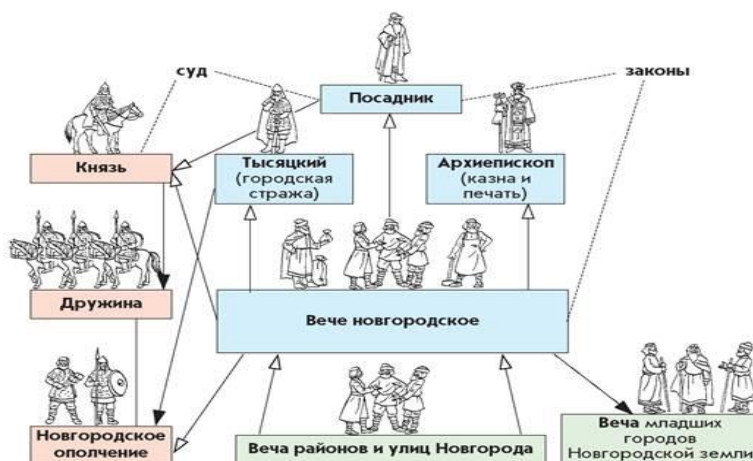


Рисунок 1. Положение тысяцкого в политической системе Великого Новгорода [5]

К числу компетенций тысяцкого относилось и отправление гражданского судопроизводства. В частности, в ведении тысяцкого находился торговый суд.

Достаточно интересную мысль высказывает украинский историк и археолог, специалист по истории Древней Руси. П.П. Толочко: он полагает, что тысяцкий также осуществлял функции градоначальника, поскольку в периоды разгорания городских мятежей гнев народа всегда был направлен, в первую очередь, именно на тысяцкого [6].

Тем не менее, подобное направление народного гнева на тысяцкого не может служить доказательством фактического исполнения тысяцким функций градоначальника. В то же время приведенный пример подчеркивает тесную связь тысяцкого и горожан.

В этой связи представляется целесообразным кратко рассмотреть роль тысяцкого в Древней Руси.

Институт тысяцкого был относительно распространенным явлением во всей Древней Руси. Так, например, согласно данным Ипатьевской летописи, тысяцкое на Ростовской земле возникло в первой четверти XII века [7].

В то же время, как отмечает М.А. Несин, институт тысяцкого зародился в Новгороде в числе первых среди древнерусских земель: при опоре на выдающийся труд «История Российская» одного из основоположников истории Отечества В.Н. Татищева он отмечает, что тысяцкие были известны на Новгородской земле еще с момента крещения Новгорода в 989 году, когда тысяцкий по имени Угоняй возглавил сопротивление, настраивая новгородцев на борьбу с представителями Киева [8]. (рис. 2)



Рисунок 2. Крещение Новгорода (художник И. Глазунов) [9]

Таким образом, представление о первом новгородском тысяцком базируется на сообщении, сделанном В.Н. Татищевым, однако, с учетом признаков, вытекающих из него (статус местного должностного лица, связь с ополчением, связь с горожанами), можно судить об Угоняе как о первом тысяцком в Новгороде.

Упоминание о самом первом тысяцком в Новгороде требует анализа статуса последующих представителей, занимающих эту должность. Обширный перечень имен новгородских тысяцких приводится в комплексном исследовании института тысяцкого в Новгороде за авторством М.А. Несина, который составил перечень при опоре на летописные источники, списки тысяцких и иные документы.

Таблица 1

Список новгородских тысяцких по М.А. Несину [10]

| Имя | Период деятельности | Отправление суда | Осуществление воеводства | Имя | Период деятельности | Отправление суда | Осуществление воеводства |
|--------------------|---|------------------|--------------------------|---------------------|---------------------|------------------|--------------------------|
| Угоняй | 989 | -* | - | Богдан Никитич | 1-я половина XV в. | - | - |
| Константин | 1137 | - | - | Олфим Боровский | 1-я половина XV в. | - | - |
| Миронег | 1191 | - | - | Александр Иванович | 1-я половина XV в. | - | - |
| Яков | между 1189 и 1199 | - | - | Борис Васильевич | 1416 | - | - |
| Якун Намнежич | 1215-1219 | - | - | Кузьма Терентьевич | 1417-1421 | - | - |
| Семен Емин | 1219 | - | - | Авраам Степанович | 1423 | - | - |
| Вячеслав | 1228 / 1229 | - | - | Афанасий Есифович | до 1421 | - | - |
| Борис Негочевич | 1228 / 1229 | - | - | Василий Микитич | около 1421 | - | - |
| Никита Петрилович | 1230 | - | - | Аникий Власьевич | 1424; 1426 | Торговый суд | - |
| Фед Якунович | 1234 | - | - | Анания Васильевич | 1432-1433 | неизв. | - |
| Клим | 1255/1256 | - | - | Федор Олисеевич | 1434; 1435/36 | - | поход на Ржеву |
| Жирослав | 1257/1258; 1262/1263 | - | - | Дмитрий Васильевич | 1435 | - | - |
| Кондрат | 1264-1268 | - | - | Федор Яковлевич | 1436 | - | - |
| Ратибор Клукович | 1268-1270 | - | - | Иван Лукинич | 1438 | - | - |
| Иван | 1286 | - | - | Анания Семенович | 1438-1439 | - | - |
| Адриан Елферьевич | 1286-1293; 1305-1307 | - | поход на Выборг | Семен Тимофеевич | 1440-1442; 1447 | - | - |
| Андрей | на рубеже XIII в. и XIV в. | - | - | Карп Савич | 1448 | - | - |
| Машко | 1301-1302 | - | - | Ефимий Семенович | 1448 | - | - |
| Авраам Елферьевич | 1323; 1327-1329; 1335-1336; 1340; 1345-1348 | - | - | Михаил Андреевич | 1450; 1456/57; 1461 | - | - |
| Остафий (Евстафий) | 1326; 1331; 1335; 1342 | - | - | Яков Иванович | 1456 | - | - |
| Иван Федорович | 1350 | - | поход на Выборг | Василий Пантелеевич | 1456 | - | Сражение под Руссой |
| Елисей Ананьевич | 1371; 1376 | - | - | Василий Казимир | 1459 | - | Шелонская битва |
| Фалелей | 2-я половина | - | - | Михаил | 1466 | - | - |

| Имя | Период деятельности | Отправление суда | Осуществление воеводства | Имя | Период деятельности | Отправление суда | Осуществление воеводства |
|-----------------------|--------------------------|------------------|--------------------------|--------------------------|---------------------|------------------|--------------------------|
| Адрианович | XIV в. | | | Искакович | | | |
| Сын его Матвей | 1371; 1374/75 | - | - | Трифон Юрьевич | 1468 | - | - |
| Филипп Тетеревков | 1372 | - | - | Василий Максимович | 1471; 1477/78 | - | - |
| Есиф Фалелеевич | 1384; 1387; 1391 | - | - | Андрей Исаков | вероятно, до 1475 | - | - |
| Богдан Обакунович | 1386 | суд тысяцкого | - | Матвей Селезнев | вероятно, до 1475 | - | - |
| Григорий Иванович | 1387-1388 | - | - | Василий Есифович Носов | 1475; 1476 | - | - |
| Миша Григорьевич | 2-я половина XIV в. | - | - | Федор Лукинич Телятев | 1477 | - | - |
| Миша Есифович | 2-я половина XIV в. | - | - | Андрей Максимович | до 1478 | - | - |
| Матвей | 2-я половина XIV в. | - | - | Даниил Михайлович | до 1478 | - | - |
| Тимофей Федорович | 2-я половина XIV в. | - | - | Павел Лукинич Телятев | до 1478 | - | - |
| Никита Федорович | 1391; 1392-1393; 1397 | - | - | Василий Федотын | до 1478 | - | - |
| Ананья Константинович | 1398; 1413-1414; 1415/16 | - | - | Иван Васильевич | до 1478 | - | - |
| Олсей Константинович | 1398-1420 | - | - | Парфей Кавский | до 1478 | - | - |
| Кирилл Дмитриевич | 1404; 1412 | - | - | Лука Микулинич | до 1478 | - | - |
| Иван Александрович | до 1409 | - | - | Дмитрий Медведник | до 1478 | - | - |
| Василий Есифович | 1405; 1409-1411; 1415 | - | - | Василий Выербе | до 1478 | - | - |
| Александр Игнатьевич | 1414-1416 | - | - | Иван Кожин | до 1478 | - | - |
| Василий Игнатьевич | 1410-е | - | - | Иван Васкоман Васильевич | до 1478 | - | - |
| | | | | Константин Федорович | до 1478 | - | - |

* «←» – нет сведений в летописных источниках и иных документах

Как видно из Таблицы 1, М.А. Несин первым называет тысяцким Угоняя, хотя во некоторых других исследованиях авторы первым считают тысяцкого Миронегу. К числу таких авторов можно отнести, например, знаменитого российского историка и археолога, руководителя Новгородской археологической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова В.Л. Янина, который начинает отсчет деятельности тысяцких в Новгороде с XII века, руководствуясь данными новгородского летописания, упоминающего Миронегу первым среди лиц, занимающих данную должность [11].

Тем не менее, как уже было отмечено выше, действия, предпринимавшиеся Угоняем во время организации ополчения для противостояния Киеву, вполне соотносимы с функциями, осуществляемыми тысяцким, а потому считаем возможным согласиться с точкой зрения М. А. Несина.

Также из Таблицы 1 следует, что из восьми десятков новгородских тысяцких лишь пятеро участвовали в военных кампаниях в качестве воевод. Причем, как отмечает М.А. Несин, в качестве воевод, самолично возглавлявших военные походы, выступал только Иван Федорович, в то время как в остальных случаях войско за собой вели посадники и воеводы, как это было в Шелонском сражении или в сражении под Руссой [12].

Указанное обстоятельство разительным образом отличает новгородских тысяцких от неновгородских, поскольку последние назначались из числа дружинников, в то время как тысяцкие Великого Новгорода избирались на вече из городского неслужилого населения.

Таким образом, новгородские тысяцкие, несомненно, принимали участие в военных кампаниях, однако не являлись в полной мере воеводами и обычно не вели войско за собой в походах. Такие действия тысяцких являлись, скорее, исключением.

В контексте изучения специфики деятельности тысяцких как должностных лиц в Великом Новгороде представляет интерес также и раскрытие отдельных аспектов выполнения своих функций теми или иными тысяцкими.

В числе наиболее примечательных новгородских тысяцких можно выделить осуществлявшего свою деятельность в середине 1250-х годов Клима, который зимой 1255-1256 годов участвовал в разрешении вспыхнувшей в городе усобицы, связанной с недовольством горожан новым посадником. Разгневанный данным обстоятельством Александр Невский пригрозил Новгороду отправкой рати.

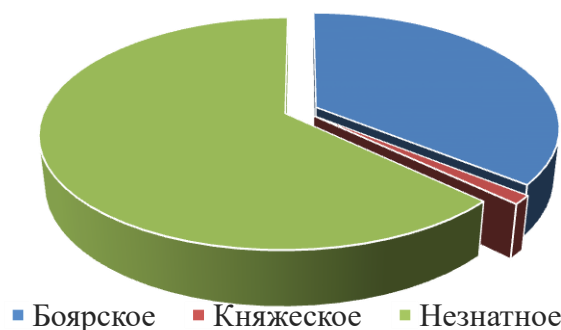


Рисунок 3 Происхождение Новгородских тысяцких (составлено автором на основании списка тысяцких, приведенного в комплексном исследовании института тысяцкого в Великом Новгороде за авторством М.А. Несина)

Новгородцы, испугавшись расправы, оставили вражду и примирились, а вскоре и направили к князю владыку (епископа) и тысяцкого Клима. Владыка и Клим передали князю прошение оставить посадника, однако Александр Невский не внял мольбам и потребовал от новгородцев выдачи избранного в Новгороде посадника как виновника мятежа. В итоге на место посадника было назначено лицо, выбранное князем – неслыханный для свободного Новгорода факт! – а тысяцкий Клим сохранил за собой должность, пусть и ненадолго (уже через 2 года его сменил в должности тысяцкий Жирослав) [13].

Однако наиболее примечательным в данном случае является обстоятельство, что тысяцкий Клим отправился к князю в качестве представителя всего новгородского люда (не только низших и не только высших слоев населения – тысяцкий выступил от имени каждого новгородца).

Еще одной заметной фигурой стоит признать Адриана Елферьевича – тысяцкого, привлеченного к активному участию во внешнеполитической деятельности. В частности, тысяцкий Адриан был участником посольства в Прибалтику, а также похода на Выборг. Примечательно, что поход на Выборг тысяцкого Адриана отправил князь Дмитрий Александрович, что позволяет сделать вывод о том, что должность тысяцкого имела связи со

знатью. Более того, как следует из диссертационного исследования М.А. Несина, некоторые тысяцкие (Адриан Елферьевич, Авраам Елферьевич, Остафий, Есиф Фалелеевич, Богдан Обакунович, Кирилл Дмитриевич, Иван Александрович, Василий Есифович Нос, Александр Игнатьевич, Богдан Никитич, Борис Васильевич, Кузьма Терентьевич, Авраам Степанович, Афанасий Есифович, Василий Микитич, Федор Олисеевич, Дмитрий Васильевич, Иван Лукинич, Анания Семенович, Карп Савич, Василий Казимир, Андрей Исаков, Матвей Селезнев, Василий Есифович Носов, Федор Лукинич и Павел Лукинич Телятевы, Иван Васильевич) сами имели знатное, боярское происхождение. (рис. 3).

При этом двое (Миронег и Машко) идентифицируются М.А. Несиным, как «предположительно бояре». Один из восьми десятков тысяцких и вовсе являлся представителем рода Рюриковичей, князем, перешедшим на службу в Великий Новгород.

Представляется, что знатное происхождение являлось одним из важнейших факторов, обуславливающих вступление лица в должность тысяцкого. На такие размышления наводят сведения о деятельности тысяцких, связанной с подписанием грамот и контактами с высшими лицами как соседних княжеств, так и заморских стран.

Так, например, письмо Дерпта (нынешний эстонский город Тарту) Ревелю (современный Таллин) от 12 октября 1417 года включает себя список новгородской грамоты, которая была составлена при участии тысяцкого Кузьмы Терентьевича. В данной грамоте содержалось предложение о направлении послов в целях заключения старого перемирия. В соответствии с летописями, в 1417 года мир был заключен. Помимо этого, документа имя тысяцкого Кузьмы фигурировало в новгородской грамоте, направленной в Ригу в 1418 году, а также в проекте договора с Ливонским орденом и мирном договоре, заключенном благодаря новгородского посольства в Нарву в 1421 году [14].

Также стоит упомянуть и о контактах иностранных представителей с новгородскими тысяцкими. Так, например, посещавший в 1413 года Великий Новгород фламандский рыцарь Жильбер Ланнуа, обратил внимание на высокое положение бояр, влияние и богатство в новгородском обществе. При этом Ланнуа не знал местного языка, а потому его проводником в новгородском обществе стал именно тысяцкий как одно из высших должностных лиц Новгорода [15]. Имя еще одного тысяцкого – Евстафия – упоминается в договоре Великого Новгорода с Норвегией от 3 июня 1326 года [16].

Кроме этого, например, тысяцкий Матвей числится среди составителей целого ряда документов, заключенных Великим Новгородом с древнерусскими и зарубежными послами, что свидетельствует о разностороннем характере работы тысяцкого, предполагающем осуществление контактов как по торговым вопросам, так и по вопросам войны и мира; как с другими древнерусскими княжествами, так и с иностранными землями.

В качестве примера, можно представить проекты договоров и соглашения, заключенные с участием тысяцкого Матвея. (рис. 4)

Все выше представленные документы означают, что тысяцкий, как лицо, принимающее непосредственное участие в заключении международных соглашений, а также в контактах с иностранными лицами, должен был иметь высокое происхождение, поскольку оно могло гарантировать ему получение образования, необходимого для осуществления упомянутых выше функций.

В этой связи можно возразить В.Л. Янину, отметив, что, начиная с первой четверти XIV века должность «тысяцкий» было буквально узурпировано боярством, в то время как до этого момента должность могли занимать представители небоярских слоев общества [18].

С учетом вышесказанного, представляется, что усложнение политической структуры общества и связанное с ним увеличение объема функций тысяцкого, вкупе с развитием международных связей Великого Новгорода и с обусловленным этим обстоятельством ростом контактов с иностранными лицами, потребовали замещения должности тысяцкого – одного из главных лиц в политической жизни Великого Новгорода – представителей высших слоев общества, имеющих соответствующий уровень образованности и способных эффективно осуществлять контакты с самыми разными контрагентами.

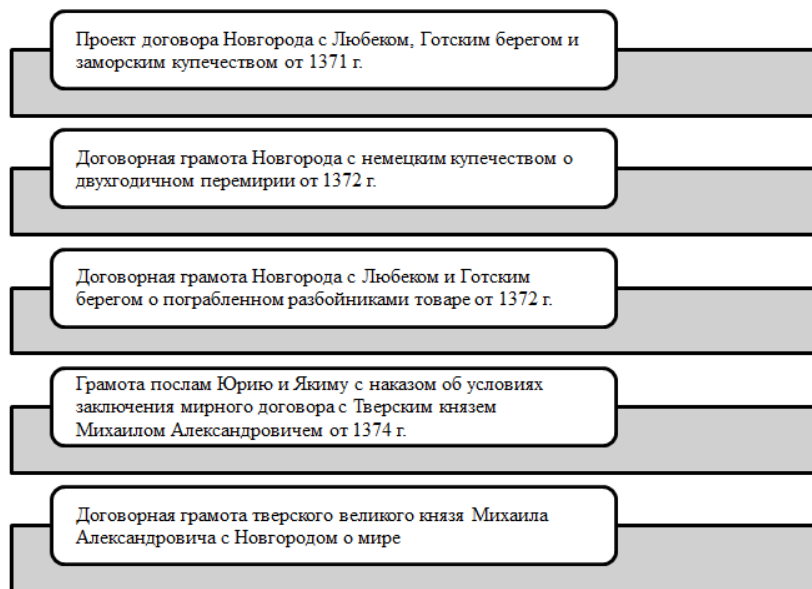


Рисунок 4. Проекты договоров и соглашения, заключенные с участием тысяцкого Матвея (составлено автором на основе публикаций М. А. Несина [17])

Не вызывает сомнений, однако, справедливость точки зрения В.Л. Янина о том, что бояре, получив доступ к институту (должности) тысяцкого, впоследствии на протяжении долгого времени не передавали его в иные руки, а стали передавать ее по наследству, т.е. от отца к сыну, при том, что должность считалась выборной.

В тоже время характер такой выборности оставляет сомнения, учитывая, какое количество однофамильцев и лиц с отчествами - производными от имен предшественников в должности приведено в перечне М.А. Несина. Тем не менее, положение бояр в обществе, их доступ к благам (в том числе образовательным) неизмеримо большим, чем блага, доступные представителем других сословий, представляется важным фактором, обусловившим неизбежное и, во многом, целесообразное замещение боярством должности тысяцкого на протяжении многих столетий.

Важно понимать при этом, что институт тысяцкого при этом не стал неизбежной ступенью, гарантированно обеспечивающей боярам переход в должность посадника. Как отмечает М.А. Несин, лишь в XVI веке, на закате независимости Великого Новгорода, тысяцкому Евстафию Дворнянинецу впервые удалось перейти на должность посадника.

Однако массовая практика перехода с должности тысяцкого на должность посадника все же не сложилась (к посадничеству в итоге смогли перейти 23 человека из 81), и, как отмечает М.А. Несин, решающую роль в этом сыграло не происхождение лиц, замещающих должность тысяцкого, а «результаты их личных судеб» [19], что представляется возможным трактовать как личные качества того или иного человека на должности тысяцкого или «полученные» большие денежные средства.

Нелишним будет также отметить, что положение лиц, занимавших должность тысяцкого в Великом Новгороде, нельзя было назвать незыблемым.

В связи с тем, что в свободолюбивом Великом Новгороде нередким явлением были мятежи, разрешение которых входило в обязанности тысяцкого. В ходе беспорядков именно персона тысяцкого, как было отмечено выше, становилась одной из ключевых целей мятежников, в связи с чем случались разграбления дворов тысяцких.

Не мог в полной мере гарантировать прочность положения тысяцкого и факт княжеского ставленичества: ярким примером в данном случае может являться случай с тысяцким Ратибором, ставшим жертвой обстоятельств, сложившихся по поводу конфликта новгородцев и князя Ярослава Ярославича в 1270 году. В вину князю вменялось стремление изгнать из Великого Новгорода иностранных купцов (готских, немецких), которые проживали в городе на отдельных «дворах», а также введение наказаний для представителей знатных родов.

Тысяцкий Ратибор, двор которого стали грабить новгородцы, сбежал за город в резиденцию Ярослава Ярославича. При этом разграбление двора представителя привилегированной группы населения являлось чем-то самым собой разумеющимся, поскольку в этом случае Ратибор как тысяцкий воспринимался новгородским людом как общегородское должностное лицо, которое провинилось перед новгородцами и обязано было быть подвергнуто общему разграблению [20].

Представляется, что такому отношению к тысяцким, не выполняющим свои обязанности, способствовал ряд факторов, среди которых: «вольность» Великого Новгорода, осознание новгородцами своего права на изгнание неугодных должностных лиц; специфический статус новгородских тысяцких, которые не были исключительно воеводами, как, например, киевские, а являлись именно должностными лицами, нанимаемыми из представителей неслужилых сословий, что в некотором смысле, вероятно, снижало градус ответственности за совершаемое разграбление, в то время как предпринять подобные шаги в отношении тысяцкого-воеводы простые люди могли не осмелиться.

Вместе с тем, представляется, что добросовестное выполнение тысяцким своих обязанностей вкупе с присущим этой должности элемента приближенности к народу и тесной с ним взаимосвязи, обусловили тот факт, что именно в Великом Новгороде институт тысяцкого просуществовал дольше, чем в каком-либо другом древнерусском княжестве: тысяцкое было упразднено в 1478 году, требованием Ивана III, когда Великий Новгород был лишен своей вольности.

В ходе проведенного исследования можно отметить, что институт (должность) «тысяцкий» в целом и новгородское тысяцкое в частности выполняли функцию дополнительного института управления в пределах административной системы. Многообразие функций, выполняемых тысяцким, обусловило его уникальный статус в системе политического устройства Великого Новгорода: тысяцкий наравне с посадником участвовал в управлении землями, будучи при этом вторым лицом в княжестве, после посадника; он отвечал за организацию народного ополчения и ведал судом, включая торговый суд; он, будучи вовлеченным в торговые дела, нередко принимал участие в заключении международных соглашений и становясь «проводником» иностранных лиц в Великом Новгороде.

Таким образом, должность «тысяцкий» можно охарактеризовать как представителя городской элиты, статус которого, однако, вовсе не означал последующего автоматического «повышения» до посадника, а также не гарантировал защиты от изгнания – несмотря на прослеживающуюся тенденцию «наследования» статуса тысяцкого в Великом Новгороде, действующие в городе механизмы местной демократии не позволяли боярству в полной мере узурпировать институт новгородского тысяцкого.

И в заключение представляется целесообразным отметить, что должность «тысяцкий» со своими полномочиями сложилась в итоге их политической структуры Великого Новгорода.

Продолжение следует...

1. Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945 (2016). С. 347.
2. Несин М. А. Институт новгородских тысяцких В XII-XV вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02. Воронеж, 2017. С. 40.
3. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 316-317.
4. Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Ч. 2. Июль–октябрь СПб, 1761. С. 128.
5. Паршукова Л.А. Схемы российской истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://multiurok.ru/index.php/files/skhiemy-rossiiskoi-istorii.html> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X-XIII века. СПб.: Алетейя, 2011. С. 114.
7. Кучкин В.А. Первые тысяцкие Северо-Восточной Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики: Ежеквартальное издание. 2015. № 4 (62). С. 60–61.
8. Несин М.А. Первые известия о новгородских тысяцких (до конца XII в.) // Клио. 2014. № 9 (93). С. 20.
9. Крещение Новгорода. Худ. И. Глазунов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:https://ruxpert.ru/Файл:Крещение_Новгорода_Худ_И_Глазунов.jpg (дата обращения: 10.11.2023).

10. Несин М. А. Институт новгородских тысяцких В XII-XV вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02. Воронеж, 2017. С. 153-184.
11. Янин В. Л. Новгородские посадники М., 1962. С. 113-115.
12. Несин М.А. Тысяцкие как воеводы и часть городского самоуправления // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, История. Тула, 2018. С. 71.
13. Несин М.А. Новгородские тысяцкие в III веке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2. № 11. С. 145.
14. Несин М.А. Новгородские тысяцкие в 1410-1420-Х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6-2. С. 130.
15. Несин М.А. Новгородские тысяцкие в последние десятилетия новгородской независимости (с начала XV в. до 1478 г.). // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 8. С. 42.
16. Несин М.А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2014. № 3. С. 144.
17. Несин М.А. Развитие института новгородских тысяцких в XIV–XV вв. по данным новгородских письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы Четырнадцатой научной конференции историков-архивистов. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2015. С. 11.
18. Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 112–133.
19. Несин М. А. Институт новгородских тысяцких В XII-XV вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02. Воронеж, 2017. С. 68.
20. Несин М. А. Институт новгородских тысяцких В XII-XV вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02. Воронеж, 2017. С. 60.

Демидов А.В.

Юзеф Пилсудский – «Прометей» или диверсант

*Российского научно-исследовательского
института экономики
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-229

Аннотация

В статье рассматривается Юзеф Пилсудский как человек, ненавидевший Россию, не гнушавшийся ради достижения своих целей идти на радикальную смену политических ориентиров, союзников и покровителей.

Ключевые слова: Польша, Польская социалистическая партия, Япония, шпионаж, диверсионная деятельность, Первая мировая война, Германия, Австро-Венгрия, Советский Союз, Регентский совет, начальник государства.

Abstract

he article examines Józef Piłsudski as a man who hated Russia, who did not disdain to go for a radical change of political orientations, allies and patrons in order to achieve his goals.

Keywords: Poland, Polish Socialist Party, Japan, espionage, sabotage, World War I, Germany, Austria-Hungary, Soviet Union, Regency Council, head of State.

Кто такой Юзеф Клеменс Пилсудский знает каждый поляк, независимо от возраста. В современной Польше память Пилсудского почитается, он считается отцом современной польской нации. И это объяснимо, названный политический и военный деятель, обладатель бурной и противоречивой биографии, явился первым главой возрожденного Польского государства, основателем польской армии, долгое время являвшимся фактическим главой государства.

Начав свою политическую карьеру как социалист (в юности Пилсудский сблизился с группой студентов, которая находилась под влиянием идей «Народной воли») и став одним из лидеров Польской социалистической партии (ППС), Ю.Пилсудский выдвинул политический проект, известный как «прометеизм». Можно было бы по наивности предположить, что цель

проекта состояла в объединении польских земель, находившихся под властью России, Германии и Австро-Венгрии, и создании на этой основе независимого польского государства.

Но это не так. Цель «прометеизма» состояла прежде всего в ослаблении и расчленении Российской империи и, впоследствии, Советского Союза путём поддержки националистических движений на их территории. Характерно, что в проекте «прометеизма» ставилась задача расчленения лишь России, но не Австро-Венгрии и Германии.

На месте расчлененного государства он планировал создать некую конфедерацию под польским доминированием. Называться это объединение должно было «Междуморье» («от моря, до моря» и по Днепру на Востоке). Появление такого государственного образования должно было, по замыслу Пилсудского, избежать доминирования в Центральной Европе Германии или России. [14]

Пилсудский не отличался глубокомыслием. Будучи одним из лидеров ППС, заявлял, что доктринальные вопросы имеют второстепенное значение, т.е. теория его не интересовала. Он признавал, что у него были проблемы с пониманием «Капитала» К.Маркса, Он также полагал, что социалистическая идеология должна быть объединена с националистической, поскольку, по его мнению, именно такая комбинация даёт наибольший шанс на достижение независимости Польши. [6]

В ночь с 21 на 22 февраля 1900 года Пилсудский и его жена были арестованы. Находясь в тюрьме, Пилсудский симулировал душевную болезнь и из варшавской тюрьмы был переведён в петербургскую лечебницу для душевнобольных. В мае 1901 года Пилсудский организовал побег, получивший высокую оценку среди членов ППС. После побега он направился в Киев, затем в Замостье, а 20 июня 1901 года вместе с женой был уже во Львове. В ноябре 1901 года прибыл в Лондон, где пробыл до апреля 1902 года, и в конце апреля Пилсудский возвращается в Россию. В июне 1902 года был избран в расширенный состав ЦК ППС.

Пилсудский не скрывал, что для достижения поставленных целей все средства хороши. Когда началась Русско-японская война (1904—1905), польские социалисты решают воспользоваться данным моментом с целью ослабления Российской империи – планировалось организовать восстание в Польше, что способствовало бы поражению России в войне.

Одновременно польские социалисты начинают подготовку проекта секретного соглашения с японской разведкой, получившего условное наименование «Операция „Вечер“» [10], заключенного 20 марта 1904 г. Согласно условиям соглашения, поляки, брали на себя обязательство сопротивляться мобилизации, организовать духовную оппозицию русскому правлению, а также готовить вооружённое восстание на польских территориях. Одним из пунктов проекта соглашения было создание специальной агентуры, которая должна была снабжать Японию информацией о составе, дислокации и перемещениях русской армии. В обмен ППС должна была получить от японцев 10 тысяч фунтов стерлингов.

Летом 1904 г. Пилсудский отправляется в Японию, пытаясь найти там поддержку для подготовки восстания в Польше. Посетив Токио в июле 1904 года, Пилсудский предложил японцам создать польский легион из взятых в плен поляков — солдат российской армии, а также выдвинул самураям свой проект «прометеизма» - ослабление и раскол Российской империи путём поддержки в ней иных национальных движений. На встрече с начальником японского Генерального штаба Ямагатой Аритомо, Пилсудский предположил, что начало партизанской войны позволит отвлечь внимание властей Российской империи и просил японскую сторону о поддержке (в том числе оружием). [15]

В представленном японским спецслужбам в 1904 г. меморандуме Ю.Пилсудский указывал на необходимость использовать в борьбе с Россией многочисленные нерусские народы на берегах Балтийского, Чёрного и Каспийского морей, и обращал внимание на польскую нацию, которая благодаря своей истории, любви к свободе и бескомпромиссному отношению к трём разделившим Польшу империям, без сомнения займёт лидирующее положение и поможет освобождению других угнетённых Россией народов.

Согласившись на некоторые польские предложения, японская сторона не пошла на заключение соглашения, отвергла идею создания польского легиона ввиду того, что японская конституция запрещала службу иностранцев в японской армии. [10] Японцы предложили Пилсудскому заняться шпионажем и диверсионной деятельностью, на что польский деятель охотно согласился. Как видится, в Токио не очень доверяли польским националистам, предающим Россию и могущим предать и их.

Тем не менее, поляки постарались выполнить свои обязательства и при этом даже устроили несколько незначительных взрывов на железной дороге. Эти взрывы, организованные польскими диверсантами, не имели большого эффекта ввиду отсутствия у подрывников необходимых знаний и опыта. Это тем более не сняло в целом скептического отношения к Ю.Пилсудскому и к польским социалистам со стороны японского правительства.

На что больше всего был ориентирован Пилсудский в своей деятельности, видно из того, чем он вплотную занялся по возвращении в 1904 году в Польшу. Он приступил к организации на базе своей партии боевых групп. Что интересно - деятельность этих боевых групп финансировалась за счёт средств, полученных при совершенных ими же ограблениях банков и почтовых поездов, т.е. — при так называемых «эксах» (экспроприация). А вот его политическая деятельность такой результативности не имела - 22 декабря 1905 года Пилсудский призвал польских рабочих к забастовке, но этот призыв во многом остался незамеченным [16].

Отход Пилсудского от социалистических идеалов и постепенное сползание на позиции откровенного национализма, замешанного на терроре, привел к расколу в ППС. На прошедшем в 1906 году в Вене 9-м съезде партии произошло выделение двух фракций в партии: «ППС—левица» приняла интернационалистскую платформу, а «ППС—революционная фракция» во главе с Ю.Пилсудским стала ориентироваться на националистические идеи. К 1909 году революционная фракция под руководством Пилсудского становится главной в ППС, а сам он становится одним из важнейших лидеров партии вплоть до начала Первой мировой войны.[17]

На фоне формирования в начале XX века в Европе противостоящих военно-политических коалиций и подготовки к общеевропейской войне революционная фракция ППС под руководством Пилсудского начала активно заниматься подготовкой кадров для будущей польской армии. В 1910 году на базе военизированных организаций ППС создается «Союз активной борьбы».

По мере приближения войны Пилсудский начал формулировать свою позицию. Выступая в январе 1914 года в Париже, он изложил своё видение будущей войны, согласно которому для того, чтобы Польша стала независимой, необходим был в первую очередь разгром Российской империи силами Центральных держав (Австро-Венгрии и Германии). Последние затем должны быть побеждены силами Великобритании, Франции и Соединённых Штатов.

Пилсудский понимал, что получить независимость для Польши без поддержки великих держав невозможно. Своим основным врагом он считал Россию. А раз Россия в Антанте, то тогда его путь — в Тройственный союз. Поэтому на начальном этапе Пилсудский придерживался проавстрийской политической ориентации.

Перед началом Первой мировой войны Пилсудский приступил к созданию военизированных группировок в Галиции, находившейся в то время в пределах Австро-Венгерской империи. В 1913 году он организывает офицерские курсы Стрелецкого союза. При покровительстве австрийских властей из членов военизированных и военно-спортивных организаций «Стшелец», «Сокол» и других формировались Польские легионы под командованием Пилсудского, ориентированные на вооруженную борьбу против России на стороне Австро-Венгрии и Германии.

В августе 1914 г. ещё до официального объявления состояния войны между Австро-Венгрией и Россией, Пилсудский создаёт в Кракове «Первую кадровую роту» — польское национальное военное подразделение, в который вошли члены Стрелецкого союза и Союза

стрелецких дружин. В тот же день кавалерийский отряд под командованием В.Белины-Пражмовского был послан на рекогносцировку из Австро-Венгрии через российскую границу [17].

12 августа 1914 года, после вступления легионов на территорию Царства Польского, Пилсудский выпустил воззвание, в котором он провозгласил себя командующим польских войск, подчинённых якобы созданному в Варшаве Национальному правительству. В действительности такое правительство не было образовано, а воззвание имело целью вызвать польское восстание на территориях, контролируемых российскими властями.

В октябре 1914 года по инициативе Пилсудского была создана Польская военная организация — конспиративное объединение, действовавшее не только в России, но и на всех территориях бывшей Речи Посполитой до её раздела в конце XVIII века.

В связи с обозначившимся в ходе войны перевесом стран Антанты в политических взглядах Пилсудского происходит перелом. Для Пилсудского, не раз до того менявшего свою политическую ориентацию, это не стало трагедией. В течение всей своей сознательной жизни Пилсудский проявляет немалый оппортунизм, действуя там, где можно добиться успеха. Он выходит из состава Временного государственного Совета, созданного в 1917 году немецкой администрацией на оккупированной части Польши. Противореча своим же прошлым приказам он отдает указание польским солдатам не давать присяги на верность Германии и Австро-Венгрии. В результате легионы немцами были распущены, большинство легионеров было интернировано, а сам Пилсудский, обвиненный в предательстве, заключён в магдебургскую крепость. Но ловкий Пилсудский смог и здесь извлечь выгоду для себя. На этой почве возросла его популярность как жертвы и символа борьбы с оккупантами. Неудачи на фронтах вынудили немцев после долгих переговоров, в которых Пилсудский категорично отказался подписать заявление о лояльности, 8 ноября 1918 года освободить его.

В период до и в ходе Первой мировой войны на польских землях имелось два признанных лидера националистического движения — Ю.Пилсудский и Роман Дмовский. Их планы значительно расходились.

Если Ю.Пилсудский предлагал воссоздать существовавшую в Средние века Речь Посполитую («от моря до моря» и с восточной границей по Днепру), то Р.Дмовский выдвинул в 1917 г. план воссоздания польского государства, которое включало бы территории, населённые только этническими поляками: Великую Польшу, Померанию с Гданьском, Верхнюю Силезию, южную полосу Восточной Пруссии и Тешинскую Силезию.

Фракция, во главе с Р.Дмовским считалась «пророссийской». Она провозглашала основной целью борьбу с Австрией и Германией и допускала дальнейшее существование Польши в составе России на правах широкой автономии.

В сентябре 1917 г. именно Национальный комитет во главе с Р.Дмовским был признан французскими властями законным правительством Польши. Год спустя британцы и американцы также признали его правительством Польши.

Однако Ю.Пилсудский и его группировка не хотели уступать лавры освободителей Польши. Они тоже объявили себя законным правительством страны. Существовали даже опасения, что, если Ю.Пилсудский и Р.Дмовский не оставят в стороне свои разногласия, может вспыхнуть гражданская война. Чтобы положить конец этому соперничеству, композитор И.Я.Падеревский встретился с обоими политиками и убедил их объединить усилия.

Падеревский выработал компромисс, по которому Р.Дмовский должен был представлять Польшу на Парижской мирной конференции, в то время как на Ю.Пилсудского возлагались обязанности временного президента Польши. Не все сторонники Дмовского приняли этот компромисс, и 5 января 1919 года была предпринята неудачная попытка государственного переворота.

Р.Дмовский представлял Польшу на Парижской мирной конференции 1919 г., на которой выступил с пятичасовой речью. Он решительно настаивал на возвращении польских территорий с польско-язычным большинством, отнятых Пруссией у Польши в 1790-х годах, а также некоторых территорий за пределами границ Польши, существовавших до 1772 года,

таких как южная Восточная Пруссия и Верхняя Силезия. Сам Р.Дмовский признавал, что польские притязания на Силезию были не совсем сильными, но он настаивал на передаче Силезии Польше по экономическим соображениям, особенно с учетом наличия в этой области угольных месторождений.

В ходе Парижской мирной конференции Р.Дмовский оказал существенное влияние на благоприятные для Польши решения Договора в отношении и от имени Польши Версальский договор.

Вопреки широко распространенному мнению следует заявить, что не большевики, а Временное правительство России 16 марта 1917 года признало независимость Польши (де-факто неподконтрольной с началом германской оккупации в 1915 г.) при условии заключения с Россией «свободного военного союза».

После ухода германских войск с польской территории, именно Пилсудскому, который не внес никакого вклада в военный разгром Германии, а не Дмовскому, отстаивавшему независимость Польши на Парижской конференции, был устроен триумфальный въезд в Варшаву.

И вот тут появляется одна деликатная деталь. 11 ноября 1918 года Ю.Пилсудский решением Регентского совета Польши назначается временным начальником государства. Сразу возникают вопросы, а что такое Регентский совет, кто его создал? Ответ сам по себе весьма интересен: Регентский совет Королевства Польского был сформирован властями Германии и Австро-Венгрии в качестве временного органа власти на польских территориях как находившихся под властью Германии и Австрии еще до начала войны, так и на оккупированных землях Царства Польского, состоявших до войны под властью России. Т.е., надо признать откровенно, Пилсудский в значительной степени был поставлен у власти в Польше германскими ставленниками.

Спустя день после возвращения в Варшаву Пилсудский встретился со своими соратниками по подполью, и явственно продемонстрировал еще один поворот в своих политических воззрениях. Он заявил своим бывшим товарищам по ППС: «Товарищи, я ехал красным трамваем социализма до остановки „Независимость“, но на ней я сошёл. Вы же можете ехать до конечной остановки, если вам это удастся, но теперь давайте перейдём на „Вы“». Т.е. Пилсудский окончательно отказался от своего прежнего социалистического выбора.

Тем не менее, 22 ноября 1918 г., в Варшаве Пилсудский сформировал правительство Польши во главе с социалистом Е.Морачевским. Назначение социалиста главой правительства в значительной степени явилось вынужденным шагом — Пилсудский, пока еще не укрепившийся у власти в достаточной мере, предпочёл первое время опереться на левые партии, в лояльности которых он был уверен.

Одними из первых шагов нового правительства были установление восьмичасового рабочего дня, введение социального страхования по болезни, гарантировании минимальной зарплаты на государственных предприятиях и ряда иных социальных стандартов, принятых в это время в странах Западной Европы. Но Пилсудский достаточно решительно потребовал от Е.Морачевского отказаться от социалистического радикализма. Правительству пришлось принять это условие, поскольку оно находилось в сложном положении и подвергалось критике как со стороны левых, так и со стороны правых.

Создание польского государства проходило в условиях отсутствия чётких государственных границ, в связи с чем Пилсудский столкнулся с целым рядом военных конфликтов, в которые оказалась втянута Польша.

В начале польские войска, не встречая серьезного сопротивления, занимали территории, освобождавшиеся отступавшими после революции германским войсками. Но затем Советская Россия предприняла наступление с целью возвращения оккупированных земель.

Наступление началось летом 1919 г. Поляки были вынуждены оставить Киев, затем Львов, Минск, Гродно, Вильно, Брест. Главной целью наступления под командованием М.Н.Тухачевского была Варшава.

Наступление РККА развивалось столь успешно, что вызвало обеспокоенность в Лондоне. Тогдашний министр иностранных дел Великобритании Дж.Н. Керзон обратился к сторонам с призывом объявить перемирие и начать переговоры о мире. Он предложил установить границу между РСФСР и Польшей по линии, которая вошла в историю как «линия Керзона».

В ходе боевых действий выявилось полное отсутствие у Пилсудского каких бы то ни было полководческих талантов. И это неудивительно – он не имел никакого военного образования. Многочисленные поражения вызвали в Польше критику в его адрес. Учредительный сейм с целью ограничения власти Пилсудского сформировал Совет обороны государства формально под его руководством. Партия народной демократии предлагала вовсе отстранить Пилсудского от власти. Выдвинутый Пилсудским план отражения Красной армии критиковался как дилетантский.

Однако решающую роль сыграл большой опыт сотрудничества Пилсудского с разведками Японии, Австрии и Германии, и с их помощью в Польше была создана мощная служба разведки и контрразведки. Решающая роль в поражении Красной Армии под Варшавой принадлежит подразделению польских криптологов, которое в августе—сентябре 1919 года взломало шифры РККА.

На основе полученной информации командование Войска Польского смогло принять правильные стратегические решения в ходе Варшавского сражения, так как знало оперативную информацию о перемещении частей и подразделений РККА. Красная армия, потерпев неудачу, вынуждена была отступить.

Поражение было тактическим, РККА, несмотря на серьезные потери, сохраняла способность продолжать боевые действия, но по настоянию В.И. Ленина, стремившегося прекратить бесконечную войну, утомившую Россию, были начаты мирные переговоры.

После «Варшавского чуда», воспеваемого и поныне польскими пропагандистами, Пилсудский стал национальным героем в «отбитой у большевиков» Польше.

В ходе советско-польской войны героизм псевдосоциалиста Пилсудского вылилось в крайнюю жестокость. До сих пор нет точных данных о численности и судьбе всех советских военнопленных. Согласно российским источникам, от 28 до 80 тысяч красноармейцев из 130 тысяч, попавших в польский плен, погибли от крайне тяжёлых условий содержания — голода, издевательств, эпидемий и зимнего холода при отсутствии надлежащего обогрева помещений и одежды.

Польские историки называют цифры в 80 тысяч пленных, из которых, по их данным, умерло (в основном во время двух зим) около 15 тысяч. Но даже они не отрицают, что условия жизни в польских лагерях были крайне тяжелы. Смертность доходила до 18 % от числа узников. [11]

Сейчас поляки об этом предпочитают не вспоминать

После окончания войны с подачи начальника государства Ю. Пилсудского по всей Польше начались гонения на коммунистов. Украинцы и белорусы, независимо от политической ориентации, на отторгнутых поляками территориях страдали из-за национальной и религиозной политики, запрещавшей их языки, православную веру и закрывавшей их школы. К тому же, большое число белорусов было разлучено с родственниками, оставшимися на территориях, принадлежащих СССР.

Проводившаяся в Польше политика нетерпимости по отношению к национальным и религиозным меньшинствам, была схожа с политикой германских нацистов. Каждый, желающий поступить на государственную службу, должен был принять католичество и взять себе польскую фамилию.

Военный успех Пилсудского вылился в его политическое поражение. Раздел белорусских и украинских земель между Польшей и Советской Россией означал крах политической концепции Пилсудского, предусматривавшей создание польско-литовско-белорусско-украинской

(«склеенной») федерации «Междуморье». Парадоксальным образом получили реализацию идеи Р.Дмовского - давнего политического противника Пилсудского, идеи создания мононационального, этнически чистого польского государства.

Во второй половине 1920-х годов в Польше обострилась экономическая ситуация. Пользуясь недовольством населения, 12 мая 1926 года Ю.Пилсудский, оставивший к тому времени политические должности, двинул на Варшаву верные себе армейские части. Устроив длившееся три дня настоящее побоище на улицах Варшавы, он совершил «Майский переворот», пойдя против демократически избранного парламента - Сейма. В результате Пилсудский произвёл радикальные перемены в управлении. Заняв посты военного министра и генерального инспектора вооружённых сил, Пилсудский ввел в стране безусловную диктатуру, ограничив свободу печати и сделав многопартийность лишь фиктивной.

Режим Пилсудского получил название «санация», что означало «оздоровление». Он подразумевал «излечение» Польши от коррупции и возвращение былого величия Речи Посполитой. Речь шла о капиталистическом строе, который всё ещё пытался маскироваться: для пропаганды лояльности среди рабочих было создано Центральное объединение профсоюзов, члены которого пускали пыль в глаза пролетариям своими социалистическими лозунгами.

Но «санационная» политика провалилась. Те военные, которых Пилсудский собрал вокруг себя в «круг доверия», оказались отвратительными политиками и экономистами, а рабочий класс так и остался неслышанным за драпировкой псевдосоциализма.

31 мая 1926 г. Ю.Пилсудский избран президентом Польши, однако отказался от должности. При повторном голосовании на пост президента, по рекомендации Пилсудского, был избран его сторонник Игнаций Мосцицкий. Формирование нового правительства фактически легализовало совершённый Пилсудским переворот. Он формально не стал главой Польши, предпочитая действовать «из закулисья».

Роль парламента была ограничена. В ноябре 1927 года был создан Беспартийный блок сотрудничества с правительством — внешне неправительственная и непартийная организация, де-факто ставшая «партией власти» и опорой Пилсудского.

Политическая оппозиция преследовалась абсолютно недемократическими методами:

- а) правовыми средствами (политизированные судебные процессы) и
- б) силовыми методами — избияния, интернирование без судебных решений в созданный в 1934 г. концентрационный лагерь в Берёзе-Картузской.

Изначально это лагерь предназначался для украинских радикалов, но позже туда были помещены и участники польских радикальных партий. Подобные меры позже аукнутся полякам Волынской резнёй.

Часть политических противников Пилсудского была вынуждена эмигрировать. В апреле 1935 г. была принята новая конституция Польши, санкционировавшая авторитарный президентский строй.

Во внешней политике с 20-х годов главной целью ставилось завоевание Польшей положения великого европейского государства. Неудивительно, в связи с этим то, что во взаимоотношениях со своими соседями (с СССР, с Чехословакией и с Германией) Польша проводила достаточно агрессивную политику.

С другой стороны, ни для кого не было секретом, что в начале 30-х годов XX века как Германия, так и Советский Союз набирали силу. И Польше предстояло вписываться в мир, где немцы требовали возврата Данцига и коридора к нему, а СССР – возврата западных земель Украины и Белоруссии.

Мировой экономической кризис 1929—1930 гг. негативным образом сказался на экономике Польши, объём производства снизился почти наполовину. 29 июня 1930 года в Кракове состоялась массовая антиправительственная демонстрация. Выступления вызвали волну репрессий против оппозиции и вскоре (25 августа 1930 г.) Пилсудский лично возглавляет правительство.

После прихода к власти в Германии нацистского режима во главе с А.Гитлером, Ю.Пилсудский и его окружение, отдавая себе отчет в том, что вектор германской агрессии в конечном счете будет направлен на восток, начали предпринимать отчаянные усилия с целью обеспечения своей безопасности путем достижения договоренностей с Берлином. Так, 26 января 1934 г. в Варшаве была подписана германско-польская Декларация о неприменении силы. Польша, таким образом, что очень важно, стала первым европейским государством, заключившим пакт о ненападении с нацистской Германией.



Рисунок 1. И.Геббельс на приеме у Ю.Пилсудского. 1934 г. Фото из открытых источников.

Документ имел секретное приложение, существование которого официальная Варшава отрицает до сих пор. Приложение это предоставляло Гитлеру свободу действий в австрийском вопросе и содержало обещанное Польше Германией «техническое» сотрудничество на Украине. [3]

Ю.Пилсудский только ради того, чтобы понравиться Гитлеру, не погнушался стать на позиции антисемитизма. Польских евреев, по согласованию с фюрером, предполагалось выселить ... на Мадагаскар. [8]

Польская полиция в проведении своей репрессивной политики консультировалась с органами СС и Гестапо.

В 1938 — 1939 гг. министр иностранных дел Польши от имени своего правительства неоднократно заявлял, что мир его стране может принести «политическое балансирование» Польши между Германией и СССР. Но реальная политика Варшавы, основы которой заложил Ю.Пилсудский, на словах основанная на принципах т. н. «равноудаленной дистанции», на деле все больше отходила от этого принципа. Дистанция по отношению к Москве увеличивалась, а по отношению к Берлину — сокращалась.



Рисуно 2. Комиссия, состоявшая из поляков и евреев, изучала в 1937 году возможность переселения польских евреев на Мадагаскар. Фото из открытых источников.

Имелась информация о договоренности между Польшей и Германией, согласно которой в случае занятия Японией части советской территории на Дальнем Востоке, Польша и Германия уладят свои разногласия за счет Советского Союза. Так, предполагалось, что Польша могла бы отказаться от Польского коридора в обмен на часть территории СССР и морской порт, к примеру — Клайпеду. Параллельно между польским и германским генеральными штабами была заключена секретная договоренность о сотрудничестве, направленная против СССР.

Всего лишь поверхностный анализ свидетельствует, что Польша, даже подписав с СССР 25 июля 1932 г. Пакт о ненападении, на деле всерьез собиралась воевать против Советского Союза плечом к плечу с вермахтом и даже делить советские территории с немцами. Не удивительно, в связи с этим, что польский министр иностранных дел Ю. Бек поддержал высказанное осенью 1938 г. инициативу И. Риббентропа выработать общую позицию по отношению к СССР и благосклонно встретил немецкую идею о возможном присоединении Польши к «Антикоминтерновскому пакту». [1]

И. Риббентроп после своей встречи Ю. Бекком сделал в своем дневнике запись, согласно которой: «Господин Бек не скрывает, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю». [2]

21 марта 1939 г. уже после смерти Ю. Пилсудского И. Риббентроп в беседе с польским послом в Берлине Ю. Липским достаточно безапелляционно заявил, что Польша должна ясно осознать — она не может проводить «средний курс» между Германией и Советским Союзом. Он добавил, что соглашение между Польшей и Германией «должно иметь определенную антисоветскую направленность». [13] Подобные заходы немецких нацистов падали в Варшаве на благодатную почву. Многолетний польский лидер Ю. Пилсудский, политика которого концентрировалась на военной экспансии в восточном направлении, еще при своей жизни выдвинул т. н. «федеративную концепцию», провозглашавшую «суверенность» «союзных» с Польшей восточных государственных образований, которые должны были быть созданы за счет Советского Союза.

Концепция польской гегемонии была направлена прежде всего на Восток и Юго-Восток и охватывала Литву, Белоруссию и Украину. 31 августа 1937 г. польский Генштаб выпустил директиву № 2304/2/37, в которой в качестве конечной цели политики Варшавы устанавливалось «уничтожение всякой России». [2]

В 1938 г. в Варшаве была принята польская военная доктрина, которая, в частности, гласила, что «расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке». [8]

Своего пика польско-германское агрессивное сотрудничество достигло в октябре 1938 г., когда Варшава, пользуясь полным параличом чехословацкого государства после Мюнхенских соглашений, захватила Тешинскую область Чехии и ряд населенных пунктов в Словакии.

Польское правительство принимало меры и по упрочению своего сотрудничества с другими государствами — участниками фашистской «оси» - с Италией и с Японией. В частности, польский посол в Риме В. Длугошевский вел переговоры с итальянским министром иностранных дел Г. Чиано об участии Польши в мероприятиях фашистской агрессии в Юго-Восточной Европе, считавшейся традиционной сферой влияния итальянского милитаризма. Здесь Варшаве больших успехов достичь не удалось, поскольку Г. Чиано всячески подчеркивал, что без участия Германии невозможно вести переговоры о политике в этом регионе.

МИД Польши стремился нарастить связи с Японией. Так, польская делегация в Лиге Наций открыто защищала японскую агрессию в Китае. В сентябре 1938 г. японский министр иностранных дел выразил благодарность польскому правительству за отказ делегации Польши от голосования по резолюции, содержавшей осуждение политики Японии в Китае. Позднее Польша признала марионеточное государство Манчжоу-Го и установила с ним консульские отношения.

12 мая 1935 г. в возрасте 67 лет Ю. Пилсудский умер.

Похороны Пилсудского превратились в церемонию прощания с монархом. Были соблюдены все требования по организации королевских похорон. Процессию как в Варшаве, так и в Кракове, сопровождали тысячные толпы.

По мнению наиболее авторитетных историков, Пилсудский полностью разделял идеи германо-польского сближения, полагая, что их союз на антисоветской основе снимет все проблемы напряжённости в германо-польских отношениях. [7]

Обвинения, выдвигаемые ныне в адрес Советского правительства 30-х годов в якобы имевшем место пособничестве Гитлеру, выразившемся в подписании советско-германского Договора о ненападении, совершенно беспочвенны и лицемерны. Именно Польша первой в мире заключила пакт о ненападении с Гитлером, именно Польша представляла интересы Германии в Лиге Наций, после ухода нацистов из этой организации, именно Польша буквально напрашивалась в союзники нацистской Германии, чтобы вместе начать агрессию против Советского Союза.

О многом говорит хотя бы тот факт, что А.Гитлер в мае 1935 г. посетил Варшаву и принял участие в заупокойной мессе по Ю.Пилсудскому.



Рисуно 3. А.Гитлер на заупокойной мессе по Ю.Пилсудскому, май 1935. Фото из открытых источников.

Кого в различных странах считают национальными героями? Конечно, тех, кто внес значительный вклад в борьбу за национальное освобождение, в развитие своей страны.

Что мы можем сказать о Юзефе Пилсудском. Этот человек не придерживался никаких идейных принципов, легко менял свои убеждения, без колебаний предавал своих товарищей, не чурался откровенно террористических и диверсионных методов. Ведь его борьба за освобождение Польши сводилась к «эксам», т.е. к откровенным грабёжам банков, к формированию откровенно криминальных групп, которые выполняли эти «экссы». Не удивительно, что Пилсудский получил уничтожающую для политического деятеля характеристику от своих противников. В воспоминаниях начальник царского варшавского охранного отделения П. П. Заварзин называл Пилсудского «исключительным специалистом по организации ограблений поездов, банков, почтовых отделений, а равно террористических актов», но не в коем случае не политическим организатором. Организованная им в Кракове боевая школа выпускала многочисленных подготовленных убийц и грабителей. [5]

Как показывает анализ, печальная судьба Польши в период Второй мировой войны во многом явилась результатом спекулятивной политики Ю.Пилсудского, стремившегося не только и даже не столько к умиротворению гитлеровской Германии, сколько, по возможности, к тому, чтобы стать союзником нацистов, принять участие в послевоенном разделе территорий, в т. ч. территорий Советского Союза и на этой почве превратиться в великую европейскую державу. Даже поверхностный анализ свидетельствует, что Польша, как при жизни Пилсудского, так и после его смерти, всерьёз собиралась воевать с СССР плечом к плечу с вермахтом.

По словам польского военачальника и политика, занимавшего до его смерти в июле 1943 г. пост премьер-министра польского правительства в изгнании Владислава Сикорского, история «преподала нам, полякам, слишком кровавые уроки, чтобы мы могли с легкостью забыть их и чтоб идеи и собственные желания мы могли бы сегодня принять за действительные факты» [9].

Но, судя по всему, эти уроки не были приняты в расчет польскими политиками 30-х годов XX века. Судя по всему, не принимаются они в расчет в Варшаве и сейчас.

1. Год кризиса, 1938 — 1939: Документы и материалы. Т. 1. - М., 1990. Валентинов О. Тайны пакта Гитлера — Пилсудского. / [электронный ресурс] - URL://www.posprikaz.ru/2015/08/tajny-pakta-gitlera-pilsudskogo/.
2. Демидов А.В. Некоторые аспекты польско-германских отношений в период между двумя мировыми войнами. *Universum: общественные науки*. 2019. № 9-10.
3. Демидов А.В. Россия и разделы Польши. *Chronos: общественные науки*. 2022. Т.7. № 1 (24).
4. Заварзин П. П. Глава 14: Работа тайной полиции // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска / В двух томах. — М.: НЛЮ, 2004.
5. «Зато у нас не коммунизм»: Диктатура маршала Пилсудского. -
6. <https://vestnikburi.com/zato-u-nas-ne-kommunizm-diktatura-marshala-pilsudskogo/>.
7. Зубачевский В. А. Сговор Пилсудского с Гитлером. Германо-польские отношения в 1933—1935 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2021. № 1.
8. Как евреев хотели переселить на Мадагаскар. – URL: https://dzen.ru/a/Yx8dGTzCJi_kisgP.
9. Лопатина О.В. Польско-германские отношения. 1918 — 1925 гг. Диссертация канд.ист.наук. / [электронный ресурс] — Режим доступа. —// www.dslib.net/vseobshaja-istoria/polsko-germanskie-otnosheniya-1918-1925-gg.html.
10. Матвеев Г.Ф. Пилсудский. Операция «Вечер». - <https://biography.wikireading.ru/129907>.
11. Матвеев Г. Ф. Трагедия красноармейцев в польском плену // «Живая история». 2016. № 5 (12).
12. Романенко В. Трагедия Катыни. Кто в ней повинен. - <https://dzen.ru/a/ZEobIZQ1g2YyKhLd>.
13. Севостьянов Н.Г. Европейский кризис и позиция США, 1938 — 1939. М., 1992. Davies Norman. God's Playground: A History of Poland in Two Volumes. Vol. 2.: 1795 to Present. Heart of Europe. — Oxford. Oxford University Press, 1986.
14. Kowner, Rotem. Historical Dictionary of the Russo-Japanese War. The Scarecrow Press, 2006. Zamoyski Adam. The Polish Way. — John Murray. — London, 1987. Urbankowski, Bohdan. Józef Piłsudski: Marzyciel i strateg. — 1997.

Ерина И.А., Овсянникова С.А.

Научная экспедиция профессора И.Н.Переводчикова (1933 г)

, ФГБОУ ВО «Астраханский медицинский университет»

Астраханский базовый медицинский колледж

(Россия, Астрахань)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-230

Аннотация

Статья содержит исторические данные, посвящённые борьбе с венерическими заболеваниями в Астраханской губернии. В это время были созданы так называемые венотряды, задачами которых были изучение географии и степени распространения венерических и кожных заболеваний, изучение механизмов и путей передачи инфекционных заболеваний, проведение лечебно-оздоровительной и профилактической работы.

Ключевые слова: венерические заболевания, экспедиция, Астрахань, венотряды.

Abstract

The article contains historical data on the fight against sexually transmitted diseases in the Astrakhan province. At this time, the so-called vein squads were created, the tasks of which were to study the geography and extent of the spread of venereal and skin diseases, study the mechanisms and routes of transmission of infectious diseases, and carry out therapeutic, health-improving and preventive work.

Keywords: venereal diseases, expedition, Astrakhan, venous detachments.

Борьба с венерическими заболеваниями среди населения в Астраханской губернии, а затем межрайона имеет свою историю. И берет она свое начало с 1912 году, когда в Астрахани было организовано земское самоуправление. Земская медицина в дореволюционной России содержалась на средства земских самоуправлений и обслуживала главным образом

крестьянское население. В городах имелось небольшое количество фабрично-заводских и частных лечебных учреждений. При организации земской медицинской службы каждый уезд делился на врачебные участки, число которых зависело от размера, площади и количества населения уезда. Первое Астраханское уездное собрание проходило с 15 по 21 октября 1913 года, в ходе которого была определена смета расходов на организацию медицинского обслуживания населения восьми врачебных участков губернии: Чаганского, Федоровского, Бирюче-Касинского, Карантинского, Началовского, Бахтемирского, Яндыкского, Харабалинского [1].

На территории края функционировало 76 лечебных заведений, во время путины дополнительно открывались на Каспийско-Волжских промыслах до 60 больничных учреждений, способных принимать на санитарное лечение до 550-600 человек. Только за 1911 г. амбулаторная помощь была оказана 313982 больным, из них были госпитализированы 19199 человек. Из всех болезней, наиболее распространенными являлись инфекционные.

Простой люд, стекаясь в Астраханскую губернию в поисках работы, «привозил с собой» и сифилис, распространяя его среди коренного населения (в большинстве случаев бытовым путем). Неблагоприятные экологические условия, а также обстановка жизни казахской и калмыцкой семей, при полной неосведомленности населения, способствовали широкому распространению венеризма, в том числе и бытового сифилиса. Национальные меньшинства в дореволюционной России занимали совершенно особенное положение. Неграмотность, темнота, суеверия, часто полное незнание с основными требованиями гигиены характеризовали быт национальных меньшинств, который в основном был значительно примитивнее, чем быт рядовой русской крестьянской семьи [2]. Эти особенности быта обуславливали чрезвычайно высокое распространение разного рода инфекционных заболеваний, в частности, сифилиса и заразных болезней кожи, которые легко передавались как в пределах одной семьи, так и из одной семьи в другую, вызывая эпидемию целых поселков.

В послереволюционный период начало массовой оздоровительной работы надо отнести к 1924 году, когда в Астрахани был организован Губернский

Венерологический диспансер и когда впервые в местности с национальными меньшинствами были направлены венотряды [3].

Задачей венерологических отрядов было изучение географии и степени распространения венерических и кожных заболеваний, изучение механизмов и путей передачи инфекционных заболеваний, и непосредственно проведение лечебно-оздоровительной и профилактической работы. Деятельность отрядов, в начале исследовательская по преимуществу, послужила толчком к развертыванию в районах национальных меньшинств венерологических пунктов, задачей которых являлось закрепление результатов достигнутых венотрядами и дальнейшее систематическое проведение оздоровительной работы.

Работа венотрядов с 1924 по 1926 гг. включительно дала возможность сделать выводы о высоком распространении сифилиса среди казаков. В течение данного периода было осмотрено 6371 человек, из которых у 1121 был диагностирован сифилис.

Доктор Воскресенская, работавшая среди казаков в 1926 г., указывала, что первичные, вторичные свежие и рецидивные формы сифилиса составляли 59,9 % от общего количества обнаруженных случаев инфекции среди этого населения.

В начале 1933 года кожно-венерологической клиникой (в настоящее время кафедра дерматовенерологии Астраханского медицинского университета) и Вендиспансером был поднят вопрос о посылке в один из районов с национальными меньшинствами расширенной венерологической бригады. Основной задачей экспедиции являлось углубленное изучение вопросов, связанных с распространением венерических и кожных заболеваний среди национальных меньшинств.

В начале 1933 года кожно-венерологической клиникой (в настоящее время кафедра дерматовенерологии Астраханского медицинского университета) и Вендиспансером был поднят вопрос о посылке в один из районов с национальными меньшинствами расширенной венерологической бригады. Основной задачей экспедиции являлось углубленное изучение

вопросов, связанных с распространением венерических и кожных заболеваний среди национальных меньшинств.

Исследование вопросов «венеризма» и кожных заболеваний производилось венэкспедицией на основе детального изучения бытовых условий и динамике заболеваемости среди населения.

Вопрос о районе, в который экспедицию следовало направить, не представлял затруднений, так как преобладающее количество национальных меньшинств (казаков) жило в Володарском районе, именно в этот район, по договоренности с Райздравом, и была направлена венэкспедиция.

Володарский район для работы экспедиции по целому ряду причин представлял чрезвычайно большой интерес. Свообразная особенность Володарского района — наличие на его территории ряда крупных рыбных промыслов, на которые ежегодно национальные меньшинства—казаки вербовались на сезонные работы.

Вопрос о пункте, в котором желательно было провести работу экспедиции, был решен на заседании Володарского районно-исполнительного комитета. Венэкспедиция была направлена в Корневский сельсовет, который располагался, сравнительно с другими местностями, далеко от районного центра и в котором работа по изучению венеризма и борьба с ним не проводилась.

Экспедиция выехала из Астрахани 4-го февраля 1933 г. в составе 4-х специалистов (профессора И. Н. Переводчиков, приват-доцента А. П. Пасхаловава, доктора А. П. Приходченко и доктора Ф. Н. Булатова). Руководителем экспедиции был назначен профессор, заведующий кафедрой кожных и венерических болезней И.Н. Переводчиков.

Перед развертыванием работы на месте, в поселке Корнях, были проведены собрания с местными советскими учреждениями, партийными организациями и колхозным активом. Они оказывали помощь в отношении помещения, транспорта, переводчиков.

Работа венэкспедиции продолжалась по 10-е апреля 1933 г.

Поселок Корни, где остановилась венэкспедиция и были развернуты лаборатория и амбулатория, представляло собою село с национальными меньшинствами - татарско-казакским населением и имела 110 дворов. В окружности села Корней располагались другие поселки, значительно меньшие по количеству в них населения. Эти поселки, чаще всего состояли из нескольких дворов и располагались на различном расстоянии от села Корней (от двух до 10 км.). Данные поселки также входили в сферу деятельности экспедиции. Один из врачей (д-р ф. Н. Булатов) ежедневно с утра выезжал на места, проводил посемейно-подворное обследование, брал кровь для серологического исследования, второй врач (д-р А. П. Приходченко) вел такую же работу в самых Корнях и одновременно ставил реакцию Кана.

Серологические исследования производились также и среди больных посещавших амбулаторию, развернутую в помещении здравпункта с. Корней.

Экспедицией, клиническому, а в необходимых случаях и серологическому контролю было подвергнуто 1241 чел., и на это количество было обнаружено 329 случаев сифилиса (10,4 %). Среди обнаруженных форм сифилиса преобладали третичные скрытые - 59,7 %, открытые проявления вторичного периода составляли 5,5 %, скрытые вторичные - 3,9 %, третичные манифестные - 17,8 %; врожденные 10,8 % и поражения нервной системы - 2,3 %.

Таким образом, научная экспедиция под руководством профессора Переводчикова Иннокентия Николаевича, внесла большой вклад по изучению венерических заболеваний в Астраханской области. Все это позволило в последующем разработать профилактические мероприятия в борьбе с инфекциями передаваемыми половым путем.

1. История борьбы с венерическими заболеваниями в Астраханской области: монография – Астрахань, 2019. – 95
2. История дерматовенерологической службы Астраханской области: монография/ Н.И. Рассказов, О.В. Дегтярев, Х.М. Галимзянов, В.В. Думченко, И.А. Ерина, Р.А. Садретдинов. – Астрахань: Астраханский ГМУ, 2016. – 182 с.
3. Ерина И. А., Садретдинов Р. А. История кафедры дерматовенерологии Астраханского государственного медицинского университета: монография/ Астрахань: Астраханский ГМУ, 2016. – 162 с.

Ливанова А.Г., Лаврентьева М.А.

Жизненный путь советского учителя – Варенцовой Лидии Дмитриевны

Кубанский государственный технологический университет,
(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-231

Аннотация

В данной статье исследуется жизненный путь и педагогическая деятельность советского учителя – Варенцовой Лидии Дмитриевны. Авторы рассматривают исторический контекст, в котором происходило формирование советской системы образования, а также исследуют роль педагога в этом процессе. Данная статья основана на анализе дневников Лидии Дмитриевны и её дочери – Ольги Ивановны, а также на рассказах Лидии Дмитриевны для своей семьи. В ходе работы авторы погружают читателя в реалии советских школ, рассказывают о трудностях, с которыми сталкивались учителя и о том, как они находили решения и преодолевали трудности на своем профессиональном пути. В статье описывается важность роли учителей в воспитании молодого поколения и формировании ценностей советского общества. В публикации отмечается, что работа преподавателя заключается в обучении не только школьным предметам, но и нравственным основам. Основываясь на полученных данных, в статье делается вывод о ценности труда советского учителя и ее непреходящем влиянии на развитие системы образования и общества в целом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский учитель, образование, жизненный путь, исторические факты, воспоминания, советская школа.

Abstract

This article examines the life path and pedagogical activity of the Soviet teacher – Lidiya Dmitrievna Varentsova. The authors consider the historical context in which the formation of the Soviet education system took place, and also explore the role of the teacher in this process. This article is based on the analysis of the diaries of Lidia Dmitrievna and her daughter Olga Ivanovna, as well as on the stories of Lidia Dmitrievna for her family. In the course of the work, the authors immerse the reader in the realities of Soviet schools, talk about the difficulties faced by teachers and how they found solutions and overcame difficulties on their professional path. The article describes the importance of the role of teachers in educating the younger generation and shaping the values of Soviet society. The publication notes that the teacher's job is to teach not only school subjects, but also moral fundamentals. Based on the data obtained, the article concludes about the value of the work of the Soviet teacher and its lasting impact on the development of the education system and society as a whole.

Keywords: The Great Patriotic War, Soviet teacher, education, life path, historical facts, memories, soviet school.

История играет незаменимую роль в жизни общества. Она позволяет нам изучать прошлое, понимать сегодняшний день и прогнозировать будущее. История формирует нашу идентичность, укрепляет национальное единство, предоставляет нам мудрость и опыт предыдущих поколений, а также формирует общую культуру общества. Учиться на примере истории и использовать ее уроки в настоящем — это необходимое условие развития и процветания общества [1].

К сожалению, мы последнее поколение, которое еще может увидеть ветеранов, поддержать их за руку, поговорить с ними в живую о страшных событиях того времени, об их воспоминаниях, и сейчас, пока еще многие из них живы, необходимо найти возможность уделить им время, поговорить с ними о важном, ведь ветераны — это целая эпоха, медленно уходящая от нас [3].

Великая Отечественная война – это словосочетание, известное каждому человеку, живущему в нашей стране, в независимости от его возраста, национальности, веры и убеждений. Благодаря традиции чтить ветеранов и помнить военные даты, трагические события 1941 – 1945-х годов навсегда запечатлены в нашей памяти. Война оставляет неизгладимый отпечаток как на физическом, так и на эмоциональном здоровье людей, затрагивает все сферы общественной жизни: экономику, политику, духовную и социальную сферы, а также оставляет след на системе образования и деятельности советских школ.

В данной статье речь пойдет о Варенцовой Лидии Дмитриевне – учителе, заведующем и директоре сельской школы, матери, сестре и жене, человеку, который посвятил всю свою жизнь преподаванию и на протяжении всей войны непрерывно вел уроки, поддерживал и помогал детям.

Варенцова Лидия Дмитриевна, в девичестве Шинкоренко, родилась 14 августа 1925 года в селе Спасское, Саратовской области, умерла она 13 октября 2023 года в станице Отрадной, Краснодарского края. Лидия Дмитриевна была из многодетной семьи и являлась самой старшей, всего в семье было шестеро детей: сама Лидия (1925 г.), Юрий (1927 г.), Зинаида (1929 г.), Илья (1931 г.), Мария (1933 г.) и Раиса (1937 г.). Из всех детей выжили трое: сама Лидия, а также Раиса и Зинаида. Остальные трое умерли: Юрий и Маруся (так ее называли дома) – от болезней в детстве, а Илья – во время войны.

Родителями Лидии Дмитриевны являлись Шинкоренко Дмитрий Гаврилович и Анастасия Федотовна. Отец работал заведующим банка, а мать – несколько лет работала учителем (это послужило примером для маленькой Лиды и именно поэтому через много лет она решила посвятить свою жизнь преподаванию), а потом работала в колхозе.

По рассказам Варенцовой Лидии Дмитриевны, все детство она помогала родителям ухаживать за братьями и сестрами: меняла им пеленки, кормила, успокаивала их и играла. Когда стала чуть старше весь быт лег на ее плечи, так как мать много работала. Будучи шестилетней девочкой, она ходила с младшим братом за водой в соседнее село, у нее было два ведерка, а у Юры одно. Еще она помогала сажать и копать картошку, собирать фрукты, ягоды и овощи, кормила домашний скот, доила коров и убирала в загонах. Также Лидия помнила, как отец водил их всех гулять к речке, а еще на полянку и в лес собирать землянику и облепиху. Мама из ягод делала варенье и компот и это являлось единственной сладостью их детства.

В памяти навсегда остались картины местной природы. Лидия рассказывала, что у Волги было много мелких притоков и им разрешали летом там купаться, а зимой они катались с горок на самодельных санках. Домашний скот там ходил вольно. Во дворе у семьи Шинкоренко стояла молотилка. Лидия Дмитриевна вспоминала: «многие поля были засеяны коноплей, к осени они стягивали ее к воде, мочили, сушили, били цепями – оставались нити. Дома из них ткали постельное белье, одежду, нижнее белье, дорожки на полы и на кровати» [2]. Однако, все это было до коллективизации, а в 1929 – 1930-х годах советское правительство забрало у них почти все, что считало лишним: домашний скот, зерно и молотилку. Лида вспоминала: «отец плакал, когда отводил жеребца Орлика, коров и овец в колхоз».

Когда Лидия Дмитриевна училась в 10-м классе всех ребят забрали на войну. Многие из них не вернулись. Замуж выходить было не за кого, старики да дети остались. Своего мужа Лидия встретила только в 1951 году. На тот момент ей было 26 лет, а Ивану Васильевичу 24 года. По словам Ивана он искал именно Лидию: кто-то дал ему ее фотографию с адресом в Новоукраинке. Но, на тот момент, Лидия с семьей переехали в станицу Надежную, Отраденского района. Там-то Иван и встретил Лидию. Она бежала на уроки (она уже работала преподавателем в школе), а он остановил ее и спросил: «где живет Шинкоренко Лида?» (эта фраза навсегда запомнилась Лидии). В этот же день Лидия привела Ивана домой, чтобы познакомить с мамой, который новый знакомый дочери понравился. Позже Лидия и Иван, неподалеку от родителей, купили себе дом. Прожили вместе они 41 год, до самой смерти Ивана, в браке у них родилось трое детей: Владимир, Ольга и Сергей.

Что касается профессионального пути Варенцовой Лидии Дмитриевны, то по окончании школы Лидия Дмитриевна поступила в педагогический университет. Обучение ей нравилось,

ведь она с детства мечтала стать учителем. После окончания университета она вместе с семьей переехала в Новоукраинку, Краснодарского края. Там она проработала учителем начальных классов пару лет, потом вместе с семьей решила уехать к родственникам в небольшую станицу Надежную, Отрадненского района. Там она стала работать преподавателем начальных классов в школе номер 75. В те годы там была только начальная школа. А вот после войны школу закрыли и открыли новую, в которой обучение длилось уже 8 лет. На новом месте Лидия Дмитриевна продолжила работать учителем начальных классов, но также стала преподавать русский, литературу, труды и продленку. Такое большое количество предметов связано с тем, что в послевоенные и военные годы была нехватка учителей, именно поэтому Лидия Дмитриевна взяла на себя такую ответственность.

Помимо большого объема работы сложность заключалась в том, что у большинства детей отцы, дедушки, дяди и братья ушли на фронт и не вернулись оттуда. Оставшимся женщинам было трудно самим содержать семьи. Это сказалось как на физическом, так и на эмоциональном здоровье детей. В этих условиях перед преподавателями стояла задача найти индивидуальный подход к каждому ребенку, дать ему не только школьные знания, но и поддержать морально. По словам Лидии Дмитриевны не редкость, когда учителя приносили еду и одежду, так необходимые в то время некоторым детям. В этот сложный период многие педагоги проявляли себя не только преподавателями и наставниками, а выступили в роли друга, иногда заменяли детям семью.

О войне Лидия Дмитриевна говорила так: «Голод, холод, разруха, одежда изношенная, работают и маленькие и старики, и я с сестрой на двух работах трудилась. В школе учителем, а после школы на рынке фрукты продавали, стояли и в холод, и в жару, и в снег, и в дождь, мечтали мы с Зиной о платьях новых. После войны подкопили и купили самые красивые платьица в нашей жизни, до сих пор его помню. Страшное время это было, боялись все время, за мужчин боялись очень» [2].

Лидия Дмитриевна проработала в школе 39 лет и 10 месяцев. Дослужилась до должности завуча, а потом и до директора школы. На пенсию ушла в возрасте 62 года до самой своей смерти занималась домашним хозяйством и заботилась о своих близких – сыне Сергее, его жене Галине, которая на протяжении 8 лет ухаживала за Лидией Дмитриевной.

Она прожила долгую и достойную жизнь, полную ярких воспоминаний как о теплых моментах с семьей и учениками, так и о страшных событиях военных лет. Лидия Дмитриевна была умной, находчивой и доброй женщиной, она стала матерью не только для своих детей, но и для десятков учеников, она вырастила не одно поколение достойных людей, которые помнят о ней до сих пор. 13 октября 2023 года, в возрасте 98 лет Варенцовой Лидии Дмитриевны не стало.

В исключительно трудные времена Великой Отечественной войны, советские учителя стали неотъемлемой частью борьбы за будущее страны. Их жизненный путь стал символом самоотверженности, высоких моральных ценностей и любви к знаниям. Учителя не только давали знания, но и воспитывали подрастающее поколение в духе патриотизма и гражданской ответственности. Многие из них оставили свои дома, отправившись в эвакуацию вместе с детьми, сохраняя тем самым целостность образовательного процесса. Их деятельность стала настоящим актом героизма, так как обеспечивали сохранность знаний и надежды в труднейшие времена. После войны они принимали участие в реконструкции разрушенных школ, стремясь восстановить образовательную систему для будущих поколений. Таким образом, жизненный путь учителя во все времена – это история героизма и самопожертвования, история о том, как мастерство учителя спасает учащихся и наполняет их души светом и надеждой на всю оставшуюся жизнь.

1. Гаевская И.И., Лаврентьева М.А. История. – Краснодар, 2018.
2. Личные дневники Варенцовой Л.Д.
4. Гаевская И.И., Лаврентьева М.А., Найденова В.В. Письма с фронта участника Великой Отечественной войны Г.А. Шульги // Электронный сетевой политематический журнал “Научные труды КубГТУ”. 2018. №7. С.90-99.URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35352763_49803140.pdf (дата обращения 19.10.2023).

Полякова О.О.

Дополнительные археоастрономические исследования сосуда андроновской культуры из фондов Эрмитажа

*Центр Детско-Юношеского Туризма и Краеведения "Наследие"
(Россия, Челябинск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-232

Аннотация

По просьбе Леонида Сергеевича Марсадолова, доктора культурологии, ведущего научного сотрудника отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа и Ильи Андреевича Савко, инженера-исследователя Института археологии и этнографии СО РАН, Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири и Алтая, после их совместной работы над хронологическим и календарным анализом изображений на сосуде андроновской культуры, хранящемся в Государственном Эрмитаже, с проведённым над ним предварительным хронологическим и календарным анализом, автором этой статьи были проведены дополнительные археоастрономические исследования в поиске культурологических параллелей с другими памятниками андроновской культуры, в частности, с Синташтой и Аркаимом на Южном Урале, с их астрономическим, календарным и религиоведческим значением.

Ключевые слова: андроновская культура, бронзовый век, лунные циклы, солнечные циклы, Эклиптические и Экваториальные координаты, мирские боги, солнечные боги.

Abstract

At the request of Leonid Sergeevich Marsadolov, Doctor of Cultural Studies, leading researcher of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum and Ilya Andreevich Savko, research engineer at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia and Altai, after their joint work on the chronological and calendar analysis of images on the vessel Andronovskaya culture, stored in the State Hermitage Museum, with a preliminary chronological and calendar analysis carried out on it, the author of this article conducted additional archaeoastronomical studies in search of cultural parallels with other monuments of the Andronovo culture, in particular, with Sintashta and Arkaim in the Southern Urals, with their astronomical, calendar and religious significance.

Keywords: Andronovo culture, Bronze Age, lunar cycles, solar cycles, ecliptic and Equatorial coordinates, worldly gods, solar gods.

Статья посвящена археоастрономическому исследованию в дополнение к комплексному анализу сосуда из могильника андроновской (федоровской) культуры, проведённому Леонидом Сергеевичем Марсадоловым, доктором культурологии, ведущим научным сотрудником отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа и Ильёй Андреевичем Савко, инженером-исследователем Института археологии и этнографии СО РАН, Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири и Алтая в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая», проект №(FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации». Сосуд был найден близ села Красный Яр в Советском районе Алтайского края, в могильнике андроновской культуры экспедиций С.М. Сергеева в 1930 г. в ходе раскопок детского погребения из кургана №1, материалы которого на данный момент хранятся в фондах Государственного Эрмитажа. Этот сосуд имеет традиционные для большинства андроновских горшковидных форм способы формообразования, обработки поверхности, обжига изделий, а также форму и размеры орнамента. Авторы комплексного исследования отмечают, что богатство и геометризм орнамента андроновской посуды даёт исследователям широкое поле для поиска смысла изображений и, безусловно, позволяет на новом уровне изучать духовную культуру этого древнего общества.



Рисунок 1. Сосуд из могильника Красный Яр (Змеевка): 1 — прорисовка сосуда из монографии М.П. Грязнова (1956, с. 19, рис. 2.-1); 2 — прорисовка сосуда из статьи Н.Л. Членовой (1976, с. 79, рис. 3.-1); 3–4 — фотографии сосуда с разных ракурсов (ГЭ, колл. 251/1); 5–6 — макрофотографии отпечатков орнамента (3–6 — фотографии И.А. Савко)

Если же учитывать только количество треугольников, то 14 треугольников могут показывать только фазы движения Луны до полнолуния, и, в обратном счёте, после полнолуния до новолуния. С эпохи палеолита было известно, что на основе не очень сложных астрономических наблюдений можно было проследить на небе постоянно повторяющиеся через 7 дней изменений четырёх фаз Луны.

По мыслям авторов археологического исследования особый интерес вызывает рисунок большого, горизонтально расположенного орнаментального «зигзага» в центральной части сосуда и знака «косоугольного креста» под 9-той западиной (Рис. 2Б) при подсчёте 14 «вершин» и «западин» на «зигзаге», а также, отделёнными от него расположенными тремя круговыми линиями. Нет прямых аналогий знаку в виде «косоугольного креста» на стенках других сосудов андроновской культуры, что свидетельствует об уникальности сосуда из этого кургана. С другой стороны, по свидетельству авторов, известно много «крестов» на дне сосудов, относящихся к эпохе бронзы, которые также частично отражают пространственно-временные и календарные структуры.

По просьбе Л.С. Марсадолова автором этой статьи были произведены дополнительные археоастрономические исследования. В связи с этим были выявлены исторические параллели с другими памятниками андроновской культуры, в частности, Синташта и Аркаим на Южном Урале.

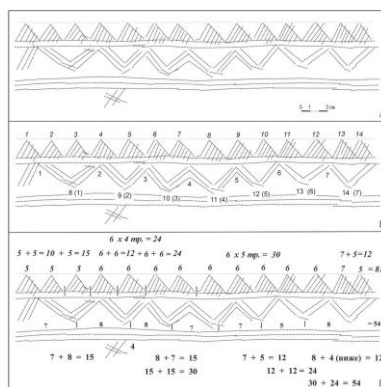


Рисунок 2. Прорисовка орнамента на сосуде из Красного Яра и основы для семантического анализа: А — общий вид развертки орнамента (прорисовка И.А. Савко, с дополнениями Л.С. Марсадолова); Б — число основных элементов орнамента (от 1 до 14); В — число наклонных линий у верхних треугольников и у большого «зигзага» (Б, В — составлено Л.С. Марсадоловым).

Хотелось бы отметить, что, как правило, «кресты» на древних изображениях, одинарные или совмещённые, обозначали «божественные центры», один или оба в околополюсном пространстве северного звёздного неба, как центры астрономических систем координат в нашем сегодняшнем понимании, а именно, первый – центр Эклиптической системы координат в Полюсе Эклиптики рядом с «головой» созвездия Дракон, вокруг которого в ночном небе вдоль Эклиптики наблюдаются видимые движения Луны и планет, и второй – центр Экваториальной системы координат с центром в Полюсе Мира, вокруг которого происходит суточное вращение Земли и годовое солнечное по четырём сезонам года. Причём, оба небесных центра находятся рядом в околополюсной картине северного звёздного неба. Для древних людей всё выглядело не так научно, как в наше время, но видимые движения Луны, планет и звёзд вокруг двух небесных центров они заметили, облакая их в божественные силы, разделяя их по смыслу. Характеристики эклиптических богов складывались на основе видимого на Эклиптике движения Луны и планет, с их восходами и заходами относительно горизонта, при взгляде на южную половину неба, наделяя эклиптических богов дуальными характеристиками единства противоположностей света-темноты, добра-зла, рождения-смерти, награды-наказания, при этом, небо виделось вращающимся по часовой стрелке. Идеальные же характеристики экваториальных богов складывались из видимого вращения звёзд околополюсных созвездий в направлении взгляда на север, вокруг незаходящего под горизонт, идеально находящегося на одном месте Полюса Мира, при этом, то же самое небо виделось вращающимся против часовой стрелки, а суточное вращение Земли воспринималось как видимое движение Солнца вокруг оси Земли, поэтому экваториальные боги имели солнечные характеристики и следили за ними по солнечным циклам, суточным и годовым, по солнечной тени от гномона днём и по вращению околополюсных созвездий на севере вокруг вершины гномона ночью.

Положение Полюса Мира не всегда было видимым, но становилось явным в те времена, когда в Полюс Мира попадали Полярные звёзды, как например, в эпоху бронзы, к которой относился описываемый в исследовании сосуд. В то время, примерно, с середины IV тыс. до н.э. по середину II тыс. до н.э. Полярной звездой стала альфа Дракона, с её точным положением в Полюсе Мира в 2800 г. до н.э., но и, примерно, 700 лет до этого и 700 лет после даты точного стояния Полной звезды в Полюсе Мира, альфа Дракона еще была близка к Полюсу Мира и воспринималась как Полярная звезда. Знаки «крестов» на дне сосудов бронзового века, часто находимые в погребениях перевёрнутыми вверх дном, как бы показывая долженствовавшее им верхнее положение, могли символизировать один или два полярных символа, в том числе свастики, показывающие разнонаправленное вращение одного и того же неба.

Возможно, что двойной «косой крест» на исследуемом сосуде, символизировал календарный счёт из двух астрономических полюсов, в смысле, из двух божественных центров в понимании древних людей.

И тогда, 14 «вершин» и 14 «западин» в сумме показывали 28-дневный месячный цикл Луны при взгляде на южную половину неба, как следование календарному мирскому времени по Эклиптическим циклам, под «воздействием богов», отвечающих за реалии окружающего мира, с их взлетами и падениями, рождением и смертью, добром и злом, светом и темнотой в единстве противоположностей реального мира по типу восходов и заходов Луны и планет относительно горизонта. А суточные и годичные циклы отслеживались в направлении взгляда на север, на Полюс Мира и Полярную звезду в нём, вокруг которых вращались в течение суток околополюсные созвездия ночью и солнечная тень днём вокруг гномона.

В качестве примера Эклиптической (лунной, мирской) планировки, с 7-ми, 14-ти, 28-ми частными делениями, можно привести план половины городища Синташта (вторая половина в древности была смыта изменившимся руслом реки Синтасты) времени эпохи бронзы конца III тыс. до н.э., относящемуся к синташтинско-петровской культуре (Рис. 3), предшественнице андроновской культуры, к которой относится описываемый орнаментальный сосуд, найденный в предгорьях Алтая.

Если для расчёта полного количества жилищ во внешнем круге использовать $\frac{1}{4}$ часть круга, а именно, юго-восточный, наиболее хорошо сохранившийся, сектор, выделенный

древними строителями более широкими проходами между жилищами, то мы увидим, что в нём расположены 14 жилищ (на археологическом чертеже с 10 по 23 жилище), условно по 2 жилища рядом, т.е. в целом круге должно было быть $14 \times 4 = 56$ жилищ, по 28 спаренных жилищ, где одно жилище в паре соответствовало положению Луны в новолуние, а второе – в полнолуние. Это указывает на традиции наблюдения Луны и планет на Эклиптике, среди населения, бытовавшего в городище. Тогда в центр городища Синташта должен был проецироваться Полюс Эклиптики. Это соответствует предположению о поклонении проживавшего в городище населения мирским богам, с характеристиками их единства противоположностей. Такую же схему распределения 56 объектов по кругу мы наблюдаем в Стоунхендже I, где обустроены 56 лунок Обри, чередующиеся белым и чёрным наполнением, смысл которых, возможно, был в том, чтобы отмечать полнолуния или новолуния, когда Луна проходила определённую, одну из 28-ми, Лунную стоянку.

В качестве примера Экваториальной планировки (при взгляде на север на Полюс Мира) с распределением северных созвездий и частичным делением их на мерные части по 9 дней можно предложить план городища Аркаим, который, по общепризнанным свидетельствам археологов, является жреческим центром металлургов, в котором не осталось следов бытования обычного населения, но остались металлургические колодцы, расположенные по определённой схеме совместно со стенами жилищ городища, в рисунок которых заложен сакральный смысл. Как мы видим, по не раскопанной археологами южной части городища, во внешнем круге чередуются изображения длинных и коротких частей некоторых вращательных элементов, которые, при общей картине вращения в целом указывают на четыре положения созвездия Большая Медведица при суточном и годичном вращении его вокруг Полюса Мира последнего времени существования городища около 1600 г. до н.э. (Рис. 4).

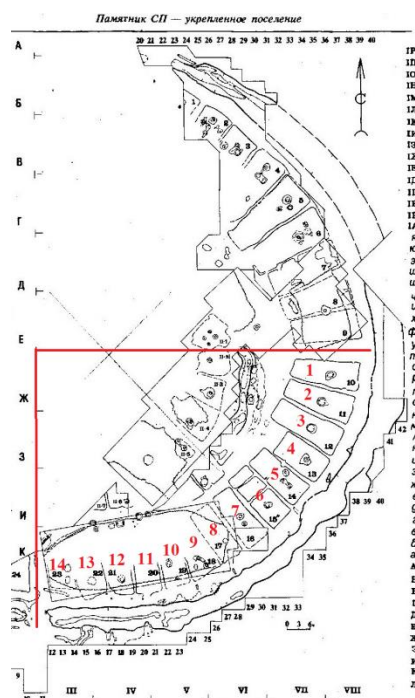


Рисунок 3. План городища Синташта (по Генинг и др.) с выделенным красным цветом юго-восточным сектором, $\frac{1}{4}$ от полного круга, с порядковым счётом парных положений Луны в лунных стоянках. Астрокомпозиция О.О. Поляковой.

В течение года околополюсные созвездия смещались на 360° , но необходимым было и какое-то дробное деление, и таким оказался габарит созвездия Большой Медведицы около 90° , который полностью смещался за один климатический сезон года около 90 дней, т.к. Солнце за день проходит около 1° . Но, как мы видим на плане раскопанной северо-восточной части Аркаима, и само созвездие можно было поделить на 10 частей по 9 суток (в некотором роде

высшая 9-ти дневная неделя и 40 недель в году) и отвечали за эти «высшие» движения боги идеального духа, духа героических побед. Традиции, связанные с 9-ти дневной неделей известны в этнографической литературе. Например, описано, что у вайнахов (эндоэтноним ингушей и чеченцев, носителей нахских языков, возможно, испытавших в своё время влияние индо-иранских, скифских, сарматских народов) девятидневная неделя выступает настоящей системной единицей солнечного года, т.к. в году было сорок девятидневных недель. Следы девятидневной недели можно обнаружить в адыгской культуре, если признать предположение об использовании ореховых флажков как календарных текстов. На таких флажках чаще всего присутствуют группы по 9 единиц.

Габариты созвездия менялись в зависимости от того, когда созвездие Большая Медведица приближалась или отдалялась от Полюса Мира, как видно в представленной таблице, за период с 3300 по 1400 гг. до н.э., но в целом, в указанный период, держались около 90°, что позволяло использовать их для счёта на 4 сезона года. Если бы строители Аркаима заложили полный круг в четыре габарита созвездия около 90° по крайним звёздам созвездия Большая Медведица η и α , то не оставалось бы места на вход в городище. Видимо, поэтому древние строители произвели расчёт положений жилищ четырёх секторов внешнего круга по нижним положениям звёзд созвездия Большой Медведицы η и β .

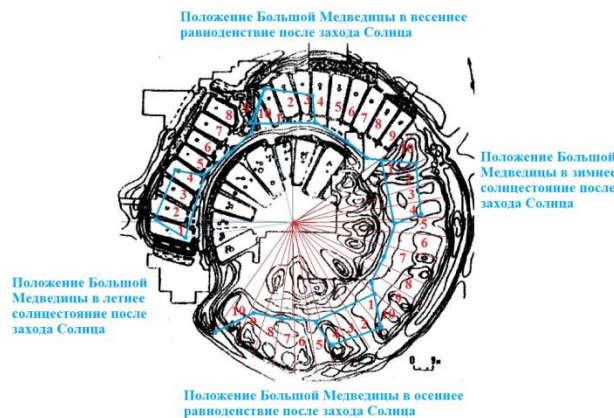


Рисунок 4. Наложение околополюсного созвездия Большой Медведицы в 1600 гг. до н.э. на план городища Аркаим (по Аркаим, 1995, с. 32). Астрокомпозиция с наложением габаритов созвездия Большая Медведица и нумерацией жилищ О.О. Поляковой.

Таблица 1

Угловые соотношения между звездами в созвездии Большая Медведица.

| Год до н.э. | Угловые соотношения между звездами в созвездии Большая Медведица | | | | | | | |
|-------------|--|---------------|------------------|---------------|---------------------|---------------|---------------------|---------------|
| | η и α | | η и β | | δ и α | | γ и α | |
| | Разн. в град. | N раз в круге | Разн. в град. | N раз в круге | Разн. в град. | N раз в круге | Разн. в град. | N раз в круге |
| 3300 | 90,5° | 4,0 | 78,9° | 4,6 | 25,5° | 14,1 | 28,8° | 12,5 |
| 3200 | 91,6° | 3,9 | 79,9° | 4,5 | 26,4° | 13,6 | 29,4° | 12,2 |
| 3100 | 92,5° | 3,9 | 80,7° | 4,5 | 27,4° | 13,1 | 30,0° | 12,0 |
| 3000 | 93,2° | 3,9 | 81,4° | 4,4 | 28,4° | 12,7 | 30,5° | 11,8 |
| 2900 | 93,7° | 3,8 | 81,8° | 4,4 | 29,4° | 12,2 | 31,0° | 11,6 |
| 2800 | 94,0° | 3,8 | 82,1° | 4,4 | 30,4° | 11,8 | 31,5° | 11,4 |
| 2700 | 94,2° | 3,8 | 82,3° | 4,4 | 31,4° | 11,5 | 32,0° | 11,3 |
| 2600 | 94,1° | 3,8 | 82,2° | 4,4 | 32,3° | 11,2 | 32,3° | 11,2 |
| 2500 | 93,9° | 3,8 | 82,1° | 4,4 | 33,2° | 10,8 | 32,7° | 11,0 |
| 2400 | 93,5° | 3,9 | 81,8° | 4,4 | 34,1° | 10,6 | 33,0° | 10,9 |
| 2300 | 93,0° | 3,9 | 81,3° | 4,4 | 34,8° | 10,3 | 33,2° | 10,8 |
| 2200 | 92,3° | 3,9 | 80,8° | 4,5 | 35,5° | 10,1 | 33,3° | 10,8 |
| 2100 | 91,4° | 3,9 | 80,1° | 4,5 | 36,1° | 10,0 | 33,4° | 10,8 |
| 2000 | 90,5° | 4,0 | 79,4° | 4,5 | 36,6° | 9,8 | 33,4° | 10,8 |
| 1900 | 89,4° | 4,0 | 78,5° | 4,6 | 37,0° | 9,7 | 33,3° | 10,8 |
| 1800 | 88,2° | 4,1 | 77,6° | 4,6 | 37,2° | 9,7 | 33,1° | 10,9 |

| | | | | | | | | |
|------|-------|-----|-------|-----|-------|-----|-------|------|
| 1700 | 86,8° | 4,2 | 76,6° | 4,7 | 37,4° | 9,6 | 32,8° | 11,0 |
| 1600 | 85,4° | 4,2 | 75,5° | 4,8 | 37,4° | 9,6 | 32,5° | 11,1 |
| 1500 | 83,9° | 4,3 | 74,4° | 4,8 | 37,3° | 9,7 | 32,0° | 11,3 |
| 1400 | 82,4° | 4,4 | 73,3° | 4,9 | 37,1° | 9,7 | 31,5° | 11,4 |

Тогда в каждом секторе городища, в основном, были отмечены по 9 жилищ, при этом, 10-е жилище, относящееся к хвостовой части созвездия и звезде η , накладывалось на 1-е жилище следующего сектора, относящегося к главной звезде созвездия α Большой Медведицы. И только северо-восточный сектор не имеет совмещения соседних секторов и потому имеет на одно жилище больше, т.е. полноценные 10 жилищ, укладываемые в габарит созвездия, причём, видно, что дуга северо-восточного сектора жилищ как-бы специально выгнута наружу от основного круга, что, вероятнее всего, сделано для того, чтобы ввести дополнительное жилище, соответствующее дополнительной неделе, т.к. в году не 40 недель по 9 дней, а 40,5 недель, имеющих в сумме 365-366 дней в году, с дополнительной неделей в 5-6 дней.

Возможно, что сама система календарного счёта оттачивалась в конструкциях стен Ситашты и Аркаима, или других, не известным нам городищ, а изображения на сосудах являлись уже аксиомой отточенных временем астрономических знаний.

Мы видим, что на сосуде андроновской культуры, найденном в предгорьях Алтая, может быть изображён совмещённый солнечно-лунный календарный счёт времени в двух астрономических системах (божественных ипостасях): в Эклиптической системе (лунной, мирской, женской) при наблюдении в южной части неба 7-ми дневных фазах Луны мирского времени, как 7-ми дневной недели, с 4 фазами (неделями) в течение лунного месяца, обозначаемого 28 лунными стоянками рассматриваемого события в единстве противоположностей реальной жизни, с её радостями и печалью, рождением и смертью, урожаями и неурожаями и прочими дуальностями, и, напротив, в Экваториальной системе (солнечной, мужской, героической, духовной, священной) при наблюдении в северной части неба созвездия Большая Медведица, которое при вращении укладывалось, примерно, 4 раза в круге, где каждый из четырёх секторов созвездия проходило за один из 4 сезонов солнечного года, при этом, само созвездие делилось на 10 частей, примерно, по 9°, где 1° Солнце проходит за сутки. Получается, что каждая 10-я часть созвездия проходила, условно, за 9 дней, что могло стать основанием для счёта 9-ти дневной недели, в итоге по 40 недель в год.

1. Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. / Науч. ред. Г.Б. Зданович; Сост. Н.О. Иванова. – Челябинск: Каменный пояс, 1995. – 224 с.
2. Генинг, В.Ф., Зданович, Г.Б., Генинг, В.В. Синташта: Археолог. памятники арийских племён Урал. – Казахст. степей: в 2-х ч. Ч. 1/ В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг; Урал. Отд-ние Рос. Акад. Наук, Челяб. гос. ун-т. – Челябинск: Юж.-Урал. Кн. изд-во, 1992. – 408 с.
3. Дмитриев, В.А. Бытовые представления как источник восстановления архаических приёмов счёта времени (На примере адыгских календарных жезлов из ореха) // Динамика этнической культуры народов России. – СПб, 2004.
4. Дмитриев, В.А. Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: Региональный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии, 2007. Том X. №4. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-vremennoe-povedenie-v-traditsionnoy-kulture-narodov-severnogo-kavkaza-regionalnyy-aspekt>
5. Марсадолов, Л. С., Савко, И.А. Об одном сосуде андроновской культуры из Красного Яра в предгорьях Алтая (форма, технология, семантика) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей / гл. ред. А.А. Тишкин; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. – Выпуск XXIX. – 364 с.
6. Полякова, О.О. Древние календари Южного Урала. – М.: Издательство «Спутник+», 2020. – 160 с.
7. Фролов, Б.А. Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1974. – 240 с.

Полякова О.О., Гетманов А.П., Гетманова Н.А.

Дополнительные археоастрономические исследования Нижнеархызской солнечно-звёздной средневековой обсерватории

Центр Детско-Юношеского Туризма и Краеведения "Наследие"

(Россия, Челябинск)

Центр дополнительного образования детей

(Россия, Черкесск)

doi: 10.18411/trnio-12-2023-233

Аннотация

В Карачаево-Черкессии, в Нижнем Архызе, недалеко от современной Зеленчукской обсерватории, находится древняя средневековая аланская обсерватория в виде каменного круга и нескольких каменных строений в нём. Умар Эльканов с 1981 года исследует вместе с другими энтузиастами астрономическое значение круга и сделал вывод о том. Что это Солнечный круг. Исследования продолжаются. Авторы этой статьи попытались провести культурные параллели со способами ведения астрономических наблюдений на средневековом аланском памятнике и на более древнем памятнике Южного Урала – Большой Синташтинский курган.

Ключевые слова: астрономическая обсерватория, Полнос Мира, Большая Медведица, Малая Медведица.

Abstract

In Karachay-Cherkessia, in the Lower Arkhyz, not far from the modern Zelenchuk Observatory, there is an ancient medieval Alan observatory in the form of a stone circle and several stone buildings in it. Since 1981, Umar Elkanov has been researching together with other enthusiasts the astronomical significance of the circle and concluded that. That it's a solar circle. Research continues. The authors of this article tried to draw cultural parallels with the methods of conducting astronomical observations on the medieval Alan monument and on the more ancient monument of the Southern Urals – the Great Sintashta Kurgan.

Keywords: astronomical Observatory, Pole of the World, Ursa Major, Ursa Minor.

Ознакомление на месте в сентябре 2023 года со структурой Нижнеархызской солнечно-звёздной обсерватории убедило нас в предположении Умара Эльканова и др., в результате уже проведённых ими исследований, начиная с 1981 года, в использовании этого памятника с целью астрономических наблюдений (Рис. 1).

Хотелось бы добавить свои мысли по этому поводу, а также, провести аналогию по способу астрономических наблюдений на этом памятнике с зафиксированным способом астрономических наблюдений на Большом Синташтинском кургане, основанном в конце III тыс. до н.э., относящимся к синташтинской археологической культуре бронзового века, находящимся на Южном Урале в 30 км восточнее от Аркаима. После завершения эпохи синташтинской культуры, носителями которой были не разделённые ещё племена индо-иранцев, следы её разошлись на север, восток, запад и юг, и обнаруживались в степях Казахстана, в Сибири, в Европе, в Индии и в Иране.

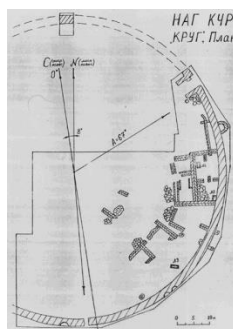


Рисунок 1. Древняя аланская обсерватория в Нижнем Архызе [https://earth-chronicles.ru/news/2015-09-23-84395].

Аналогия Синташты с Нижнеархызской солнечно-звёздной обсерваторией заключается в том, что для астрономических наблюдений древние наблюдатели за Солнцем, Луной и звёздами использовали не полностью размеченный круг, а только несколько клеток, выложенных камнями в Нижнем Архызе, или брёвнами на поверхности Большого Синташтинского кургана, габариты которых соответствуют определённым астрономическим единицам, уже отслеженным древними людьми к тому времени, таким как Лунные стоянки, размерами около 13° , что соответствует, примерно, 27,5 части круга (продолжительность сидерического лунного месяца в 27,32 суток, когда Луна возвращалась к одной и той же звезде). Прохождение Луны вдоль линии Эклиптики происходило за сутки по одной из 27 или 28 лунных стоянок, в зависимости от принятых традиций - у древних славян и индийцев были приняты 27 лунных стоянок; у древних китайцев, иранцев, британцев, а также, в Аркаиме и Синташте, у ещё не разделившихся на отдельные народности индо-иранцев, были приняты 28 лунных стоянок. Достаточно было наблюдать, какие звезды, относящиеся к конкретной лунной стоянке, проходили напротив клетки с габаритами около 13° (Рис. 2).

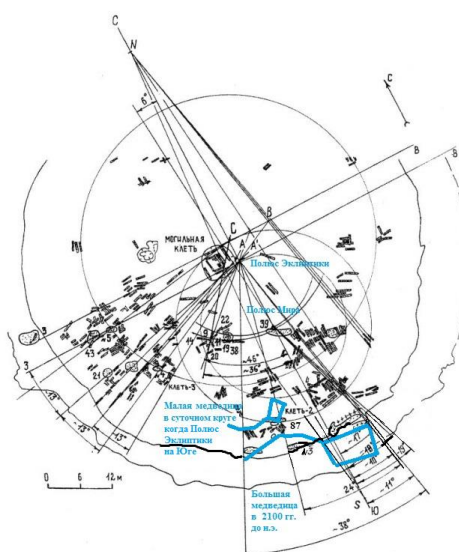


Рисунок 2. Отдельные бревенчатые клетки фиксированных размеров на склоне Большого Синташтинского кургана, внутри которых находятся проколы от кострищ, что наблюдается и в каменных клетях Солнечного круга в Нижнем Архызе.

Также, на Большом Синташтинском кургане есть южная клетка (по отношению к столбугномону, символизировавшему Полус Мира), размером совпадающая с габаритами «ковша» созвездия Малой Медведицы. Солнечная тень от гномона могла показывать время днём, а вращение звёзд околополюсных созвездий вокруг вершины гномона, находящейся на высоте Полюса Мира, могло показывать ночное время.

Южнее этой клетки найдены следы проколов от кострищ, размером, совпадающие с габаритами созвездия Большая Медведица в исследуемую эпоху. Примерно такая же картина наблюдается и в Нижнеархызской обсерватории, где клетки, символизирующие созвездия малой и Большой Медведицы находятся в том же порядке удаления от центра памятника, стой лишь разницей, что не в направлении на юг, как на Большом Синташтинском кургане, а в направлении на юго-восток, очевидно, в том направлении, где небо более открыто между отрогами гор.

В предполагаемое время существования Нижнеархызской солнечно-звёздной обсерватории, около X-XIII вв. н.э., в Полусе Мира ещё не было Полярной звезды, поэтому астрономы того времени, по ближайшим к Полусу Мира звездам, находили положение Полюса Мира. Ближайшими к нему в то время были звёзды Малой Медведицы, и, чуть подальше, звёзды Большой Медведицы. Видимо их и использовали древние астрономы для нахождения Полюса Мира и календарных единиц: 1/12 части круга (30°) – одного знака Зодиака, 1/24 части

круга (15°) – одного часа в сутках, $1/28$ части круга (13°) – одной Лунной стоянки месяца (Рис. 3).

В Нижнеархызской обсерватории роль месячной клетки ($1/12$ части года) выполняла ближайшая к центру обсерватории клетка, размером около 30° , совпадающая с расстоянием между звёздами β и η созвездия Малой Медведицы; роль одночасовой клетки ($1/24$ части в сутках), размером около 15° , выполняла вторая от центра обсерватории клетка, размером совпадающая с расстоянием между звёзд ζ и γ созвездия Малой Медведицы; роль Лунной стоянки ($1/28$ части круга), размером около 13° выполняла та же, что и предыдущая, вторая от центра, клетка, но выполненная по внутренним габаритам, благодаря толщине стен доведённая до размера в 13° .

На Большом Синташтинском кургане в клетях находятся остатки пепла от кострищ, т.е. здесь совершались жертвоприношения соответствующим годовым, суточным и месячным богам. То же самое и в Нижнеархызской солнечно-звёздной обсерватории в клетях были отмечены следы от прокалов кострищ.

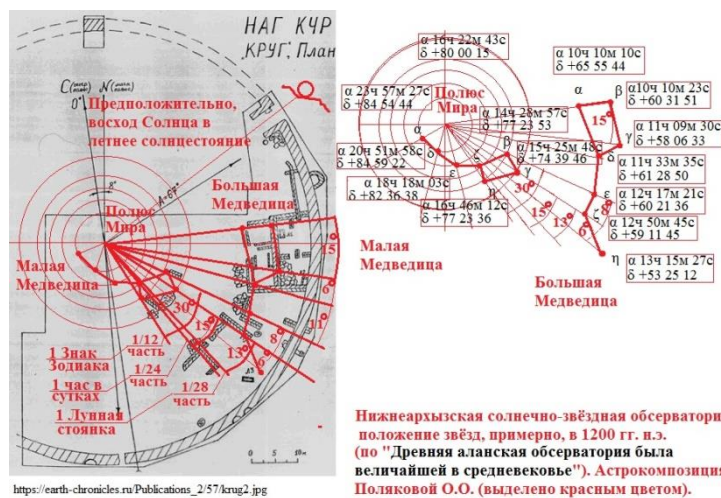


Рисунок 3. Наложение созвездий Большая и Малая Медведица, используемых в виде мерных единиц, на контуры каменных клеток в Солнечно-звёздном круге в Нижнем Архызе.

Можно предположить, что использование сходной традиции астрономических наблюдений за календарными событиями даёт возможность нам сделать предположение о родственных и культурных связях между древними синташтинскими индо-иранскими традициями и средневековыми традициями алан.

1. Древняя аланская обсерватория была величайшей в средневековье / под ред. У. Эльканов. Электронный ресурс: <https://earth-chronicles.ru/news/2015-09-23-84395>
2. Исследования / Астроисс. – под ред. О.О. Поляковой. Электронный ресурс: <https://astroiss.ru/page1.html>
3. Полякова, О.О. Древние календари Южного Урала. – М.: Издательство «Спутник+», 2020. – 160 с.

Рагимханов А.В.

Батыево нашествие: почему победили монголы

*Владимирский государственный университет
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-234

Аннотация

Привлечение в статье внелетописных источников, а также данных естественных наук позволяет более точно взглянуть сквозь призму времени на одну из самых тяжёлых трагедий

русской истории – нашествие Батыевой орды и опровергнуть отдельные расхожие стереотипы, укоренившиеся в историографии данного события.

Ключевые слова: Батыево нашествие, монгольская лошадь, хозяйство древней Руси, яса.

Abstract

The use of extra-chronicle sources in the article, as well as data from the natural sciences, allows us to take a more accurate look through the prism of time at one of the most difficult tragedies of Russian history - the invasion of the Baty Horde and to refute certain common stereotypes rooted in the historiography of this event.

Keywords: Batya's invasion, mongolian horse, economy of ancient Rus', yasa.

Одной из самых изучаемых эпох в отечественной историографии является век XIII, явившийся для Руси переломным временем, разделившим нашествием Орды её бытование на «до» и «после». Действительно, кажется, что изменения, происшедшие с ней в это столетие были фатальны, а общество оказалось отброшено в культурном и экономическом планах в прошлое. Последующие даннические отношения сформировали особый характер местной власти, уже не имевшей былого социального верховенства и вынужденной подтверждать свои природные права на стороне.

Очень часто приходится слышать, что такого могло и не случиться, если бы русские князья первой трети XIII века объединились и дали общий отпор монгольскому завоевателю. Однако, историческая наука не изучает то, чего не было или что не основано на источниках. И прежде чем делать вывод о политических причинах поражения русских земель в схватке с завоевателем, имеет смысл сравнить тогдашние Русь и Орду в самых общих чертах, задав простой вопрос - была ли в принципе возможна такая общая победа над общим врагом?

Русские княжения (политии) первой трети XIII века в экономическом плане - это регионы пахотного и подсечно-огневого земледелия. Подавляющее большинство населения (смерды) было вовлечено в тяжёлый трудовой процесс севооборота, что само по себе прикрепляло к земле и не позволяло отвлекаться на какие-либо сторонние занятия, кроме рыбной ловли и охоты. Отдельно стоит сказать про северо-восточные территории Руси, лишённые необходимых для максимального прибавочного продукта чернозёмов, что сильно ограничивало в хозяйстве вторую по важности отрасль - скотоводческую. Действительно, в источниках нет упоминаний о сколь-нибудь широком коневодстве (важном для рассматриваемой темы) в княжениях северо-востока. Производящий от урожая до урожая жито смерд платил дань своему князю, сбывал на торгах добытые в лесу шкурки пушных зверей, мёд и воск, жил соседской общиной и воевать не умел от слова совсем. Согнать мужика с земли ради неясных военных предприятий князь не мог в силу слабости тогдашней политической системы, а значит и приобрести боевые навыки большинству населения Руси было попросту негде.

Однако, источники, в первую очередь летописи, пестрят бесконечными военными предприятиями, столкновениями, осадами, происходившими на русских землях в преддверии Батыева нашествия. У читателя может сложиться впечатление, что идёт война всех со всеми: сама Русь раздираема усобицами, на севере бесконечные стычки с Литвой, а на юге ещё сильны кочевники-половцы. Но такое впечатление обманчиво, ведь монах-летописец – это не историк, а богослов, задача которого записать происходящее в обществе, в первую очередь дела власти, и дать этому соответствующую оценку «согласно евангелию». Если верить расчетам некоторых историков, что население Руси перед нашествием Орды было порядка пяти миллионов человек, то во всех вместе взятых русских летописях едва ли можно будет найти всего несколько сотен персоналий, по деятельности которых главным образом и изучают отечественную историю той поры. Если же учесть, что за всё время домонгольских усобиц (а это 250 лет) погибло непосредственно на поле боя всего три русских князя, то заявляемые масштабы всех этих стычек уродливо гипертрофичны. Разрозненные князья имели крайне малочисленные дружины

(десятки, в лучшем случае сотни всадников), которые и были носителями боевых качеств, столь необходимых для ремесла профессионального воина. А, следовательно, воинское сословие на Руси в широких масштабах отсутствовало.

Совершенно иная картина наблюдается в Орде. В первую очередь, это хозяйство, полностью выстроенное на кочевом скотоводстве с преобладанием коневодства. Степняк уже с юных лет был отлично слаженным с животным всадником; охраняя табун, умел бить с коня копьём, стрелять из лука на большие дистанции полёта стрелы. Постоянные перемещения по степи со стадами неизбежно приводили к межклановым конфликтам, которые решались чаще всего силой оружия. Милитаризованность Орды была колоссальна уже в силу специфики её хозяйственного уклада. Но кочевым скотоводством занимались и половцы, которых, однако, русские князья успешно били. Ответ тут, по всей видимости, лежит уже в социально-политическом ключе – монголы были некогда, после чреды крупных внутренних войн, сплочены Тэмуджином и включены в единый механизм управления (десятки, сотни, тумены ит.д.), позаимствованный последним, как идея, в конфуцианском Китае, а половцы так и остались на уровне кланов. Разумеется, никакой политической консолидации не было и на Руси, где власть князя была по сути семейной преференцией и равно распределялась между всеми мальчиками одного рода.

Итак, из хозяйства Орды выходит и их главное оружие, и их главное превосходство – конь. Раннее средневековье – это господство кавалерии на поле боя, где вес животного играет решающую роль. Поэтому поход Батыев был организован таким образом, чтобы обеспечить лошадей фуражом. Кони были заранее откормлены на летних пастбищах, набрав вес к концу осени, а кобылы часто либо ожеребились, либо были беременны. А на Руси собран урожай и амбары заполнены хлебом. Тем, которым и будет питаться в итоге монгольский конь зимой 1237/38 годов, только об этом русский смерд не знал. Тут так же уместно отметить, что у русских князей воевать зимой было не принято.

Часто приходится слышать, что Орда шла по Руси по рекам. Такой расхожий стереотип, который легко критикуем той скоростью, с которой монголы пронеслись по северо-востоку, а затем и по юго-западу (с учётом постоянного поиска фуража по всем встречным сёлам). Конечно, они пользовались дорогами, которые на Руси были в массе грунтовыми вплоть до середины XX века, а большой тоннаж перевозился по рекам вплоть до второй половины века XIX.

Важным фактором скоротечных побед Батыевой орды на Руси был и колоссальный боевой опыт, который был приобретён командованием и простыми воинами в ходе кампаний в Китае и Средней Азии. В первую очередь следует отметить активное привлечение местного населения – так называемый хашари умение вести осады городов, а, следовательно, строить различные технические приспособления. По всей видимости, русские города не составляли никакой серьёзной проблемы для ордынских мастеров осадного дела, а отсутствие политической консолидации в русском обществе позволяло набирать необходимый объём рабочих рук прямо на месте. Как бы это странно ни звучало, но Орда воевала с Русью отчасти руками самой Руси, что находит косвенное подтверждение в источниках. Монголы действительно брали деревянно-земляные крепости очень быстро, например, за период с ноября 1237 по март 1238 годов ими было разорено только упоминаемых в летописях 11 городов. С другой стороны, неясно все ли города были именно захвачены, а не сами сдались на милость победителя, так как согласно «Ясе» Чингисхана к таким проявлялось милосердие и устанавливался налог в пользу захватчика. К слову за всё время войн с половцами, а это более ста пятидесяти лет, последние смогли захватить только пять русских городов, сказывалось отсутствие опыта у последних.

Нашествие зимы 1237/38 годов завершилось, как это традиционно описывается в историографии, по причине разлива рек, который не позволил Орде двигаться дальше. Но на деле из источников такой вывод не следует. Наиболее вероятным фактором остановки кампании следует признать сам весенний сезон, когда на Руси хлеб предыдущего урожая уже доедали, и обеспечить коня фуражом монголу становилось всё сложнее.

Оставляя за границами данного исследования отдельные важные детали: хорошо поставленную систему планирования и шпионажа в высшем военно-политическом руководстве Орды; причины её нападения на Русь, которые не столь однозначны при ближайшем рассмотрении; местный климат, который был монголу привычен и прочее, имеет смысл сделать следующий вывод.

Причины поражения русских княжений при нашествии Батыевой орды следует искать в первую очередь в сравнении экономики двух систем и в значительно более широком военном опыте ордынцев: массы кавалерии, использование хашара, осадное искусство. Прежде чем придти на Русь монголы разгромили Китай, Хорезм и Булгарию, государства с куда более развитой политической культурой, чем на тогдашних русских землях. Поэтому даже если бы, каким-то немыслимым способом, русские князья внезапно остановили все усобицы и объединились против нашествия Батыева, то массово превратить земледельцев во всадников, а самим немедленно приобрести боевой опыт всё равно бы по мановению ока не получилось.

Это и обусловило быструю победу монголов и её тяжелейшие последствия для русского мира.

1. Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейн, Б. Л. Губман, О. В. Строганова. - Тверь; М.: Леан, Аграф, 1997
2. Горский А.А. Русское Средневековье: мифы и историческая действительность. - М.: Астрель-Олимп, 2010
4. Долбе, Вячеслав. Лошади степных пород: физические характеристики, особенности, тебеневка и корма. (2012). URL: <http://annales.info/step/dolbe/stephors.htm> (дата обращения: 29.11.2023)
5. Кирьянова Н. А. О составе земледельческих культур Древней Руси X-XV вв. (по археологическим материалам) // Советская археология. 1979. № 4, С.72-85
6. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. - М.: Госкультпросветиздат, 1956
7. ПСРЛ Т.1 Лаврентьевская летопись. Вып.2: Суздальская летопись. - Ленинград: Изд-во АН СССР, 1927
8. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - М., Л., 1952.
9. Рубрук В., Карпини И.П. История Монголов/ Путешествие в восточные страны. - Спб: 1911

Солович О.А.

Участие башкир в восстании Е. Пугачева (1773-1775 гг.)

*Южно-Уральский государственный аграрный университет
(Россия, Троицк)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-235

Аннотация

Работа посвящена одному из крупнейших событий XVIII в. – социальному взрыву под предводительством Е. Пугачева и участию в движении национальных окраин. Целью статьи является анализ целей башкирского восстания как составной части Пугачевского бунта. Автор приходит к выводу об органической связи восстания конца XVIII в. с предыдущими башкирскими движениями периода интеграции Башкирского края.

Ключевые слова: башкиры, башкирские союзы племен, башкирское восстание, Пугачевский бунт, восстание Пугачева, Российская империя, русско–башкирские отношения, условия подданства, автономия.

Abstract

The work is devoted to one of the major events of the XVIII century – the social explosion led by E. Pugachev and participation in the movement of national suburbs. The purpose of the article is to analyze the goals of the Bashkir uprising as an integral part of the Pugachev rebellion. The author comes to the conclusion about the organic connection of the uprising of the end of the XVIII century with the previous Bashkir movements of the period of integration of the Bashkir region.

Keywords: Bashkirs, Bashkir Union of tribes, Bashkir uprising, Pugachev rebellion, Pugachev uprising, Russian Empire, Russian–Bashkir relations, conditions of citizenship, autonomy.

XVIII в. стал для развития Российского государства и общества весьма сложным. На фоне затянувшегося династического кризиса и череды дворцовых переворотов социальные отношения превратились в безобразную форму привилегий меньшинства и бесправия большинства. Крепостное право набирало обороты, начиная со всеобщей переписи населения при Петре I и заканчивая указами Екатерины II, запрещающими крестьянам жаловаться на своих землевладельцев и разрешающими дворянам ссылать крестьян на каторгу (середина 60-х гг. XVIII в.). Социальные конфликты были накалены до предела, став перманентным фоном всех событий российской истории этого периода. Укрепление центральной власти и выстраивание новой – абсолютистской – модели взаимодействия с подданными сопровождалось непреклонным сопротивлением разнообразных социальных сил. Эволюция русско-башкирских отношений от добровольного присоединения и широчайшей автономии к централизованному управлению является маркером цивилизационных сдвигов [1, с. 135]. На примере башкирских восстаний можно проследить тенденцию отказа государства от первоначальных договоренностей. Принимая подданство, башкиры в середине XVI в. взяли на себя ряд обязательств – выплата ясака, ямская служба, защита юго-восточных границ. Ясак, который можно назвать чисто формальным, был лишь символом установившихся конструктивных отношений между Московским государством и башкирскими союзами племен. От башкир государство ждало не грандиозного вливания в казну, выгода заключалась не в прямых налогах с новых подданных, а в той практической пользе, которую они принесли, согласившись самостоятельно защищать юго-восточные границы государства [2, с. 22]. Однако, тяжелейшие последствия Смутного времени, провоцируют правительство на необходимые для страны, но непопулярные у населения решения. Неудивительно, что XVII в. становится «веком бунтов». Башкиры не остаются в стороне от этого процесса, тем более к 30-м гг. XVII в. появился новый фактор, который внес изменения в устоявшийся порядок вещей, и сломал традиционные компромиссные русско-башкирские отношения. Этим фактором явились калмыцкие племена. Их появление у юго-восточных границ Русского царства дестабилизировало привычную военно-политическую ситуацию в этом регионе. Государство нарушает вотчинные права башкир (которые были залогом добровольного вхождения в состав Московии) и провоцирует башкир поднять бунт (1662 – 1664 гг.). Однако, следует признать, что попытки государства нарушить автономию Башкирского края и отменить его автономию, хоть и случались периодически, не носили системного планомерного характера. Чаще всего, наступление на свободы подданных носило общегосударственный характер, без примеси национального или религиозного компонента. Башкирам удавалось долгое время сохранять автономию, бунты всегда заканчивались уступками со стороны администрации и возвратом к договоренностям времен Ивана Грозного. Ситуация начинает резко меняться в начале XVIII в. Северная война поставила перед государством сложные задачи, в т.ч. затрагивающие напрямую имущественные права башкирских союзов племен. Индустриализация края привела к восстанию 1704 – 1711 гг. По оценкам современных авторов данное восстание привело к разрыву русско-башкирских отношений, которые были восстановлены только в 1722 г. [3]. Завершающими событиями периода интеграции и автономии Башкирии стали Оренбургская экспедиция и башкирское восстание 1735-1740 гг. Вооруженное движение «под предводительством» Батырши и быстрая расправа с ним стали доказательством того факта, что автономия башкирских союзов племен завершилась.

Но даже после подавления башкирского восстания 1735-1740 гг. и 1755 г., после интенсивного проникновения в регион администрации и переселенцев, положение в крае оставалось взрывоопасным. Неудивительно, что вооруженный масштабный протест крестьян, заводских рабочих и казаков, возглавляемый Е. Пугачевым, быстро усилился за счет национального компонента [4]. Именно поэтому весьма сложно определить данное событие как банальный бунт или восстание. Современные авторы характеризуют событие как гражданскую войну или фронтирную жакерию [5; 6; 7].

Башкирские массы толкали на бунт двойной гнет, которому они подвергались со стороны государства и собственной аристократии. Воззвание Пугачева к башкирскому народу было

направлено из-под Оренбурга 1 октября 1773 года. Но еще до этого к Пугачеву примкнул башкирский старшина Кинзя Арсланов с отрядом в 500 человек. Он получил от Пугачева чин полковника. Первые успехи армии Пугачева встревожили местные власти. Оренбургский губернатор решил использовать башкир для борьбы с Пугачевым. Он обратился с приказом ко всем волостным старшинам, чтобы они немедленно созвали воинов и шли на помощь Оренбургу. Старшины подчинились приказу. В городе Стерлитамаке собрался отряд вооруженных башкир. Среди них был Салават Юлаев. Его послал сюда отец - Юлай Азналин, старшина Шайтан-Кудейской волости.

По отдельным источникам, у Юлая Азналина еще в 1755 году случился конфликт с купцами Твердышевыми по причине нежелания уступать родовые земли под строительство чугуноплавильного и железоделательного завода в Симе. Но горнопромышленники, поддерживаемым центральной и региональной царской властью, преодолели сопротивление Азналина, тем более что оборот башкирских земель разрешался царским Указом от 11 февраля 1736 г. На вотчинных землях шайтан-кудейцев (к коим относился и Салават Юлаев), в последствии были построены города Миньяр, Сим, Юрюзань, Катав-Ивановск, Усть-Катав. Бесспорно то, что Салават Юлаев вырос в той среде, где не жаловали ни заводы, ни их владельцев.

Салават прибыл во главе отряда воинов. Он пользовался большим влиянием среди своих подчиненных. Он был известен как импровизатор, слагающий песни о подвигах башкирских батыров, о прекрасной природе Урала. Прочитав воззвание Пугачева, Салават Юлаев обратился с пламенной речью к воинам, призывая их перейти на сторону Пугачева, обещающего вольность башкирам. И вот башкирский отряд, собранный в помощь правительству, влился в армию Пугачева. Салавата Юлаева Пугачев пожаловал чином полковника, а также назначил командиром всей башкирской конницы. Затем Салават был послан Пугачевым вглубь Башкирии, поднимать народ на восстание. Башкирский народ, а также русские крестьяне и работные люди на заводах Башкирии легко поднялись на борьбу. И вскоре весь край был охвачен восстанием. Основные силы армии Пугачева осаждали Оренбург. Руководить восстанием в Башкирии издалека было очень трудно, поэтому Пугачев приказал взять Уфу, расположенную в самом центре Башкирского края. Отряды башкир и казаков - пугачевцев осадили Уфу, но взять не смогли. Пугачев посылает туда дополнительные силы под предводительством Ивана Зарубина. Осада Уфы затянулась. Пока войска Ивана Зарубина осаждали Уфу, повстанческие отряды из башкир, заводских рабочих и крестьян под командованием Салавата Юлаева взяли Красноуфимск и осадили город Кунгур. Другой отряд обложил город Челябинск. Напуганное размахом восстания, царское правительство двинуло большие силы на его подавление. Весной 1774 года армия Пугачева под Оренбургом потерпела первое поражение. Пугачев с небольшой группой своих соратников отступил вглубь Башкирии, надеясь получить помощь от башкирских повстанцев. Одновременно правительственные войска разбили повстанческие отряды под Уфой, Красноуфимском, Кунгуром и Челябинском. Пугачев, отступивший в Башкирию, встретил здесь поддержку у башкирского народа и рабочих уральских заводов. Только на Авзяно - Петровском и Белорецком заводах к Пугачеву примкнуло 2500 человек [8, с. 374]. Вскоре армия Пугачева выросла до 10 000 воинов. С этой силой он двинулся на север. На помощь к нему пришел и Салават Юлаев, собравший остатки своих разбитых отрядов. Пугачев решил идти на Казань. Он взял город Осу и переправился на правый берег Камы, откуда открывалась дорога на Казань. По приказу Пугачева Салават Юлаев остался в Башкирии, чтобы продолжать борьбу с правительственными войсками. После ухода Пугачева из Башкирии повстанческие отряды башкир снова осадили Уфу. Но и на этот раз взять ее не удалось. Разбитые под Уфой башкирские отряды отступили на реку Ай. Центром восстания становится восточная Башкирия. Руководство восстанием сосредоточивается в руках Салавата Юлаева и Юлая Азналина. Помимо башкир под командованием Салавата Юлаева собралось много русских крестьян и работных людей с заводов. Армия Салавата была большой,

но ей не хватало единства взглядов и целей. Некоторые башкирские старшины начинают отходить от восстания и даже переходят на сторону правительства. 25 ноября 1774 года остатки отряда Салавата были настигнуты царскими войсками. В бою Салават и Юлай Азналин были захвачены в плен. Салавату и Юлаю Азналину назначили по 175 ударов кнутом, после чего 2 октября 1775 года их отправили на каторгу в Рогервик на побережье Финского залива [8, с.408].

Интерес к этнополитической истории в современной исторической науке не ослабевает. История России с ее многовековой традицией построения межнациональных отношений представляет собой колоссальную фактологическую базу для изучения этнополитических тенденций [9, с.189].

Можно с уверенностью говорить о том, что причины восстания С. Юлаева идентичны причинам более ранних башкирских восстаний. Несмотря на то, что интеграционный период русско-башкирских отношений завершился в середине XVIII в., коренное и пришлое население региона все еще сопротивлялось проникновению в край новых тенденций и явлений модернового характера. Строительство заводов, появление и расширение сети поселков и городов, укрепление административного контроля, усиление миграционных потоков – все эти факторы вызывали стойкую антипатию и провоцировали людей на необдуманные жестокие поступки. Восстания были направлены на конкретные проявления нового формата отношений и никоим образом не могли изменить сам сценарий централизованного управления Башкирским краем.

1. Чернова, Т. А. Русско-башкирские отношения XVI-XVIII вв. как индикатор цивилизационной трансформации Российской цивилизации / Т. А. Чернова // Актуальные вопросы гуманитарных, экономических и естественнонаучных дисциплин: теория и практика : Материалы Национальной (Всероссийской) научной конференции Института агроинженерии, Челябинск, 22–25 ноября 2022 года / Под редакцией Н.С. Низамутдиновой. – Челябинск: Южно-Уральский государственный аграрный университет, 2022. – С. 135-141.
2. Чернова, Т. А. К вопросу о формировании фискальной системы в Башкирии в середине XVI века / Т. А. Чернова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 30(321). – С. 18-23.
3. Азнабаев, Б. А. Возобновление Российского подданства башкир в 1722 году / Б. А. Азнабаев // Панорама Евразии. – 2014. – № 2(13). – С. 16-23.
4. Белоусов, С. С. Участие нижневолжских калмыков в событиях крестьянско-казацкого восстания Пугачева 1773-1775 гг. / С. С. Белоусов // Magna Adurgit: Historia Studiorum. – 2018. – № 2. – С. 35-45. – DOI 10.22162/2541-9749-2018-6-2-35-45.
5. Ляпин, Д. А. "В эпоху перемен: бунт, восстание и революция в XVII - начале XX В. В российской провинции": Всероссийская конференция к 100-летию революционных событий 1917 года / Д. А. Ляпин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 6. – С. 182-187.
6. Мауль, В. Я. Бунт или не бунт и другие вопросы изучения темы (размышления о народных движениях XVII-XVIII вв.) / В. Я. Мауль // Новое прошлое. – 2021. – № 2. – С. 180-189.
7. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773-1775 гг. [Текст] / Джон Т. Александер ; авториз. пер. с англ., вступ. ст. и примеч. И. Кучумова ; отв. ред. В. Мауль. – Уфа : Галиуллин Д. А., 2011. – 162, [1] с. : ил.; 21 см. – (Серия "Башкортостан в зарубежных исследованиях").
8. Гвоздикова, И.М. Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева / И. М. Гвоздикова; РАН. Уф. науч. центр. Ин-т истории, яз. и лит. – Уфа : Китап, 1999. – 509, [1] с.
10. Чернова, Т. А. Актуальные подходы и методы изучения этнополитической истории (на примере исследования русско-башкирских отношений) / Т. А. Чернова // Инновационные технологии для устойчивого развития агропромышленного комплекса и подготовки кадров : Материалы Международной научно-практической конференции Института агроинженерии, Института агроэкологии, Челябинск, Миасское, 22–23 ноября 2021 года / Под редакцией Н.С. Низамутдиновой. – Челябинск: Южно-Уральский государственный аграрный университет, 2021. – С. 189-195. – EDN PBVRIU.

Фокина О.С.**Религиозная жизнь Московского государства в XVI в.***Южно-Уральский государственный аграрный университет
(Россия, Троицк)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-236

Аннотация

Работа посвящена вопросам духовного развития Московского царства в XVI в. Автор приходит к выводу о примате светской власти над церковной. В XVI в. укрепляется внутренняя структура церкви, что является отражением централизации всего общегосударственного уклада. Важнейшим событием религиозной жизни конце века становится установление патриаршества.

Ключевые слова: Московское княжество, Московское царство, русская православная церковь, православие, патриарх, христианизация, народы Поволжья, татары, башкиры, Казань, евразийство, Великая степь, макросистема.

Abstract

The work is devoted to the spiritual development of the Moscow Kingdom in the XVI century. The author comes to the conclusion about the primacy of secular power over the church. In the XVI century, the internal structure of the church was strengthened, which is a reflection of the centralization of the entire national way of life. The most important event of religious life at the end of the century is the establishment of the patriarchate.

Keywords: Moscow Principality, Moscow Kingdom, Russian Orthodox Church, Orthodoxy, patriarch, Christianization, peoples of the Volga region, Tatars, Bashkirs, Kazan, Eurasianism, Great Steppe, macro system.

История Русской православной церкви, выстраивание отношений между государственным институтом и церковным, влияние религиозных вопросов на внутреннюю и внешнюю политику является одним из важнейших вопросов истории России, особенно в период цивилизационной трансформации. XVI век по праву можно назвать крупнейшей вехой в развитии таких макросистем, как Великая степь и Европа. Причем мы имеем ввиду безусловно – долгий XVI в. С падением Константинополя в 1453 г. перемещаются главные маршруты мировой торговли, европейское средиземноморье с центром в Венеции уступает в конкурентной борьбе европейским городам с организованными рынками-первыми товарными и фондовыми биржами мирового значения: Антверпену, Генуе, Амстердаму, начинается перерождение европейской мир-экономики в западоцентричную капиталистическую мир-систему [1].

Изменения в политической и социально-экономической сферах не могли не сказаться на духовности населения. Поэтому не удивительно, что формирование мир-системы обуславливается массированными кросс-культурными отношениями как на территории Евразии, так и за ее пределами. Естественно, что Церковь, как социальный институт, была и рупором и инструментом и актором происходящих тиктанических изменений.

История России с ее многовековой традицией построения межнациональных отношений представляет собой колоссальную фактологическую базу для изучения этнополитических тенденций [2, с. 189].

На 50–80-е гг. XVI в. приходится колоссальное расширение территории Московии за счет земель Урало-Поволжья и Сибири, что обусловило формирование особой цивилизации евразийского (смешанного) типа (русскоевразийской цивилизации), обладающей рядом отличительных черт [3, с. 13.]

Падение Константинополя и уничтожение Византии в 1453 г. привело к резким изменениям не только в геополитике, но и в сфере религиозно-политической идеологии.

Московское княжество, несмотря на вассальную зависимость от Орды, не признав легитимность Ферраро–Флорентийской унии, осталось единственным государством, сохранившим верность православию. А это в свою очередь, изменило взгляды на характер государственной власти по отношению к Церкви. Великий московский князь стал рассматриваться как преемник власти византийского императора и потому представлялся полноправным хозяином не только в делах политических, но и церковных. Эту точку зрения развивали сами представители Русской церкви, формулируя концепт «симфонии» светской и духовной власти [4]. Ещё при Иване III видный церковный деятель и писатель XV в. Иосиф Волоцкий писал, что Бог передал государю «милость и суд, и церковное и монастырское, и всего православного христианства всей Русской земли власть» [5, с. 16]. Иосиф Волоцкий видел идеал в объединении государства и народа в собор. Теоретические изыскания он подкрепляет практикой. Обращается с просьбой к Василию III принять его монастырь под великокняжескую (читай государственную) юрисдикцию. Удовлетворение данного прошения можно условно считать началом процесса политической централизации в государстве. Власть светская и духовная объединяются. [6]. Однако, при кажущейся очевидности идеи самодержавности, И.Волоцкий предполагал необходимость сопротивления народа нарушающему заповеди Господни несправедному царю-тирану [7;8]

Державность и примат светской власти над церковной все больше набирали обороты с укреплением власти великого князя, в том числе оказывая решающее влияние на выбор церковным Собором московских митрополитов.

Фактически митрополитом мог быть поставлен только приятный государю человек. Более того, если глава Церкви становился неуютен монарху, его свергали с митрополичьей кафедры. Одним из первых такая судьба постигла близкого к нестяжателям митрополита Варлаама. Он вступил в конфликт с великим князем, по-видимому, из-за того, что пытался защитить знатных людей, подвергнутых опале Василием III. Митрополита не только лишили сана, но и сослали в далёкий монастырь.

Однако нельзя сказать, что церковная власть в XVI веке утратила свой авторитет. Церковные иерархи оказывали огромное влияние на умы и духовное состояние как представителей власти, так и простого народа. Немаловажную роль играли они и в политической жизни Московского государства. Так, идею венчания на царство молодому Ивану IV, скорее всего, подсказал митрополит Макарий [9]. Вспомним, что и в Избранную раду, осуществившую ряд государственных преобразований, входили митрополит Макарий и духовник царя — протопоп Сильвестр

Некоторые представители Церкви выступали в роли защитников от произвола властей. Живёт в веках память о подвиге митрополита Филиппа, открыто обличавшего Ивана Грозного в несправедливости, жестокости и нарушении мирских и церковных законов. [10;11]. Даже царские угрозы и страх смерти не останавливали митрополита в попытках пресечь опричный разгул.

Дальнейшая централизация затронула и церковную организацию. В 1551 г. состоялось заседание поместного церковного Собор, решения которого были сведены в Стоглавый сборник. Его работой руководил митрополит Макарий. Непосредственное участие в организации Собора принял Иван Грозный.

Собор затронул многие церковные вопросы. Было установлено единообразие обрядов для всей Русской православной церкви. Собор предписал обязательное следование канонам в иконописи. На нём обсуждались проблемы церковного землевладения. Впредь приобретение земли и получение её в дар должны были производиться только с разрешения государя. Большое внимание Собор уделил нормам поведения духовенства. Иерархам предписывалось держать под контролем поведение рядовых священников. С помощью этих мер Церковь намеревалась поднять авторитет духовенства и свой престиж в общественной и государственной жизни [12].

Важнейшей вехой в истории Русской православной веры и Российского государства стало установление патриаршества в конце XVI в. В 1589 году глава Русской церкви принял титул Патриарха Московского и всея Руси. Первым патриархом стал московский митрополит Иов [13;14]. Титул патриарха считался более почётным, чем титул митрополита, и его обладателями были только главы древнейших православных церквей (Константинопольской, Иерусалимской и других). Признание за митрополитом всея Руси патриаршего титула было свидетельством возросшего авторитета и Русской церкви, и Русского государства.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что церковная жизнь Московского царства в XVI в. находилась под влиянием общегосударственных изменений, и с укреплением государства менялся внутренний уклад Церкви и ее статус. В конце века РПЦ приобретает высокий статус патриархии.

1. Американское серебро и образование мировых бирж [Электронный ресурс] Режим доступа: https://studopedia.ru/6_72463_bilet--amerikanskoe-serebro-i-obrazovanie-mirovih-birzh.html#:~:text=Период%201480-1620%20Бродель%20называл%20«долгий,мирового%20значения%3A%20Антверпене%2C%20Генуе%2C%20Амстердаме (дата обращения: 28.11.2023)
2. Чернова, Т. А. Актуальные подходы и методы изучения этнополитической истории (на примере исследования русско-башкирских отношений) / Т. А. Чернова // Инновационные технологии для устойчивого развития агропромышленного комплекса и подготовки кадров : Материалы Международной научно-практической конференции Института агроинженерии, Института агроэкологии, Челябинск, Миасское, 22–23 ноября 2021 года / Под редакцией Н.С. Низамудиновой. – Челябинск: Южно-Уральский государственный аграрный университет, 2021. – С. 189-195. – EDN PBVRIU.
3. Чернова, Т. А. К вопросу о теоретико-методологической основе исследования русско-башкирских отношений середины XVI - середины XVIII вв / Т. А. Чернова // Социосфера. – 2020. – № 1. – С. 13-16. – EDN PWLMGU
4. Кожаев, М. М. Философская доктрина самодержавной власти преподобного Иосифа Волоцкого / М. М. Кожаев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 3-12.
5. Платонов О. А. Государственный словарь святой Руси. – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2017. – 992 с.
6. Шараев, П. С. Преподобный Иосиф Волоцкий - борец за сильное государство / П. С. Шараев // Труды Томской духовной семинарии : сборник статей / Томская православная духовная семинария. Том 4. – Томск : Томская духовная семинария, 2019. – С. 160-167. – EDN FINOJN.
7. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века - М.: ИД «Территория будущего», 2006. –368 с.
8. Пенская, Т. М. Пределы царской власти в "просветителе" Иосифа Волоцкого / Т. М. Пенская // Евангелие в контексте современной культуры : Сборник научных статей X международной научно-практической конференции, Белгород, 20 мая 2022 года / Под редакцией Т.И. Липич, С.М. Дергалева, С.Н. Борисова. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. – С. 104-109.
9. Шапошник, В. В. Митрополит Макарий в период боярского правления (1542-1547 гг.) / В. В. Шапошник // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. – 2022. – № 11. – С. 174-193. – EDN DVPYFW.
11. Белов, Н. В. Особенности поминания митрополита Филиппа (колычёва) в XVI-XVII вв.: когда состоялась реабилитация опального святителя? / Н. В. Белов // История России, русской культуры и русской церкви в IX-XVIII столетиях : Материалы Всероссийской конференции памяти профессора В.А. Плугина, Москва, 01–30 апреля 2022 года / Сост. Д.И. Володихин. – Москва: "Снежный Ком М" (ИП Штепин Д.В.), 2022. – С. 26-37. – EDN NOCYMM.
12. Лобакова, И. А. Житие митрополита Филиппа и исторические сказания о святителе / И. А. Лобакова // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2021. – № 1(13). – С. 74-81. – DOI 10.47132/2618-9674_2021_1_74. – EDN TCZBLV.
13. Дылевский, М. В. Стоглавый собор: предпосылки, ход, значение / М. В. Дылевский // Новосибирский временник. – 2022. – № 1(5). – С. 21-35.
14. Богданов, А. П. Дискуссия об учреждении московской патриархии / А. П. Богданов // Novogardia. – 2019. – № 4. – С. 277-307. – DOI 10.25797/NG.2019.4.4.011.
15. Веретенников, М. Первый патриарх Иов и его время / М. Веретенников // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2018. – № 1(21). – С. 11-170. – DOI 10.24411/2224-5391-2018-10101.

Штейнфельд К.В.

Оценка историков о феномене «щегловитовской юстиции» и ее влиянии на развитие судопроизводства и всей судебной системы

*Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова
(Россия, Ишим)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-237

Аннотация

В статье приведена оценка современных исследователей, в вопросе о феномене «щегловитовской юстиции», связанного с деятельностью И.Г. Щегловитова на посту министра юстиции Российской империи в 1906-1915 гг. Во многом этому способствовала его реакционная политика в отношении представителей левых идей, намеренная угодливость политическим настроениям в правительстве. В историографии даже появилось выражение «щегловитовская юстиция», которое означает полное разрушение судебных устоев и справедливого правосудия в годы министерства Щегловитова.

Ключевые слова: И.Г. Щегловитов, судопроизводство, судебная система, «щегловитовщина», министр юстиции, 1906-1915 гг., З.В. Соломко, К.П. Краковский, М.В. Немытина, В.С. Павлов.

Abstract

The article presents the assessment of modern researchers on the issue of the phenomenon of "Shcheglovitovskaya justice" associated with the activities of I.G. Shcheglovitov as Minister of Justice of the Russian Empire in 1906-1915. In many ways, this was facilitated by his reactionary policy towards representatives of left-wing ideas, deliberate obsequiousness to political sentiments in the government. In historiography, the expression "Shcheglovitovskaya justice" even appeared, which means the complete destruction of judicial foundations and fair justice during the years of Shcheglovitov's ministry.

Keywords: I.G. Shcheglovitov, judicial proceedings, judicial system, "shcheglovitovshchina", Minister of Justice, 1906-1915, Z.V. Solomko, K.P. Krakovsky, M.V. Nemytina, V.S. Pavlov.

Иван Григорьевич Щегловитов – человек, превративший царское министерство юстиции в «министерство правового произвола». Занимая пост министра юстиции, Щегловитов систематически нарушал все принципы судебного устройства в угоду сохранения царского режима от натиска революционных идей. Отсюда и сформировалось общественное явление – «щегловитовщина», которое, должно стать нарицательным для любого рода нарушений в сфере судопроизводства и прокуратуры.

Объясняя данное явление, З. В. Соломко сообщает о произволе судебной бюрократии, чиновников и И.Г. Щегловитова в частности. Так, автором упоминаются следующие проявления «щегловитовщины»: применение пыток при допросах, назначение на должность лояльных к царскому режиму судей, фабрикация дел и улик, давление на свидетелей и думскую оппозицию, создание системы провокаторства и использование в качестве свидетелей представителей охранного отделения. Тем не менее автор делает вывод о том, что «щегловитовщина» не является продуктом деятельности министра юстиции И. Г. Щегловитова в субъективном смысле, а произошла закономерно и вытекает из самой сути существования капиталистического общества. Юстиция, по мнению исследователя, является инструментом господствующего в капитализме класса для борьбы с неудобными ему общественными элементами [Соломко, с. 33]. В данном случае деятельность Щегловитова не сыграла значительную роль в «разрушении» юстиции. Он следовал духу эпохи, правилам истории, которые требовали от него борьбы с попытками переустройства общества. По мнению автора, проявления «щегловитовщины», как особого феномена, возникшего на закате Российской империи, являются весомым аргументом против существования в период правления Николая II правового государства, приоритета законности и верховенства права [Соломко, с. 33].

Особенно следует рассмотреть работу министерства юстиции с точки зрения совершения им правового произвола, злоупотребления служебным положением чиновников и И.Г. Щегловитова в частности. Отметим, что российский суд при министерстве Щегловитова превратился в придаток царской администрации. Царизм своеобразно «мстил» своим обидчикам, пытавшимся каким-либо образом разрушить систему государственного устройства Российской империи, средствами карательной юстиции.

Начало XX в. для российских судебных органов, по мнению К. П. Краковского, прошло под знамёнами «щегловитовщины» [Краковский, 2014, с. 15]. Это явление выражалось в повсеместном нарушении министерством юстиции основных начал судебного производства, что по сути превратило его в аппарат для осуществления борьбы с инакомыслием и радикальными идеологическими течениями. «Щегловитовщина» наполнила правоохранительную систему правительственной угодливостью, судебным карьеризмом, а также репрессивным механизмом, очищавшим институты юстиции от либерально настроенных сотрудников.

Анализируя материалы ЧСК, а также иные архивные источники, К. П. Краковский показывает следующий портрет «щегловитовщины»:

- 1) Отстранение лично Щегловитовым «неблагонадёжных» судей и назначение на их должности представителей «правого крыла», что, конечно, идёт вразрез с принципом несменяемости судей. Теперь, чтобы продвинуться по службе, нужно было не усердно работать на благо справедливости и законности, а заявить о своих консервативных взглядах [Краковский, 2014, с. 43]. Министерством также была развёрнута масштабная кампания по недопущению «неблагонадёжных» судей в состав избирательных комиссий по выборам в Государственную Думу, что показывает идеологическую борьбу, проводимую средствами юстиции. Сам же Щегловитов активно покровительствовал чёрной сотне и требовал прекращения уголовных преследований к лицам, принадлежавшим к этой монархической организации;
- 2) Поощрение министерством следователей, осуществлявших расследование политических дел, и закрытие глаз на создание ими подлогов улики и отдельных материалов дела. При этом те следователи, которые слишком педантично следовали закону или случайно нападали на след преступной деятельности высших должностных лиц, подвергались давлению и последующему за ним увольнению [Краковский, 2014, с. 39-40];
- 3) Подготовка министерством большого количества документов о помиловании лиц, участвовавших в еврейских погромах, и полицейских, совершивших убийство или иные акты насилия во время исполнения своих обязанностей. Помилование по политическим делам происходило крайне редко и только по ходатайству высших должностных лиц [Краковский, 2014, с. 48];
- 4) Доведение кадровой системы российской юстиции до состояния правительственного угодничества, что приводило к возникновению судебного карьеризма, а также превращению судьи в простого чиновника, которым управляет администрация в своих интересах.

Таким образом, российский суд при министерстве Щегловитова превратился в послушное орудие царской администрации. Бюрократическое вмешательство царских чинов в деятельность суда стало, по мнению исследователя, предвестником судебной системы при СССР. Если в эпоху СССР КПСС являлась «партией суда», то на закате царизма подобным институтом стало министерство юстиции И. Г. Щегловитова, которое, с точки зрения К. П. Краковского, представляло собой филиал властного произвола и правового нигилизма.

Министерство юстиции с лета 1906 г. стало откровенно обслуживать политику и потеряло свою независимость, полностью отдавшись в руки высшей администрации. Суд в таком случае оказывался в подчинении высших должностных лиц, а главнейший принцип кадровой судебной политики о несменяемости судей становился пустым, декларативным

словом. Единственное значимое мероприятие министерства юстиции в рассматриваемый хронологический период – принятие закона о местном суде в 1912 г. Этот закон, по мысли М. В. Немытиной, смог обеспечить единство судебной системы, а также дать ряд гарантий в процессе судопроизводства в крестьянской среде [Немытина, 2014, с. 102]. Автор приходит к выводу, что начатые Александром II либеральные реформы в области судостроительства не смогли найти достойных последователей, что привело к невозможности поддержки либеральных программ судебного переустройства и построения правового государства к правлению Николая II [Немытина, 2014, с. 103]. Эти либеральные программы противоречили особенностям самодержавной власти, что закономерно ограничивалось властями.

В. С. Павлов также поддерживает негативные оценки деятельности И. Г. Щегловитова на посту министра юстиции. Исследователь определяет министерство этого периода как ангажированное, лишённое возможности справедливо выносить соответствующие решения, утопая в фальсификации угодных правительству уголовных процессов. Главнейшей функцией юстиции этого периода, по мнению В. С. Павлова, является репрессивная чистка негодных правительству кадров [Павлов, 2014, с. 109]. Автор обращает внимание на подавление И. Г. Щегловитовым политической воли сотрудников правоохранительных органов. Им был издан секретный циркуляр, запрещавший прокурорам каким-либо образом связываться с союдами и обществами, носившими политический характер [Павлов, 2020, с. 43]. Процветание военно-окружных судов, угодническая кадровая политика министерства юстиции, фактическое уничтожение независимости суда, произвол беззаконности – всё это, по мнению В. С. Павлова, является характерными чертами «щегловитовской юстиции», проявления которой для заката империи стали обыденным делом [Павлов, 2014, с. 109].

Таким образом, историки единогласно сходятся в том, что «щегловитовщина» сыграла решающую роль в разрушении отечественного суда и, как следствие, привела к последующим революционным потрясениям. Тем не менее историками разрабатываются новые подходы при изучении данного феномена, что выражается в связывании «щегловитовщины» с социально-экономическими, идеологическими и субъективно-историческими предпосылками.

1. Звягинцев А. Г. Жизнь и деяния видных российских юристов. Взлёты и падения - М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008 – 384 с.
2. Краковский К. П. Суд и администрация в России в начале XX в. (о «независимости» суда на политических процессах) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 4. – С. 78-83
3. Немытина М. В. Самодержавие и судебные преобразования второй половины XIX - начала XX века в России // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9. – С. 85-103.
4. Павлов В. С. История прокуратуры России: 1722-1917 гг // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 1(46). – С. 37-44.
5. Павлов В. С. Судебная реформа 1864 г. и реорганизация российской прокуратуры // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2014. – Т. 5. – № 5(17). – С. 106-112.
6. Соломко З. В. "Щегловитовщина" как эпифеномен российского периферийного капитализма // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 8. – С. 20-33.

РАЗДЕЛ X. ТУРИЗМ

Завьялова Д. Д.

Гастрономические бренды Европейского Севера

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-238

Аннотация

В статье рассматриваются гастрономические бренды Европейского Севера России. Проанализированы традиционные продукты региона, которые являются основой национальных кухонь. Автор подчеркивает, что данные аспекты являются базой для создания гастрономических брендов, что в свою очередь позволяет разрабатывать гастрономические маршруты и тем самым привлекать большое количество туристов.

Ключевые слова: гастрономия, гастрономический туризм, национальная кухня, туристы, регион, европейский север, гастрономические бренды.

Abstract

The article discusses the gastronomic brands of the European North of Russia. The traditional products of the region, which are the basis of national cuisines, are analyzed. The author emphasizes that these aspects are the basis for the creation of gastronomic brands, which in turn allows you to develop gastronomic routes and thereby attract a large number of tourists.

Keywords: gastronomy, gastronomic tourism, national cuisine, tourists, region, European north, gastronomic brands.

Национальная кухня и гастрономические бренды имеют большое значение для развития туризма. Вкусная еда и уникальные блюда являются одним из главных аспектов путешествий и могут привлечь туристов со всего мира.

Существует несколько способов классификации гастрономических брендов в зависимости от различных факторов:

- по типу продуктов: гастрономические бренды можно классифицировать на основе типа продуктов, которые они производят и продают (это могут быть бренды, специализирующиеся на производстве конфет, вина, сыра, мяса и т. д.);
- по кулинарным традициям: гастрономические бренды можно классифицировать на основе кулинарных традиций, которые они представляют (это могут быть бренды, которые специализируются на итальянской, узбекской, японской, китайской или других кухнях, а также это могут быть бренды, которые имеют собственные рестораны, кафе, кофейни, булочные и т. д.); [1,2].
- по целевой аудитории: гастрономические бренды можно классифицировать на основе целевой аудитории, на которую они нацелены (например, бренды, ориентированные на людей с определенным доходом, на любителей здоровой пищи, на вегетарианцев, сыроедов и т. д.).

Европейский Север России – своеобразная область расселения ряда различных народов. Он включает в себя обширные пространства – от Кольского полуострова и Карелии на западе, до Северного Урала – на востоке. Эту территорию покрывают таежные леса или (на северо-востоке) тундра. Здесь много озер (крупнейшие – Ладожское и Онежское) и полноводных рек: Северная Двина, Печора, Онега и др.

В силу исторических и экономических условий Европейский Север сформировался как единая историко-культурная зона. Издавна расселились на Севере русские, саамы, ненцы, карелы, вепсы и коми. Самые многочисленные из народов Европейского Севера – русские. Их формирование здесь представляет собой длительный исторический процесс, охвативший время с XII по XVII вв. Принимая участие в общем историческом процессе сложения и консолидации русского народа, русские северяне, в том числе вологодских земель, стали носителями народной северной культуры (рисунок 1).



Рисунок 1. Европейский Север России [3]

Регионы Европейского Севера России обладают уникальной культурой и богатой историей, которые могут быть использованы для создания гастрономического бренда. В этом регионе есть многочисленные традиционные блюда, ингредиенты и способы приготовления, которые могут заинтересовать туристов и любителей кулинарии.

Важными ингредиентами, характерными для Европейского Севера России, являются северные ягоды, грибы, рыба, мясо оленя, морские деликатесы и молочные продукты. Эти ингредиенты могут быть использованы для создания различных блюд, которые будут интересны как местным жителям, так и туристам. Некоторые из традиционных блюд региона включают в себя карельские пироги, сало, жареные грибы, северные рыбные блюда, карельский хлеб, печеные овощи и пироги с ягодами. Многие из этих блюд уже известны за пределами России и могут служить основой для создания гастрономического бренда. Кроме того, регионы Европейского Севера России также известны своими традиционными методами консервирования и переработки продуктов, такими как копчение, сушка и соление. Эти методы могут использоваться для создания уникальных вкусов и текстур, которые привлекут внимание любителей кулинарии.

Традиционные методы приготовления пищи и уникальные рецепты, передаваемые из поколения в поколение, могут быть основой для разработки аутентичных и привлекательных блюд. Это может создать уникальность гастрономического бренда Ненецкого автономного округа и привлечь интерес со стороны туристов и инвесторов.

На данный момент регионы Европейского Севера России развивают свои гастрономические бренды в нескольких направлениях:

- организация гастрономических фестивалей;
- создание местных гастрономических маршрутов;
- использование социальных сетей для продвижения гастрономических брендов региона;

– участие в кулинарных выставках и мероприятиях.

У каждого региона Европейского Севера разработаны свои гастрономические карты, которые включены в гастрономический атлас России, где указаны места, с которых лучше всего начать знакомство с национальной кухней и гастрономическими брендами региона. На сайте Туристско-информационных центров можно ознакомиться с датами проведения фестивалей и наличием гастрономических туров (рисунок 2).



Рисунок 2. Гастрономическая карта. [3]

Еще одним немаловажным направлением продвижения для Европейского Севера России является создание гастрономических туристских маршрутов, в котором регионы имеют свои успехи так, как гастрономические маршруты в этих регионах пользуются популярностью среди любителей самобытной культуры, этноса и вкусной необычной кухни.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что регионы Европейского Севера успешно продвигают свои гастрономические бренды во всех направлениях продвижения, об этом говорит популярность фестивалей в регионах, на которые приезжают тысячи туристов со всей России, участие в федеральном проекте «Гастрономическая Карта России». Немаловажным успехом в продвижении гастрономических брендов является популярность гастрономических турмаршрутов. Также о популярности гастрономической составляющей в регионах Европейского Севера России говорит, список участников, в котором включены Архангельская область, Мурманская область и Республика Карелия и Ненецкий АО [3]. Развитие социальных сетей регионов так же говорит об амбициях Европейского Севера в популяризации регионов и гастрономических брендов с целью сохранения культуры и национальной кухни, увеличения туристского потока и поддержания местных производителей гастрономических брендов регионов.

Также можно отметить, что некоторые регионы уже добились большой популярности среди туристов со всей России благодаря своим активным действиям в политике продвижения гастрономических брендов в регионе. Такими регионами являются Архангельская, Вологодская и Мурманская области, а также Республика Карелия. Все это связано не только с богатой культурой, историей, природными памятниками и гастрономическим изысками, но и с грамотной стратегией продвижения бренда, ведением социальных сетей, участием в федеральных, гастрономических фестивалях, о чем говорит высокий туристский поток в регионы с целью ознакомления с гастрономическими традициями и кухней регионов.

Меньше всего гастрономический бренд развит в Ненецком АО, связано это с тем, что кулинарные традиции сохранились в деревнях, сильно отдаленных от столицы округа, что и затрудняет популяризацию региона. Но при этом округ набирает обороты в развитии сферы гастрономии, принимая участие в федеральных гастрономических фестивалях.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на все перспективы гастрономических брендов есть и проблемы, которые связаны в основном с географическим положением, логистикой, климатом и высокой конкуренцией между регионами. Но при всех проблемах гастрономические бренды Европейского Севера имеют большой спрос среди жителей с разных уголков России, что доказывает уникальность, качество, самобытность и популярность гастрономических брендов этих регионов.

1. Завьялова Д.Д., Сотова Л.В., Гиринова А.А. Роль японской кухни в развитии международного гастрономического туризма [Текст] // Экономические исследования и разработки. 2022. №1. С. 19–23.
2. Завьялова Д.Д., Сотова Л.В. Туристские продукты Самарканда [Текст] // В сборнике: Туризм и национальные проекты Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции. Сочи. 2022. С. 560–565.
3. Сотова Л.В., Кусерова А.И., Сарайкина С.В. Финно-угорские республики России: региональный аспект [Монография]. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 104 с.

Красильникова Н.В., Кемешева М.В.

Инновационные технологии в современных музеях

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2023-239

Аннотация

В статье рассматривается роль и значение применения современных инновационных подходов и технологий в деятельности современных музеев. Внедрение инноваций в работе музеев, технологии ведения экскурсий, подаче выставочного фонда, введение цифровых интерактивных технологий – продиктовано новыми требованиями, предъявляемые к мировым и российским музеям. Авторами были предложены некоторые инновационные технологии в минералогическом музее Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева не только для проведения занятий со студентами, но и для гостей города Саранска и республики.

Ключевые слова: музей, экскурсия, музейная деятельность, инновация, инновационные технологии, инновационные подходы, минералогический музей.

Abstract

The article examines the role and importance of the application of modern innovative approaches and technologies in the activities of modern museums. The introduction of innovations in the work of museums, the technology of conducting excursions, the presentation of the exhibition fund, the introduction of digital interactive technologies are dictated by new requirements imposed on world and Russian museums. The authors proposed some innovative technologies in the mineralogical museum of the N. P. Ogarev Mordovian State University not only for conducting classes with students, but also for guests of the city of Saransk and the republic.

Keywords: museum, excursion, museum activity, innovation, innovative technologies, innovative approaches, mineralogical museum.

Инновационные технологии все больше проникают не только в деловую сферу, но и в культурное пространство. Музеи больше не хотят быть скучными объектами показа. Использование инноваций в деятельности музеев, способствуют появлению новых возможностей в ее реализации.

В наше время представление о музее очень сильно изменилось, благодаря различным современным технологиям и спросу на инновации в музейной сфере, которые регулярно внедряются в их деятельность [1].

Современные музеи стараются идти в ногу с прогрессом. Модный тренд – совмещать искусство с аттракцией – долго вызывал критические отзывы работников музеев всего мира. Увеличение потребностей во все большем количестве технологий и передовых решений, связанного с искусственным интеллектом, также начинает использоваться в музеях с различными целями. Данные инновации способствуют ускорению работы сотрудников, увеличению количества обслуживающих посетителей и предоставлению все большего количества информации для научной работы. Мультимедийные технологии, которые еще несколько лет назад использовались в качестве опытного образца и проходили обкатку лишь на временных выставках, сегодня все больше внедряются в постоянные экспозиции.

Изучив деятельность музеев мира, можно с уверенностью сказать, что все они стремятся внести в свою работу современные инновационные технологии, где такие предметы как интерактивный стол, электронные этикетки и электронные книги стали достаточно обыденными. Таким образом, увеличение количества посетителей в музеях осуществляется за счет внедрения все более нетрадиционных и инновационных технологий, форм и методов работы музейных сотрудников и ведения экскурсий [4].

MuseumTech – на сегодняшний день, является новым направлением в развитии музейного дела. Он подразумевает внедрение цифровых технологий в выставочных залах и галереях. Смело можно утверждать, что мировая и Российская музейная индустрия демонстрирует значительный рост используемых инновационных технологий, за счет расширения цифровых возможностей.

Digital-технологии помогают музеям с точностью воссоздать контекст любой эпохи и любого региона. Не смотря на то, что MuseumTech на сегодняшний день только набирает обороты, организаторы выставок уже внедряют новые разработки, с помощью которых можно погрузиться в прошлое и «увидеть настоящее».

Основой исследования послужил Минералогический музей института геоинформационных технологий и географии, как из немногочисленных внутривузовских музеев естественнонаучной тематики, который публично представляет разнообразные тематические коллекции образцов минералов, горных пород и руд для осуществления учебной, научной и образовательно-просветительской деятельности. В Минералогическом музее МГУ им. Н. П. Огарёва насчитывается более 4000 музейных предметов, в том числе 2647 образцов официально зарегистрированных. В экспозиции – 3000 экспонатов. Научно-вспомогательный фонд составляет более 1000 наименований. Учебные коллекции для студентов, изучающих геологические дисциплины, насчитывают около 800 образцов [2].

Сегодня музей находится в условиях рыночной конкуренции, а музейный продукт – в сфере экономикических услуг. Сотрудниками и преподавателями внедряются новые подходы к пониманию сущности музея и его предназначения. Его основой является как музейный предмет с его свойствами и функциями, так и вовлеченные в сферу деятельности музея экскурсанты и учащиеся. Это познавательный центр, где обучающиеся могут сами ставить эксперименты и увидеть не только результат, но и сам процесс. Посетитель становится участником или руководителем процесса. Он не только знакомится с каким-то готовым и совершенным во всех отношениях продуктом, как в классических музеях, но и моделирует различные природные явления, используя современные инновационные технологии [3].

Для того чтобы сделать музей более современным и технологичным, было предложено дополнить его сенсорными интерактивными панелями, которые смогут заменить традиционные карты и графики. Данные нововведения позволят наполнить ее интерактивными картами Мордовии, динамичными трехмерными изображениями геохронологической таблицы, геологическими разрезами, профилями и т. п. При работе с такой панелью можно погрузиться в разное геологическое время и увидеть те процессы, которые позволили сформироваться современному рельефу, и образованию полезных ископаемых, что позволит увеличить количество посетителей и повысить интерес не только у обучающихся ВУЗов, но и гостей города и республики (рисунок 1).



Рисунок 1. Сенсорные интерактивные панели.

Резюмируя, можно сказать, что минералогический музей МГУ им. Н.П. Огарёва – один из немногочисленных внутривузовских музеев естественнонаучной тематики, который публично представляет разнообразные коллекции образцов минералов, горных пород и руд для осуществления учебной, научной и образовательно-просветительской деятельности. Однако, поддерживать интерес к данному культурному объекту необходимо с позиции внедрения новых инновационных технологий, что подтверждает необходимость в существенном обновлении.

1. Зайцева Л.А. Дворянские усадьбы как потенциал культурно-познавательного туризма Нижегородской области / Л.А. Зайцева // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса, 2022. – Т. 8.– № 4.– С. 3–14.
2. Минералогический музей имени Жильцовых : сайт. Текст электронный URL: <https://mrsu.ru/ru/university/faculty-dep/mineralogicheskiiy-muzey-imeni-zhilcovykh/> (дата обращения 08.11.2023).
3. Красильникова Н.В. Учебная практика студентов направления подготовки «Туризм» как основа формирования универсальных и профессиональных компетенций / Н.В. Красильникова, А.И. Кусерова, С.В. Сарайкина // Тенденции развития науки и образования, 2022. – Ч. 2. №91. – С. 165–169.
4. Сотова Л. В. Феномен Лувра как туристского объекта мира: современные тенденции / А.И. Кусерова, С.В. Сарайкина, Л.В. Сотова //Сервис в России и за рубежом, 2021.– Т. 15. № 1 (93). – С. 36–46.



LJournal

Научно-издательский центр

Рецензируемый научный журнал

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№104, Декабрь 2023**

Часть 4

Подписано в печать 25.12.2023. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.12,66
Отпечатано в типографии Научный центр «LJournal»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович